

Петрозаводск

Petrozavodsk

МАТЕРИАЛЫ

Пятого молодежного экономического форума

**Международная
Экономическая
Интеграция**

MATERIALS

5th Youth Economic Forum

**International
Economic
Integration**

14-15 НОЯБРЯ
NOVEMBER
ПЕТРОЗАВОДСК
PETROZAVODSK 2013

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономики Карельского научного центра
Российской академии наук
Совет молодых ученых ИЭ КарНЦ РАН

Международная экономическая интеграция

Материалы Пятого Молодежного
экономического форума
14–15 ноября 2013 г.

Петрозаводск
2013

УДК 339.97(063)
ББК 65.5
М 43

Международная экономическая интеграция: Материалы V Молодежного экономического форума, 14–15 ноября 2013 года, г. Петрозаводск. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2013. 204 с.

М 43 В сборнике представлены материалы V Молодежного экономического форума «Международная экономическая интеграция», проведенного Институтом экономики Карельского научного центра РАН 14–15 ноября 2013 г. Тематика представленных статей связана с различными аспектами международной экономической интеграции.

ISBN 978-5-9274-0624-1

Редакционная коллегия:

к.э.н. Е.В. Жирнель
к.э.н. Н.Г. Колесников
к.э.н. Е.А. Михель
к.э.н. М.В. Морошкина
к.э.н. А.А. Шишкин
к.э.н. Е.А. Прокопьев
к.э.н. И.В. Тимаков
к.э.н. С.В. Тишков
А.В. Васильева

*Исследование осуществлено при финансовой поддержке программы целевых расходов Президиума РАН
«Поддержка молодых ученых»*

УДК 339.97(063)
ББК 65.5

ISBN 978-5-9274-0624-1

© Институт экономики КарНЦ РАН, 2013
© Коллектив авторов, 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

Молодежный экономический форум становится «брендовым» мероприятием для Республики Карелии	5
Youth Economic Forum has turned into a Republic of Karelia «brand» event	6
<i>Котов А.В.</i> Дистанция информационного размера: теория близости и веб-аналитика в объяснении характера межрегиональных связей в России (на примере групп «северных» и «несеверных» регионов)	7
<i>Markku Sippola</i> Nordic management styles in the post-Soviet context	14
<i>Hanna Alila, Irina Leppioja</i> Regional development and cross-border cooperation in practice	28
Секция 1. «Международная интеграция и экономический рост»	33
<i>Белов Г.Л.</i> Международная экономическая интеграция как механизм развития экспорта туристских услуг	33
<i>Ильин Д.С.</i> ВТО и Россия – что дальше?	38
<i>Кучиц И.О.</i> Влияние мирового финансово-экономического кризиса на функционирование трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики России	42
<i>Морозов А.А.</i> КСО как зона взаимодействия между бизнесом и обществом	49
<i>Морошкина М.В.</i> Межрегиональная интеграция как фактор конкурентного преимущества территории	52
<i>Рендак П.Ю.</i> Фонды национального благосостояния как фактор усиления финансово-экономической взаимозависимости стран в условиях глобализации	58
<i>Савицкий А.А.</i> Плюсы и минусы вступления России в ВТО в зеркале общественной дискуссии	63
<i>Терещенко Д. С.</i> Экономический рост стран транзитивного типа: анализ с позиций институционального подхода	68
Секция 2. «Социально-экономическое развитие и конкурентоспособность приграничных регионов»	76
<i>Биктимирова Е.Д.</i> Влияние мобильности туристов на трансформацию социально-экономического пространства региона (на примере Республики Карелия)	76
<i>Васильева А.В.</i> Влияние реализации международных проектов по развитию тризма на туристско-рекреационную систему приграничного региона (на примере Республики Карелия)	82
<i>Кондратович Д.Л., Ульченко М.В.</i> Развитие социального потенциала Мурманской области как фактора конкурентоспособности региона в международном пространстве	88
<i>Кулагин О.И.</i> Проблемы трансформации институтов советской лесной экономики в условиях диффузии западных образцов модернизации (на примере лесной промышленности Карелии 1990-х гг.)	93
<i>Тишков С.В.</i> Инновационный потенциал и трансграничное сотрудничество северного приграничного региона (на примере Республики Карелия)	98
Секция 3. «Проблемы демографии и рынков труда в развитии интеграционных процессов»	103
<i>Кузнецова Е.С.</i> Влияние процессов миграции на развитие республики Карелия в прошлом и настоящем	103
<i>Мазаева К.А., Сигова С.В.</i> Престиж рабочих профессий и их востребованность на рынке труда	107
<i>Михель Е.А.</i> Влияние реализации национальных проектов на демографическое развитие регионов Северо-западного Федерального округа	111
<i>Никитина М.С.</i> Мониторинг и эконометрический анализ мнений респондентов Волгоградского региона о влиянии миграционных потоков на социально-управленческую ситуацию	119
<i>Паневчик Г.А.</i> Транспортные проблемы в современных городах: социальный аспект	125
<i>Тимаков И.В.</i> Жилищная проблема как миграционный фактор	127
<i>Федорова Е.А., Серова Л.М.</i> Трудоустройство молодых специалистов в контексте интеграционных процессов на рынке труда	132
Секция 4. «Социальные, культурные и правовые аспекты международной интеграции»	138
<i>Кузнецова А.Ю.</i> Сотрудничество финно-угорской молодёжи России и Европы. Опыт Сыктывкарского университета	138
<i>Мелоева Е.В.</i> Проблемы сельской школы и интеграция как путь их решения	141
<i>Токсубаева А.С.</i> Участие ВУЗов России в формировании общеевропейского пространства высшего образования	145

Секция 5. «Интеграция в целях устойчивого развития и перехода к «зеленой экономике»	148
<i>Заводовский П.Г.</i> Выращивание шампиньонов в сельском хозяйстве Республике Карелия при переходе к «зеленой экономике»	148
<i>Соколова А.К.</i> Особенности современного развития возобновляемой энергетики в ЕС	149
<i>Степанчук К.В.</i> Перспективы развития в России «зеленой» экономики на примере мониторинга выполнения федеральной целевой программы по сохранению и восстановлению плодородия почв и агроландшафтов	153
Секция 6. «Конкурентоспособность бизнеса в условиях интеграции»	158
<i>Артамонов В.О.</i> Система стимулирования труда работников рыболовных предприятий	158
<i>Загидуллин Р.В.</i> Проблемы и направления развития инновационного предпринимательства в Республике Карелия	164
<i>Ноговицына О.С., Токарева П.В., Лункашу В.И.</i> Проблемы и перспективы развития инфраструктуры малого и среднего предпринимательства в муниципальном образовании	170
<i>Ошутинский М.П., Кирьянен А.П.</i> Проблема выхода судостроительного предприятия на рынок северной Европы (на примере верфи деревянного судостроения «Варяг»)	172
<i>Прокотьев Е.А., Дружинин П.В.</i> Возможности формирования трансграничных кластеров в России	177
<i>Кондратюк Е.А., Реброва И.Н.</i> Оценка конкурентоспособности предприятий розничной торговли на рынке г. Петрозаводска	182
<i>Терещенко Д.С., Мордвинцев М.А., Реут О.Ч.</i> Институты инновационного предпринимательства: исследовательский подход к изучению кластеризации	184
Секция 7. «Интеграция регионов в целях развития национальной экономики»	191
<i>Викторова О.М.</i> Роль межрегиональной интеграции в социально-экономическом развитии регионов России	191
<i>Мурадян А.М.</i> Региональные диспаритеты в Армении с момента обретения независимости	196
<i>Терехин П.А.</i> Экономические драйверы формирования региональных систем здравоохранения в Российской Федерации	199

Молодежный экономический форум становится «брендовым» мероприятием для Республики Карелия

История Молодежного экономического форума (МЭФ) в г. Петрозаводске уже насчитывает 5 лет, начиная с 2008 года. О его значимости и повышении известности не только в Карелии, но уже и далеко за ее пределами говорит постоянный рост внимания к нему, рост количества и географии участников, растущая поддержка мероприятия со стороны Правительства Республики Карелия. Если в первом форуме в 2008 году в нем приняли участие 150 человек из Карелии и Мурманской области, то в последнем – пятом МЭФ в 2013 году участвовало уже 220 человек из 9 стран и 12 российских регионов. В 2013 году МЭФ приобрел международный статус (причем не по инициативе его организаторов, а в соответствии с предложениями Центра социально-консервативной политики).

За пятилетнюю историю работы форума молодые ученые, аспиранты, молодые предприниматели, студенты и школьники сделали более 300 докладов, в которых представили результаты своих исследований по вопросам инновационного развития (2008), экономики российских регионов (2009), конкурентоспособности российской экономики (2011), стратегии развития российских регионов (2012), международной экономической интеграции (2013).

Основная идея МЭФ заключается в организации дискуссионной площадки для обсуждения теоретических и практических механизмов развития регионов, муниципальных образований, отраслей и секторов экономики в глобальном экономическом пространстве. Уникальной чертой форума, которая отличает его от множества похожих мероприятий, проводимых в разных регионах России, обеспечивающая его привлекательность, является его междисциплинарность и широкий спектр интересов участников, одновременно с четко сфокусированной (и каждый год новой) тематикой и использованием разных форматов работы, которые интересны для молодежи и создают особую творческую атмосферу. На площадках Форума участники могут обмениваться результатами своих исследований, практическим опытом по решению задач социально-экономического развития регионов, знакомиться с лучшими мировыми и региональными практиками в своей профессиональной деятельности, предлагать и получать отзывы.

Важно отметить также и то, что МЭФ в своем нынешнем виде для многих постоянных участников форума (число которых каждый год растет) становится тем социальным и профессиональным лифтом, который помогает им в формировании и выстраивании своей профессиональной карьеры. Есть целый ряд постоянных участников форума, которые впервые пришли на него в качестве школьников и студентов, а сегодня уже являются достаточно известными специалистами в своей сфере деятельности.

В 2013 году открылась новая страница истории МЭФ как международного молодежного мероприятия. Наряду с Организационным комитетом форума был сформирован Попечительский совет, который возглавил Глава Республики Карелия А.П. Худилайнен, а в его состав вошли известные ученые, специалисты и эксперты – координатор Центра социально-консервативной политики Е.Ю. Шувалов, торговый представитель России в Финляндии В.А. Шлямин, советник Президента РФ, академик РАН С.Ю. Глазьев, председатель КарНЦ РАН член-корр. РАН А.Ф. Титов, ректор ПетрГУ А.В. Воронин и директор Карельского филиала РАНХиГС Р.Р. Пивненко. Целый ряд организаций выступили партнерами форума. Безусловно, новый этап развития МЭФ как масштабного международного молодежного мероприятия вовлечет в свою орбиту не только новых участников из стран ближнего и дальнего зарубежья, но и позволит укрепить имидж самого форума как «брендового» мероприятия Республики Карелия, так и республики как региона, обладающего значительным научно-образовательным, инновационным и кадровым потенциалом.

Директор Института экономики КарНЦ РАН
д.э.н. Ю.В. Савельев

Youth Economic Forum has turned into a Republic of Karelia «brand» event

The Youth Economic Forum (YEF) in Petrozavodsk has already 5 years of history, since 2008. The constantly growing number and geography of the participants, support to the event from the Government of the Republic of Karelia are indicators of its importance and increasing popularity not only in the Republic of Karelia, but also far beyond its borders. Only 150 participants from the Republic of Karelia and the Murmansk Region took part in the first forum in 2008. The fifth YEF in 2013 was attended by 220 people from 9 countries and 12 Russian regions. In 2013, YEF gained an international status (and it was in fact not the organizers' initiative, but a motion by the Centre for Social-Conservative Policy).

Over the five-year history of the forum young scientists, PhD students, young entrepreneurs, students and schoolchildren presented more than 300 papers reporting the results of their research on innovation development (2008), the economy of Russian regions (2009), the competitive capacity of the Russian economy (2011), the strategy of regional development in Russian (2012), international economic integration (2013).

The mission of YEF is to set up a platform for discussions on theoretical and practical mechanisms for the development of regions, municipalities, industries and sectors of the economy in the global economic space. A unique feature of the forum, which distinguishes it from many similar events held in different regions of Russia and building up its appeal, is its interdisciplinary nature and the widely ranging interests of the participants, along with well-focused (and different each year) thematic area, as well as the use of various work formats, which are interesting for young people and create a special creative atmosphere. During the Forum the participants can share the results of their research, practical experience of dealing with issues of the socio-economic development of regions, familiarize themselves with the best international and regional practices in their professional sphere, give and get feedback.

It is noteworthy that for many regular forum participants (and their number is constantly growing) YEF has turned into the social and professional 'lift' that helps them shape and build up their professional careers. Some of the participants first came to the forum as pupils and students, and have by now become quite well-known experts in their field.

In 2013 YEF turned a new page in its history, becoming an international youth event. In addition to the Organizing Committee, the Board of Trustees was established, chaired by the Head of the Republic of Karelia A.P. Hudilainen and including well-known scientists, specialists and experts – coordinator of the Center for Social-Conservative Policy E.Yu. Shuvalov, Russian Trade Representative in Finland V.A. Shlyamin, Advisor of the President of the Russian Federation, Academician S.Yu. Glazyev, President of the Karelian Research Centre of RAS, Corresponding Academician A.F. Titov, Rector of the Petrozavodsk State University A.V. Voronin and Director of the Karelian Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration R.R. Pivnenko. Quite a number of organizations have become the forum partners. Naturally, the new stage in YEF development as a major international youth event will draw in not only new participants from countries near and far abroad, but will also enhance the image of the forum as a Republic of Karelia "brand" event with a massive scientific, educational, innovative and human resource potential.

*Yuri Saveliev, DSc
Director of the Institute of Economics,
Karelian Research Centre of RAS*

Дистанция информационного размера: теория близости и веб-аналитика в объяснении характера межрегиональных связей в России (на примере групп «северных» и «несеверных» регионов)

к.э.н. Котов А.В.

*Совет по изучению производительных сил
г. Москва*

Межрегиональная экономическая интеграция понимается в основном как явление, основанное на повышении производительности производства от кооперации связей субъектов экономики, расположенных по принципу территориального соседства. Именно в такой традиции в нашей стране выполнялись работы по межрегиональной интеграции различных масштабов: от внутрирегионального до интеграции между экономиками федеральных округов.

Задача данной статьи заключается в том, чтобы представить и обосновать с помощью методов вебометрики возможность изучения межрегиональных связей с помощью теории близости, укореняя её на российскую почву через привлечение данных интернет-запросов. В данной работе мы сосредоточимся исключительно на сравнительном анализе географической и информационной близости между регионами.

В последнее время в региональной экономике появилось значительное число сюжетов, которые зовут к корректировке представлений о межрегиональной экономической интеграции, обогащению её новыми факторами. Прежде всего, к числу таких сюжетов относятся разработки тематики творческих кластеров, действия нерыночных внешних факторов (главным образом, знания и информация), возрастание роли высококвалифицированных специалистов как творческих, наиболее ценных акторов региональной экономики [6].

Стремясь развить представления о факторах межрегиональной интеграции, мы отмечаем важность для современного регионального сотрудничества характеристик человеческого капитала, взаимного рыночного потенциала, социальной укорененности бизнеса, перетоков знания.

По материалам многих исследований известно, что вышеперечисленные факторы являются значимыми для увеличения конкурентоспособности региона и расширения связей с другими. Хотя при этом с усилением межрегиональной интеграции вырастает и поляризованность таких процессов в экономическом пространстве. Мы считаем, что эти оба процесса находятся в динамическом, коллективном равновесии, поддерживая друг друга и преследуют главную цель – способствовать закреплению территориальной деятельности, способной адаптироваться к быстрым изменениям, к последовательному возникновению инноваций.

Создание условий для межрегиональной интеграции заставляет более пристально изучать фундаментальную роль городов и городских центров, мощные стимулы развития регионов вслед за Ричардом Флоридой [5] и Джейн Джейкобс [1]. Их подходы подчеркивают роль, которую талант и творческий класс в развитии и повышении производительности в региональной экономике.

Для целей данной работы важнее то обстоятельство, что помещение в центр региональной экономики креативного класса как главного генератора инноваций запустило переосмысление механизмов межрегиональной интеграции [6]. Креативный класс изменяет социальное пространство регионов, поэтому к традиционной роли близости географического положения добавляется социальная близость. Она отражает интерес к взаимодействиям творческих и квалифицированных личностей разных регионов. Как носители идей, они определяют форму будущих инноваций, их организационное и институциональное оформление. Это приводит к включению в состав факторов межрегиональной интеграции таких переменных как институциональная и организационная близость. Сейчас крайне необходима идентификация различных типов взаимодействий между регионами – по террито-

риальному, организационному, институциональному и др. признакам – для того чтобы выделить лучшие практики и образцы сотрудничества.

Поиск различных факторов, влияющих на межрегиональную интеграцию стал приводить к оформлению различных теоретических направлений, среди которых особо следует выделить французскую теорию близости [4, 7–9]. Сейчас уже есть первые отечественные работы, которые подробно разобрали ключевые работы наиболее ярких представителей этой школы [3]. В данной работе мы лишь отметим, что понятие «близости» в этой школе мощным образом ориентировано на объяснение причин развития инноваций. С этих позиций физическая (территориальная близость) рассматривается как необходимое условие для трансфера технологий, требующих «молчаливых» взаимодействий. Географическая близость имеет значимый недостаток: существуют ограничения, связанные с трансфером неявных знаний. Другой вид близости – временная воспринимается как синхронный характер создания и использования активов между субъектами экономики. Близость институциональная между регионами облегчает контакты поставщиков, производителей и покупателей.

В основе формирования различных типов близости лежит выращивание производственных, организационных, социальных сетей, которые образуют «ткань» для взаимодействия между фирмами. Отсюда высокая роль доверия и надежность связей между агентами экономики, социально-культурная близость.

Единственным примером использования понятия «информационная близость», известным нам в отечественной региональной науке, является конструирование и анализ сетей городов Алтайского края, определенных на основе новостных интернет-систем в результате сопоставления частоты упоминания города с другими конкретными городами в работе [2]. Анализ интенсивности информационных связей (в терминах теории близости – информационной близости) позволил выявить формирующуюся внутри региона сеть городов и оценить значимость краевых городов как информационных партнеров различного ранга.

Географическая близость «лицом к лицу» помогает регионам быть взаимодополняющими в экономических обстоятельствах. Совместное расположение объясняет их стратегические ориентиры развития. Для межрегиональной интеграции географическая близость является составной частью в разработке стратегии экономических субъектов в ряде текущих практических ситуациях: разработка стратегий фирм не сводится к простому поиску дешевой рабочей силы или получению выгод от прибыли.

Для складывания таких интеллектуальных территорий как Силиконовая долина, София Антиполис, географическая близость является одной из пружин возникновения инноваций. Как метко подмечают западные работы, знание быстрее пересекает коридоры, чем границы и океаны.

Но территориальная близость влияет и на неравномерное распределение производственной деятельности в пользу некоторых регионов над другими. Некоторые модели новой экономической географии показывают, что из первоначально равномерного распределения соседствующих центров экономической активности при определенных условиях может остаться лишь несколько, которые будут отбрасывать «тень» на соседние территории.

Географическая близость обеспечивается через изучение проблемы межотраслевых отношений, транспортные издержки, решение проблемы «**make or buy**», т. е. **производить у себя или отдавать на аутсорсинг и субконтрактинг**. Таким образом, географическая близость четко ориентируется на макроэкономический уровень и «жесткие» факторы размещения. Информационная близость больше соответствует «мягким» факторам размещения. Особенности адаптации продукции к местным условиям, тонкости трансплантации институтов из одного региона в другой, циркуляция вновь создаваемого знания – все они опираются на почти одинаковый информационный «разъем», когда невелики риски возникновения конфликтов и отчуждения нового знания, известны институциональные условия предпринимательской деятельности. В самой теории размещения происходит постепенный переход от моделей, основанных на сокращении транспортных издержек и условий эффективности, к моделям, основанным на передаче и приобретении информации. Поэтому можно говорить о сосуществовании географической и информационной близости как факторов размещения.

Информационная близость в противоположность географической может являться бесконтактной. К ней относится поиск экономических контрагентов за рамками традиционного ареала деятельности, кратковременные взаимосвязи финансовых и производственных организаций различных регионов друг с другом, складывание сетей диаспоры, рассеянной по различным городам. Информационная близость построена не на минимизации географического расстояния, а на сжимании социального расстояния с точки зрения региональных акторов, их взаимной материальной заинтересованности, когнитивных способностей, атрибутов возраста, состояния здоровья, стимула к познавательной или образовательной миграции.

В эконометрических исследованиях пространственные матрицы расстояний выполняют роль классификации географического расстояния на более или менее однородные группы по километражу (расстояние по карте, по автомобильным дорогам, по железным дорогам). Информационную дистанцию можно на первом этапе выразить с точки зрения данных веб-аналитики, с последующим применением всех объективных критериев характеристик групп населения. Информационная близость может проигнорировать небольшое географическое расстояние и регионы, имеющие общую границу могут не иметь никаких значимых информационных отношений, кроме только конкурентного отношения. Для этих регионов следует не столько расширять совместные проекты в экономике для использования взаимных конкурентных преимуществ, сколько работать над тем, чтобы быть согласованными когнитивно, в стратегических политических замыслах и представлениях людей. Другими словами, короткая информационная дистанция становится катализатором межрегиональных отношений, когда региональные акторы начинают сближать базовые когнитивные представления и координировать усилия в работе над институтами. Эмпирически информационную близость мы оцениваем через статистику поисковых запросов по регионам.

Технология работы с сервисом «Яндекс. Статистика ключевых слов» состояла из следующих этапов:

- на сайте <http://wordstat.yandex.ru/> выбиралась вкладка «Подбирать по регионам»;
- в поисковое поле последовательно были введены названия всех 83 субъектов России, после чего в результате подбора приводилась статистика запросов на Яндексе, включающих заданное нами название субъекта слово или словосочетание (слева), которые делали пользователи из определенного региона.

Таким образом, проанализирован региональный срез статистики показа конкретных названий регионов, т. е. оценены лидирующие абсолютные значения количества показов страниц по запросам из регионов, как информационную близость между ними. В ряде случаев обнаруженные значения информационной близости дублировали географическое окружение, но в других в первую десятку врывались регионы, не имеющие друг с другом непосредственной границы.

При анализе статистики по всем регионам следовало учитывать их вложенность: например, данные по Москве включены в данные по Центральному округу, а Центральный округ включен в Россию.

Ещё одним обстоятельством стала разработка критерия значимости полученных информационных откликов. Как правило, в ходе большинства информационных запросов обнаруживалось, что регионом – абсолютным лидером по количеству откликов являлся сам регион-объект анализа. Мы приняли решение считать 1 % от числа таких запросов нижней границей отсечения названий регионов для нашего анализа взаимоотношения географической и информационной близости. Например, на запрос «Мурманская область» обнаруживается почти 113 тыс. информационных запросов, сосредоточенных в самом регионе. Таким образом, нижней границей интервала для анализа будет 1130 показов. Данное решение представляется оптимальным: оно избегает риск включения в итоговый этап исследования случайно сделанных запросов, слишком малого их количества, которое затрудняет интерпретацию результатов. Вместе с тем, выбранный критерий достаточно гибок, так как не устанавливает произвольно число регионов для анализа: первых 5, 10, 20 и т. д.

Проведенный анализ показал принципиальную возможность использования новых методов веб-аналитики для сравнительного анализа важности географического и(или) информационного соседства в межрегиональных связях субъектов России.

Какие общие выводы могут быть сделаны из результатов проведенного исследования?

1. Для абсолютного большинства результатов характерно попадание исследуемого региона в лидеры по интернет откликам. Исключением является лишь Калужская область, интерес которой «сам для себя» составляет 146 тыс. запросов (2-е место) против повышенной информационной популярности у Москвы и Московской области (в совокупности 164 тыс. запросов). Следующими по порядку за регионами-объектами анализа, как правило, выступают Москва и Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область, отражая дирижирующее значение двух крупнейших агломераций в экономической жизни страны для межрегиональных экономических связей, внутренней миграции квалифицированных кадров, развития институтов. Хотя заметим, что Санкт-Петербург и Ленинградская область не попали в число значимых информационных запросов по установленным критериям для случая Новосибирской области. В последствии Для того чтобы сделать получаемую выборку более соизмеримой, из каждого результата информационного поиска были убраны данные, касающиеся обоих столичных федеральных агломераций.

2. С помощью данного метода веб-аналитики подтверждается значимость второго уровня в российской административной иерархии регионов – регионов со столицами федеральных округов. Они в рамках своей подотчетной территории примерно в 50 % случаев «переигрывают» столичный регион, и практически во всех результатах обходят данные по второй федеральной агломерации – совокупные значения Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Таким образом, отмечается продолжение процесса внутрорегиональной миграции, стягивания населения в крупные административные центры. В столицах федеральных округов достаточно заметное новое жилищное строительство. Они усиливают свою роль административных и сервисных центров.

3. Отмечается ограниченность информационных связей субъектов пределами соответствующего федерального округа. Крайне редко в значимых результатах информационного поиска доля регионов прочих федеральных округов достигает 40–50 %.

4. Если проводить анализ интенсивности связей по зональному признаку, например северным и несевверным регионам России, то неудивительно, что у северных регионов обнаруживается повышенный интерес и значимость других регионов страны. В то же время, этот противоположные результаты довольно устойчивы, процесс реально становится двусторонним: значимое число запросов по северным субъектам обнаруживается и в поволжских, и в сибирских, и в южных регионах (табл. 1).

Какие темы сгенерировали этот ренессанс информационного интереса к северным регионам (а внутри этой группы арктическим субъектам)? Выделим несколько основных сюжетов.

Информационный интерес обусловлен вниманием к значимым проектам, которые в ближайшие годы предстоит реализовать. Предстоящая разработка нефтегазоносных месторождений в Северных морях, возможность использования кратчайшего морского пути между портами Европы и Азии обуславливают интерес к транспортным проблемам, включающим решение трех основных задач: учет сложнейших климатических условий при вывозе углеводородного сырья из Арктики в Азиатско-Тихоокеанский и Атлантический регионы; завоз нефтепродуктов, промышленных и продовольственных товаров в районы Крайнего Севера; транзитные перевозки дорогостоящих и срочных грузов по маршруту Европа – Азия через Северный Ледовитый океан по высокоширотным трассам, в будущем включая трансполусную подводную магистраль.

Частые аварии и катастрофы, которые случаются у нефтегазовых компаний, занимающихся нефтеразведкой в Арктике, говорят о неготовности отрасли к работе в экстремальных условиях. Информация о череде аварий и катастроф стимулирует соответствующие предприятия в регионах ужесточить требования и ответственность для работы в ледовых условиях.

Начало освоения шельфовых месторождений в Арктике, которые могут оказать влияние на экологическую обстановку в регионе, вызывает еще всплеск информационного интереса. В 2013 году планируется ввести в эксплуатацию МЛСП «Приразломная», расположенную в 60 км от береговой линии в Печорском море. Морская ледостойкая платформа является стационарной и имеет очень высокую степень защиты инженерных коммуникаций от инцидентов экологического характера. Не решённым остаётся вопрос освоения шельфовых месторождений в части ликвидации последствий разливов нефти на лёд.

Решение о строительстве железнодорожного Северного широтного хода обеспечит транспортную связанность Севморпути с «материком», сделает межрегиональные связи более интенсивными.

Новая железнодорожная система не только позволит увеличить грузопотоки между этими регионами и их портами, но также станет сухопутным 800-километровым «подспорьем» Северного морского пути по перемещению грузовых транзитных потоков. Объем перевозок по этой магистрали оценивается в 18 млн тонн в год, в том числе транзитных – не меньше 6 млн тонн. Этот проект включен в число приоритетных в рамках реализации генеральной схемы развития железнодорожного транспорта РФ на период до 2020 года.

Таблица 1

Связи между северными и несевверными регионами по данным сервиса «Яндекс. Статистика ключевых слов»*

ИСХОДНЫЙ ЗАПРОС (объект поиска – «какой регион ищем?»)	РЕЗУЛЬТАТ ЗАПРОСА (регионы, в которых обнаружено соответствующие поисковые запросы с требуемым уровнем значимости – «в каком регионе находится информационный запрос?»)
<i>Несевверные регионы</i>	<i>Северные регионы</i>
Белгородская область	Республика Коми, Архангельская область, Мурманская область, ХМАО
Владимирская область	Мурманская область
Воронежская область	Мурманская область
Тверская область	Мурманская область
Ярославская область	Архангельская область
Санкт-Петербург и Ленинградская область	Мурманская область, Республика Карелия
Краснодарский край	Ханты-Мансийский автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ
Республика Дагестан	Ханты-Мансийский автономный округ
Курганская область	Ханты-Мансийский автономный округ
Свердловская область	Ханты-Мансийский автономный округ
<i>Северные регионы</i>	<i>Несевверные регионы</i>
Республика Карелия	Нижегородская область
Республика Коми	Республика Башкортостан, Нижегородская область, Свердловская область
Архангельская область	Ярославская область
Ненецкий автономный округ	Новосибирская область, Республика Башкортостан, Нижегородская область, Свердловская область, Тюменская область
Мурманская область	Вологодская область
Тюменская область	Ямало-Ненецкий автономный округ
Ханты-Мансийский автономный округ	Республика Башкортостан, Челябинская область, Новосибирская область, Омская область
Ямало-Ненецкий автономный округ	Челябинская область, Новосибирская область, Республика Башкортостан, Нижегородская область, Свердловская область, Тюменская область
Республика Тыва	Ростовская область, Нижегородская область, Свердловская область, Новосибирская область, Омская область, Томская область
Республика Якутия	Краснодарская область, Ростовская область, Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Пермский край, Нижегородская область, Самарская область, Свердловская область
Камчатский край	Ростовская область, Нижегородская область, Красноярский край, Новосибирская область
Амурская область	Новосибирская область, Республика Башкортостан, Свердловская область
Магаданская область	Краснодарский край, Ростовская область, Ставропольский край, Нижегородская область, Свердловская область, Красноярский край
Чукотский автономный округ	Краснодарский край, Ростовская область, Ставропольский край, Республика Башкортостан, Нижегородская область, Свердловская область, Челябинская область, Новосибирская область, Омская область

Риск откладывания реализации Штокмановского проекта за 2020 год, в котором могли бы участвовать многие предприятия страны. Даже при благоприятном инновационном сценарии развития России, в части проекта «СПГ Штокман» существуют риски не реализации в связи с высокой капиталоемкостью и сложностью освоения месторождения.

* Из-за большой размерности полная версия таблицы с количественными характеристиками полученных информационных запросов не приводится в тексте статьи, но может быть предоставлена по запросу.

Примером межрегионального проекта между Арктикой и Поволжьем является строительство продуктопровода «Ямал-Поволжье». Республики Татарстан и Башкортостан, и Ямало-Ненецкий автономный округ создали производственно-коммерческую структуру ОАО «Ямал-Поволжье» с целью строительства магистрального трубопровода. ОАО «Ямал-Поволжье» разработает технико-экономическое обоснование проекта (ТЭО) трубопровода, также в функции предприятия входит строительство и эксплуатация магистральных трубопроводов для транспортировки углеводородного сырья, производимого добывающими компаниями ЯНАО, и поставка на предприятия Волжского нефтегазохимического кластера. Стоимость проекта предварительно оценивается от 80 до 120 млрд. рублей. Продуктопровод по транспортировке ШФЛУ (широкой фракции легких углеводородов – базового сырья для нефтехимии) и газоконденсата по маршруту Ямал – Поволжье позволит эффективно использовать углеводородный потенциал Ямало-Ненецкого автономного округа, и обеспечить сырьевыми ресурсами предприятия Волжского нефтегазохимического кластера.

Развитие арктических и северных субъектов России в значительной степени связано с ресурсными проектами. Но информационный интерес обусловлен не только выявлением степени целесообразности освоения нефтегазовых проектов в Арктике. Он всё больше приобретает конкретные рамки – как от развития широкомасштабных форм реализации проектов добиться локализации эффектов не только для крупных предприятий, но и компаний самого разного уровня и самой разной географии?

Поэтому информационные связи северных/арктических и всех остальных субъектов надо рассматривать в контексте интереса к расширению массивов информации о социально-экономических системах Севера и Арктики, расширению межрегиональной активности по обмену новым знанием, новыми практиками, опытом городов. Этому буду способствовать многие информационные поводы, такие как форум «Арктика-территория диалога», прошедшая международная конференция по мерзлотоведению в Салехарде в 2012 году, форум инновационного малого и среднего предпринимательства, инициативы СО РАН на Ямале – всё свидетельствует, что насыщение информационных связей сопровождается инициативами по приданию наукоёмкости развития северных регионов.

Проблемы межрегиональной интеграции в России сосредоточены не только в области наращивания экономического товарооборота, но складывании определенного микроклимата, выявлении особых отношений между регионами на основе близости различных типов (информационная, институциональная, культурная, организационная) по поводу взаимного доверия, приверженности общим ценностям. Нам представляется, что намерение развиваться и ощущать информационную близость с контрагентом придаёт больше уверенности в реализации межрегиональных экономических проектов. Можно предположить, что теория близости может быть использована и для анализа других феноменов современного регионального развития России. Например, она может придать новый импульс теме развития инновационных территориальных кластеров, понимаемых как каждый раз новый синтез на определенной территории феноменов географической и организационной близости.

Равноценные связи по географической и информационной близости «в обе стороны» позволяют говорить о наличии полноценной сети регионов.

Исследование соотношения географической и информационной близости имеет разную топологию, неодинаковый состав участников, характеризуется изменением приоритетов участников во времени. Теория близости даёт важную информацию для понимания современной настройки теории экономико-географического положения, определяет уровень взаимного институционального развития и интенсивность изменения организационной структуры региональной экономики.

Список использованной литературы

1. Джекобс Джейн Смерть и жизнь больших американских городов / пер. Леонид Мотылев. М.: Новое издательство, 2011. 460 с.
2. Проблемы пространственного развития: методология и практика исследования. под редакцией чл.-корр. РАН Г.Г. Фетисова / СОПС, м., 2012.
3. Украинский В. Н. Современная французская пространственная экономика: теории близости и типологизация локализованных экономических систем / пространственная экономика, 2011г., № 2, стр. 92–126.
4. Colletis G., Gianfaldoni P., N. Richez-Battesti (2005) *Economie sociale et solidaire, territoires et proximité / revue internationale de l'économie sociale* № 296.

5. Florida R. (2008) *Who's Your City? How the Creative Economy is Making Where to Live the Most Important Decision of Your Life*. Random House Canada. 374 p.
6. Suire R. (2005) Cluster «créatif» et proximité relationnelle: performance des territoires dans une économie de la connaissance /*Canadian journal of regional science*, XXVIII: 3, p. 557–576.
7. Talbot D. (2009) L'approche par la proximité: quelques hypothèses et éléments de définitions / Communication à la xviiième conférence de l'aims Grenoble, 2–5 juin 2009.
8. Torre A. (2006) clusters et systèmes locaux d'innovation /*Région et développement*, № 24.
9. Torre A., Zuideau B. (2008) Economie de la proximité et environnement: état des lieux et perspectives / *Canadian journal of regional science/revue canadienne des sciences régionales*, xxxi: 1, p. 133–160.

Nordic management styles in the post-Soviet context

*PhD Markku Sippola
University of Eastern Finland,
Joensuu, Finland*

The Baltic and Russian labour market regimes

There are differing labour market regimes prevailing in the western and the eastern shore of the Baltic Sea. The Nordic countries are close to the heart of the concept of coordinated market economies with their consensus decision-making, high skill-levels and relatively long employment tenures, whereas Baltic States are characteristically liberal market economies in their individual relationships, general education policies and proneness to rapid hiring and firing.¹ The Soviet Union had set the planned command economy of its own in these three countries which was to serve the purposes of heavy industrialization and military objectives, and thus set aside the natural development of the national industries peculiar to the Baltic States in pre-WWII.

The post-Soviet Baltic States have undergone radical industrial restructuring and transformation from massive munitions industries to (numerically and functionally) flexible small and medium-sized enterprises. At the national level, the decision-making has been based on neo-liberalist principles, where promoting foreign direct investment has played a central part. Wages have raised 15–20 percent for many years during the pre-financial crisis era, which has not, however, meant that incomes would have increased evenly in each industry, or that average purchasing power would have increased considerably. The Baltic States aspire to getting rid of the Soviet legacies in every respect, seeking road «of their own» to capitalism. Such institutions as trade unions and workplace-based social security are seen as part of the Soviet system and thus condemned. Labour unions are rather weak, the unionisation rates being at 8–15 percent, and they have been losing power continuously since the collapse of the Soviet Union.

The Baltic countries have gained advantage of their generally good educational level during the transition period (Labour Market and Social Policies... 2003, 25). There were considerable labour allocation problems inherited from the Soviet Union (Melin 1995, 64–65), and several types of education have lost their value, if they are not relatively recent (Labour Market and Social Policies... 2003, 25). Still at a macro level, the economic policy adopted has proven relatively successful. Until recently – prior to the economic depression in 2008 – the Baltic economies have shown ‘managerial skill’ in transition management.

Although the Russian labour market regime shares common Soviet characteristics with the Baltic regime, it differs from the Baltic one in some important respects. Stable employment and moderate unemployment characterised the turbulent 1990s, although in the aftermath there is a risk of massive dismissals and unemployment growth (Kapelyushnikov 2009). The so far relatively good employment situation has been maintained by fluctuations in working hours and real wages rather than firing and hiring (*ibid.*). Low unemployment is also due to the expansion of the ‘informal’ sector, that is, unregistered employment in such industries as construction, the retail trade, catering, agriculture and various types of private services (Gurkov & Zelenova 2009, 282). The informal sector benefits from labour supply from other countries of the FSU such as Moldova, Ukraine and Azerbaijan (*ibid.*).

A remarkable feature of the Russian labour market is the low territorial mobility. The number of internal migrants – those who have moved from other administrative units within Russia – has dropped from 600,000 per year in the first half of the 1990s to 100,000 per year in 2001–2004 (*ibid.*). This fact sets constraints to human resource seeking investments, where new production sites appear usually in existing towns or villages nearby well-functioning railroad or motorway connections suitable for commuting. In a way this means a return back to the Soviet times, when devoting to the place of residence was the rule, and usually people were not even allowed to seek means for living in other places, implies that the elder workers who have already worked during the Soviet time do not have great desire to move for job. They rather opt for staying and choose to consent. As a conclusion, there is some similarity to the Marchington and Parker’s (1990, 74) notion in the British manufacturing in the 1980s that «it is probable that many employees who

¹ The employment protection legislature is quite strict in the Baltic countries when compared to EU-15 but the violations to the law are widespread (Eamets & Masso 2005, 85)

continue to work [...] see their own personal fortunes to be even more closely tied in with the success of their current employer». Accordingly, insecurity in the local labour market may be a more probable driving force for consent than the notions of 'enterprise culture' (ibid).

There is a reason derived from previous studies for advocating the 'back to personnel administration' thesis, namely the fact that HRM (especially strategic HRM) is underdeveloped in Russia. This state of affairs dates back to the Soviet period, when the HR function was largely decentralised, The Communist Party had their say in promotions; the personnel department took care of routine legal paperwork in hiring, firing and performance assessment; the local trade union took charge of social life, holiday camps, kindergartens, sport and social events and the allocation of housing among employees; the salary department took care of salary administration; and there was a special unit under supervision of chief engineer dealing with issues of job design and work safety (Gurkov & Zelenova 2009, 284). Under such circumstances, any attempt to 'strategic HRM' was out of question. At the collapse of the Soviet union, when the rule of the Communist Party and trade unions was liquidated, only the functions of the personnel department survived, which created a vacuum in completion of HRM functions (ibid.). Given such a background, one might argue that Russian trade unions in the Soviet time and in the 1990s shared some aspects with western-type 'partnership' unionism (see e.g. Ashwin 2004). When a union in the Soviet model adopts a partnership strategy, it runs the risk of marginalization into the same subordinate position in relation to management (and to political institutions) that it had to the Communist Party in Soviet times (ibid.).

It is sometimes difficult to make distinction between necessary adaptation to the turbulences of the transition period and introduction of external HRM practices. This is seen in the incidence of patterns of 'corporate culture' in Russian enterprises, evidenced by Clarke (2004). Among his case studies, traditions of cultural celebrations such as professional holidays, sporting competitions and cultural events were continued and welcomed by employees and managers alike. Clarke found two reasons for the corporate culture approaches in post-socialist firms. First, they were cultivated to secure the stabilisation and consolidation of the labour collective as well as social cohesion in the wake of the 1998 devaluation of rouble. Second, they were introduced to structure and differentiate the labour force in order to increase their manageability, a notion that is close to what Child (1984) labels 'cultural control'.

The post-Soviet context

The Soviet trade union organisation served completely different purpose from the unions under the capitalist regime. In theory it had the 'dual functions' of encouraging the growth of productivity through socialist competition while defending the rights of individual workers, but in practice it maintained labour discipline and motivation through propaganda and its supervisory commissions (Clarke 1993, 24). Clarke (ibid.) has described the position of the Soviet trade union pertinently: «The trade union within the enterprise was [...] effectively a patronage network, integrated into and working alongside the management structure». Its primary function was the administration of social and welfare benefits, and the distribution of goods and services.

Traditional welfare and social benefits and guarantees have been retained in Russian post-socialist firms and in some cases even enhanced (Clarke 2004). In Clarke's case studies trade union continued to perform its traditional social and welfare functions, with the union chairperson continuing to work closely with the general director.

There was a thread of employee participation in the paternalistic way of operation of the Soviet factory, somewhat analogous to German and Japanese industrial relation models, manifested in a wide range of welfare support and leisure activities (Lane 1985, 37). One role of the workplace trade union was to strengthen workers' attachment to the workplace in the face of scarcity of skilled labour force (Lane 1985, 40). This is not far away from the core HRM idea of employee involvement. In the post-socialist era, managers tend to retain paternalist relationship by means of distribution (finding consumer goods for workers and paying higher wages) and close relationship between the director and workers (Nikula 1997, 131). This is only a temporary strategy, which will give way to market-oriented business strategy in private firms, while in older companies Soviet-type paternalism may exist (ibid, 132).

There are contradictory reports, however, concerning the 'core'-ness of the socialist production worker as regards the stratum of 'auxiliary' workers. Clarke (1993, 21) associates auxiliary workers with secondary labour. Burawoy (1985, 176) does not share this argument but suggest with regard to Hungarian Red Star factory that auxiliary workers besides earned as much as machine operators, they formed a group more

inclined to goals of the enterprise management. A symbolic token of their superior status was «the time spent brewing coffee, gossiping and joking» (Burawoy 1985, 176).

What is ‘Nordic management’ about?

The history of management in the Nordic countries does not fit into a conventional narrative of the accumulation of rational knowledge reflecting universal development patterns in western societies; Rather, it is perceived as an act of compromise or of finding the best solution to conflicts between workers and employees (Byrkjeflot 2002, 17). It follows that Nordic trajectory presents a different view of management – that of *constitutional management* – as against the *paternalist* and *professional* management models in Continental Europe and the Anglo-Saxon countries during a particular (‘organised capitalism’) phase of modernity (ibid., 18).* Since the 1980s there has been increasing emphasis on customer-oriented and visionary management at the cost of representative and constitutional management (Byrkjeflot 2002, 34).

Nordic industrial relations systems restrict firms’ room of manoeuvre as regards recruitment, remuneration and termination of employment contract (Mabon 1995; Vanhala 1995). It is worth noting that pay bargaining is exercised in Nordic countries at national level, and thus beyond the direct involvement of local management (of course, Nordic management is able to determine wages when it comes to incentive systems that go beyond of the agreed tariffs). But when a Nordic corporation extends its operation to a Baltic country or Russia, the HRM implementation has been supplemented by more effective use of incentive systems.

Distinctive features of the Nordic industrial relations are an advanced form of worker participation in terms of co-determination, high union density and coverage of collective bargaining, and the self-regulation of collective bargaining. However, there has been pressure from the employers to decentralize bargaining and simultaneously move from ‘personnel administration’ to HRM. This has basically signified a shift from humanistic personnel management, which advocates stability, commitment and security, to a more proactive role for personnel professionals at a higher company level.

Alongside the increased emphasis on HRM, the individual aspect of employee relations has strengthened. Besides promoting individual performance-based bonuses, HRM employs participatory mechanisms that individualise employee relations. Such mechanisms include direct communication, briefings of the workforce, quality circles, workforce meetings, suggestion schemes, appraisal interviews, newsletters and electronic communication (Croucher et al., 2006, 269). In a formal sense, such direct mechanisms correspond to similar opinion expression channels to the Nordic indirect representation channels, with the exception that the direct mechanisms are based on unitarist ideology.

Management styles

There is a blurring line between the concepts ‘managerial strategies’ and ‘management styles’, although the relation between these two depends on how strategy itself is conceptualised. A rationalistic view sees strategy as emanating from the top of the organisation where it is conscious, long-term and enterprise-wide activity; a processual view identifies strategy in the often non-articulated, but emergent and recurring patterns of decisions (Legge 2005, 71). According to Legge (ibid), the concept of management style – in previous attempts to conceptualise this term – comes close to equating it with the rationalistic model of strategy. To my view, there may be processual elements in management styles as well, as Marchington and Parker (1990, 232–233) state:

«...management style is a concept which can have meaning in all workplaces, irrespective of policy pronouncements, and further that it needs to be examined in relation to its impact on the practices and behaviour of managers within individual establishments, rather than on the basis of senior management intentions and announcements alone.»

In analysis of management styles in relation to employee voice I have utilized Purcell and Ahlstrand’s (1994, 178) matrix of management style. The strength of this approach is that it allows for various levels of individualism and collectivism to coexist (Benson, 2000, 458). Here individualism and collectivism are not opposites but «two facets of the managerial belief or value system with regard to employees» (Blyton

* As a matter of fact, Byrkjeflot (2002, 20) presents the management model in Nordic countries as a mixture of craft (managers are trusted because they know their craft or discipline) model traditionally associated with German and French business environments and constitutional ideal type, where general manager exhibits a more apt point of reference than the owner-entrepreneur (the latter feature also characteristic of German-type paternalistic management).

& Turnbull, 1998, 93). Firm management needs to decide on they deal with both the individual employee and the collective, representative organisation (Kessler & Purcell 2003, 316). Legge (2005, 70–71) values ‘personnel management styles’ especially when imputing meaning to observed behaviours, where ‘philosophies’ and ‘articulated guiding principles’ are considered as one behaviour (a rhetorical performance). These ‘styles’ are considered as managerial attitudes, beliefs and frames of reference that have repercussions to the company activities particularly in relation to employee relations (Legge 2005). Albeit being mere subjective ‘aspirations’ or ‘philosophies’ concerning work organisation and relations of production, management styles are however real accounts in which direction managers are inclined to develop HRM policies.

The discussion of management styles touches upon the topic of human resource management (HRM) strategies and the dichotomy between ‘best fit’ and ‘best practice’ schools of HRM. The ‘best fit’ school draws upon the idea that HRM strategy should be integrated with its specific organizational and environmental context; the ‘best practice’ school is based on an universalist idea that all firms should adopt ‘best practice’ in managing people (Boxall & Purcell 2003, 47). While the advocates of the ‘best practice’ school usually have the Anglo-American HRM model in mind, we would consequently expect that the Nordic industrialists in the Baltic States and Russia would opt for Nordic model – if they admit the advantages of the model. While there are certain institutional and national determinants facilitating the convergence between ‘national’ HRM practices and the diffusion of ‘best practices’ (Brewster 2004), empirical evidence on ‘model transfer’ is inconsistent (Dörrenbächer 2004; Edwards 2004a). We attempt to avoid the pitfalls associated with the idea of model transfer and the diffusion of HRM practices by proceeding to a different level as we choose the consideration grounded upon ‘management styles’. In a way as a point of departure, we simultaneously accept the premises of the ‘best fit’ school.

The ultimate rationale for employing the approach of ‘management styles’ derives from its connections with employee relations in the context of foreign investment and the potential of transferring IR practices from the country of origin to the host country. The concept of management styles emphasizes the strategic role of management as agents shaping the IR system at an enterprise level, a factor relevant in understanding changes in cross-border model transfer (Dörrenbächer 2001). Although one could take a critical stance towards the diffusion of any best practice models, as mentioned above, such an expectation still prevails at least in theory. On one hand, adopted management styles would fit well with the Nordic-type «skill-based labour management» (Whitley 1999, 69) and might entice workers to commit themselves to the workplace (Guest 2005, 239). On the other, IR and HRM practices at foreign subsidiaries may provide employers with leverage to introduce ‘the US model of HRM’ (Communal & Brewster 2004, 172).

One might anticipate that investors are driven by pluralist frame of reference on the basis of the experience gained from industrial relations systems in the homeland. The analysis, however, here will hint at the fact that Nordic employer is also inclined to unitarism in certain circumstances. The adopted frame of reference is seen in different management styles, four of which Poole enumerates (1986, 44): authoritarian, paternal, constitutional and participative. Newer research on business administration (Purcell & Ahstrand 1994; Blyton & Turnbull, 1998; Benson 2000) emphasises the individualist and collectivist dimensions of management styles. Therefore, individualism and collectivism are not supplementing but rather complementing one another – they constitute the two sides of HRM. An analytical tool developed by Purcell and Ahlstrand (1994) concerns both individual and collectivist dimensions of management styles (see Fig. 1).

Resource				
Individualism	High commitment	Sophisticated human relations	??	Sophisticated consultative
	Paternalism	Paternalist	Bargained constitutional	Modern paternalist
	Cost minimization	Traditional		Co-option (unstable)
	Commodity	None (unitary)	Adversarial	Co-operative
			Collectivism	

Fig. 1. Management styles in employee relations (adapted from Purcell & Ahlstrand 1994, 178)

In Figure 1, the column on the left presents possible management styles in a non-union (unitary) situation. A traditional style prevails when cost minimization leads to low pay and security, and when the atmosphere is hostile to trade unions that might challenge the situation. A paternalist style regards unions as irrelevant under an ‘enlightened’ management, although in real terms the employees are in a subordinate position. Sophisticated human relations foster a developmental approach to the employee in exchange for loyalty, thus making union representation simply unnecessary.

The columns in the centre and on the right refer to employee relations in unionized firms. A cost-driven or paternalistic approach to the individual and an adversarial relationship with the union leads to bargained constitutionalism. The question marks in the upper-centre cell of the matrix denote an unstable situation; in this case management treats the employee in a ‘caring’ way that does not sit easily with conflictual union relations. Cooption, also, is unstable; a cost-driven approach to the individual makes unions reluctant to co-operate with management. Modern paternalism refers to a social partnership in which ‘unions are more likely to play a role in influencing than determining decisions, with involvement taking the form of consultation as opposed to negotiation’. A sophisticated consultative style presupposes a shared interest between unions and management in supporting and developing the individual employee (Kessler and Purcell 2003, pp. 316–317).

Compared with Latin-European managers, Nordic managers have a more intense employee orientation and they allow a more conflictual atmosphere (Lindell and Arvonen 1996, p. 80). This might relate to the Nordic industrial relations tradition in which conflict prevails but is institutionalized. Analyses of strike activity in Nordic countries indicate that conflicts of interest have not disappeared (see Stokke and Thörnqvist 2001, pp. 253–254). Nordic employers accept ‘recurring’ dialogue with unions as long as it does not pose a threat to management autonomy (Rogaczewska et al. 2004, 248). It is thus evident that the Nordic management style comes nearest to the ‘bargained constitutional’ cell of the matrix, with formal negotiating procedures existing alongside distinctive employee and management interests.

Nevertheless, the Nordic management style is moving towards the ‘sophisticated consultative’ style. Bargaining centralization prior to the 1990s aimed at wage moderation and the limitation of industrial conflict, and this aim had the backing of both Nordic employers and unions (Stokke and Thörnqvist 2001, p. 247). Brewster and Larsen (2000, p. 31) conclude that firms in northern Europe have successfully integrated human resources management with collective bargaining, while unions have adopted less adversarial policies. In recent years, there has been an increase in performance-related pay, although unions have remained relatively strong (Lindeberg et al. 2004, 298; Rogaczewska et al. 2004, 275).

Employee relations management literature emphasizes the impact of increased integration of employee relations management into strategic decision-making (Gunninge et al. 1998). Drawing on such analyses, one can conclude that high levels of individualism in management styles will be positively associated with high levels of strategic integration, whereas a high level of collectivism will have an opposite impact (Gunninge et al. 1998). There is a tendency towards ‘dualistic’ employee representation systems in the Baltic States and an increasing use of individual communication channels, team briefings and regular workforce meetings (Alas and Svetlik 2004, p. 367; Kallaste and Jaakson 2005). Alas and Svetlik (2004, p. 382) claim that ‘in the absence of trade unions, management in Estonia have had to develop other forms of communication with the employees. They appear to have adopted the HR approach instead of the more traditional labour relations one.’ As an argument for an Estonian «dualistic» representation system, Alas and Svetlik (ibid, p. 382) claim that «in the absence of trade unions, management in Estonia have had to develop other forms of communication with the employees. They appear to have adopted the HR approach instead of the more traditional labour relations one».

Pulignano’s (2006) findings put forward the idea that although company-specific features and host-country institutional features play a role in determining subsidiary employee relations, also local management’s strategic position in the entirety of the corporation matters. Local managers were more autonomous in adaptation process to the foreign corporation as they had more ‘power’ in corporation. This notion calls for consideration whether the workers are indispensable or not, and also, whether the investing company prefers capital-intensive activities or labour-intensive activities (so-called factor composition).

The notions of model transfer and transferability of practices do not fit well in this research setting, since they are based on the idea that there exist particular (national) forms of HRM and transferable em-

ployee relations from one country to another. ‘Varieties of HRM’ type approach is false in this consideration, for Nordic MNCs have in the first place invested in the Baltic States in order to meet the challenge of global competition in the product market. In the terms used by Bridgford & Stirling (1994, 37), Nordic firms may be seeking the «flexible firm» HRM solution inside the EU by installing the cost-effective part of production in the Baltic States or Russia. This in-firm segmentation is highly probable if the MNC operates in sectors where there is little incentive to move employment practices across borders e.g. operations in one country provide components or services to those of another (Edwards 2004b, 401–402).

Data

Data for this study consists of two different datasets (Baltic and Russian ones), acquired using a similar method in different times. The combined datasets allow us to bridge the gap between the case study analysis and the cross-firm analysis in a way Ichniowski and Shaw (2000) have done in their research on quality improvement and HRM practices in the steel industry. The first dataset encompasses interviews with representatives of management, trade union shop stewards (if existed) and at least four employees representing different processes or occupations at five Nordic-owned Baltic factories. There are two Swedish, one Danish, one Finnish and one Norwegian company in the sample. The interviews were carried out in 2006 and 2007. The sample includes two construction material plants and three engineering shops. Two of these were located in Lithuania, two in Latvia and one in Estonia. Basic information about the case study companies is presented in table 1.

Table 1

Basic information on the enterprises researched in the Baltic States

	Insulator	Prefab	Profile Maker	Steel Works	Water Vehicle
sector	construction material	construction material	metal	metal	metal
market orientation	local market	local market	local market	export, niche	export, niche
mode of entry	brownfield	greenfield	greenfield	brownfield	acquisition
established / acquired	1993	2004	2004	2000	1905
workers	240	230	90	160	710
union members*	50–75	35–70	–	–	400
trade union or other representation	trade union + EWC rep.	trade union	worker council	–	shop stewards + convener
collective agreement	yes	no	yes	no	yes

* There are various estimates for this figure.

Insulator produces construction material for the Baltic market, based on product line work, established as a brownfield investment. *Prefab*’s production also consists of construction material. It is a new plant (founded in 2004), product lines of which provide Baltic customers with tailor-made products. *Profile Maker* is a brand new factory, founded in the spring 2004 and it is expanding continuously its metal fabrication production. *Steel Works*’s production started in 2000 as brownfield investment in an industrial park that had served as plastic processing plant in the Soviet time. *Water Vehicle* is the biggest company in the Baltic sample, producing large metal constructions. Founded in 1905, it mainly employs skilled workforce such as welders and locksmiths.

An identical sample was taken in 2011 from Russia, and the criteria for selection of interviewees was the same. Only the variation of the countries of origin is different: two Danish, two Finnish and one Swedish company were chosen. All the case study companies are located in the western part of Russia. Basic information of these subsidiaries is seen in table 2.

Himstroy consists of two different production units within the boundaries of one of the biggest cities in Russia. Unit 1 has been established as a greenfield project in 1995, and the Nordic owner acquired Unit 2 (which itself had been established as a greenfield project ten years before) in 2006. *Stroymaterial* is a brownfield factory, established in mid 1990s on the site of a former Soviet construction materials plant producing products of similar type as *Stroymaterial* does nowadays. *Mashina*’s business concept relies besides on high-quality products, also a comprehensive service and supply network throughout the country. Founded in 2002, it provided a different type of vehicles than it does nowadays; in 2010, when it established new production in rented premises on a different site, it brought some of the previous labour onto the new site. Although

Stal has operated in Russia in different premises since its establishment in 1993, some of the originally hired workers have followed it to the current site. Part of the production of standardised metal products is currently under disinvestment, part of it under re-investment. *Provod* is a brownfield factory, history of which dates back to 1992. It was further sold to current owner in 2003. The work at the factory consists of cutting (males) and composition (females) of standardized products.

Table 2

Basic information on the enterprises researched in Russia

	Stroy-material	Himstroy	Mashina	Stal	Provod
sector	construction material	construction material	metal	metal	metal
market orientation	local market	local market	local market	local market	Europe
mode of entry	brownfield	greenfield/ acquisition	brownfield	brownfield	brownfield
established / acquired	mid 1990s	1995/1996	2002	1993	1992
workers	500	250 (unit 1) / 600 (unit 2)	70	70	900
union members	130	150	–	–	Almost 400
trade union or other representation	trade union	trade union	–	elected EICF* representative	TU (chairperson, vice chair + committee)
collective agreement	yes	no	no	no	yes

* European Information and Consultation Forum (the company’s own)

Analysis: The Baltic cases

Although Insulator’s union activity embraces Soviet-style welfare functions analogous of that of Water Vehicle’s union, it has still more modern orientation as it has elected a representative for the company’s European Works Council (EWC). Insulator’s union has not gained as strong position, though, as Water Vehicle’s union: the union density is 20–30 % (the rate depends on who says it). Trade union in Insulator had to struggle for recognition in the end of 1990s, which was not the case in Water Vehicle and Ingredient. Insulator’s HR manager characterized the action of the union: «first they had different target. They thought that they have to fight employer». Later, however, the union understood it would need to forget confrontation and become a «partner» with the employer. The partnership in Insulator today includes collective agreement, separate wage negotiations twice a year, consultation and information of employees. Insulator used to form an independent union, but had lately joined the federation; the obstacle for joining was for a long time the fact that the company had to transfer a certain proportion of the membership fees onto the federation, and thus this money was not directly in their use.

Post-Soviet type ‘social partnership’ (see Ashwin 2004) can be seen in the case of Insulator, a company that shares some of the peculiarities of Soviet welfare unionism (i.e. the trade union as a welfare institution) but also some of the characteristics of modern partnership unionism. The modern paternalistic style in this company serves as an example of hybridization between Baltic (Soviet) and Nordic styles. The state of the union in Insulator resembles sponsorship, a situation in which «the union becomes highly dependent on management for its future strength» (Ackers et al. 2005, 37). The union’s previously active role has turned into partnership with management, and this has weakened its authority. Although the size of the workforce is increasing, the trade union is not recruiting new members.

Prefab is a case in point as regards the management’s open hostility to unions. Built on the site as greenfield in 2004, the company began a rapid recruitment. In 2005, the workforce was already 170, and a year later 230. The management was not able to keep up the rank-and-file development, and as a result of the action of the construction federation, some workers joined the union. Soon it became clear that the managing director had a negative attitude toward unions, and therefore some workers formed a clandestine union, members of which paid fees directly to the federation. The chairperson of the federation was not permitted to come to the factory despite of repeated requests. Prefab serves as an example of cooperation between Baltic and Nordic trade unions, and especially the Baltic counterpart’s activity in this case. The chairperson was active to keep contacts with the EWC representatives in Nordic countries, and probably the ultimate «push»

to change Prefab's course came from there. In 2006, the collision course against trade unions had changed into cooperation, the managing director had been given a notice, and collective bargaining started. The newly elected personnel manager acknowledged that the old management's attitude had been adversarial towards unions. The unionization rate was 15–30 % (depending on information source).

In Profile Maker, the core employees are preferred in consultation when processes are developed. «Those people who are involved in the process in question are asked». They had shift leaders' meeting every week concerning with technical, social or other problems. In other words, using the terminology by Boxall & Purcell (2002, 169), *task-centred problem solving groups* are privileged in consultation. By legal means, a worker council established in a firm in this particular country is meant to be a substitute for a trade union.* It is evident, that the worker council in Profile Maker has not been established in order to represent the whole workforce, but to reinforce the segmented relations in the internal labour market. In the interview, the personnel manager repeatedly insisted that the worker council is solely a body to «sign some documents», and emphasized that there is no sense to make any interviews of worker council people since «they have no duties». Employees interviewed did not either know that such a body existed or did not see any meaning for such employee representation form. The worker council had, indeed, signed a collective agreement paper prepared by the management and «the worker council people just checked it. [...] They did not change anything.» The worker council that is set in place of an enterprise trade union is not typically a 'Nordic' solution: «the Scandinavian tradition of trade unionism does not cherish information, consultation and participation structures as central to interest representation in the same way as is known from the works councils' central position in Germany and other countries.» (Knudsen 2005, 5).

In Steel Works, *ad hoc* task groups are formed for improving performance particularly for the «bottleneck» operations. The tasks of the groups include technical/hygiene and personnel matters. This system had affected productivity and produced a «better self-feeling» among the chosen employees. This evidence shows that employee involvement in non-union firms is partial, or it embraces only some areas of operational importance. Different from Irish non-union firms in which employees may have involved in both strategic and operational issues (Roche & Geary 2000, 21), Nordic non-union firms in the Baltic States seem to involve their employees only on the operational level. Even then, they restrict this priority to a group of core employees. This also underlines the notion of Gollan (2006) according to which it is questionable that non-union bodies representing employee interests are effective in filling the lack of representation.

Water Vehicle's union is strong *per se*, and it had not need any help from outside, and it has even decided to keep out of the national metalworking federation. Instead, it has formed an own federation that, however, is a member of the central trade union confederation. This is a strategic issue: They feel that they will only be beneficial to the federation if they joined, but would not benefit themselves from it – which holds, in fact, true with respect to national metalworking federations in the Baltic States. The management style in Water Vehicle can be characterized as bargained constitutional, which includes companies that «recognize trade unions or allow for forms of employee representation as part of their management style» (Purcell & Ahlstrand 1994, 196). Although this category consists mainly of companies where management would prefer to manage without unions, and the unions are «unfortunate product of history» (ibid.), Water Vehicle belongs to that corner of the category in which more regular bargaining relationship is established.

The Russian cases

At Himstroy, the number of employees at both units has radically decreased after the organisational merger in 2008. Although there is a considerable number of female workers at both Unit 1 (70) and at Unit 2 (250), they are virtually all in white-collar positions, where almost all production employees are men, with the exception of quality check and stock-keeping. There is a minor job of pasting up labels, however, majority of which are female jobs. A relatively big part of the workers consist of temporary workers during the summer season – their number may grow up to 300 altogether. Some agency work is needed during the season. Even though there is harmonisation going on between the two units in terms of wages, a clear distinction between

* 'Worker council' institution can also be regarded as a managerial initiative in the Baltic States, given the same rights to conclude a collective agreement as trade unions. If we consider these representation forms from the point of view of employees, the works council is weaker body than trade union, since it is purely a company level representative body whereas unions may unite at federation level.

lower-paid female jobs at Unit 2 (as from 450 euro) and higher-paid male jobs at Unit 1 (up to more than 1100 euro) exist.

In the company code of conduct, any type of oppression on the basis of trade union membership is forbidden. Actually, some 'problematic' trade union members had left the company. The personnel manager claimed that the trade union at the unit 1, established as an independent organization, had deliberately assumed an aggressive stance against the employer, and the action of the union was destructive to the company. Moreover it was found that the trade union in question was not involved in attestation of jobs. The idea was obviously to marginalize this union for the favour of another union, which held a strong position at the unit 2. The union at the unit 2 was consulted in work organisation related issues (e.g. the new pay system). There was no collective agreement at Himstroy, although the management was going to start a negotiation process. Such a partnership did not, however, bring forth any ultimate benefit for the union, since it was also by-passed in work-related consultation. In 2010, Himstroy's management initiated bimonthly / quarterly consultation meetings with those production workers who do not belong to trade union. In addition to this, there was an annual information event for all employees, which was going to be arranged quarterly. However, these meetings were more operational in nature, concerning working conditions related issues; Also, such meetings served as information events from the management to the employees.

One might argue, therefore, that the employee-management relations at Himstroy had developed from openly adversarial to more co-operative. The co-option corner of the matrix of management styles is, however, unstable, since with regard to individualism, it treats employees as a commodity rather than as a resource. Although trade union is involved in this process as a co-operation partner (in the case of Himstroy, however, the marginalized trade union was excluded from this process), the unitary view with the employer when simultaneously maintaining the commodity attitude towards employees will not persist in a long run.

At Stroymaterial, there are pressures to heighten salaries due to the higher salary levels in the neighbouring city and the lack of qualified candidates. Although labour turnover used to be high during the first years, the rate has lately been more or less established at 5 percent. Stroymaterial has got a trade union, but the employer does not belong to any employers' association. In addition to that, there is a small committee, established not a long time ago, which discusses welfare issues such as the functioning of the canteen. It consists of employees, union and management representatives. The history of the union dates back from 1999, when it was established as a carry-over from the previous site.

The management discusses mainly work-related issues with the union. One example of such issue had been a change in working schedule in one production section, which was negotiated with the employees concerned together with the union. There is a collective agreement signed in the factory for two years period at a time. Minimum tariffs are elaborated in an appendix to the collective agreement. Although wages are negotiated with the union, the management has the right to give individual bonuses in addition to the minimum tariffs. Majority of trade union members are women, who are employed in positions of lower qualification. Similarly to the 'Provod' case, where an overwhelming majority of the trade union members are women, the bargaining position of the union is relatively weak. While consultation with union seems to be more or less commonplace, the union's real room to negotiate on important issues such as wages appears to be restricted. Therefore the management style at Stroymaterial falls into the 'modern paternalist' category, which refers to a social partnership in which 'unions are more likely to play a role in influencing than determining decisions, with involvement taking the form of consultation as opposed to negotiation' (Kessler and Purcell 2003, 316–317).

One of the features of labour management at Mashina is the high amount of agency workers: it amounts to 50 percent of the workforce. The strategy of keeping a half of the workforce not in company's own payrolls derives from the careful stance towards prospects in product market: only the basic workforce is ensured in case of a drop in sales, so there would not be any need for big dismissals. Production stages are to a high degree standardised, which leaves employees little room for improvisation or discretion. However, in the spirit of continuous improvement, employees' suggestions are encouraged as regards improvements in the process, work safety or ergonomics. The managing director gives a twenty minutes talk to all the staff every second week concerning the future prospects, market situation and employment situation in the factory. There is no trade union at the factory. The employer is a member of a chamber of commerce.

As regards management style at Mashina, some clues can be discerned about it in the attitude toward the labour force on one hand, and in the managerial talk. The production manager emphasized that there is a difference in productivity between a Nordic production unit and Mashina, which is due to lower investment levels at the Russian factory. In other words, the process in Russia was meant to be cheaper than in the country of origin. This emphasis indicates an attitude that relates to labour as a commodity. However, wages of the core workers are relatively good in the Russian context. Moreover, the way the managing director speaks of trust between the management and employees and the procedure of the recruitment process hint at some sort of paternalism in this factory. He insisted in the mutuality of keeping one's promises (concerning both the employer and employees) and a close scrutiny of workers to be hired. In the process of recruiting (which was performed through a labour agency in the first place) and workplace learning, the 'bad' and unmotivated workers leave and the 'good' and committed workers remain. Although there are some signs of paternalist managerial style, the closest hit in the management styles matrix appears to be that of the sophisticated human relations style that cultivates a developmental approach to the employee in exchange for loyalty, which would make union representation unnecessary. But if the treatment of the workers as a commodity will strengthen, there might be latitude for adversarial management-employee relationship giving impetus for trade union movement.

Peculiar to Stal is the gendered organisation of work: the first department employs mostly female and the second one male employees mainly due to the nature of the work: the former jobs require precision and a lot of patience whereas latter jobs require carrying heavy things. Simultaneously, the jobs in the second department include more machine-based welding, which requires higher qualification. The first department, which is producing a more traditional and standardised product, is currently undergoing disinvestment. The second one, however, is in the process of reinvestment, and the whole unit is subject to optimisation activities for reducing complexity and prices. In terms of labour process, the difference between the Russian unit and the unit located in the country of origin in terms of the nature of work is considerable: in the latter unit, the production process is highly automatised whereas in the former there is more manual work. The Russian unit, however, does not include as much manual work as a newly established unit in a CEE country. There is no trade union neither any other employee representation system at Stal. However, there is an elected representative from Stal for the company's European Information and Consultation Forum (EICF). The employer is not member of any employers' association.

In terms of management style, it is obvious that there are some features of paternalism at Stal, although the style bears some resemblance with sophisticated human relations. An interviewed manager underscored the openness of the corporate culture, where the management tries to listen to the employees and to enter into dialogue with them. For example recently, the management had a discussion with the warehouse employees on a new schedule of shifts. The general manager personally participated in these discussions. It is noteworthy that there is no elected employee representative of any kind at the factory (the EICF representative is a white-collar worker and the main prerequisite is the knowledge of English language) but the management seeks to retain its right to manage in employee relations; involvement and commitment of workers is mainly sought to be reached by means of continuous improvement, which implies employee participation in production-related issues. For the blue-collar workers, company goals are not promoted by individual performance-based pay schemes but instead occasional bonuses and non-monetary rewards are promoted. The unitary approach to employee relations is accompanied with the emphasis on the benevolence of the employer. There is an extra allowance and medical insurance (not very extensive) for retired workers, which is 'means-tested' in a way that one has to have completed a ten-year blameless career at the company. Such a paternalist style – which indeed has analogies with the Soviet labour process – renders unsustainable in case the number of workers will increase and this medium-sized engineering shop will grow into a larger factory. In that case also the question of employee representation must be re-considered.

Gendered organization of work is typical also at Provod. 90 percent of which are women. Male workers are employed at cutting machines and as truck-drivers and loaders whereas composition jobs are almost exclusively performed by women. Provod has recently introduced a quality control system where in each month, the department chief holds personal development talks and evaluates the subordinate's performance based on a set of quality indicators. The goal of closer monitoring is to optimise the labour process, which will result in intensification of work. The number of employees varies according to orders; For example, shortly before the time of the interviews, 300 new temporary workers were hired. If orders increase the

temporary contracts will be changed to permanent ones, and even more employees hired. No agency work is used. Labour market is tight, and therefore the firm has hired and offers a ride for more than a hundred employees from two villages located 80–100 km from the factory.

The employer does not belong to any employers' association. There is a trade union at Provod, and a collective agreement. The management director has a monthly meeting with the trade union chairperson. Also, the HR manager has daily communication with the union chair. Employee relations have changed from adversarial to more co-operative during latest years. For example, the number of the workers' complaints to the labour inspectorate has decreased sharply, where the management and employee representatives have managed to resolve problems within the company. The trade union was more militant in the beginning stage, when it was established in 2003. According to a representative of management, the chairperson of the union sought more conflicts and not compromises with the directors. However, when the chairperson was changed a few years ago, employee-management relations at the site turned into social partnership. Two things deserve attention with regard to employee relations at this factory: union density is one of the highest among the researched companies (almost 50 percent) and the collective agreement is one of the most comprehensive ones, including e.g. wage tariffs and grounds for bonus schemes (which is a rarity among the case study companies). One might conclude, therefore, that the management style at Provod is nearest to 'bargained constitutionalism'. It remains to be seen, however, whether the style turns into true partnership or traditional style in the future. The former would gain ground if trust between the management and employees will strengthen; the latter will occur if reducing labour costs (the average wages are already among the lowest in the sample) will take precedence over resource-based view to labour force.

Findings

The variation of adopted management styles is illustrated in Fig. 2.

Resource		High commitment	Profile Maker Steel Works Mashina		
		Paternalism	Stal	Water Vehicle Provod Himstroy	Insulator Stroymaterial
Individualism	Cost minimization	Prefab			
	Commodity	None (unitary)	Adversarial	Co-operative	
		Collectivism			

Fig. 2. Management styles in case study companies
(normal style denotes Baltic and Bold font style Russian subsidiaries)

The management styles are not, however, as variegated as they first appear. On the left hand side of the matrix we find small or medium-sized greenfield or brownfield investments that have not yet reached the size that in Baltic or Russian circumstances would have undergone an emergence of trade unions. It very seldom happens that in these contexts, an engineering shop with 50–100 employees undergoes trade union activity. Steel Works with its 160 employees constitutes an exception; in this factory, employees are involved by means of relatively good wages and participation in work design, a type of «HRM participation» (see Ackers et al. 1992). Prefab seemed to be an exception as well, but this greenfield factory, established in 2004, faced an 'uncontrolled' (in terms of IR management) growth in employment, and consequently the style changed from traditional to 'bargained constitutional'.

What is remarkable that in both geographical contexts, the Nordic model's 'bargained constitutionalism' occurs in cases where Soviet-era trade union structures have survived, or where an in-firm union has fought for recognition and collective bargaining. Water Vehicle is a classic case for a trade union as a hold-over from the Soviet time, whereas Provod, Himstroy and Prefab have undergone a more adversarial stage in their employee relations history. Himstroy's position is unstable since the tactic of the management is to favour one (firm-based, collusive) union at the expense of another (federation level, militant) union. Insula-

tor and Stroyaterial – both brownfield factories with some impact from the Soviet time – provide examples of unions that lack real room to negotiate on important issues such as wages and that have assumed partnership with management in order to maintain their position. Their management style can be characterized as ‘modern paternalist’. It is noteworthy that ‘sophisticated consultative’ style (the upper right hand cell in the matrix) occurs in neither Baltic nor Russian case companies. The ‘sophisticated consultative’ style, encountered in the Nordic countries besides the ‘bargained constitutional’ style, presupposes a shared interest between unions and management in supporting and developing the individual employee (Kessler and Purcell 2003, 316–317). Seemingly it is not in the Nordic investor’s interests to allow co-determination in a Nordic way to flourish in the Baltic and Russian subsidiaries.

Those factories in which employee-management relations or organisational structures have sustained from the Soviet time were closest to the Nordic ideals of employee involvement and collective bargaining. However, the Nordic headquarters have seemingly promoted those features of the socialist labour process that service the downgraded function of the Baltic and Russian labour power. A wide-spread use of the internal labour market as well as encouraging particular features of the Soviet labour process (strict discipline, participation coefficients, paternalist style) while disregarding other features (relatively high autonomy on the shop floor) underline this notion. A special feature of the Soviet production system, the collusion between shop-floor workers and middle management, has retained from the Soviet time to some extent. Such relationships apparently have an impact on the post-socialist labour process as well. This observation confirms the notion that the Nordic employer seeks ‘best fit’ approaches to personnel management at foreign subsidiaries.

Conclusion

Has the Nordic investor become that convinced of the superiority of the ‘Nordic model’ – which has been successfully connected with high productivity – that he had started to introduce ‘negotiatory’ management style or co-determination to the Baltic subsidiary? Is a ‘skill-based labour management’, encountered in the Nordic labour process where employers have learned to live with the strong rights of workers (Whitley 1999, 69), being replicated in the Baltic and Russian subsidiaries? This study shows evidence of little model transfer of employee relations practices, and thus confirms my earlier findings (Sippola 2009). The evidence suggests that there are neither Nordic nor Anglo-American ‘best practices’ that the Nordic industrialists follow but rather the ‘best fit’ approach to employee relations is preferred. Appropriate ‘best fit’ is a combination of the type of process (e.g. metal products or construction materials), the size of the site, skills levels, gender structure, and Soviet background of the labour process.

Although the focus is on Nordic employers’ behaviour in the Baltic and Russian manufacturing industry, the present research is also an exploration to global production networks in general, and the notions we will make with regard to the investment motive and nature of production can probably be extended to concern other core-periphery settings as well. *I would argue that the post-Soviet labour regime has more to do with perceptible labour practices than the fact that the investor happens to be Nordic.* Although the researched subsidiaries originate in such coordinated market economies as Denmark, Finland, Norway or Sweden, it is assumed that they constitute business organisations which are driven by «normal» market logic, that is, the search of the lowest possible transaction costs while investing in neighbouring countries. Indeed, the behaviour of the Nordic investor is seen as if it were any capitalist’s conduct in the context of the spatially dispersed production process.

References

1. Ackers, P., Marchington, M., Wilkinson, A. and Goodman, J. (1992) ‘The use of cycles? explaining employee involvement in the 1990s’ *Industrial Relations Journal* 23(4): 268–283.
2. Ackers, P., Marchington, M., Wilkinson, A. and Dundon, T. (2005) ‘Partnership and voice, with or without trade unions: changing UK management approaches to organisational participation’, in M. Stuart & M.M. Lucio (eds) *Partnership and Modernisation in Employment Relations*, Oxon: Routledge.
3. Alas, R. and Svetlik, I. (2004) ‘Estonia and Slovenia: building modern HRM using a dualist approach’, in C. Brewster, W. Mayrhofer and M. Morley (eds.), *Human Resource Management in Europe: Evidence of Convergence?* Oxford: Elsevier Butterworth-Heinemann.
4. Ashwin, S. (2004) ‘Social Partnership or a ‘Complete Sellout’? Russian Trade Unions’ Responses to Conflict’, *British Journal of Industrial Relations* 42 (1): 23–46.

5. Benson, J. (2000), Employee Voice in Union and Non-Union Australian Workplaces, *British Journal of Industrial Relations* 38: 3 September 2000, pp. 453–459.
6. Blyton, P. & Turnbull, P. (1998) *The Dynamics of Employee Relations* (2nd Edition) MacMillan.
7. Boxall, P. & Purcell, J. (2003) *Strategy and Human Resource Management: Management, Work and Organisations*, Basingstoke: Palgrave Macmillan.
8. Brewster, C. (2004) 'European perspectives on human resource management', *Human Resource Management Review* 14(4): 365–382.
9. Brewster, C. and Larsen, H.H. (2000) 'The Northern European Dimension', in C. Brewster and H.H. Larsen (eds), *Human Resource Management in Northern Europe: Trends, Dilemmas and Strategy*, Oxford: Blackwell Publishers Ltd.
10. Bridgford, J. & Stirling, J. (1994) *Employee Relations in Europe*. Oxford: Blackwell Publishers.
11. Burawoy, M. (1985) *The Politics of Production*. London: Verso.
12. Byrkjeflot, H. (2002) 'Nordic Management: From Functional Socialism to Shareholder Value?' in B. Czarniawska and G. Sevón (eds.) *The Northern Lights: Organization Theory in Scandinavia*, LiberAbstrakt.
13. Child, John (1984), *Organization: A Guide to Problems and Practice*, 2nd edition. London: Harper & Row Ltd.
14. Clarke S. 1993, 'The Contradictions of 'State Socialism'', S. Clarke, P. Fairbrother, M. Burawoy & P. Krotov (eds.) *What about the Workers? Workers and the Transition to Capitalism in Russia*. London: Verso.
15. Clarke, S. (2004) 'A Very Soviet Form of Capitalism? The Management of Holding Companies in Russia', *Post-Communist Economies* Vol. 16 No. 4, pp. 405–422.
16. Communal, C. & Brewster, C. (2004) 'HRM in Europe', in AW Harzing & JV Ruysseveldt (eds.), *International Human Resource Management*, 2nd ed. London: SAGE Publications, pp. 167–194.
17. Croucher, R., Gooderham, P. and Parry, E. (2006) 'The Influences on Direct Communication in British and Danish Firms: Country, 'Strategic HRM' or Unionization?', *European Journal of Industrial Relations* 12(3): 267–286.
18. Dörrenbächer, C. (2001) 'The International Transfer of Production Models: Some Lessons from German FDI in Hungary', paper presented at the LINK Program Seminar Series, Copenhagen Business School, June 2001.
19. Dörrenbächer, C. (2004) 'Fleeing or Exporting the German Model? – the Internationalization of German Multinationals in the 1990s', *Competition & Change* 8(4): 443–456.
20. Eamets, R. and Masso, J. (2005) 'The Paradox of the Baltic States: Labour Market Flexibility but Protected Workers?' *European Journal of Industrial Relations* 11(1): 71–90.
21. Edwards, T. (2004a) 'Corporate governance, industrial relations and trends in company-level restructuring in Europe: convergence towards the Anglo-American model?', *Industrial Relations Journal* 35(6): 518–535.
22. Edwards, T. (2004b) 'The Transfer of Employment Practices Across Borders in Multinational Companies', in A-W. Harzing & J. V. Ruysseveldt (eds.) *International Human Resource Management*, 2nd Edition. London: SAGE Publications, pp. 389–410.
23. Gollan, P.J. (2006) 'Twin Tracks – Employee Representation at Eurotunnel Revisited', *Industrial Relations* 45(4): 606–649.
24. Guest, D. E. (2005) 'Human Resource Management, Trade Unions and Industrial Relations', in G. Salaman, J. Storey and J. Billsberry (eds.) *Strategic Human Resource Management: Theory and Practice* (2nd ed.). The Open University. London: SAGE Publications Ltd.
25. Gunningle, P., Turner, T. and Morley, M. (1998) 'Strategic integration and employee relations: the impact of managerial styles', *Employee Relations* Vol. 20(2): 115–131.
26. Gurkov, I. & Zelenova, O. (2009) 'Managing human resources in Russia', in M. J. Morley, N. Heraty & S. Michailova (eds.) *Managing Human Resources in Central and Eastern Europe*. London: Routledge, pp. 278–312.
27. Ichniowski, C. & Shaw, K. (2000) 'Quality Improvement Practices and Innovative HRM Practices: New Evidence on Adoption and Effectiveness', in R. E. Cole and W. R. Scott (eds), *The Quality Movement and Organization Theory*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications Inc.
28. Kallaste, E. and Jaakson, K. (2005) *Töötajate kaasamine Eestis: Juhtimisuuringutele põhinev analüüs*, ETTK / PRAXIS, Tallinn.
29. Kapelyushnikov, R. I. (2009) *The end of the Russian model of the labor market?* Working paper WP3/2009/06. Moscow State University Higher School of Economics.
30. Kessler, I. and Purcell, J. (2003) 'Individualism and Collectivism in Industrial Relations', in P. Edwards (ed.), *Industrial Relations Theory and Practice*, Blackwell Publishing Ltd.
31. Knudsen, H. (2005) *Scandinavian Scepticism: Danish and Swedish trade unionism in the European context*, International Workshop at Warwick University «Europeanisation and Organised Labour: An Unsolved Dilemma?» 18–19 November 2005.
32. *Labour Market and Social Policies in the Baltic Countries*. OECD 2003.
33. Lane, D. (1985) *Soviet Economy and Society*. Oxford: Basil Blackwell.
34. Legge, K. (2005) *Human Resource Management: Rhetorics and Realities* Palgrave Macmillan.

35. Lindeberg, T., Månson B. and Vanhala, S. (2004) 'Sweden and Finland: small countries with large companies', in C. Brewster, W. Mayrhofer and M. Morley (eds), *Human Resource Management in Europe: Evidence of Convergence?* Oxford: Elsevier Butterworth-Heinemann.
36. Lindell, M. and Arvonen, J. (1996) 'The Nordic Management Style in a European Context', *International Studies on Management & Organization* 26(3): 73–91.
37. Mabon, H. (1995) 'Human resource management in Sweden', *Employee Relations* 17(7): 57–83.
38. Marchington, M. and Parker, P. (1990) *Changing Patterns of Employee Relations*. Harvester Wheatsheaf.
39. Melin, H. (1995) 'Work situation of main occupational groups in the Baltic States', in R. Blom, H. Melin & J. Nikula (eds), *Social Stratas and Occupational Groups in the Baltic States*, Social Change in Baltic and Nordic countries-project, Working Papers series no 1. University of Tampere, Department of Sociology and Social Psychology, pp. 59–80.
40. Nikula, J. (1997), *From State-Dependency to Genuine Worker Movement? The Working Class in Socialism and Post-Socialism*. Academic dissertation. Faculty of Social Sciences, University of Tampere.
41. Poole, M. (1986), *Industrial Relations: Origins and Patterns of National Diversity*. London: Routledge & Kegan Paul plc.
42. Pulignano, V. (2006) 'The Diffusion of Employment Practices of US-Based Multinationals in Europe. A Case Study Comparison of British- and Italian-Based Subsidiaries', *British Journal of Industrial Relations* 44(3): 497–518.
43. Purcell, J. & Ahlstrand, B. (1994) *Human Resource Management in the Multi-Divisional Company*, Oxford University Press.
44. Roche, W. K. & Geary, J. F. (2000) '„Collaborative Production« and the Irish Boom: Work Organisation, Partnership and Direct Involvement in Irish Workplaces', *The Economic and Social Review* 31(1), pp. 1–36.
45. Rogaczewska A.P., Larsen, H.H., Nordhaug, O., Døving, E. and Gjelsvik, M. (2004) 'Denmark and Norway: siblings or cousins?' in C. Brewster, W. Mayrhofer and M. Morley (eds), *Human Resource Management in Europe: Evidence of Convergence?* Oxford: Elsevier Butterworth-Heinemann.
46. Stokke, T.A. and Thörnqvist, C. (2001) 'Strikes and Collective Bargaining in the Nordic Countries', *European Journal of Industrial Relations* 7(3): 245–257.
47. Vanhala, S. (1995) 'Human resource management in Finland', *Employee Relations* 17(7), 31–56.
48. Whitley, R. (1999) *Divergent Capitalism: The Social Structuring and Change of Business Systems*, Oxford: Oxford University Press.

Regional development and cross-border cooperation in practice

Hanna Alila, Irina Leppioja
University of Oulu, Oulu Business School,
Oulu, Finland

The cross-border regions are explained by the potential vested in the cross-border cooperation, by its ability to transform a border into a possibility foster regional development. By cooperating, these regions can jointly identify and address the specific challenges and opportunities presented by the border between them. Cooperation gives several possibilities. Together is possible to promote regional development, to improve relations between the participating countries contributing to stability and prosperity, to foster people-to-people contacts, as well as networks between local communities and to facilitate the generation of social capital, trade possibilities, trust and mutual understanding among the communities on both sides of the borders (Ministry for Foreign Affairs of Finland 2013).

Regional development creates needed preconditions for success and growth for the local business life, public sector and other actors. Regional public sector actors and authorities can support businesses in their internationalization process and networking. Additionally, regional activities can help to enable foreign investors and firms to establish their businesses into the region. One of the objectives of the regional development is to ensure the competitiveness and economic growth and create attractive business climate. This is implemented in the regional policies, strategies, implementation plans, programmes and projects predicting the future steps and sufficient resources. (Pelkonen, 2009, p. 3–7; Regional Council of Central Finland, 2013.) Public policies, programmes and projects are encouraging especially new, established firms to internationalize and seek opportunities outside the home markets.

The challenge is that the regions, for example in the high north, compete intranationally within the regions that have the knowledge-based industries in related industries. The competition is not only local or national because the regions compete internationally and globally in the specialized fields like petroleum and fields related on natural resources are, in terms of labour costs, infrastructure, innovation trajectories and networks. (Alderman, 2005, p. 255–276; Boschma, 2005, p. 71–72; Steen & Underthun, 2012, p. 223.)

The purpose of this paper is to introduce the concepts of regional development and cross-border cooperation in the northern areas. In this paper, the northern areas are understood as the Barents region consisting of Northern Finland, Northern Sweden, Northern Norway and Northwest Russia. This paper explores regional development, different forms of cross-border cooperation and discusses the cooperation in practice. Research question is following: *how takes cross border cooperation place in practice?*

This study is a qualitative case study which describes an example of cooperation possibilities between Finland and Russia. The paper describes the outcomes of cooperation so far and the expected activities in the future. The research data has been collected by means of interviews and meetings. The data collection has been carried during spring and summer 2013.

The structure of this paper is following: at first is explained the concepts of regional development and cross border cooperation. Then is the methodology and after that the case study description. Finally is the conclusion about the meaning of cross border cooperation, and the possibilities and challenges.

Regional development and cross-border cooperation – challenges in the northern periphery

Several studies have focused on the assessment of the influence of regions on economic development and growth. Interregional approaches compare the characteristics of the firms (managerial qualifications, financial factors, network involvement) to understand better firms locating in different settings. (Svanström & Boter, 2012, p. 342; Sternberg & Arndt, 2001, p. 365.) According to Svanström and Boter (2012, 342) «in general, it has been found that a region's actors need to be in close geographical proximity in order to effectively exploit the existing resources via inter-organizational exchange processes». Smaller firms need to strengthen their resources by the mobilization of external resources via collaborative arrangements by the others (Svanström & Boter, 2012, p. 323; Molina-Morales & Martínez-Fernández, 2008, p. 225–226).

The challenge in the peripheral regions is to find new business opportunities, especially across the borders. This can require the recognition of the weak signals and critical drivers of the change. On the other

hand, multiple studies have addressed that there is regional variation in business opportunities and firm performance (Svanström & Boter, 2012, p. 340; Audretsch & Lehmann, 2005, p. 1193). The research has focused on export support services excluding the other internationalization modes (Crick, 2009, p. 465; Bell & McNaughton & Young & Crick, 2003, p. 348). In addition, there are discussions about the relevance of the services (Wright & Westhead & Ucbasaran, 2007, p. 1023–1024). There is criticism against the regional and spatial strategies concerning the concrete actions, impacts and implementation of imposed strategic objectives (Luukkonen, 2011 p. 253; Rouge-Oikarinen, 2009, p. 230–237; Healey, 2009, p. 439–441). In a government point of view, activities balance trade and improve the international competitiveness of domestic firms (Ahokangas & Petäsno, 2012, p. 2).

There are several methods supporting the regional development. Some of the activities are bilateral and others multilateral. For example, the European Union's neighborhood programmes finance cross-border projects. In addition, Barents Euro-Arctic Council is a forum for intergovernmental and interregional issues, like environment, climate, economic development, the rights of indigenous people etc. The trend especially in the EU programmes have been that the activities are made by using integrative work methods and dealing with common challenges, safety and security questions and promoting the local cooperation. The focus areas have related to business life (like tourism), environment, culture, infrastructure and cooperation in the fields of healthcare and education. (Länsstyrelsen Norrbotten, 2007, p. 15–23.) The objectives of the programmes are to promote the regional integration and to minimize the border barriers, to strengthen the regional competitiveness and to improve the life conditions in the cross-border areas (Lapin liitto 2013). Integration and development are challenging due to the long distances, the geographical location of population centers, environmental factors, harsh climate, cultural differences and languages.

Methodology

The case study research will be the main view to study the research problem. Case studies provide insight into an issue, a management situation or a new theory in business studies (Ghauri, 2004, p. 109). The progress of a research process requires a definition of the studied phenomenon and understanding the process from selecting the phenomenon and outlining the research question. (Luostarinen & Väliveronen, 1991, p. 203; Eskola & Suoranta, 2005, p. 36.) The case study can be a single case study, comparative or multiple case studies. In comparative and multiple case study the same questions are asked or studied in a number of organizations and it is drawn a conclusion (Ghauri, 2004, p. 111, 114). Case study gives possibilities to describe the phenomenon and the activities in a certain context, in this research in the cross-border regions. The case is examined using different information sources. (Yin, 2003, p. 1–2.)

Research data is executed by means of interviews, meetings and other material, like the project documents and other documents related to the case study. The data is collected during spring and summer 2013. The data is collected using firm interviews using selected themes and face-to-face meetings and e-mails. The case example is a description of a cooperation process which is in progress. This paper summarizes the results so far. The interviews carried out with the Russian and Finnish small and medium sized firms (in total five interviews). The interviews are based on the topics concerning resources, operating in the northern areas and regional development. The acquired data is analyzed by developing a description.

Cross-border cooperation in practice

The Barents region is dominated by specialized industries that are linked to natural resources (forestry, mining, steel). Existing competences and industrial structures define the localization of economies and regional strategies. The municipalities in the more peripheral region where the resources are limited, «investment in policy measures via public support agencies are made with the purpose of solving the problems of market failure» (Svanström & Boter, 2012, p. 343–344). Public support agencies operate as institutions which provide information, skills and other resources and enable the development of competitive capabilities among the local firms (Svanström & Boter, 2012, p. 344; McEvily & Zaheer, 1999, p. 1133).

There are several actors in the Barents region providing finance, support or being active in regional issues. Some of them are only connected with bilateral issues, like between Finland and Russia or based on multilateral cooperation by the EU neighbourhood programmes. In practice, there are quite weak links and spaces in the Barents region. States have the strongest positions and the region does not have independent

working position and decision making possibilities. The real actions are between nations. The EU and the states provide economic and social development support and financing for the cross-border activities. In many cases, the results are not the actual benefits of the projects. The real benefits come via contacts between people and countries. (Rouge-Oikarinen, 2009, p. IX.)

The aim of this study is to describe the cross-border cooperation in practice highlighting the importance of the cooperation projects and the benefits they can create for the partners. One of the examples is a cooperation initiative in the field of cleantech. Cleantech or clean technology means products, services, processes and technologies which prevent or decrease the negative environmental impacts of industries and businesses. For example, energy efficient solutions, recycling, renewable energy sources, IT, sustainable transport solutions and development of electric motors and lightning illustrate the versatile approaches of cleantech.

The main target of the cooperation is to improve the system of waste management and landscaping of a municipality in Northwest Russia, and transfer knowledge in the municipal engineering in general. The first initiative has come from the Russian organization during the summer 2013 and the cooperation process is in progress.

There are about 2 000 firms in Finland operating in the field of cleantech (Perinteiset konepajat muuttavat cleantech-yrityksiksi, 2013). The field of business employs about 50 000 people and the turnover of the field was over €20.1 billion in 2011 and it has increased 10 % annually. In Russia, cleantech issues are taken care of municipal organizations. In Finland, the waste management and the services of this kind are provided by the public sector, firms or it is organized by public private partnerships.

A project funded by Kolarctic ENPI CBC has had a role of facilitator meaning that the project has had a possibility to contact Finnish firms in Northern Finland and select potential partners (firms and municipal actors). The first step is to organize a workshop where Russian and Finnish actors can meet each other, represent the problems and try to find preliminary solutions together. Initially, the idea was to organize the workshop in Finland but due to limited financial resources of the participants, it will be held in Russia during autumn/winter 2013. The knowledge transfer and cooperation is in progress and in the early stage. It is challenging to assess what kind of further actions the workshop creates. Nevertheless, the first step has been taken and the goal is to have concrete cooperation.

In a firm perspective, the interviewed firms from Finland and Russia argued that the local business environment provides benefits and challenges. Because the northern regions are well-known for the natural resources, business opportunities are in many cases related to the products and services which the heavy industry requires. The natural resources produce quite solid need for the products and the services even though, for example, mining is a very sensitive business and dependent on the global market. On the other hand, some of the natural resources, like berries, are more dependent on the natural conditions than the global market. One example of firm cooperation across the borders is about the wild berries. A Russian firm arranges berrying in Northwest Russia. Then the berries are mainly sold to Finland and Sweden and processed to different products. Without Russian import, Finnish and Swedish food industry would have a lack of raw material. The demand is quite stable but availability of the raw material depends on the weather, the natural conditions and the berry pickers.

As an outcome, this paper has revealed that the cross-border cooperation is a multifaceted concept in practice. The cooperation takes place in the projects but furthermore in the business life. The project for example financed by the EU can be a facilitator and network builder. The cooperation is possible even though it faces challenges and an implementation phase may take time. The results are not merely linked to business but more to relationships between people and organizations. Even though the initiatives are being mostly suggested and developed on the level of regional actors, the concrete actions still are to be made at 'grass roots level'. As a managerial implication, cleantech is one of the fields which have potential to transfer knowledge between Finland and Russia and to find new opportunities and establish businesses.

Conclusion

This paper describes the examples of cross-border cooperation in practice. The description is limited. Multiple-case analysis would allow for greater generalizability and making assumptions about the cross-border cooperation. The limitation of this study is that it is context-based and developed a few examples.

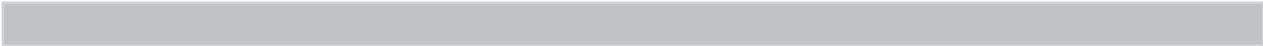
The cleantech case is a work in progress and the research results should be considered as initial results. The further research actions give deeper understanding about the phenomenon. Closer attention towards multiple-case study and knowledge transfer give an opportunity to acquire knowledge of a concrete impact of the cross-border cooperation.

The given theoretical framework and the previous research support the results of this study (Svanström & Boter, 2012; Alderman, 2005; Boschma, 2005). The cooperation across the borders is possible but challenging. The project financing can create a few concrete outcomes even though the objectives are significant. The characteristics of the northern area reinforce the problems which cooperation confronts but the analyzed examples point out that it is possible despite the barriers and criticism. Hence the cooperation needs work and commitment. The risk is that the cooperation stays at the level of discussion without real actions. Successful cooperation asks motivation, cultural knowledge, language skills and strong partnerships/networks and knowledge of business context. It should be accepted that there can be less successful attempts of cooperation. Hence, the question is that are the all policies and action made by policy-makers relevant (Wright & Westhead & Ucbasaran, 2007, p. 1023–1024.)

The northern areas need development; logistical connections need improvement, communication between different actors is needed, the relationships and networks between people and organizations are emphasized. Living in the sparsely populated areas requires new kind of planning of living environments and communities focusing on sustainable solutions and lifecycle management. New business and opportunities for cooperation are created in close interaction between people.

References

1. Ahokangas, P. & Petäsno, T. (2012). Internationalization support services for internationally oriented new ventures. Paper presented at the 38th EIBA Annual Conference, Sussex, 7–9 December 2012.
2. Alderman, N. (2005). Mobility versus embeddedness: The role of proximity in major capital projects, 2005 – 255–276. In Lagendijk, A. & Oinas, P. (eds.) (2005). *Proximity, Distance and Diversity*. Aldershot: Ashgate.
3. Audretsch, D. & Lehmann, E. E. (2005). Does the Knowledge Spillover Theory of Entrepreneurship hold for regions? *Research Policy*, 34, 1191–1202.
4. Bell, J., McNaughton, R., Young, S. & Crick, D. (2003). Towards an integrative model of small firm internationalisation. *Journal of International Entrepreneurship*, 1(4), 339–362.
5. Boschma, R.A. (2005). Proximity and innovation: A critical assessment. *Regional Studies*, 39, 61–74.
6. Crick, D. (2009). The internationalisation of born global and international new venture SMEs. *International Marketing Review*, 26(4/5), 453–476.
7. Eskola, J. & Suoranta, J. (2005). *Johdatus laadulliseen tutkimukseen*. Jyväskylä: Gummerus.
8. Ghauri, P. (2004). Designing and Conducting Case Studies in International Business Research, 109–124. In Marschan-Piekkari, R. & Welch, C. (eds.) (2004). *Handbook of Qualitative Research Methods for International Business*. Edward Elgar, Cheltenham.
9. Healey, P. (2009). In search of the «strategic» in spatial strategy making. *Planning Theory and Practice*, 10(4), 439–457.
10. Lapin liitto (2013). Rajat ylittävät EU-ohjelmat. Retrieved on http://www.lapinliitto.fi/kansainvalinen_toiminta/eu-ohjelmat.
11. Luostarinen, H. & Väliaverronen, E. (1991). *Tekstinsyöjät*. Jyväskylä: Vastapaino.
12. Luukkonen, J. (2011). The Europeanization of regional development: Local strategies and European spatial visions in Northern Finland. *Geografiska Annaler: Series B. Human Geography*, 93(3), 253–270.
13. Länsstyrelsen Norrbotten (2007). Interreg IV A Pohjoinen. Retrieved on <http://www.interregnord.com/media/48207/interreg%20iv%20a%20nord%20finska.pdf>.
14. McEvily, B. & Zaheer, A. (1999). Bridging ties: A source of firm heterogeneity in competitive capabilities. *Strategic Management Journal*, 20(12), 1133–1156.
15. Ministry for Foreign Affairs of Finland. (2013). Cross-border cooperation benefiting from borders. – Retrieved on http://www.aebr.eu/files/publications/CBC_Benefiting_from_Borders.pdf.
16. Molina-Morales, F. X. & Martínez-Fernández, M. T. (2008). Does homogeneity exist within industrial districts? A social capital-based approach. *Regional Science*, 88(1), 209–229.
17. Perinteiset konepajat muuttuvat cleantech-yrityksiksi. (2013). Retrieved on http://yle.fi/uutiset/perinteiset_konepajat_muuttuvat_cleantech-yrityksiksi/1871569.
18. Pelkonen, P. (2009). Developing a Broad-based Innovation Policy in Finland – Societal Opportunities Confronting Administrative and Political Challenges. *Administrative Studies – Hallinnon Tutkimus*, 28(3), 3–15.

19. Regional Council of Central Finland. Regional development is negotiation, reconciliation and choice. Retrieved on http://www.keskisuomi.fi/in_english/regional_development.
 20. Rouge-Oikarinen, R. (2009). Rajan ylittävä yhteistyö muuttuvassa Euroopassa: Euroopan union Tacis-ohjelma (1996–2004) Suomen lähialueyhteistyön toteuttamisvälineenä, Publications of the Geographical Society of Northern Finland and the Department of Geography, University of Oulu, Oulu.
 21. Steen, M. & Underthun, A. (2012). Upgrading the 'Petropolis' of the North? Resource peripheries, global production networks, and local access to the Snøhvit natural gas complex. *Norsk geografisk Tidsskrift – Norwegian Journal of Geography*, 65, 212–225.
 22. Sternberg R. & Arndt O. (2001). The firm or the region: What determines the innovation behavior of European firms? *Economics Geography*, 77(4), 364–382.
 23. Svanström, T. & Boter, H. (2012). Regional Variation in the SME-Audit Firm Relationship. *Journal of Modern Accounting and Auditing*, 8(3), 340–356.
 24. Wright, M., Westhead, P. & Ucbasaran, D. (2007). Internationalization of small and medium-sized enterprises (SMEs) and international entrepreneurship: a critique and policy implications. *Regional Studies*, 41(7), 1013–1029.
 25. Yin, R. K. (2003). *Case Study Research – Design and Methods*. 3rd edition. Applied Social Research Methods Series. Volume 5. Thousand Oaks: Sage Publication.
-

Международная экономическая интеграция как механизм развития экспорта туристских услуг*

*к.э.н., доцент Белов Г.Л.
ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический университет
им. И.Я. Яковлева»
г. Чебоксары*

Экспорт туристских услуг для региона – сложная и комплексная задача. Развитие экспорта связана с множеством факторов микро- и макросреды. Разработка организационно-экономического механизма экспорта туруслуг – является актуальной научной проблемой.

Россия обладает огромным потенциалом для экспорта туристских услуг, большим количеством уникальных природных, географических, исторических, знаковых, культурных, климатических, развлекательных и других объектов и занятий для зарубежного туристического интереса.

Развитие экспорта туристских услуг способствует:

- росту производства национального туристского продукта;
- привлечению личных сбережений иностранных туристов;
- росту инвестиционной привлекательности местной туристской индустрии;
- стимулированию развития малого бизнеса.

Целью данной статьи является обоснование применимости механизма регуляторов развития туристской инфраструктуры в решении задач международной экономической интеграции через развитие экспорта туристских услуг в регионе на примере Чувашской Республики.

В рамках исследования необходимо рассмотреть следующие вопросы:

- теоретические основы международной экономической интеграции;
 - основы организационно-экономического механизма экспорта туристских услуг;
 - исследование фундаментальных основ формирования ресурсного потенциала для экспорта туристских услуг.
- инновационная и инвестиционная детальность в сфере туризма в целях развития экспорта;
 - оценка ресурсного потенциала туристских объектов для целей экспорта;
 - механизм государственной поддержки развития экспорта туристско-рекреационных услуг;
 - межрегиональная интеграция для обеспечения экспорта общего туристского продукта;
 - консолидация деятельности предприятий туристской индустрии как залог развития экспорта туруслуг.

Развиваясь на территории, туризм стимулирует дополнительный спрос на товары и услуги. Удовлетворить данный спрос призвано региональное производство, которое формирует востребованное иностранными туристами предложение.

Спрос на комплекс товаров и услуг, сформированных туристской активностью, требует организации и расширения их производства. Благодаря этому производство потребительских товаров интенсивно развивается, обслуживания не только внутренних потребителей, но и внешний спрос.

Важной функцией туризма в регионе является привлечение значительных сумм иностранной валюты в виде оплаты за туристское обслуживание, покупку местных товаров, валютнообменных операций и т. д. [4, с. 15].

Качество и конкурентоспособность туристского предложения региона формируется из множества взаимосвязанных факторов. Это и уникальность туристско-рекреационных ресурсов, развитость туристской и общей инфраструктуры, квалификация персонала, сформированность туристского продукта, маркетинговое продвижение и т. д.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) по проекту № 13–32–01263 «Организационно-экономический механизм развития экспорта туристских услуг».

Важными составляющими организационно-экономического механизма экспорта туристских услуг региона являются государственная и муниципальная политика в этой сфере, общественное внимание и поддержка населения.

В соответствии с системным подходом государственная политика на уровне региона в сфере поддержки экспорта туристских услуг основано на разработке и реализации мероприятий, разработанных в рамках ряда региональных стратегических документов (рис. 1).

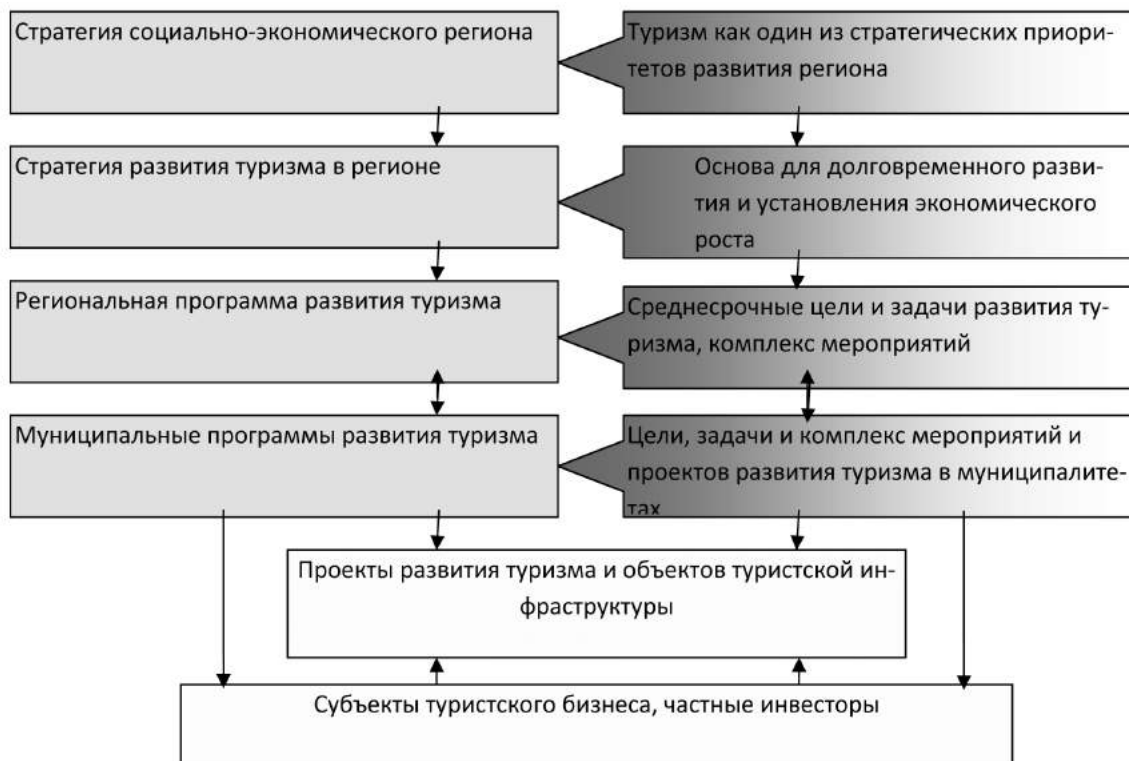

Рис. 1. Структура программно-целевого управления развитием туризма в регионе

Общей теоретико-методологической основой организационно-экономического механизма экспорта туристских услуг, по мнению автора, может выступать теория регуляторов социально-экономического развития.

Регуляторы могут выступать в качестве показателей устойчивости социально-экономического развития региона, показывают соответствие параметров развития заданным условиям.

Теория регуляторов непосредственно также связана с концепцией устойчивого развития экономики региона как фундаментального понятия современной концепции региональной экономики и управления. Экспорт туристских услуг обоснован только при наличии достаточных условий, соблюдение которых обеспечивает неразрушающее влияние антропогенных нагрузок на природную и инфраструктурную среду.

Главным показателем устойчивости выступают истинные темпы (нормы) сбережения и истинные нормы инвестиций в данной стране. Принятые сейчас подходы к измерению накопления богатства не учитывают истощение и деградацию природных ресурсов, а также инвестиции в людей как один из самых ценных активов любой страны [5, с. 92].

В количественном выражении регуляторы должны иметь максимально и минимально допустимые показатели, характеризующие предельные показатели устойчивости. При оценке потенциального уровня экспорта необходимо определить минимальные и максимальные предельные количественные значения въезжающих туристов.

Внутри диапазона предельных значений регулятора необходимо также выделить сегменты с оптимальными показателями, незначительными и значительными отклонениями в сторону максимально и минимально допустимых предельных показателей устойчивости развития. Отклонение от

оптимального уровня устойчивости в пределах диапазона предельной устойчивости соответствует понятию относительной устойчивости. Видов относительной устойчивости регулятора экспорт туристских услуг может быть достаточно большое количество, в зависимости от детализации и точности расчетов.

Регулятор развития экспорта туруслуг – это механизм развития инфраструктуры экономики региона, которые задают количественные требования к базовым элементам инфраструктуры при заданных параметрах стратегического развития экономики региона.

Для развития экспорта туруслуг необходимо выделить рыночные и административные регуляторы. Рыночные регуляторы развития экспорта туруслуг: спрос, предложение, цена, конкуренция и др.

Административные регуляторы развития: государственные инвестиции, налоговые преференции, организационно-методическая поддержка и др.

Для формирования эффективного организационно-экономического механизма экспорта туруслуг, по мнению автора, необходимо сформировать оптимальное соотношение регуляторов, определение их целевых показателей.

В современных условиях развитие экспорт туристских услуг региона тесно связана с межрегиональной и международной экономической интеграцией. Разработка политики и плана туристского развития должна основываться на принципе интеграции туризма в общую политику и план развития региона.

Основой для разработки плана механизма интеграции любого уровня является туристско-рекреационные ресурсы. Они определяют специфику развития туризма в регионе, являются исходным базисом для производства туристского продукта при планировании приоритетных направлений инвестиционной политики в регионе [1, с. 46].

Практика показывает, что в области международной экономической интеграции наилучшие результаты дает совместное участие и тесное сотрудничество индустрии туризма и правительства, межрегиональная интеграция.

Определяющим фактором в международной экономической интеграции в сфере туризма, по мнению автора, является то, что сначала необходимо создать условия для развития внутреннего спроса на туристский продукт, затем сформировать основы для межрегионального и всероссийского въездного туристского потока, и только потом выходить на международный туристский рынок.

Концептуальная схема организационно-экономического механизма экспорта туристских услуг представлена на рис. 2.

Рис. 2. Определяющие факторы организационно-экономического механизма экспорта туристских услуг региона

Мировой и российский опыт показывают, что международная экономическая интеграция и развитие экспорта туристских услуг основывается на межрегиональной интеграции регионов и целых стран (Большая Волга, Развитие круизного туризма на Дунае и т. д.). Туристский продукт отдельного субъекта Российской Федерации не всегда представляет интерес для иностранного туризма. Самый большой спрос иностранных туристов на программы «Золотое Кольцо», «Большая Волга» это подтверждают. Выход на международные рынки возможно в основном через создание межрегионального туристского продукта, привлекательного разнообразием и уникальностью.

Хотя отдельные регионы и выступают конкурентами за привлечение внешних ресурсов, тем не менее гораздо большего эффекта удастся достичь через объединение конкурентных преимуществ соседних регионов посредством развития межрегионального сотрудничества и стимулирования межрегиональной интеграции. [2, с. 86]

Анализ внутреннего спроса, формируемого населением Чувашской Республики, включает исследование:

- спроса на услуги туристских организаций Чувашской Республики;
- спроса на услуги туристских организаций, расположенных в других регионах Российской Федерации;
- международного спроса на услуги туристских организаций, расположенных за рубежом.

Спрос на услуги туристских организаций Чувашской Республики, формируемый населением Чувашской Республики включает отдых в туристских комплексах, оздоровительных базах отдыха и лагерях, пребывание в санаторно-курортных учреждениях.

Внутренний спрос на услуги туристских организаций Чувашской Республики не включает в себя самостоятельный туризм, представляющий собой большой пласт экономической активности людей:

- рыбалка и охота;
- отдых на пляже;
- дачный туризм;
- отдых в деревне;
- походы за грибами и ягодами и др.

Спроса на услуги туристских организаций, расположенных в других регионах Российской Федерации частично представлено в статистических отчетах о деятельности туристских фирм, но с каждым годом растет количество отдыхающих, отправляющихся на отдых по собственным маршрутам.

По данным Чувашстата в 2012 г. туристскими фирмами реализовано населению 13450 турпакетов, что составляет 50,08 % от уровня 2011 года. По зарубежным странам реализовано 11342 турпакетов, что составляет 97,89 % от уровня 2011 года. Всего в 2012 г. обслужено 82539 чел., что составляет 109,37 % от уровня прошлого года, из них нет граждан иностранных государств. [4, 92]

В практической плоскости реализация организационно-экономического механизма развития экспорта туристских услуг в Чувашской Республике затруднено рядом обстоятельств:

- острый недостаток качественной гостиничной инфраструктуры;
- проблема транспортной доступности туристических центров;
- низкий уровень бюджетных расходов на отрасль;
- высокий дефицит квалифицированного персонала, способного предложить качественное обслуживание туриста;
- отсутствие эффективного законодательства для привлечения частных инвестиций в отрасль;
- низкий уровень развития предпринимательской среды, которая необходима для развития туристической отрасли;
- достаточно строгий визовый режим;
- недостаточная государственная некоммерческая реклама туристских возможностей страны на зарубежных рынках;
- пассивная государственная политика в сфере туризма.

Для успешного развития въездного туризма в России необходимо решить следующие задачи:

- совершенствование нормативного правового регулирования в сфере туризма;
- развитие и совершенствование туристской инфраструктуры, в том числе сопутствующей (транспорт, общественное питание, индустрия развлечений и др.);

- создание новых приоритетных туристских центров;
- рекламно-информационное имиджевое продвижение России как страны, благоприятной для туризма, на мировом и внутреннем туристских рынках;
- повышение качества туристских и сопутствующих услуг;
- совершенствование визовой политики, в том числе в направлении упрощения условий въезда в нашу страну туристов из стран, безопасных в миграционном отношении;
- обеспечение условий для личной безопасности туристов.

Факторы «за» развитие международного туризма в Чувашской Республике:

- выгодное расположение на реке Волга;
- благоприятные климатические условия;
- экологически чистый регион;
- потенциал для развития агротуризма, лечебного туризма;
- богатое культурно-историческое наследие;
- достаточно развитая общественная и транспортная инфраструктура.

Шаги по налаживанию экспорта туристических услуг:

- мониторинг туристской инфраструктуры;
- оценка туристского потенциала.

К наиболее приоритетным экспортно-ориентированным направлениям развития туризма в долгосрочной стратегической перспективе, по мнению автора, следует отнести:

1. Круизный туризм по р. Волга и р. Сура в Приволжской рекреационной зоне. Данное направление активизирует рост экскурсионных туров, народных художественных промыслов, чувашских национальных праздников и кухни, этнографической составляющей, историко-культурного туризма.

2. Санаторно-оздоровительное направление (медицинский туризм), в том числе, развитие санаторно-курортной деятельности, молодежного и детского туризма, «активного отдыха» и самодельного туризма.

3. Агротуризм (сельский туризм) как форма диверсификации осуществляемых в сельской местности видов экономической деятельности. Это направление в комплексе включает развитие этнографических туров, экологических маршрутов, промыслов и ремесел, чувашской кухни, охоты и рыбалки.

4. Событийный туризм, включающий спортивные мероприятия, деловой туризм, туризм для соотечественников, транзит.

В среднесрочной перспективе, по мнению автора, в Чувашской Республике на уровень систематического предоставления туристских услуг в форме экспорта можно выйти только в сфере круизного и сельского туризма. Наибольшего экономического эффекта для Чувашской Республики может дать только экспорт услуг сельского туризма за счет уникального этнического турпродукта.

Круизный туризм как экспортная составляющая может дать экономической эффект для Чувашской Республики только в рамках межрегиональной интеграции и создания туристского продукта по нескольким регионам в бассейне рек Волга, Кама, Сура.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать некоторые выводы о некоторых подходах к формированию организационно-экономического механизма развития экспортных туристских услуг в Чувашской Республике:

1. Требования комплексности и системности в рассмотрении вопросов организационно-экономического механизма развития экспорта туристских услуг, определяют необходимость научно-обоснованного подхода, как на уровне государственного регулирования, так и на уровне общественных и коммерческих организаций.

2. К определяющим факторам формирования организационно-экономического механизма развития экспорта туристских услуг, по мнению автора, относится теория регуляторов, основанная, с одной стороны, на количественных требованиях к базовым элементам туристской инфраструктуры, с другой стороны на качественном анализе для обеспечения долгосрочной устойчивости и эффективности социально-экономического развития региона.

3. Международная экономическая интеграция и развитие экспорта туристских услуг региона должны быть основана на межрегиональной интеграции регионов и целых стран и создании привлекательного и конкурентоспособного туристского продукта.

4. Необходимо создать условия для развития внутреннего спроса на туристский продукт, затем сформировать основы для межрегионального и всероссийского въездного туристского потока, и только потом выходить на международный туристский рынок.

5. В среднесрочной перспективе в Чувашской Республике на уровень систематического представления туристских услуг в форме экспорта можно выйти только в сфере круизного и сельского туризма. Наибольшего экономического эффекта для Чувашской Республики может дать только экспорт услуг сельского туризма за счет уникального этнического турпродукта.

Список использованной литературы

1. Недосвитий Н.В. Планирование, прогнозирование и моделирование развития туризма: монография / Н. В. Недосвитий, И.В. Демьянова, Г.Л. Белов, Н.И. Артюшкина. Чебоксары: Филиал СПБГЭУ в г. Чебоксары, 2013. 198 с.
2. Развитие российских регионов: новые теоретические и методологические подходы / Институт проблем региональной экономики РАН; отв. ред. Е.Б. Костяновская. СПб.: Наука, 2006. С. 628. 107 с.
3. Статистический ежегодник Чувашской Республики. 2013: Стат. сб. / Чувашстат – Чебоксары, 201. 442 с.
4. Управление развитием туризма в регионе. Опыт реализации Стратегии Республики Карелия/ Институт экономики КарНИЦ РАН – Петрозаводск: Изд-во Карельского научного центра РАН, 2008. 227 с.
5. Экономика: учебник / под ред. Д.С. Львова, В.И. Видяпина: В 2 кн. Кн. 2. М.: ГОУ ВПО «РЭА им. Г.В. Плеханова», 2008. 464 с.

ВТО и Россия – что дальше?

Ильин Д.С.

*Российский государственный аграрный университет – мсха им. К.А. Тимирязева
г. Москва*

Переговоры о присоединении России к Всемирной торговой организации велись 18 лет, с 1993 года по 2011 год. Россия стала членом ВТО 22 августа 2012 года.

Присоединение РФ к ВТО вызывает противоположные точки зрения.

Членами Всемирной торговой организации являются уже 159 стран мира, и в ближайшие годы их число будет увеличиваться. Это означает, что практически всякое государство, претендующее на создание современной, эффективной экономики и равноправное участие в мировой торговле, стремится стать членом ВТО. Россия в этом смысле не является исключением.

Участие в ВТО даёт стране множество преимуществ. Их получение и является в прагматическом смысле целью присоединения к ВТО. Конкретными целями присоединения для России можно считать следующие:

- Получение лучших, в сравнении с существующими, и недискриминационных условий для доступа российской продукции на иностранные рынки;
- Доступ к международному механизму разрешения торговых споров;
- Создание более благоприятного климата для иностранных инвестиций в результате приведения законодательной системы в соответствие с нормами ВТО;
- Расширение возможностей для российских инвесторов в странах-членах ВТО, в частности, в банковской сфере;
- Создание условий для повышения качества и конкурентоспособности отечественной продукции в результате увеличения потока иностранных товаров, услуг и инвестиций на российский рынок;
- Участие в выработке правил международной торговли с учётом своих национальных интересов;
- Улучшение имиджа России в мире как полноправного участника международной торговли.
- Возможность вступления России в ОЭСР (членство в ВТО – обязательное условие).

Прошло больше года со дня вступления России в ВТО, и появились первые результаты, они оказались противоречивыми. Я считаю, что первые данные не будут отражать всю суть картины происходящего. Мы вступали в ВТО 18 лет, а ругаем уже через год. Сейчас есть много пессимистичных

прогнозов на развитие экономического состояния страны, но я верю что все будет хорошо. Россия – молодая страна, которая играет роль догоняющей и хочет успеть везде и сразу. Такого не бывает. Еще в 19 веке поэт Федор Тютчев написал:

«Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать –
В Россию можно только верить».

Верить в светлое будущее – вот что приходится нам делать. Но как в это «светлое будущее» попасть? Может через ВТО? Или через другую организацию? Есть точка зрения что эта организация – ОЭСР.

ОЭСР – Организация Экономического Сотрудничества и Развития.

Немного о данной организации. Организация экономического сотрудничества и развития (сокр. ОЭСР, англ. Organisation for Economic Co-operation and Development, OECD) – международная экономическая организация развитых стран, признающих принципы представительной демократии и свободной рыночной экономики. Создана в 1948 под названием Организация европейского экономического сотрудничества (англ. Organisation for European Economic Co-operation, ОЕЕС) для координации проектов экономической реконструкции Европы в рамках плана Маршалла.

Штаб-квартира организации располагается в Шато де ла Мюетт (фр. Château de la Muette) в Париже. **Генеральный секретарь (с 2006) – Хосе Анхель Гурриа Тревиньо (Мексика).** Руководящим органом ОЭСР является совет представителей стран – членов организации. Все решения в нём принимаются на основе консенсуса. Напомню, Консенсус (лат. consensus – согласие) – способ принятия решений при отсутствии принципиальных возражений у большинства заинтересованных лиц, принятие решения на основе общего согласия без проведения голосования, если против него не выступает никто, либо при исключении мнения немногих несогласных участников.

В мае 2007 руководство ОЭСР приняло решение о старте переговоров по членству России в ОЭСР.

Руководство России неоднократно отмечало, что по завершении переговоров о вступлении в ВТО процесс присоединения к ОЭСР будет активизирован. С августа 2012 Россия официально вступила в ВТО и начала переговоры о членстве в ОЭСР. В феврале 2013 года первый замглавы МИД РФ Андрей Денисов сообщил, что переговоры по вступлению в ОЭСР планируется завершить уже в 2013–2014 гг. Он также отметил, что никто не имеет планов по форсированию данных переговоров.

Влиятельный британский еженедельник The Economist высказал мнение о нежелательности приема России в ОЭСР до тех пор, пока будет сохраняться антизападная направленность политики Кремля.

23 мая в Минэкономразвития РФ прошел семинар «Присоединение России к ОЭСР: оценка возможных последствий», в котором приняли участие эксперты ВШЭ.

Семинар модерировали директор Департамента международных организаций Минэкономразвития России Владимир Ткаченко и первый проректор, директор ИСИЭЗ НИУ ВШЭ Леонид Гохберг.

Присоединение России к ОЭСР – одной из наиболее авторитетных международных экономических организаций – включено в число приоритетов внешнеэкономической политики Правительства Российской Федерации. Его высокая вероятность подтверждена заявлениями Президента РФ и Генерального секретаря ОЭСР. Вступление России в ВТО, а также значительный прогресс в переговорах с комитетами и рабочими органами ОЭСР создают предпосылки для ускорения интеграционного процесса.

Однако присоединение к этой организации невозможно без приведения национального законодательства к соответствию с ее нормами. В связи с чем России необходимо взвесить все за и против, в частности определить, во-первых, издержки и риски присоединения, а также начального этапа членства в ОЭСР, а во-вторых, долгосрочные выгоды и преимущества от участия в этой организации. Крайне важно изначально наметить комплекс мер для обеспечения эффективного и качественного сотрудничества с ОЭСР на долгосрочную перспективу.

В обсуждении этого круга вопросов приняли участие представители Министерства экономического развития РФ, Министерства юстиции РФ, Министерства природных ресурсов и экологии РФ, Министерства труда и социальной защиты РФ, Росаккредитации, Министерства образования и науки РФ. Дискуссанты в значительной мере опирались на материалы исследования, подготовленного экспертами НИУ ВШЭ и представленного на семинаре.

В ходе исследования было выявлено несколько «чувствительных» секторов, изменения в которых либо не имеют достаточно надежной основы, либо могут стать причиной споров с ОЭСР, либо могут иметь негативные эффекты для России.

К «спорным» секторам можно отнести в первую очередь экологию: в странах-членах ОЭСР основной упор делается на разработку и применение превентивных мер в области охраны окружающей среды, а в России – на ликвидацию последствий загрязнения. Есть определенные проблемы и в сфере оборота химических веществ (из-за несоответствия методик оценки их свойств). В области корпоративного и государственного управления споры возможны по вопросам усиления защиты прав и интересов миноритарных акционеров и из-за несовершенства системы контроля и аудита. Участникам переговорного процесса предстоит урегулировать ряд сложностей, обусловленных различиями в системе налогообложения, недостаточностью ресурсов для участия в программе экспортного кредитования и международных инвестиционных проектах, а также несовершенством системы информационной безопасности. Заметные возражения у российской стороны возникают и по предложенным экспертами ОЭСР рекомендациям в отношении борьбы с коррупцией.

Тем не менее по большинству направлений ситуация с гармонизацией российского законодательства и правоприменительной практики оценивается как «благоприятная». И ее не омрачают ни высказываемые некоторыми экспертами сомнения относительно высоких затрат, связанных с присоединением к ОЭСР, ни опасения по поводу возможной «политизации» этого процесса.

Подводя итоги семинара, представитель Правительства РФ на переговорах по присоединению к ОЭСР Владимир Ткаченко уверенно констатировал: хотя диалог с ОЭСР не всегда идет объективно и сопряжен с определенными проблемами и рисками, движение в сторону интеграции необходимо продолжать, как и сотрудничество с НИУ ВШЭ в плане экспертной поддержки. Причем на данном этапе уже не по вопросам присоединения, а скорее по вопросам членства в организации. «Необходимо готовиться к очень большой и серьезной работе», – резюмировал Владимир Ткаченко.

Первый проректор НИУ ВШЭ Леонид Гохберг подчеркнул, что эксперты, привлеченные к проекту по оценке возможных последствий присоединения к ОЭСР, были весьма мотивированы, представляя ту конкретную пользу, которую приносит это исследование федеральным органам. Последующее членство России в ОЭСР сопряжено с необходимостью обработки огромных массивов информации, генерируемой в ходе текущей деятельности организации и, в частности, постоянных экспертных обсуждений. Тем не менее положительные эффекты от вступления России в ОЭСР, несомненно, оправдывают весь объем затрачиваемых усилий. Первый проректор ВШЭ оценил возможные плюсы не только в виде политических дивидендов, но и реальных выгод для экономики страны.

Перечислим лишь некоторые выгоды от сотрудничества с этой организацией: получение доступа к ее экспертно-аналитическому потенциалу и экспертизе мирового уровня, повышение авторитета России как экономически развитой и демократической державы, расширение партнерских взаимоотношений со странами-членами ОЭСР и ряд других преимуществ.

У многих людей сразу возникает вопрос о различиях между ВТО и ОЭСР. Можно выделить два наиболее существенных – хотя их, конечно, намного больше.

Во-первых, в отличие от ВТО, ОЭСР не имеет обязательных инструментов, невыполнение которых приводит к каким-то экономическим санкциям. В ВТО прописан порядок компенсации, порядок урегулирования споров. У ОЭСР такого нет.

И второе отличие от ВТО: охват проблем, которыми занимается ОЭСР, гораздо шире, чем в ВТО.

Раньше еще говорили, что ОЭСР – это «клуб богатых», но сегодня такое утверждение не вполне соответствует реальности. Действительно, основные члены – страны промышленно развитые, но не так давно членом стала Чили, до этого членом этой организации стала Мексика – страны развивающиеся. Кроме того, сейчас речь идет о возможном принятии новых кандидатов, среди которых также есть развивающиеся страны.

И даже без увеличения числа стран-членов ОЭСР очень сильно расширила свой диалог по глобальным проблемам с развивающимися странами, такими как Бразилия, Индия, Китай, Индонезия, Южная Африка, Аргентина. Так что они в своем анализе ориентируются не только на собственное понимание, но также «сверяют часы» и вовлекают в диалог, в свою аналитическую работу и страны вне ОЭСР, которые имеют большое влияние на ход развития мировой экономики и процессов в экономике.

Зачем мы туда присоединяемся, и что мы ожидаем получить? Первое и главное, чем славится ОЭСР – это организация, которая располагает общепризнанной экспертизой в области экономического анализа, экономического прогноза и способов решения вопросов в области государственного управления практически всеми сферами деятельности. В принципе, для нас интересны все три направления, но наибольший практический интерес представляет именно опыт ОЭСР в области решения проблем, связанных с государственным управлением в экономике.

ОЭСР проводит большую аналитическую работу в разных областях. Это и инвестиции, и корпоративное управление, и пенсии, образование, рыболовство, экология и т. д. и т.п. То есть, практически все, кроме обороны. И на основе этого анализа вырабатывают так называемые наилучшие практики, то есть оптимальные решения, которые позволяют достигать наилучший результат с наименьшими затратами. Организация дает хорошую консалтинг-экспертизу, направленную на повышение уровня качества и эффективности государственного управления в стране.

Россия в последнее время проводит реформы корпоративного управления, совершенствования делового климата, повышения эффективности государственного управления, пенсионной системы и т. д. По всем таким вопросам у ОЭСР есть очень большой опыт, который апробирован, оценен, откалиброван и подготовлен в виде продуктов, готовых к употреблению. Для нас, безусловно, все это представляет интерес. И то, что мы делаем в процессе присоединения к ОЭСР, во многом совпадает с тем, что мы делаем исходя из логики наших внутренних реформ. Это в значительной степени отмечалось и при присоединении к ВТО.

Зачем вступать, платить деньги, тратить время, когда можно и так все это получать – если ОЭСР, в принципе, организация открытая? Когда участвуешь в этом процессе как полноправный участник и имеешь право голоса, то и тебе интереснее, и главное – с тобой больше считаются в мире.

Организация ведет большую работу по разработке новых методов государственного регулирования. На основе наилучшего опыта они вырабатывают рекомендации, решения, в некоторых случаях это принимает форму конвенций или кодексов. То, что ОЭСР готовит и обсуждает сегодня, в перспективе станет нормой законодательства в этих странах – а их уже больше тридцати. Это национальное законодательство, это нормы международных соглашений, это те законы, по которым будут жить будущие поколения. И там есть вещи, которые затрагивают наши интересы.

Поэтому с точки зрения обеспечения наших долгосрочных интересов, обеспечения справедливой и достойной роли России в управлении глобальной экономикой, выстраивания отношений между странами для нас, конечно, интересно участвовать в этом процессе. А это можно сделать только в том случае, если вы являетесь полноправным членом организации и имеете право голоса.

Членство в ОЭСР – это, среди прочего, еще и в значительной степени показатель уровня деловой среды, конкуренции, защиты прав инвесторов. Естественно, для инвестора это служит своего рода гарантией, «знаком качества». Поэтому страна, которая является членом ОЭСР, для инвестора более понятна. И это объективно будет содействовать притоку инвестиций. А без инвестиций никуда, как мы знаем.

Есть несколько проблемных зон, которые представляют определенные риски, которые вытекают из необходимости изменений законодательства, сложившейся системы правоотношений и могут повлечь издержки либо для бюджета, либо для компании, либо для налогоплательщиков.

Очень неплохо было бы вступить в ОЭСР, но, я уверен, что есть какие-то риски или минусы при присоединении.

«Мы такие риски видим в экологии, в обороте химической продукции. Есть определенные риски в области инвестиций, финансовых рынков и торговли в части договоренности об экспортных кредитах. Присоединяясь к ней, мы меняем систему государственной поддержки экспорта и там возникают вопросы, которые требуют дополнительного осмысления.

Много разговоров идет вокруг антикоррупционного законодательства. То, что вытекает из конвенции ОЭСР о борьбе с подкупом иностранных лиц в сделках международной торговли, в отдельных случаях не совсем укладывается в нашу правовую систему. Нам предстоит найти варианты решения таких проблем и договориться с ОЭСР.

Риски есть, но они все просчитываемые и, в значительной степени, управляемые. Мы ведем переговоры таким образом, чтобы эти риски либо минимизировать через переходные периоды, изъятия или даже неприсоединение к отдельным правовым актам ОЭСР. Но таких рисков немного», – сказал представитель правительства России на переговорах по присоединению к ОЭСР Владимир Ткаченко. Очень хорошо было бы пополнить список участников ОЭСР.

• Австралия (7 июня 1971)	• Новая Зеландия (29 мая 1973)
• Австрия	• Норвегия
• Бельгия	• Польша (22 ноября 1996)
• Великобритания	• Португалия
• Венгрия (7 мая 1996)	• Словакия (14 декабря 2000)
• Германия	• Словения (21 июля 2010) ^[1]
• Греция	• США
• Дания	• Турция
• Израиль (7 сентября 2010) ^[1]	• Финляндия (28 января 1969)
• Ирландия	• Франция
• Исландия	• Чехия (21 декабря 1995)
• Испания	• Чили (7 мая 2010) ^[2]
• Италия	• Швейцария
• Канада	• Швеция
• Люксембург	• Эстония (3 июня 2010) ^[3]
• Мексика (18 мая 1994)	• Южная Корея (12 декабря 1996)
• Нидерланды	• Япония (28 апреля 1964)

Рис. 1. Страны – участницы ОЭСР

Страны, представленные выше, имеют хорошие позиции в мире. Стремиться к лучшему – добрый знак. Если мы вступим в ОЭСР, то сделаем большой шаг вперед, а сделав это оперативно, еще больший.

Переговоры уже идут, вступление в ряды организации не будет простым, придется принять несколько законов, изменить ситуацию в стране по отдельным отраслям, много что придется «поправить». Но я думаю, это того будет стоить. У нас не все идеально, мы это понимаем, и должны что-то с этим делать. Возможно, вступление в ОЭСР со всеми последствиями – то что нам нужно, время покажет.

Влияние мирового финансово-экономического кризиса на функционирование трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики России

*Кучиц И.О.
Институт экономики КарНЦ РАН
г. Петрозаводск*

Современный кризис продемонстрировал усиливающееся влияние глобальных процессов на национальные экономики, а также сильную взаимозависимость денежно-кредитной системы и финансовых рынков. Поскольку процессы глобализации в первую очередь затрагивают область международных финансов, особо актуальным становится вопрос относительно возможности государства регулировать национальную экономику, в частности в области проведения независимой денежно-кредитной политики [6, с. 44].

В большинстве стран с развитой рыночной экономикой общей целью денежно-кредитной политики выступает обеспечение экономического роста, снижение инфляции и безработицы. Успешность монетарной политики в достижении ее конечных целей во многом зависит от эффективности функци-

онирования трансмиссионного механизма и характеристик экономической среды той или иной страны, от качества функционирующих в ней институтов. Поэтому для обеспечения результативности денежно-кредитной политики и выбора соответствующих каналов передачи монетарных импульсов необходимо проанализировать, какими возможностями обладает монетарная политика в конкретной стране, т. е. выявить характер и силу ее влияния на макроэкономические показатели.

Исследование влияния мирового финансового и экономического кризиса на функционирование трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики является актуальным, поскольку в отличие от развитых стран, трансмиссионный механизм в России еще недостаточно развит и многие каналы только формируются. Более того, результаты исследований, проведенных до кризиса, указывают на то, что каналы денежной трансмиссии в России до кризиса могли существовать только в слабовыраженной форме.

Несмотря на активное изучение зарубежными экономистами функционирования трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики для обоснования принятия управленческих решений и прогнозирования их эффекта, в России данной проблеме уделяется значительно меньше внимания, а в основу оценки эффективности действий центрального банка зачастую закладывается лишь изменение финансовых показателей, что не является достаточным для проведения полноценного анализа.

Вне зависимости от различий во взглядах относительно денежной трансмиссии, определения трансмиссионного механизма в широком смысле во многом сходятся. Под ним понимают совокупность каналов (цепочек макроэкономических переменных), по которым передаются монетарные импульсы, генерируемые центральным банком посредством инструментов денежно-кредитной политики, и их воздействие на ключевые макроэкономические показатели [8, с. 171–172].

Изучение теоретических основ функционирования трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики позволяет сформулировать базовую схему передачи монетарного импульса посредством инструментов центрального банка на реальный сектор экономики через различные каналы. Во всех проанализированных работах данный процесс включает в себя изменение финансовых и денежных параметров под влиянием импульса денежно-кредитной политики, которые в дальнейшем приводят к изменению поведения экономических агентов [9, с. 22]. Таким образом, в обобщенном виде любой механизм денежной трансмиссии можно обозначить в виде следующей цепочки:

инструменты ЦБ¹ → финансовый сектор² → реальный сектор³ → темпы экономического роста (рис. 1).

Согласно данной схеме центральный банк при помощи инструментов денежно-кредитной политики оказывает влияние на финансовый сектор, а именно на рыночные процентные ставки, цены финансовых активов, валютный курс, условия кредитования и другие параметры (1). В результате в финансовой конъюнктуре происходит определенный сдвиг, воздействующий на реальный сектор (изменение объема инвестиций, потребление, чистый экспорт) и приводящий к корректировке номинальных расходов домашних хозяйств и фирм, т. е. происходит некая макроэкономическая адаптация (2). Соответственно происходит изменение выпуска и темпов экономического роста (3). Однако нарушения в работе любого звена трансмиссионного механизма могут стать причиной снижения эффективности его работы и даже кардинальным образом повлиять на конечные результаты денежно-кредитной политики центрального банка [7, с. 3].

Особое внимание следует уделить именно второй фазе процесса трансмиссии поскольку на данном этапе можно выделить несколько схем, описывающих воздействие монетарного импульса на совокупный спрос. Данные схемы формируют каналы трансмиссионного механизма, которых в экономической литературе выделяют от трех и более [9, с. 5–6]. Среди каналов трансмиссионного механизма, присутствующих в большинстве проанализированных экономических исследований, можно выделить процентный, кредитный, канал валютного курса, благосостояния и монетаристский.

Традиционно в качестве ключевых рассматривают три первых канала, т. е. процентный, кредитный и канал валютного курса, некоторые модели трансмиссионного механизма ограничиваются лишь данными каналами. Однако в литературе встречается ряд второстепенных или дополнительных каналов трансмиссии. Для лучшего понимания работы каналов трансмиссионного механизма необходимо систематизировать и структурировать теоретический материал. На рис. 1 представлена структура и механизм работы ключевых каналов трансмиссионного механизма.

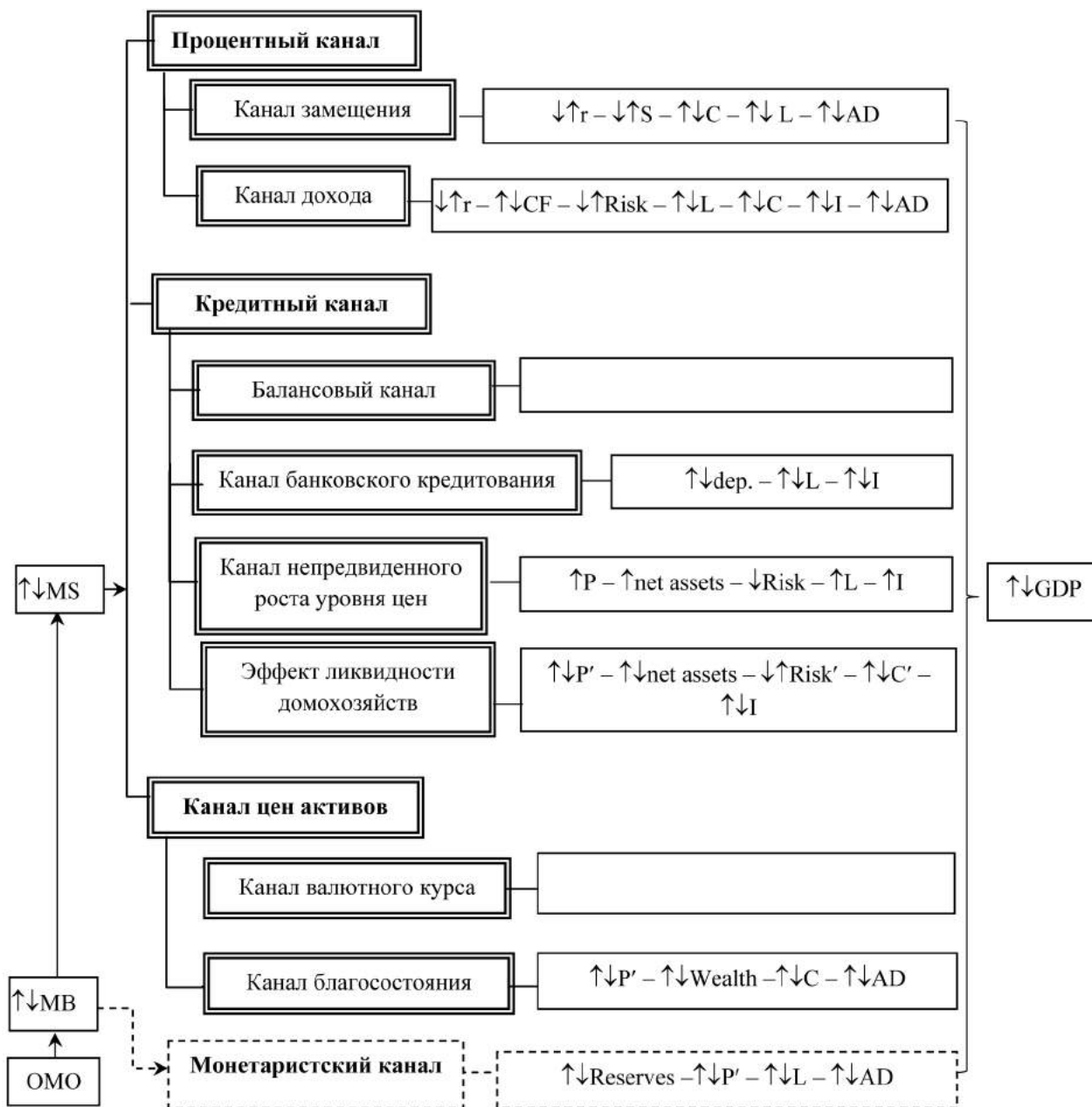

Рис. 1. Структура и механизм работы каналов трансмиссионного механизма¹

Источник: составлено автором

Для рассмотрения того, как теоретические подходы реализуются на практике, был проведен сравнительный межстрановой анализ моделей денежной трансмиссии на примере США и ЕС. Были рассмотрены три модели трансмиссионного механизма: модель Кеннет Каттнера и Патриции Моссер (2002 г., США) [15], Дж. МакКарти (2012 г., современная модель ФРС США) [17] и современная модель ЕЦБ [16].

¹ Где OMO – операции на открытом рынке, MS – предложение денег, r – процентная ставка, S – сбережения, C – потребление, L – кредиты, CF – денежные потоки, Risk – риск потерь (асимметрия информации), I – инвестиции, Capit. – капитализация (цена акций), dep. – депозиты, P – цены (неожидаемый рост), net assets – чистые активы, P' – цены финансовых активов, Risk' – вероятность финансовых затруднений, C' – потребление товаров длительного пользования и расходы на недвижимость, exc. rate – обменный курс национальной валюты, NX – чистый экспорт, Wealth – богатство домохозяйств, MB – денежная база, Reserves – резервы, AD – совокупный спрос, GDP – ВВП.

Наиболее раннюю из рассмотренных моделей можно считать базовой, поскольку она в меньшей степени детализирована, тем не менее в ней в достаточно лаконичном виде представлена взаимосвязь всех ключевых элементов механизма монетарной трансмиссии и каналов передачи монетарного импульса. В модели также представлен монетаристский канал, но не во всех теоретических работах он выделяется в качестве полноценного и независимого. Включение его в модель, свидетельствует о том, что некоторые американские экономисты, в частности К. Каттнер и П. Моссер, считают его существенным.

– Две современные модели ЕЦБ и ФРС США существенно отличаются с точки зрения структуры их построения и отражения взаимосвязей элементов трансмиссии, к основным из наиболее значимых особенностей следует отнести следующие. Для модели ФРС США характерно: детальное рассмотрение каналов денежной трансмиссии;

– включение в модель длительного интервала трансмиссии (начиная с операций на открытом рынке и заканчивая совокупным спросом);

– учет специфики механизма, обусловленный высоким уровнем развития финансового рынка.

– В то время как модель ЕЦБ отличается следующими характеристиками:

– в центре внимания находится взаимосвязь элементов трансмиссионного механизма, а не четко выделенные каналы;

– рассматривается более короткий интервал процесса трансмиссии, ограничивающийся влиянием монетарных импульсов на динамику цен;

– в модель включены внешние шоки, неподконтрольные центральным банкам, под которыми понимаются изменения в уровне премии за риск, капитале банков, фискальной политике государства, динамике цен на сырьевые товары и глобальной экономике в целом.

Несмотря на все указанные нами различия, европейскую и американскую модели объединяет одна существенная характеристика – в них учитываются ожидания экономических субъектов, что свойственно институциональной парадигме, т. е. они обе отражают современный подход к анализу денежно-кредитной политики и ее трансмиссионного механизма.

Более того, в трансмиссионном механизме некоторых стран можно встретить самостоятельный канал ожиданий. Например, на официальном сайте Банка Тайланда представлена структура трансмиссионного механизма, состоящего из пяти каналов: процентного, кредитного, валютного, канал цен активов и канала ожиданий [18].

Однако модели трансмиссионного механизма подразумевают наличие определенной степени упрощения процесса трансмиссии и не отражают всех взаимосвязей рассматриваемых переменных и составных элементов. Наличие различных монетарных шоков на практике и институциональные особенности среды, в которой функционирует центральный банк, значительно усложняют работу всего механизма.

Для анализа специфики денежно-кредитной политики Банка России и трансмиссионного механизма в частности в нестандартных условиях в первую очередь были рассмотрены направления монетарной политики центральных банков развитых стран в период кризиса.

В целом кризисные явления показали, что инструментария центральных банков не достаточно для эффективной борьбы с кризисом и предоставления необходимого объема ликвидности финансовым институтам. Это связано с тем, что до кризиса в развитых странах ключевая роль отводилась лишь одному инструменту монетарной политики – регулированию краткосрочной процентной ставки, а основной целью являлось обеспечение стабильности цен [12, с. 6].

Следует особенно отметить во многом скоординированный характер действий центральных банков. Практически одновременное снижение процентных ставок ведущими центральными банками является ярким тому примером (рис. 2). Данные действия центральных банков развитых стран демонстрируют то, что они не были намерены использовать конкурирующее обесценение валют для поддержки своих экономик [11, с. 8].

В результате проводимой политики к концу 2008 – началу 2009 г. процентные ставки развитых стран приближались к нулевой отметке, что существенно ограничивало дальнейшее применение стандартных инструментов монетарной политики для стимулирования экономики.

Кроме этого, в период кризиса возникали определенные препятствия, затруднявшие функционирование трансмиссионного механизма, в частности к ним можно отнести нарушения в работе

денежного рынка, снижение доверия к финансовому сектору, возрастание уровня риска и введение ограничений по кредитованию. В таких условиях утратила свою значимость такая важная составляющая трансмиссионного механизма развитых стран, как процентная ставка, более того также ослабло действие кредитного канала в его традиционном виде [5, с. 38–39].

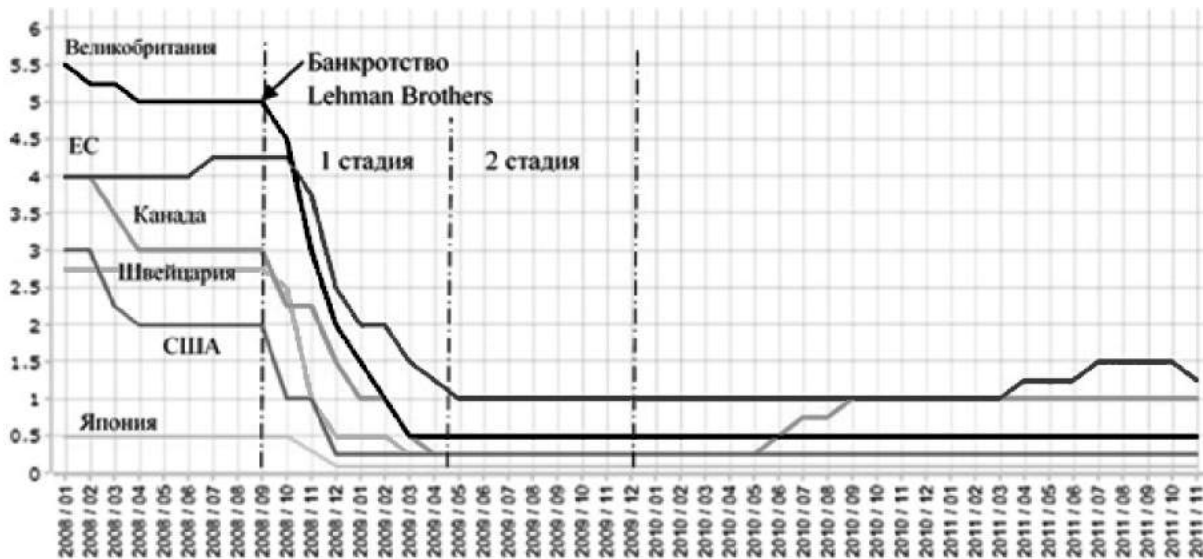

Рис. 2. Снижение основных процентных ставок центральными банками [13]

Именно из-за наличия данных проблем в процессе денежной трансмиссии центральные банки были вынуждены создавать новые инструменты монетарной политики для предоставления ликвидности. Благодаря применению нестандартных мер монетарной политики по количественному и кредитному смягчению удалось активизировать работу кредитного канала, сделав его одним из ключевых каналов передачи монетарного импульса на экономику в развитых странах в период кризиса.

Меры, принимаемые Банком России во время мирового финансово-экономического кризиса, были во многом схожи с программами, проводимыми центральными банками развитых стран. На начальной стадии кризиса происходило наиболее масштабное предоставление ликвидности банковской системе через традиционные инструменты денежно-кредитной политики. Тем не менее, в условиях практически полной приостановки работы межбанковского рынка и падения доверия вкладчиков к банковской системе данных действий было недостаточно. ЦБ РФ, почти как все центральные банки развитых стран, был вынужден расширить инструментарий денежно-кредитной политики, увеличить количество ценных бумаг, принимаемых в качестве обеспечения, и сроки предоставления средств коммерческим банкам (рис. 3).

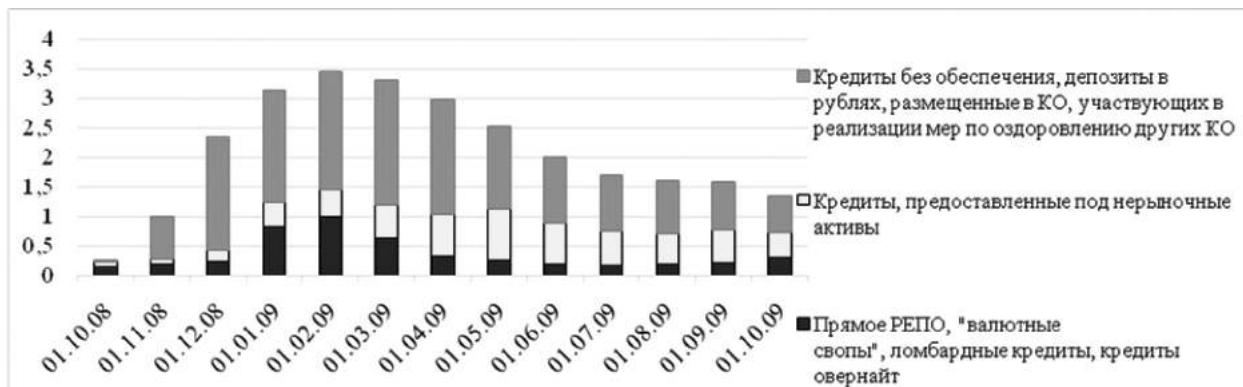

Рис. 3. Структура валового кредита Банка России кредитным организациям без учета субординированных кредитов Сбербанку России (трлн. руб.) [1], [2], [3]

Тем не менее, политика Банка России имела определенную специфику. Ее принципиальным отличием являлось регулирование динамики валютного курса, которое преимущественно применяется в развивающихся странах. Кроме этого, в России особое внимание уделялось возможному ускорению темпов роста инфляции, в то время как развитые страны скорее волновала проблема дефляции.

Основываясь на проанализированных материалах относительно особенностей проведения монетарной политики в период кризиса, ранее проведенных исследованиях и статистических данных, можно предположить, что Банк России стоит на пороге качественных изменений, связанных с разработкой денежно-кредитной политики и ее реализацией посредством различных каналов трансмиссионного механизма. Более того, уже начиная с 2000-х гг. прослеживается процесс эволюционного развития национальной экономики, о чем свидетельствует динамика основных макроэкономических показателей [4, с. 65–66]. В частности, результаты корреляционно-регрессионного анализа денежной базы и денежного мультипликатора за период (с 1995 г. по 2012 г.) свидетельствуют о наличии прямой связи между переменными, однако, с 1995 по 2000 г. коэффициент корреляции показывает наличие слабой связи, с 2000 по 2006 г. связь усиливается, и в последнем периоде коэффициент корреляции приближается к единице. Таким образом, можно заключить, что только с 2006 г. проявляется устойчивая сильная связь между показателями. Данный аспект является положительным, поскольку в условиях стабильности и предсказуемости возможно наиболее эффективно разрабатывать и реализовывать принципы денежно-кредитной политики. Это также дает основание предположить, что потенциально появляются условия для функционирования основных каналов трансмиссионного механизма.

На рис. 4 представлен авторский вариант схемы функционирования трансмиссионного механизма в России на современном этапе и выделены каналы передачи монетарного импульса в зависимости от эффективности их функционирования. Стоит отметить, что ключевым каналом денежной трансмиссии в России можно по-прежнему считать лишь канал валютного курса.

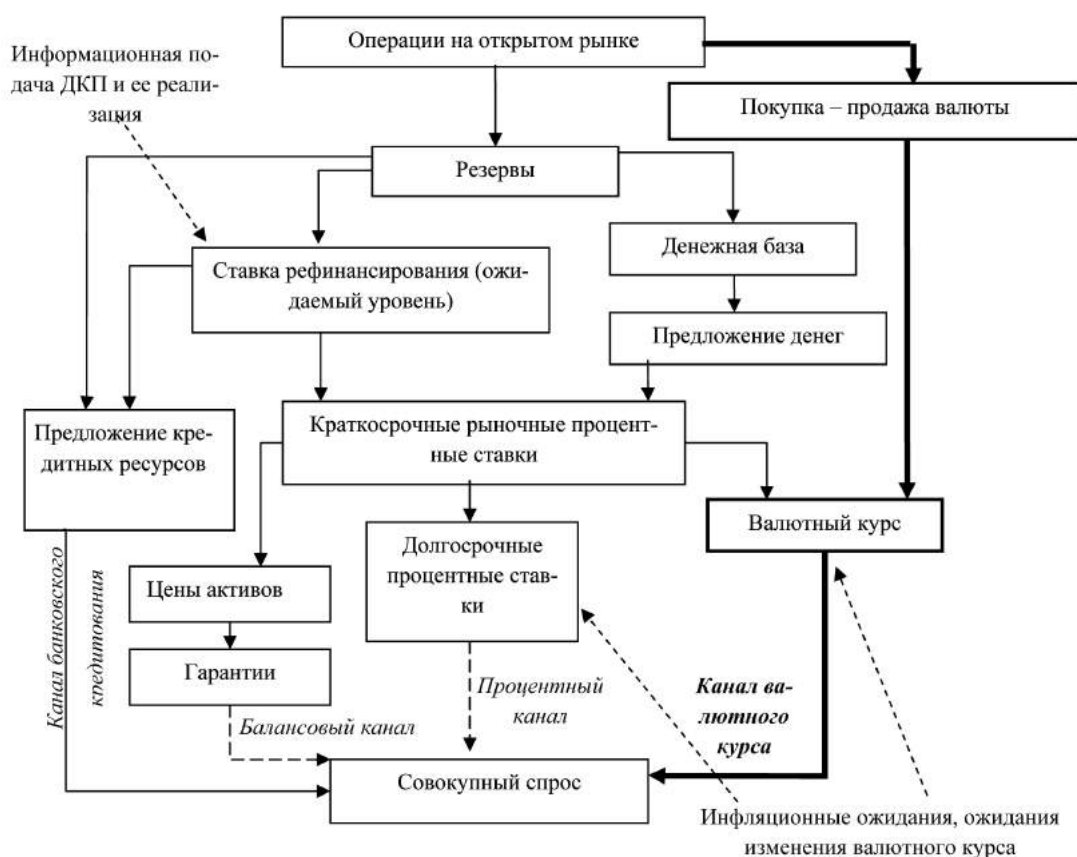

Рис. 4. Схема функционирования трансмиссионного механизма в России
Источник: составлено автором

Процентный канал может потенциально функционировать в России, но для этого необходимо, чтобы ставка рефинансирования ЦБ РФ начала выполнять роль индикативной ставки, т. е. активно влиять на формирование уровня процентных ставок на рынке. Также положительным в рассматриваемом аспекте является тот факт, что у ЦБ РФ имеется существенный резерв для регулирования процентной ставки в отличие от большинства развитых и даже развивающихся стран. В настоящее время в развитых странах процентная ставка в среднем составляет 1,2 %, в развивающихся – 5,1 %, а ставка рефинансирования ЦБ РФ составляет 8,25 %. Сравнение уровня процентной ставки с инфляцией также показывает, что текущий уровень процентной ставки в России находится на высоком уровне по мировым меркам. Ставка рефинансирования ЦБ РФ превышает уровень инфляции по итогам 2012 г. на 1,65 процентных пунктов, однако в большинстве развивающихся странах значение официальной процентной ставки превышает показатель инфляции в среднем на 0,66 процентных пунктов [14].

Следующим каналом денежной трансмиссии является кредитный канал, который может включать в себя достаточно значительное количество подканалов. Существенным фактором, обуславливающим активизацию канала банковского кредитования и балансового канала в частности, является тренд по снижению ликвидности банковского сектора, начавшийся с середины 2010 г. и продолжающийся по настоящее время, что объясняется, во-первых, расширением кредитования банками реального сектора экономики и, во-вторых, замедлением динамики денежного предложения [10].

Можно сделать вывод, что мировой финансовый и экономический кризис определенным образом повлиял на работу трансмиссионного механизма и, возможно, создал условия для возникновения работающих каналов денежной трансмиссии в России. Более того, в связи с усилением влияния процессов глобализации и продолжением тенденции по развитию Российского финансового рынка и его интеграции в мировой стала очевидной необходимость учета глобальных тенденций при разработке и проведении денежно-кредитной политики.

Однако в целом модель денежной трансмиссии, формирующаяся в России, еще недостаточно развита и не способна передавать монетарный импульс на реальный сектор экономики посредством всех каналов так результативно, как это происходит в развитых странах. Следовательно, создание работоспособного трансмиссионного механизма, эффективно воздействующего на экономику и способствующего развитию финансовой системы страны, является актуальной задачей для России.

Список использованной литературы

1. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2008 г. // Вестник Банка России. М., 2007. № 47. С. 1–58.
2. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2009 г. и период 2010 и 2011 гг. // Вестник Банка России. М., 2008. № 66. С. 1–55.
3. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2010 г. и период 2011 и 2012 гг. // Вестник Банка России. М., 2009. № 68. С. 1–49.
4. Акулов В.Б. Нормальна ли российская экономика (макроэкономические зависимости, институты)? / В.Б. Акулов // Эволюционная и институциональная экономика: теория, методология, практика исследований Петрозаводск: ПетрГУ, 2013. Т. 2. С. 57–69.
5. Андрияшин С., Бурлачков В. Денежно-кредитная политика и глобальный финансовый кризис: вопросы методологии и уроки для России / С. Андрияшин, В. Бурлачков // Вопросы экономики – 2008. № 11. С. 38–50.
6. Головнин М.Ю. Денежно-кредитная политика России в условиях глобализации / М.Ю. Головнин. М.: Институт экономики РАН, 2012. 44 с.
7. Дробышевский С.М., Трунин П.В., Каменских М.В. Анализ трансмиссионных механизмов денежно-кредитной политики в российской экономике / С.М. Дробышевский. М.: ИЭПП, 2008. 64 с.
8. Кондратов Д.И. Трансмиссионный механизм денежно-кредитной политики Еврозоны / Д.И. Кондратов // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН – 2010. Т. 8. № 8. С. 170–193.
9. Леонтьева Е.А. Механизм кредитно-денежной трансмиссии в России / Е.А. Леонтьева // Научные труды ЦЕФИР и РЭШ – 2012. № 175. С. 1–84.
10. Мамонов М.Е., Солнцев О.Г. Ликвидность банковского сектора: виден ли свет в конце тоннеля? / М.Е. Мамонов, О.Г. Солнцев // Банковское дело – 2012. № 9. С. 6–13.
11. Некипелов А., Головнин М. Стратегия и тактика денежно-кредитной политики в условиях мирового экономического кризиса / А. Некипелов, М. Головнин // Вопросы экономики – 2010. № 1. С. 4–20.

12. Чибриков Г. Политика центральных банков в условиях кризиса / Г. Чибриков // Банковское дело – 2010. № 2. С. 6–9.
13. Процентные ставки ведущих стран мира [Электронный ресурс] – URL: <http://www.fxteam.ru/forex/cb-rates> – Яз. рус. – (Дата обращения: 26.07.2013).
14. Процентные ставки центральных банков [Электронный ресурс] – URL: http://www.icss.ac.ru/userfiles/file/public_pdf1548.pdf – Яз. рус. – (Дата обращения: 26.07.2013).
15. Kenneth N. Kuttner, Patricia C. Mosser The monetary transmission mechanism: some answers and further questions / N. K. Kuttner, C. P. Mosser // FRBNY Economic Policy Review – 2002. Vol. 8. N 1. P. 15–26.
16. ECB: Monetary Policy [Электронный ресурс] / European Central Bank – Электрон. дан. – URL: <http://www.ecb.europa.eu/mopo/intro/transmission/html/index.en.html> – Яз. англ. – (Дата обращения: 12.07.2013).
17. McCarthy Jonathan. The Federal Reserve in the 21st century. [Электронный ресурс] – URL: http://www.newyorkfed.org/education/pdf/2012/McCarthy_money_transmission_mechanism.pdf – Яз. англ. (Дата обращения: 12.07.2013).
18. Transmission Mechanism [Электронный ресурс] / Bank of Thailand Bank – URL: <http://www.bot.or.th/English/MonetaryPolicy/Pages/MonetaryPolicy.aspx> – Яз. англ. – (Дата обращения: 12.07.2013).

КСО как зона взаимодействия между бизнесом и обществом

*Морозов А.А.
Институт экономики КарНЦ РАН
г. Петрозаводск*

В отличие от понимания корпоративной социальной ответственности (КСО) как зоны добровольного действия, институциональная теория предлагает поместить КСО в более широкую сферу экономического управления, характеризующуюся различными режимами, включая рынок, регулирование государства и др. Наряду с тем, что показатели КСО нацелены на использование рынка как инструмента (например эко-брендинг и т. д.), институциональные теории экономики также представляют сами рынки включенными в более широкий спектр социальных структур, хозяйственных объединений и политических норм. В особенности, многие наиболее интересные современные разработки в области КСО теряют силу в социальном пространстве частных, но коллективных форм саморегулирования. Данное явление расширило дискуссию по вопросу КСО.

Вместо того чтобы быть ограниченной областью исследований менеджмента или бизнеса, интерес к КСО распространился и на другие дисциплины, такие как политика (Moon, 2002; Crouch, 2009), экономика (van Oosterhout and Neugens, 2008), право (Mullerat, 2005) и социология (Brooks, 2010). Эти взгляды подтверждают мнение о том, что КСО является чем-то гораздо большим, чем еще один способ увеличения общей результативности компании, как могли бы нас убедить многие работы по КСО в сфере менеджмента. Тем не менее, междисциплинарный интерес к КСО не привел к более глубокому исследованию и взаимному обогащению в текущих исследованиях. В соответствии с необходимостью более интегрированного изучения зоны взаимодействия между бизнесом и обществом (Crouch, 2006), очевидны большие перспективы институциональной теории в том, что касается построения концептуальной модели/структуры. Институциональная теория не только широко разработана во многих социальных науках, но также делает возможной многообещающую перспективу интеграции этих разных точек зрения.

Применение инструментов институциональной теории к изучению КСО обеспечивает лучшее понимание ответственности бизнеса в двух главных аспектах: *разнообразии КСО* и *динамике КСО*. Данное положение соответствует двум доминирующим направлениям научной мысли в институциональной теории (Tempel and Walgenbach, 2007, p. 2):

1. Современные институционалисты стремятся к развитию глобального характера практик и принятию их организациями, но уделяют мало внимания тому, как эти практики изменяются, «переводятся на разные языки» при распространении по миру. Подход, исследующий системы предприни-

мательства, делает акцент на влиянии, которое продолжают оказывать на бизнес национальные организационные структуры, в которые он включен, но данный подход склонен принижать влияние событий транснационального уровня на национальный уклад экономической организации.

Обращаясь к *аспекту разнообразия*, довольно значительное число публикаций, в которых институциональная теория применялась к изучению КСО, направлены на понимание межнациональных вариаций практик КСО (Gjolberg, 2009; Blasco and Zolner, 2010; Jackson and Apostolaco, 2010). Для начала, сравнительный анализ рассматривает само понимание КСО как концепции управления. КСО, в своей исходной форме, распространенной в Северной Америке (Carroll, 2008), едва ли может быть объяснена без понимания институциональных условий, в соответствии с которыми данная идея появилась. Сходным образом, понимание социальной ответственности бизнеса в разных регионах и странах зависит от организационной структуры бизнеса (Doh and Guay, 2006; Deakin and Whittaker, 2007). **Это имеет отношение не только к формальным институтам, таким как законы, хозяйственные объединения, гражданское общество или профсоюзы, но, что гораздо более важно, к неформальным институтам, таким как религиозные нормы, общепринятые практики и племенные традиции.** Некоторые работы по деловой этике (в рамках которых была опубликована значительная доля исследований по КСО) изучали данные аспекты. Однако эти исследования редко выходили за пределы уровня понимания различий в индивидуальном принятии решений (редким исключением в работах этого типа является исследование Donaldson, 2001). Частично, причиной возросшего интереса и импульса к исследованию КСО в последнем десятилетии является динамика, с которой это понятие и область его применения изменялись в недавнее время. Это относится в большей степени к тому, как КСО (и родственные ей понятия, такие как *устойчивое развитие, корпоративное гражданство, предпринимательская этика* и т. д.) изменилась вследствие ее имитации и адаптации компаниями за пределами Англо-Американской капиталистической системы. Институциональная теория предоставляет эффективный инструмент для понимания и объяснения того, как и почему КСО принимает разные формы в разных странах. Она также способствует пониманию того, почему это понятие является сейчас неотъемлемой частью методов ведения бизнеса практически в каждой стране в мировом масштабе (например, Visser and Tolhurst, 2010). Но даже если мы пытаемся понять и предсказать изменения КСО в рамках одной географической области, такой как Европа или Северная Америка, институциональная теория помогает осмыслить/составить концепцию этих изменений, как показало исследование Хоффмана об изменениях в практиках природопользования в США (Hoffman, 1999, 2001; Hoffman and Jennings, 2011).

Таким образом, институциональная теория способствует изучению КСО на разных уровнях.

Описательно, она делает возможным более детальное понимание того, что действительно означает КСО в отдельных общественных институтах. Это немалое достижение, так как справедливо будет признать, что даже спустя 30 лет исследования КСО, наиболее приемлемое определение данного понятия все еще остается спорным (Crane et al., 2008). **Вместо выполнения «Геркулесовой задачи»** нахождения общепринятого определения КСО, взгляд на проблему с точки зрения институтов позволяет обнаружить следующую простую истину: во многом сходно тому как, «КСО» варьируется относительно общественных институтов, итогом будут различные определения и понимания данного термина.

Институциональный анализ также является полезным на *инструментальном/управленческом уровне*: компании, такие как Nestle, которые в течение трех десятилетий были монополистами по всему миру, игнорировали свои риски сходно тому, как институты определяют значительное различие бизнеса в Швейцарии и, скажем, в Малави, что в свою очередь предписывает разные обязательства частным корпорациям в этих различных контекстах/условиях.

В конечном счете, в то время, когда капитализм и его базовые институты являются предметом дискуссии после финансового кризиса, начавшегося в 2007, институциональная теория должна способствовать пониманию насущных нормативных вопросов: какие институты, исторически и сравнительно, привели к наиболее желательным, эффективным и стабильным способам организации коммерческой деятельности, в особенности в отношении условий, в которых бизнес реализует свои базовые обязательства перед обществом.

О соотношении разных типов обществ: вместо заключения

В контексте вышесказанного представляют интерес исследования российских ученых *Александрова Ю. И. и Кирдиной С. Г. по коэволюции институтов и ментальных моделей*¹.

В исследовании использованы сопоставительные данные о валовом внутреннем продукте (ВВП), производимом странами с доминированием X-матрицы институтов и «не западной» X-ментальностью, с одной стороны, и с Y-матрицей институтов и «западной» Y-ментальностью, с другой стороны.*

К так называемым X-странам отнесены *Китай, Индия, Бразилия, Япония и страны бывшего СССР, или Российской империи*. К так называемым Y-странам отнесены 12 западноевропейских стран: *Австрия, Бельгия, Дания, Финляндия, Франция, Германия, Италия, Нидерланды, Норвегия, Швеция, Швейцария и Великобритания*, а также 4 западных страны за пределами Европы – *Австралия, Новая Зеландия, США и Канада*. Включенные в выборку страны производят сегодня примерно 75 % мирового ВВП.

Наложение двух графиков (суммарной доли ВВП выбранных X-стран и суммарной доли ВВП Y-стран) позволяет увидеть волновой (циклический) процесс (рис. 1).

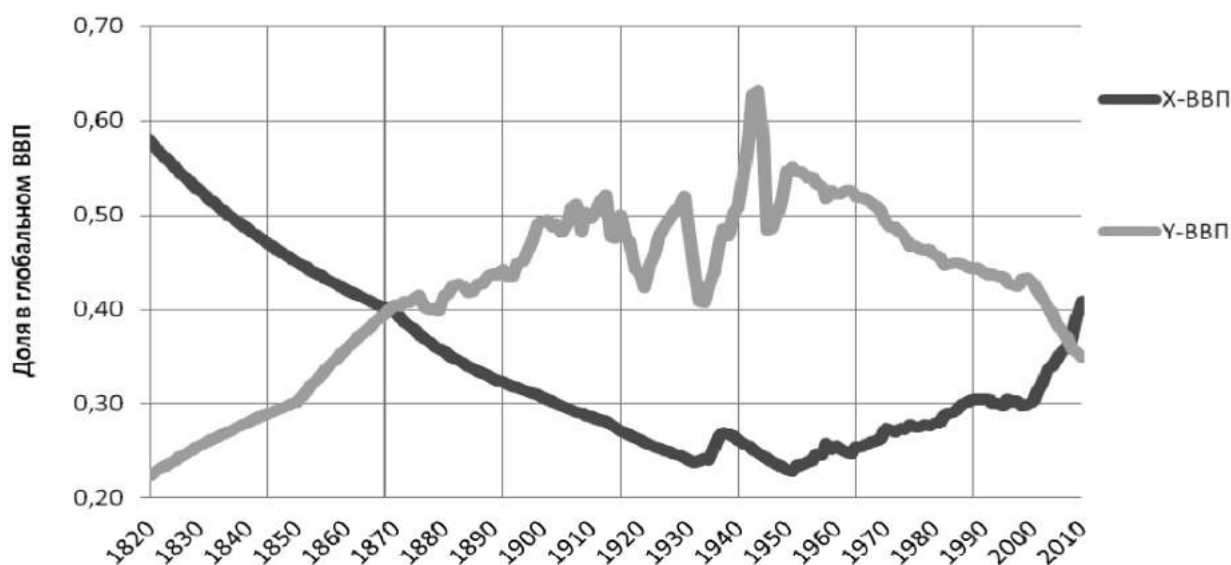

Рис. 1. Соотношение стран с доминированием X-и Y-институциональных матриц в мировом ВВП, выборка, 1820–2010

Можно наблюдать 140–летнюю волну, в ходе которой происходит смена мирового лидера:

1. С 1820 г. (и, как можно предположить, до него, хотя полных данных по используемой выборке стран нет) в мировом ВВП лидировали X-государства.

2. Начиная с 1870 г. (когда проявились результаты «промышленной революции» в европейских странах) начинается преобладание Y-государств, которые стали доминировать в общем объеме ми-

¹ Александров Ю. И., Кирдина С. Г. Коэволюция институтов и ментальных моделей // Эволюционная и институциональная экономика: теория, методология, практика исследований: Материалы III Всероссийской летней школы молодых исследователей эволюционной и институциональной экономики при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, Оксфордского российского фонда (10–14 сентября 2012 года). Т. 2 / отв. ред. В. Б. Акулов. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. С. 69–81).

* Анализ долгосрочной динамики выполнен на основе известной базы данных Мэддисона [26], где представлены сопоставимые уровни ВВП ряда стран в млн. Geary-Khamis международных долларов 1990 г. До 1820 г. представленные в базе данные разрозненны и неполны – они охватывают лишь небольшой круг стран, что не позволяет провести убедительных сопоставлений. Поэтому за начало сравнений принят 1820 г., начиная с которого в базе представлены необходимые для анализа данные. Поскольку таблицы Мэддисона заканчиваются 2008 г., данные за 2009–2010 гг. рассчитаны на основе уровня ВВП за 2008 г. из Maddison Database и годовых приростов ВВП 2009/2008 и 2010/2009 из базы данных Мирового банка [30].

рового ВВП. Максимальный разрыв между этими группами стран наблюдался в 1950–1960-е гг., а в 1970-е гг. он начал постепенно сокращаться.

3. Начиная с 2008 г., т. е. спустя 140 лет, X-страны вновь начинают выходить на лидирующие позиции, т. е. превосходить альтернативные страны по объему производства ВВП. Причем, как показали данные за 2009–2010 гг., этот разрыв постепенно увеличивается, т. е. *меняется глобальная конфигурация основных глобальных игроков в мировом хозяйстве*. Прогноз по группе стран БРИК (X-стран в приведенной классификации) подтверждает справедливость подобных ожиданий.

Преобладание X-стран в мировом ВВП сопровождается также, как можно видеть, и ростом значимости X-институтов и соответствующих ментальных моделей в Y-странах. В них после кризиса 2008–2009 гг. *государственное регулирование, централизованное управление, ценности «общего выживания» становятся все более популярными*.

Исходя из роли материально-технологической среды в коэволюции институтов и ментальных моделей, можно предположить, что изменившиеся условия воспроизводства в планетарном масштабе (*осознание пределов роста ресурсов, экологические ограничения, рост взаимозависимости национальных экономик*) приводят к необходимости замены мирового институционального порядка. Лучше приспособленные к таким особенностям материально-технологической среды X-страны *начинают занимать в глобальной экономике более важное место*.

Список использованной литературы

1. Corporate Social Responsibility and institutional theory: new perspectives on private governance. Stephen Brammer, Gregory Jackson, Dirk Matten. The Author 2012. Published by Oxford University Press and the Society for the Advancement of Socio-Economics.
2. Александров Ю. И., Кирдина С. Г. Коэволюция институтов и ментальных моделей. // Эволюционная и институциональная экономика: теория, методология, практика исследований: Материалы III Всероссийской летней школы молодых исследователей эволюционной и институциональной экономики при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, Оксфордского российского фонда (10–14 сентября 2012 года). Т. 2 / отв. ред. В. Б. Акулов. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. С. 69–81).

Межрегиональная интеграция как фактор конкурентного преимущества территории

к.э.н. Морошкина М.В.
Институт экономики КарНЦ РАН
г. Петрозаводск

Важнейшей проблемой в системе международных отношений являются довольно неоднозначные и часто противоречивые явления и процессы. Однако среди основных тенденций развития можно выделить два основных блока – глобализацию и регионализацию. В современной экономической литературе последние годы произошло заметное расширение понятия межрегиональной интеграции. Стимулирование межрегионального сотрудничества связано с процессами глобализации экономики и региональной политики. Региональная интеграция оказывает существенное влияние на конкурентоспособность территории в частности и страны в целом. Посредством интеграционных процессов происходит повышение производственной специализации и диверсификации. В результате особую актуальность приобретают задачи исследования участия территорий Российской Федерации в региональных интеграционных процессах.

Интеграционные процессы исследуются в целях использования преимуществ регионального рынка, создания благоприятной внешнеполитической среды, решения задач торговой политики, обмена опытом рыночных реформ и поддержки национальных отраслей производства [2].

Эффективное развитие экономики различных государств предполагает формирование устойчивых производственно-экономических связей между отдельными странами. Во второй половине XX в. появилось большое количество различных исследований, посвященных теоретическим и практическим направлениям интеграционных процессов. Среди них можно выделить:

– концепцию рыночной интеграции (Б. Бэласс, Г. Кремер, Т. Стицовски, Б. Олин). Суть ее заключается в либерализации экономического обмена между странами, отмене национальных барьеров с целью создания общего рынка и обеспечения полной свободы для конкуренции;

– концепция «управляемой интеграции», выдвинутая Я. Тибергом, А. Филипом и др., основывается на активном участии интеграционных структур в сфере международного экономического обмена и внутреннего экономического развития интегрирующихся стран. При этом ученые делают акцент на неизбежность создания экономического, а далее и политического союза государств с соответствующими наднациональными структурами;

– концепция «компромиссов» (Х. Уоллас, Э. Хаас и др.) рассматривает интеграцию как процесс создания различных объединений (коалиций) на добровольных началах и компромиссной основе. Другие теоретики экономической интеграции большое внимание уделяли концепции создания единого рынка, а некоторые (Т. Стицовски, М. Гальперин) определяют главный рычаг интеграции в свободном соперничестве рыночных сил между независимыми конкурирующими предприятиями [1].

Начиная с 80-х годов появились новые теории и модели экономического и регионального развития. В результате существовавшие модели экономического развития были синтезированы в новые теории: модели новой экономической географии, новой теории торговли, новой теории роста. Наиболее известными представителями современных теорий регионального роста являются П. Кругман, М. Фуджит, Т. Мори, Э. Венаблес, Д. Пуго, Дж. Харрис, А. Пред, А. Гильберт, Дж. Галлер, Дж. Эллисон, Е. Глейзер, Д. Дэвис, Д. Вайнштайн.

Модель циклического движения факторов Э. Венаблеса является [8] одной из подгрупп моделей новой экономической географии – моделей нового типа международной торговли. Экономическое развитие региона в рамках данных моделей определяется как производственный процесс. Теория новой экономической географии. В рамках данной теории базовыми являются модель Дж. Харриса – «потенциал рынка», теория А. Преда – «базовый мультипликатор» регионального дохода, а также объединенная теория Дж. Харриса и А. Преда – П. Кругмана. Теория Дж. Харриса [5] определяет зависимость экономического развития территории от показателя «потенциала рынка». Данный показатель определяет степень доступности территориального рынка для экономических субъектов: предприятий, потребителей и др. В результате построенной модели был определен новый фактор территориального развития – доступность к рынку сбыта или «потенциал рынка».

Целью исследования является попытка выяснить степень влияния географического положения на социально-экономическое развитие регионов, причем исследоваться будут факторы, связанные с приграничным и периферийным положением регионов.

Оценке влияния географического положения уделено особое внимание. От него в значительной степени зависит инвестиционная привлекательность регионов, уровень конкурентоспособности продукции их предприятий на российском рынке и конкуренции на их рынках. Как показывает динамика промышленного производства и внешнеторговой деятельности именно существующий уровень конкурентоспособности отечественных производителей на внутреннем и внешнем рынках и ее слабое увеличение стали основным узким местом экономического роста. Для определения влияния географического положения региона, на экономическое развитие предполагается через оценку приграничности и периферийности необходимо построить специальные показатели.

Исследование влияния приграничности на экономическое развитие региона можно считать разумным, так как соседство с развитыми и быстро развивающимися странами для регионов создает не только определенные экономические преимущества, но и немало проблем, связанных с низкой конкурентоспособностью местного производства, трансграничной миграцией, защитой природных ресурсов. Развитие внешнеэкономических связей приграничных регионов, с одной стороны, должно компенсировать их удаленность от главных экономических центров страны, а с другой стороны – сопроводжаться активными экономическими связями с регионами России.

Следует отметить, что подобный анализ является несколько условным, поскольку кроме географического положения влияет множество самых различных факторов. Тем не менее, на данном этапе исследования, возможна оценка взаимосвязи экономического развития региона и его географического положения.

Исследование, во-первых, преследует цель рассмотреть насколько велико влияние географического положения на региональное развитие с точки зрения периферийного положения региона. Исследование влияния периферийности основывается на нескольких предположениях.

Периферийное положение территории отражает, прежде всего, положение региона относительно других российских регионов. В рамках вышеизложенного периферийность определяется как степень доступности регионального рынка для других российских рынков. Периферийное положение региона, возможно, будет влиять на развитие региональной промышленности, так как для периферийного региона выход со своей продукцией на российский рынок затруднен. Периферийное положение региона повышает транспортные расходы и сужает рынок сбыта, тем самым, уменьшается потенциальный объем производства. В результате, от географического положения региона в значительной степени зависит уровень конкурентоспособности продукции предприятий на российском рынке.

Уменьшение объема производства снижает уровень доходов населения и в результате увеличивается миграционный отток в более благополучные регионы, что неизменно приводит к сокращению численности населения на данной территории. Уменьшение численности населения сужает рынок сбыта и тем самым ограничивает возможности развития производства на территории и еще больше снижает показатели социально-экономического развития. Таким образом, чем периферийнее положение региона, тем менее конкурентоспособна его продукция, тем меньше объем и размер доступного регионального рынка товаров и услуг. Вследствие, уменьшается объем регионального производства, что может вести к более медленному экономическому развитию региона.

Анализ данных по российским регионам, проведенный (ссылка на статью) показал, что современная территориальная структура российской экономики, в основном, определена географическим положением, природными ресурсами и стартовыми условиями. Существуют различные подходы к построению типологии российских регионов. Целесообразно различать регионы по доступности регионального рынка для российских регионов. Степень доступности регионального рынка определяется через показатель периферийности. Таким образом, есть необходимость построения типологии регионов по географическому положению, что может быть полезно для целей формирования федеральной региональной политики.

В отдельных расчетах использовалась множественная регрессия, которая характеризуется тем, что анализируется зависимость одного фактора от набора независимых признаков. В результате рассматривается зависимый фактор – уровень промышленного и инвестиционного развития и независимый фактор – географическое положение, определяемое периферийностью, приграничностью и открытостью Мировому океану.

На основе статистической информации, характеризующей регионы и оценке расстояния между ними, определяется степень доступности российского рынка для отдельных регионов. Традиционно сферой исследования межрегиональных различий является динамика среднедушевых показателей производства. В данном исследовании эти показатели также используются как основные. Другим показателем, характеризующим результаты экономической деятельности, являются численность населения, определяя объем регионального рынка.

Объем регионального рынка оценивается через численность населения. Нетрудно представить, что каждый региональный рынок имеет по соседству еще несколько региональных рынков. Именно удаленность региона от остальных региональных российских рынков в данном контексте определяется периферией. Таким образом, исследуя региональный рынок и прилегающие к нему регионы, мы получаем понятие периферийное положение региона.

Для анализа степени удаленности регионального рынка от других российских регионов, используется методика, которая рассчитывает удаленность регионов на основании географических координат: широты и долготы, между региональными столицами. До данной методике для расчета расстояния между регионами предложена следующая формула 1:

Формула 1

$$L_{i,j} = \sqrt{(112 * (\Delta sh_{i,j})^2 + 65 * (\Delta dol_{i,j})^2)} \quad (1)$$

$sh_{i,j}$ – широта i и j региона

$dol_{i,j}$ – долгота i и j региона

$\Delta sh_{i,j}$ – разница по широте региональных центров i и j региона

$\Delta dol_{i,j}$ – разница по долготе региональных центров i и j региона

$112 * (\Delta sh_{i,j})$ – расстояние между регионами по широте в км. (1 градус широты приблизительно равняется 112 км)

$65 * (\Delta dol_{i,j})$ – расстояние между регионами по широте в км. (1 градус долготы приблизительно равняется 65 км)

$\sqrt{(112 * (\Delta sh_{i,j})^2 + 65 * (\Delta dol_{i,j})^2)}$ – кратчайшее расстояние между двумя региональными центрами в км было получено на основе специальных исследований. Оно носит условный характер и может быть в дальнейшем уточняться, но для поставленных в работе задач достаточно.

К примеру, для Республики Карелия и Ленинградской области расстояние $L_{i,j} = 401,4$ км, для Республики Карелия и Мурманской области – 336 км, для Республики Карелия и Вологодской области – 810,2 км и т. д.

На основе информации, характеризующей регионы и оценке расстояния между ними, построена модель, оценивающая степень доступности российского рынка для отдельных регионов («индекс периферийности» регионов). В ходе предварительных исследований индекс определялся по следующей формуле 2:

Формула 2

$$R_i = \frac{\sum_i L_{i,j} N_i}{\sum_i N_i} \quad (2)$$

где:

i и j – регионы,

$L_{i,j}$ – расстояние между регионами.

N_i – объем регионального рынка i региона (население i региона).

$\sum_i N_i$ – объем всего рынка (население всех рассматриваемых регионов).

В результате расчетов были выделены регионы, которые можно отнести к периферийным, для которых выход со своей продукцией на внутренний российский рынок затруднен и имеющие очень удобное расположение. Из регионов СЗФО дальше всех расположены Мурманская и Калининградская области, ближе всех к центру России лежит Вологодская область (табл. 1). Надо отметить, что центром в данном случае является не столица страны и не географический центр, а именно рыночный центр по показателю объема рынка – численность населения.

Таблица 1

Индекс периферийности регионов СЗФО

Республика, край, область	Индекс периферийности региона
Вологодская область	1610,77
Республика Коми	1650,47
Новгородская область	1922,46
Республика Карелия	1966,42
Архангельская область	1996,39
Ленинградская область	2023,38
Псковская область	2042,53
Калининградская область	2435,02
Мурманская область	2571,85

*показатель численность населения 2010 год

Курсивом отмечены центральные регионы для которых выход со своей продукцией возможен в различных направлениях. Жирным – периферийные регионы

Рис 1. Индекс периферийности регионов СЗФО

По российским регионам также рассчитан индекс периферийности. Полученные результаты показали, что для российских регионов наиболее удобное положение имеет Ульяновская область – индекс периферийности – 1305,95, а наиболее периферийным регионов из российских является Камчатская область – индекс периферийности – 6669,20 (табл. 2).

Анализ индекса периферийности показал, что большая часть регионов, которые являются более доступными для других региональных рынков находится в Центральной части (см. табл. 2). Это

Таблица 2

Индекс периферийности российских регионов

Республика, край, область	Индекс периферийности региона
Ульяновская область	1305,95
Самарская область	1308,12
Республика Татарстан	1327,13
Пензенская область	1328,36
Мордовская Республика	1342,25
Приморский край	5119,77
Хабаровский край	5193,29
Сахалинская область	5703,94
Магаданская область	6221,02
Камчатская область	6669,20

*показатель численность населения 2010 год

Курсивом отмечены центральные регионы для которых выход со своей продукцией возможен в различных направлениях. Жирным – периферийные регионов

экономического развития существенное влияние оказывает не только местоположение региона, но и его производственный и ресурсный потенциал. Однако, выигрышное географическое положение значительным образом увеличивает объемы возможного сбыта производимой на территории продукции в радиусе доступных рынков.

объясняется большей плотностью доступных территорий в небольшом радиусе охвата и соответственно большими возможностями сбыта производимой продукции. В периферийные попали территории, которые являются достаточно удаленными от центральной части России, и для которых выход на российский рынок с производимыми в регионе товарами связан с большими транспортными издержками.

Результаты проведенного исследования выявили неодинаковую доступность региональных рынков. Территории, которые имеют центральное положение, находятся в более выигрышном положении относительно удаленных от центра регионов. Важным является еще и тот факт, что в рамках анализа эконо-

В связи с тем, что периферийные территории имеют ограниченный доступ к региональным рынкам необходимо формирование основных стратегических направлений, которые позволили бы региону более активно втягиваться в межрегиональное сотрудничество.

Рис 2. Периферийные и центральные регионы

Основным направлением социально-экономического развития периферийных территорий является интеграция в глобальные процессы. В рамках глобальных процессов подразумевается экономическое взаимодействие региона с соседними территориями и формирование экономических связей с «полюсами роста» в рамках определенного радиуса доступности. В результате в зоне доступности практически каждой периферийной территории имеется региональный полюс роста, который представляет собой сочетание развивающихся и расширяющихся отраслей, способных вызвать экономический рост в зоне своего влияния. К примеру для периферийных регионов СЗФО подобным полюсом роста является г. Санкт-Петербург, который оказывает заметное влияние на экономическое развитие регионов, находящихся в определенном радиусе доступности.

Другим, не менее важным направлением развития периферийных регионов является процесс усиления эффективного использования имеющихся на территории региона ресурсов. Основная часть периферийных территорий, является регионами, обладающими определенной ресурсной базой, которая определяет хозяйственную специализацию региона. Примером является Дальневосточный Федеральный округ, большая часть регионов которого является удаленными от центральной части Российской Федерации. Однако, наличие на территории регионов природно-ресурсного потенциала позволяет рассматривать данные регионы как экономически развитые. Или показывать этим регионам определенный уровень экономического развития.

Определяя регион как экономический субъект, который взаимодействует с различными национальными и транснациональными корпорациями, возможно еще одно направление развития периферийных регионов. Использование аутсорсинга в региональном масштабе становится возможным, поскольку на современном этапе модернизации экономики регион воспринимается как самостоятельная бизнес-единица. В результате данного направления у удаленных от центра территории появляется возможность встраиваться в различные технологические комплексы, в рамках различных экономических, хозяйственных, производственных процессов.

Список использованной литературы

1. Мартынов В.Л. Коммуникационная среда и региональное развитие России. СПб.: Гидрометеиздат, 2000. 160 с.
2. Регионы России, 2000 г., Госкомстат России, том 1, 2. 614 с.
3. Регионы России, 2010 г., Госкомстат России, том 1, 2. 797 с.
4. Тейлор С. Региональное экономическое развитие на базе программно-целевого подхода: опыт Западной Европы // Регион: экономика и социология. 2000. № 1. С. 4–35.

5. Berkowitz D. and DeJong D. (1998) Accounting for Growth in Post-Soviet // Russia University of Pittsburg manuscript Borders and Border Regions of Europe and North America. San Diego, San Diego State University Press and Institute for Regional Studies of the Californias, 1997. 220 S.
6. Curtains of iron and gold: reconstruction borders and scales of interaction / Heikki Eskelinen, Ilkka Liikanen, Jukka Oksa, eds. Ashgate, 1999. 512 S.

Фонды национального благосостояния как фактор усиления финансово-экономической взаимозависимости стран в условиях глобализации

*Рендак П.Ю.
Высшая школа экономики
г. Москва*

Фонды национального благосостояния (ФНБ) являются одними из крупнейших и важнейших финансовых институтов в мировой экономике. Цели, которые преследуют своей деятельностью эти институты, могут не соответствовать целям типичной финансовой организации, т. е. извлечению максимальной прибыли, но могут быть обусловлены и политическими мотивами в связи с тем, что основным учредителем фондов национального благосостояния является государство. Суверенные фонды благосостояния не контролируются той законодательной базой, которая регулирует инвестиционные фонды и иные институты со схожими механизмами деятельности, а контроль за ними в виде правовых норм и международных стандартов в настоящее время недостаточно развит. Существуют большие пробелы в их правовом регулировании. При этом мир ощущает необходимость отследить более чёткие связи и закономерности между деятельностью ФНБ и других финансово-экономических механизмов особенно сильно после финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг.. Всё это говорит об особой актуальности исследований, посвящённых фондам национального благосостояния и их роли в процессе глобализации мировой экономики.

В ходе авторского исследования были изучены многочисленные научные публикации, посвящённые роли фондов национального благосостояния в мировой экономике, а также их роли в развитии и стабилизации национальных экономик (в частности, в посткризисном состоянии 2009–2013 гг.). Также «крупным планом» были рассмотрены фонды благосостояния Китая, Сингапура и России. Были собраны данные о совершённых ими сделках (на основе публичной базы данных ФактИва). Обобщённые в данной работе факты доказывают, что фонды национального благосостояния являются инструментами взаимоинтеграции национальных экономик, способствуют снижению барьеров между финансовыми рынками стран мира, а также существенно повышают мобильность и гибкость резервных фондов мировой экономики.

История фондов национального благосостояния

Суверенные фонды благосостояния появились в 50-х гг. XX века. Первым фондом национального благосостояния стал суверенный фонд Кувейта, созданный в 1953 г. в целях конвертации нефтедолларов в диверсифицированное портфолио для хеджирования ценовых колебаний на рынке сырья. Тем не менее, иногда самым старым ФНБ считают французский фонд, созданный в своё время Наполеоном I в целях стабилизации государственных финансов (в данный момент он управляет средствами сберегательных банков Франции и некоторыми иными активами французских компаний).

На данный момент в мире насчитывают от «как минимум 32» (данные Института Петерсона [8]) и до 66 (данные Института ФНБ, 2012 [18]) фондов благосостояния (вариации в числах следуют из немного разного толкования термина «суверенный фонд благосостояния»). Общая численность их активов составляла на начало 2012 г. 4,8 триллиона долларов, что на 9 % больше их активов на начало 2011 г [12]. По данным The 2012 Preqin Sovereign Wealth Fund Review, активы ФНБ за 2011 год возросли на 15 % [11].

Некоторые страны только планируют создание ФНБ (Япония, Боливия, Индия, Исландия, острова Кука, Монголия), в то время как другие страны уже находятся в процессе из создания (Ангولا, Нигерия – 2012).

Теоретические основы функционирования ФНБ

Одно из наиболее полных определений даёт Международный валютный фонд (МВФ), который занимается вопросами регулирования ФНБ: согласно МВФ, «...Суверенные фонды накопления богатства (СФБ) представляют собой инвестиционные фонды или схемы специального назначения, которые находятся в собственности сектора государственного управления. СФБ создаются сектором государственного управления для достижения макроэкономических целей и владеют, распоряжаются или управляют активами с целью выполнения финансовых задач, а также используют разные инвестиционные стратегии, в том числе инвестируют средства в иностранные финансовые активы» [17].

По мнению специалистов из МВФ, основной целью данных фондов является следующее: СФБ играют ведущую роль в содействии по улучшению управления государственными финансами и достижению макроэкономической стабильности, а также поддержанию высококачественного экономического роста.

Международные организации, которые активно изучают вопрос ФНБ и способствуют развитию данного института – это МВФ, Институт ФНБ, ВТО, крупнейшие консалтинговые компании и другие финансовые институты. Также в 2009 г. была воплощена в жизнь инициатива создания Международного форума ФНБ для проведения ежегодных встреч, на которых будут рассматриваться наиболее острые вопросы деятельности ФНБ.

В контексте проблем правового регулирования ФНБ важно отметить следующее. В мировом сообществе наблюдается некоторая обеспокоенность связи с недостаточной транспарентностью в управлении ФНБ. Это вызывает подозрения, что инвестиционные стратегии данных фондов могут быть обоснованы политическими мотивами обеспечения стратегически важного финансового контроля в большей степени, нежели мотивами максимизации экономической выгоды. В связи с этим нельзя переоценить важность активно проводимой работы над созданием универсальных принципов деятельности ФНБ, которые могли бы быть ориентиром для национальных нормативных актов в сфере регулирования активности фондов.

Основными международными нормами и принципами, которые на данный момент регулируют деятельность ФНБ, являются принятые в 2008 г. Сантьягские принципы (их создание было инициировано Международным валютно-финансовым комитетом МВФ и нашло поддержку на совещании стран-обладательниц ФНБ), среди которых особенно важно требование раскрытия информации фондами.

Данная инициатива возымела эффект: так, в 2008 г. сингапурский фонд Темасек, а в 2010 г. ФНБ Абу-Даби впервые опубликовали отчёты о своей деятельности. Тем не менее, многие азиатские фонды по-прежнему не раскрывают подробности своей деятельности и нетранспарентность остаётся большим препятствием для изучения данных финансовых институтов.

Деятельность ФНБ регулирует также рекомендательный документ ОЭСР для стран-реципиентов инвестиций ФНБ. Основными характеристиками инвестиций ФНБ, согласно этому документу, должны стать: симметрия в доступе к рынкам, отсутствие дискриминации, транспарентность, предсказуемость, пропорциональность регулятивных мер ясная отчётность [6].

Согласно изданию *The City UK*, за февраль 2012 г., приводящей классификацию фондов относительно цели их создания, ФНБ делятся на стабилизационные фонды и фонды сбережений. МВФ расширяет классификацию фондов по данному принципу и предлагает их деление на пять видов: стабилизационные фонды (цель – защита национального бюджета от колебаний цен на нефть), сберегательные фонды для будущих поколений (цель – смягчение «голландской болезни»), корпорации по инвестированию золотовалютных резервов, фонды развития (цель – финансирование национальных социально-экономических или инфраструктурных проектов), а также резервные фонды на пенсионные расходы [15].

Место фондов национального благосостояния в мировой экономике

Фонды национального благосостояния, безусловно, оказывают заметное влияние на глобальную экономику, политику, финансовые рынки и мировую торговлю в контексте их интеграции и общей глобализации.

Например, как пишет исследователь из университета Тафтс профессор Калтер, у ФНБ есть потенциал в будущем стать основным источником финансирования и глобальной стабильности. Неко-

торые фонды проявили такой потенциал, став крупными кредиторами европейских стран после кризиса 2007–2008 гг. Их «длинный» горизонт инвестирования делает сотрудничество с ними залогом долгосрочной стабильности [10].

Итальянский исследователь Меццакаппо (2009) считает, что ФНБ обладают основными характеристиками, которые позволяют их считать «возможной стабилизирующей силой на финансовом рынке». Меццакаппо упоминает, что ФНБ обладают диверсифицированным портфолио с долгосрочным горизонтом. Они, как правило, высоколиквидны и имеют мало долговых обязательств, а также менее чувствительны к условиям на рынке, чем фонды прямых инвестиций [1].

Одно из наиболее интересных исследований было проведено докторами экономических наук Рафаэлем Ламом и Марко Росси и посвящено построению модели, отражающей взаимное влияние деятельности ФНБ и глобального финансового климата во времена экономических спадов. Исследователи рассматривают ФНБ как отдельный класс участников трансмиссионного процесса на мировом финансовом рынке. Были учтены такие факторы, как инвестиционные стратегии, размер и формы отчётности ФНБ. Учёные своей моделью подтверждают существование «эффекта перетекания» (spillover effect) между ФНБ и разными отраслями мирового финансового рынка [5]. Исследователи пришли к выводу, что существует математически просчитываемая зависимость между перераспределением активов ФНБ и изменением состояния мировой экономики.

Некоторые аналитики считают, что появление новых фондов благосостояния знаменует смещение центра сил от развитых индустриальных стран к странам с авторитарным режимом в развивающемся мире (это объясняется тем фактом, что ФНБ появляются чаще в странах-экспортёрах нефти и других быстро растущих развивающихся странах) [3].

Инвестиции ФНБ

Инвестиционные стратегии ФНБ, как правило, подразумевают долгосрочные инвестиции; большинство активов уходит за рубеж.

Согласно исследованиям Дойче Банк (2009), самый большой объём инвестиций со стороны ФНБ, исходя из секторного деления экономики, пришёлся на долю финансового сектора и составил 78 млрд долларов (что является 42 % всех инвестиций ФНБ с 1995 по 2009 гг.). Важную роль в этом сыграли инвестиции в западные финансовые институты во время финансово-экономического кризиса 2007–2008 гг. 14 % инвестиций всех ФНБ ушло в промышленность, 13 % – в сферу услуг, 11 % – в недвижимость, 10 % – в сырьё и 9 % – в технологии. Общая тенденция такова, считает Ло, что инвестирование сместилось в менее политически «ангажированные» секторы экономики, а также с 2007 г. фонды стали активно инвестировать в энергетический сектор (Мубадала – Петрофак Лтд, ГИК – АЕИ Сервисез, Казанак Насиональ – Бейджин Чайна Сайнсез Джеренал Энерджи энд Энвайронмент Кампани) [6].

Китайские ФНБ

Китай обладает тремя финансовыми институтами, находящимися под управлением государства, которые принято причислять к фондам национального благосостояния: это **Китайская инвестиционная корпорация** (КИК, год создания – 2007, сумма активов на март 2013 г. – 482 млрд долларов), **Инвестиционная компания государственного валютного управления** (ИКГВУ, год создания – 1997, сумма активов на март 2013 г. – 568 млрд долларов) и **Национальный фонд социальной стабильности** (НФСС, год создания – 2000, сумма активов на март 2013 г. – 160,6 млрд долларов) [переводы названий фондов – 14]. Активы фондов происходят преимущественно из экспортных доходов страны.

КИК является де-юре независимой корпорацией, хотя её менеджмент аффилирован с министерством финансов Китая, поскольку КИК была создана по его инициативе. ИКГВУ, в свою очередь, является структурным ответвлением Банка Китая и занимается инвестированием валютных резервов страны. НФСС представляет собой пенсионный фонд Китая и подотчётен Государственному совету. Все три института в той или иной степени инвестируют зарубеж, прибегая к активной инвестиционной стратегии: приобретая крупные пакеты акций иностранных компаний. В частности, НФСС владеет крупными долями в Бритиш Петролеум и Тоталь, а КИК держит акции Морган Стенли.

В данный момент размер фонда составляет 482 млрд долларов, обеспечивая фонду по данному показателю пятое место в мире на 2013 г. [18] КИК держит значительные активы в гособлигациях США [15].

Портфолио КИК, согласно Ежегодному отчёту за 2011 г., распределено по географическому признаку следующим образом: более 40 % активов находятся в США, почти 30 % – в Тихоокеанской Азии, чуть более 20 % – в Европе, около 5 % – в Латинской Америке, немногим больше 1 % а – в Африке [16].

Крупнейшими сделками стали покупка конвертируемых облигаций на сумму 2586 млн долларов, что может быть позднее конвертировано в почти 13 % акций российской компании «Уралкалий» (сектор энергетики и природных ресурсов); покупка доли в «Тэмз Вотер» на сумму 6291 млн долларов в Великобритании (сектор транспорта и промышленности); вложение в совместный Российско-китайский фонд прямых инвестиций и покупка доли в Синошур (финансовый сектор). Среди стран предпочтение было отдано Великобритании – 35 % от годовых инвестиций (помимо «Тэмз Вотер», КИК стал совладельцем аэропорта Хитроу и приобрёл здание Дойче Банк в Лондоне). На долю китайской экономики пришлось 15 % инвестиций, на долю российской – 12 %. В Бразилию и США ушло по 7 % инвестированных средств.

Несмотря на относительно небольшую долю активов в Африке, КИК активно инвестирует в данный регион. Так, в процессе написания работы автору удалось найти немалое количество статей о том, что Китай запасается природными ресурсами Африки, обеспечивая себе стабильный долгосрочный доступ к ним. Так, объём прямых инвестиций из Китая в страны Африки (в основном, в страны, богатые природными ресурсами: Алжир, Нигерия, ЮАР, Судан, Замбия) – возрос в десять раз с 1999 по 2006 г. [20], а в 2007 г. была создана КИК, которая с тех пор осуществила уже немало вложений в экономику Африки. Из-за политических мотивов страны Запада не рискуют инвестировать в Судан или, скажем, Гвинею, однако Китай берёт на себя эти риски, тем самым гарантируя стране обеспеченность природными и энергетическими ресурсами в долгосрочной перспективе [2].

Сингапурские ФНБ

Темасек является зачастую стратегическим инвестором, как считают многие исследователи (нер, фонд в тот или иной момент времени владел более 17 % акций Стандарт Чартерд Банк, крупными долями в Чайна Констракшн банк и Мерилл Линч) [9].

География инвестиций в 2012 г. наблюдалась следующая: Китай – 16 % (190 млн долларов), Индия – 15,3 % (180 млн долларов), Вьетнам – 5,9 % (70 млн долларов), Сингапур 23,7 % (280 млн долларов), Мексика – 13,6 % (260 млн долларов). Также в сделках участвовали малайские компании, но данные по объёму инвестированных средств не были найдены в доступных источниках.

Что касается **Государственной инвестиционной корпорации** Сингапура, то, по оценкам специалистов Морган Стенли, в данный момент портфолио фонда составляет 330 млрд долларов и инвестирует в более чем 40 стран, концентрируясь в основном на развитых рынках (недвижимость в Австралии, Японии и Европе). В качестве стратегии фонд применяет два подхода: портфельные инвестиции (в США, Великобританию, Японию, поскольку там наиболее ликвидный рынок ценных бумаг), а также прямые иностранные инвестиции в относительно слабо развитые рынки капитала (Тайвань, Китай).

Российские ФНБ не используются государством для активизации международных финансово-экономических связей настолько же интенсивно, как их китайские и сингапурские фонды. Тем не менее, их роль в системе внешнеэкономических отношений России подлежит изменению в ближайшей перспективе, согласно исследованиям некоторых экономистов (см. далее).

Стабилизационный фонд Российской Федерации был создан 1 января 2004 г. и являлся частью государственного бюджета. Министерство финансов РФ определяет цель существования данного фонда следующим образом: «Фонд призван обеспечивать сбалансированность федерального бюджета при снижении цены на нефть ниже базовой» [19].

Средства данного фонда должны быть использованы для покрытия дефицита государственного бюджета в случае, если цены на нефть упадут ниже базового уровня. В том случае, если сумма средств фонда составляет более 500 млрд рублей, часть средств можно использовать в других целях.

К середине 2007 г. Стабилизационный фонд РФ достиг размеров 476 млрд долларов, став третьим в мире ФНБ по величине [4]. В 2008 г. Стабилизационный фонд РФ был разделён на две части: **Резервный фонд** и **Фонд национального благосостояния РФ**.

Управление средствами Резервного фонда России может происходить «...путем приобретения за счет средств Фонда иностранной валюты и ее размещения на счетах по учету средств Резервного фонда в иностранной валюте (долларах США, евро, фунтах стерлингов) в Центральном банке Российской Федерации», а также «...путем размещения средств Фонда в иностранную валюту и финансовые активы, номинированные в иностранной валюте, перечень которых определен законодательством Российской Федерации» [19].

Исследователи из Морган Стенли считают, что в первые несколько лет инвестиционная стратегия фондов будет весьма консервативной. Однако позже, пойдя по сценарию большинства ФНБ, российские фонды станут расширять своё участие в акциях и альтернативных финансовых инструментах [4]. Министерство финансов России тем временем «...не видит препятствий для инвестирования средств суверенных фондов в облигации Европейского фонда финансовой стабильности и считает их хорошим средством для диверсификации рисков», сообщало в 2011 г. ИА «Банки.Ру». Также российские ФНБ держали свои активы в акциях Фэнни Мэй и Фредди Мак, и утверждалось, что Минфин на этом заработал 72 млн долларов [13].

Итак, очевидно, что инвестиционная стратегия российских фондов благосостояния сейчас существенно трансформируется, что подтверждается процессом создания нового управляющего их активами органа, который позволит привлечь к управлению активами фондов специалистов и разнообразить портфолио фондов, и это позволяет считать российские ФНБ важным инструментом интеграции в мировую экономику. Но, к сожалению, информация о текущих инвестициях фондов неизвестна, и поисковые запросы в ресурсе «Фактива» не дали никаких результатов, поэтому оценить масштаб, с которым российские ФНБ способствуют интеграции мировых финансовых активов, оказалось невозможно; прозрачность российских фондов оставляет желать лучшего и должна ориентироваться на мировой опыт предоставления отчётности об инвестиционной деятельности ФНБ.

Итак, для всех ФНБ характерна диверсификация страновых и секторных рисков, поэтому фонды держат свои активы в различных финансовых инструментах и регионах мира. В последнее время в связи с нестабильностью на финансовых рынках Запада растут вложения в ценные бумаги с фиксированным доходом и хедж-фонды. Также растёт доля активов, инвестируемых в развивающиеся страны Азии, Латинской Америки и Африки.

Множество специалистов являются сторонниками точки зрения о том, что деятельность ФНБ политизирована и руководствуется не только принципом экономической выгоды. Так, власти США только в мае 2012 г. впервые приняли решение, позволяющее китайскому ФНБ (КИК) стать мажоритарным акционером американского банка [7]; ранее были сильны опасения, что, приобретая большие пакеты акций, Китай получит шанс участвовать в управлении банковской системой США.

Таким образом, независимо от того, являются ли политические мотивы драйверами деятельности ФНБ, уже стало очевидно, что они стали ключевой движущей силой мировой экономики, её глобализации. Многие страны используют фонды национального благосостояния для укрепления международных финансово-экономических связей, и тем самым происходит усиление взаимозависимости национальных экономик.

Список использованной литературы

1. P. Bolton, F. Samama, J. Stiglitz. Sovereign Wealth Funds and Long-term Investing // 288 pp., 2011
2. Elirehema Doriye, Dar Es Salaam. The next stage of sovereign wealth investment: China buys Africa // Journal of Financial Regulation and Compliance Vol. 18 N. 1, 2010 pp. 23–31.
3. Daniel W. Drezner. Sovereign Wealth Funds and the (in)Security of Global Finance // Columbia University Journal of International Affairs Vol. 62, N.1, Fall/Winter 2008, pp. 115–130.
4. Stephen Jen, Oliver Weeks. Celebrating the Birth of Russia's SWF // Morgan Stanley Research Global, January 31, 2008.
5. R.W. Lam, M. Rossi. Sovereign wealth funds – Investment strategies and financial distress // Journal of Derivatives & Hedge Funds Vol. 15, 4, 304–322.
6. LixiaLoh. Sovereign Wealth Funds: States Buying the World // Global Professional Publishing, 2010.

7. William McConnell. Fed allows China Wealth Fund to Buy US Bank // The Deal, May 10, 2012.
8. Edward M. Truman. A Scoreboard for Sovereign Wealth Funds // Peterson Institute for International Economics, Paper presented at conference on China's Exchange Rate Policy, Peterson Institute, 2008.
9. Ming Zhang, Fan He. China's Sovereign Wealth Fund: Weakness and Challenges // China & World Economy / 101 – 116, Vol. 17, N. 1, 2009.
10. Redefining Political Risk Management: The SWF Dimension // The Sovereign Wealth Fund Initiative, February 2012.
11. The 2012 Prequin SWF Review.
12. TheCityUK Sovereign Wealth Report, February 2012.
13. Зюзяев А. «Дмитрий Панкин, замминистра финансов России: «За время кризиса в США Россия заработала \$72 млн» Комсомольская правда, сентябрь 2008.
14. Коновалова–Посель И. «Суверенные фонды БРИК: инвестиционная экспансия или подъем благосостояния».
15. Международные инвестиции суверенных фондов национального благосостояния // Банковский вестник, сентябрь 2010.
16. Китайская инвестиционная корпорация.
17. Код доступа: <http://www.china-inv.cn/cicen/>.
18. Международная рабочая группа суверенных фондов благосостояния. Код доступа: <http://www.iwg-swf.org/pubs/rus/gapplistr.pdf>.
19. Институт фондов национального благосостояния.
20. Код доступа: <http://www.swfinstitute.org>.
21. Министерство финансов РФ.
22. Код доступа: <http://www.minfin.ru/>.
23. Организация экономического сотрудничества и развития.
24. Код доступа: <http://www.oecd.org>.

Плюсы и минусы вступления России в ВТО в зеркале общественной дискуссии

*к.и.н. Савицкий А.А.
Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН
г. Петрозаводск*

22 августа 2012 года Россия официально стала 156 страной, состоящей в ВТО. Наша страна прошла на данный момент самый долгий путь от решения присоединиться к ВТО до непосредственного в него вступления. На переговоры, предварявшие протокол о присоединении к ВТО ушло 18 лет [11].

Дискуссия о целесообразности присоединения России к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации велась практически все 18 лет, однако, наиболее жарко проходила в последние годы, когда стало очевидно, что данное решение все же станет частью реальности. Россия не единственное государство, где нет единства взглядов по вопросу членства в ВТО. По сути, в Европе и США она началась еще задолго до создания самой Всемирной торговой организации, ибо данная идея сама по себе не является новой и наряду с горячими сторонниками всегда находила и принципиальных противников.

Сама идея Всемирной торговой организации также принимается не всеми экономистами и политиками. ВТО – это всемирная организация, не входящая в Организацию объединенных наций. Ее основной задачей является уменьшение протекционизма и открытие внутренних рынков. Официально это формулируется как либерализация международной торговли и регулирование торгово-политических отношений государств-членов. ВТО образована 1 января 1995 года на основе Генерального соглашения по тарифам и торговле, заключенного в 1947 году и почти полвека фактически выполнявшего функции международной организации, но не являвшегося международной организацией в юридическом смысле [2].

Подход отказа от протекционистской политики, при которой государство проводит в своей деятельности комплекс мер, направленных на защиту интересов национальной экономики, всегда встречал критику со стороны принципиальных противников. При этом, протекционисты часто находились на оборонительных позициях. В первой половине 19 века идеи свободной торговли имели широкое распространение. Достаточно широкое, чтобы их главные защитники и пропагандисты позво-

лили себе преподнести публике в качестве объективной истины. Свобода торговых отношений, по их мнению, является прямой и проторенной дорогой к процветанию, тогда как защитные меры – верный предвестник стагнации и последующего краха экономики.

Одной из первых научных работ, принадлежащих перу сторонников национально-ориентированной экономики, стала книга Фридриха Листа «Национальная система политической экономики» (*Das Nationale System der Politischen Oekonomie*). Работа вышла в свет в Аугсбурге в 1841 году. Ф. Листа отличал интерес не столько к фундаментальным темам, сколько к конкретным шагам в сфере внешнеторговой деятельности, способным обеспечить скорый и ощутимый результат. Во времена Листа научная экономическая мысль, как правило, английская по национальной принадлежности, демонстрировала склонность игнорировать специфику развития стран. Лист, критикуя, теорию меновых стоимостей А. Смита, сформулировал теорию производительных сил [3].

Отправной точкой для построения своей концепции немецкий ученый взял тезис о неравенстве стран: государства имеют различный уровень развития хозяйства, часть из них имеют развитую экономику, а остальные находятся на слабых позициях. Свобода торговли в том понимании, которое предлагал Смит, по Листу, не является ни благом сама по себе, ни обязательным условием роста благосостояния, более того вредна для стран с отстающим развитием экономики. Стоял на позициях «воспитательного протекционизма» – политики, направленной на накопление производительных сил. Особое место отводил росту промышленного производства, которое необходимо защищать от иностранной конкуренции. Настаивал, что при принятии решений, регулирующих отношения в хозяйственной сфере необходимо учитывать не только скорый результат от его внедрения, но и далеко идущие последствия [3].

Сторонники свободной торговли стоят на том, что каждая страна, специализируясь на производстве товаров, приносящих наибольший доход в текущий момент, наилучшим образом способствует своему обогащению и развитию мировой экономики. Протекционизм, возводя преграды для свободной торговли, ограничивает и доход от нее. На первый взгляд, данное утверждение логично и обоснованно. Однако, вспомнив, что сформулирован сей тезис был британцами в начале XIX века, когда львиная доля мировой промышленности находилась под властью английской короны и большинство прочих держав наибольшей выгоды могли извлечь поставляя ресурсы для «фабрики мира», мы получаем возможность взглянуть на спор сторонников фритрейда и протекционистов с другой стороны. Получается, что большинству стран не нужно было развивать собственное производство, ведь продавая сырье они могли приобрести на текущий момент больше промышленных товаров, чем произвели бы сами.

Лист утверждал, что свобода торговли устанавливает статус кво между отсталыми и процветающими странами и поэтому неприемлема для держав, стремящихся к развитию. Этот подход неплохо зарекомендовал себя в реальной жизни. Экономический рост в Германии и в Российской империи на рубеже XIX–XX вв. служат тому наглядным подтверждением. Таким образом, еще в XIX веке было хорошо известно, что свобода торговли дает преимущества для сильных держав, и не дает развиваться державам отстающего развития.

Россия начала XXI века может с большими основаниями быть отнесена к странам с развивающейся, а не развитой экономикой. Дискуссия, развернувшаяся накануне вступления в ВТО, шла примерно по тому же пути, что и спор сторонников свободной торговли с протекционалистами в XIX веке.

Доводы сторонников присоединения ко Всемирной торговой организации различны. Практически все они перечисляются на сайте wto.ru. «Самая очевидная выгода свободной торговли для потребителя – это понижение стоимости жизни за счет снижения протекционистских торговых барьеров.

За 50 лет существования организации было проведено восемь раундов переговоров, и на данный момент торговые барьеры во всем мире ниже, чем они были когда-либо за всю историю современной торговли» [10]. С точки зрения сторонников вступления в ВТО, импортные тарифы и государственные субсидии промышленности и сельскому хозяйству, равно как и количественное ограничение импорта не столько защищают отечественного производителя, сколько влияют на удорожание жизни.

Также среди плюсов более широкий выбор товаров и услуг. Ведь «помимо готовой иностранной продукции, речь здесь идет и об отечественных товарах и услугах, ассортимент которых расширяется ввиду снижения цен на импортные материалы, компоновочные части и оборудование» [10].

Импортная конкуренция стимулирует максимально эффективное отечественное производство и, следовательно, косвенно снижает цены и повышает качество выпускаемой продукции.

Одним из преимуществ членства в ВТО увеличение экспорта отечественной продукции. Правда не уточняется какой именно. Говорится о повышении занятости, особенно в экспортных областях экономики и росте доходов, как государства, так и успешных экспортеров [10]. Отмечается, что «развитие торговли ведет в долгосрочной перспективе к повышению занятости, особенно в экспортных отраслях экономики. Однако в краткосрочной перспективе потери рабочих мест в результате конкуренции отечественных предприятий с импортными производителями практически неизбежны» [10].

«Применение принципов ВТО позволяет повысить эффективность внешнеэкономической деятельности государства за счет, прежде всего, упрощения системы таможенных пошлин и других торговых барьеров. Предсказуемость и прозрачность экономики привлекают партнеров и повышают товарооборот» [10]. Также упоминается равное положение для всех участников и эффективный механизм решения споров в лице ВТО.

Присоединение к ВТО сулит и политические дивиденды. «У правительства появляется больше возможностей защищать себя от действий лоббистских групп, так как торговая политика осуществляется в интересах экономики в целом. Проводимая государством политика протекционизма для отдельных отраслей подразумевает определенное политическое влияние представителей этих сфер производства» [10].

Сторонники присоединения к ВТО не отличаются разнообразием аргументации. В большинстве случаев они излагают одни идеи. Наиболее популярная это получение российскими компаниями гарантированного доступа на иностранные рынки и сопутствующая защита прав экспортеров [9]. С этим трудно спорить. Это действительно так. Однако, не уточняется соотношение российских предприятий, способных получить выгоду и понести убытки при таком положении дел, а без этого всесторонняя оценка последствий вступления в ВТО невозможна. Так же уделяется место обеспечению мира и разрешению торговых споров мирным путем, поскольку ВТО держится на правилах, а не на силе [11]. И это так, правда, достигается ценой отказа государства защищать национального производителя.

Еще до присоединения России к Марракешскому соглашению стали активно заявлять о своей позиции принципиальные противники вступления в ВТО. Если вступление в ВТО – решение, проводимое на официальном уровне, то протест против него осуществлялся в форме гражданской активности и не исходил из одного источника. Напротив, можно отметить разнообразие взглядов и типов аргументации.

Так, интернет-ресурс «Россия против ВТО» [13] опубликовал воззвание, назвав день вступления в ВТО днем национальной трагедии и утраты национального суверенитета, принесенного в жертву глобальной финансовой системе. Губительность членства в ВТО для России, по мнению издателей ресурса, в принципиальной неспособности данной организации обеспечить экономический рост в странах, не относящихся к странам Запада. Ведь сущность этой структуры в обслуживании интересов иностранного капитала в период его глобализации. Для развивающихся стран членство в ВТО несет один лишь вред, поскольку там неизменно действует право сильного. Отсутствует также взаимосвязь с ростом экономики и членством в ВТО, что подтверждается и экспертами МВФ [13]. Прогнозируется скорый распад ВТО в связи с кризисом самого проекта глобализации.

Указывается на разумность ряда стран, достигших сперва высокого уровня развития экономики, а уже затем вступивших в ВТО. В первую очередь сказанное относится к Китаю. Перспективы для России следующие: рост безработицы и разорение многих отечественных предприятий. Среди негативных тенденций одинаковый подход ко всем странам, что невыгодно России, ведь большая часть ее территорий находится далеко не в благоприятных климатических условиях, а установление общемировых тарифов на электричество и другие энергоносители крайне негативно скажется не только на хозяйственной сфере, но и качестве жизни рядовых граждан. Вступлению в ВТО препятствуют отсутствие: сильной национальной банковской системы; промышленной политики; национальной инновационной системы и эффективного государства [8].

Среди наиболее активных противников вступления нашей страны в ВТО необходимо назвать движение «Суть времени», возглавляемое С. Кургиняном. Международный общественный фонд «Экспериментальный творческий центр» (Центр Кургиняна) подготовил и распространил аналитический доклад «Условия и риски присоединения России к Всемирной Торговой Организации (ВТО). Аналитический доклад – главные цифры и факты».

Движение критически воспринимает саму ВТО, а не только идею присоединения к данной организации. Причины такого отношения следующие: правила ВТО не учитывают международные нормы ООН, а также имеют приоритет по отношению к национальному законодательству, например, в сфере охраны труда и защите окружающей среды. При возникающих разночтениях преимуществ пользуются нормативные постановления ВТО; заключение договора об облегчении торговли с одной страной распространяет его на все страны-участницы ВТО; наличие презумпции виновности: страна, обвиняющаяся другую в дискриминационных мерах, не должна доказывать свою позицию, напротив, оправдываться должен обвиняемый [15].

При всех минусах самой ВТО, вступление России в ее ряды особенно нежелательно, сообщается в докладе, поскольку Российская Федерация при вступлении должна взять на себя очень жесткие обязательства. Так, наша страна согласилась с требованием ограничить импортные пошлины по более чем 700 товарным позициям. В сфере регулирования GATS (соглашение по деловым услугам) Россия смогла оговорить лишь минимум особых условий и взяла на себя обязательства по 116 видам услуг из 155 [15].

Еще одним серьезным промахом, как свидетельствует аналитический доклад, стало «Соглашение о защите прав интеллектуальной собственности в сфере торговли», предполагающее выплаты за использование страной-членом патентов других стран, 97 % которых принадлежат высокоразвитым странам. Одно из неотвратимых последствий – грядущее подорожание лекарств, поскольку нельзя будет закупать дешевые аналоги запатентованных препаратов. Для сравнения нужно отметить, что Индия, Китай, Бразилия и ЮАР смогли в данном случае оговорить свои особые позиции. Вступление в ВТО поставит на грань исчезновения отечественное сельское хозяйство. Ведь на момент присоединения России к ВТО уровень поддержки сельского хозяйства определен в 9 млрд. долл., а уже к 2017 г. обязан составлять до 4,4 млрд. К примеру, в СССР в 1989–1991 гг. (не самые благополучные для сельского хозяйства) данные показатели составляли 89 млрд. долл [15].

Ряд принятых Россией обязательств не замедлят сказаться на социальном самочувствии населения. Например, требование повышения цен на природные ресурсы для производства внутри страны до уровня экспортных. Среди пунктов, ставящих под вопрос национальную безопасность, допуск «иностранных юридических и физических лиц из стран-членов ВТО к оказанию услуг по геологическим и геофизическим научным изысканиям без ограничений», ведь руководство страны утратит монополию на информацию о состоянии недр [15]. Нарисованная картина будет неполной, если не упомянуть про снятие большинства ограничений для иностранных финансовых структур, действующих внутри России.

В итоге, констатируют аналитики Международного общественного фонда «Экспериментальный творческий центр», вступление в ВТО станет тяжким бременем для сельского хозяйства и промышленности. Возрастет безработица, а моногорода попадут в зону социально-экономического бедствия, а разработанные и принятые Правительством РФ стратегии развития отраслей станут неэффективными [15].

Политолог и писатель Б. Кагарлицкий также является убежденным противником самой концепции ВТО. Данный вопрос рассматривается им с классовых позиций: через призму взаимоотношений трудящихся и эксплуататоров. Присоединение к ВТО повысит конкурентоспособность, а значит потребует снижения затрат на оплату труда наемных работников и ослабит базу рабочего движения в России [6].

Причину присоединения нашей страны к ВТО Б. Кагарлицкий объясняет отсутствием общей социальной истории у представителей нарождающейся российской элиты и трудящихся. «Благополучие российских элит никак не связано с благосостоянием народа. Сырьевые монополии составляют наиболее сильную часть новой российской буржуазии, а их связь с бюрократией является основой олигархической системы правления. Правящий класс мало интересуется национальной культурой, и

даже национальная промышленность. Первую им заменит дорогостоящая реставрация Большого театра, а вторую можно для упрощения дела отдать иностранцам. А если после изменения экономической ситуации они закроют заводы, переведут производство в Китай и покинут наши пределы со своими технологиями, то туда им и дорога!» [6].

Последствия вступления в ВТО представляются Б. Кагарлицкому исключительно негативными. Суть данного шага в необратимости обязательств, которые придется взять на себя России. Ведь единожды согласившись с существующими в ВТО правилами, уже нельзя пересматривать их в одностороннем порядке. «Тем самым, либеральный курс, проводившийся в России начиная с 1991 года, становится не только нашим внутренним делом (курс-то можно менять), а международным обязательством, принятым перед лицом всего глобального сообщества» [7].

Опыт всех развивающихся стран, присоединившихся к ВТО, свидетельствует о губительности такого шага. А в России многие отрасли долгое время существуют благодаря государственной поддержке. Серьезным ударом по населению станет допуск иностранного капитала на рынок услуг. Особенно таких как образование, здравоохранение и жилищно-коммунальное хозяйство. Ведь принцип свободного рынка требует прекратить субсидирование этих отраслей [7].

Общественная дискуссия представлена, по сути, двумя полярно-противоположными точками зрения. В соответствии с одной присоединение России к ВТО даст мощный импульс к развитию экономики, откроет перед отечественным производителем новые горизонты развития. Другой взгляд пессимистичен, и трактует вступление в ВТО как удар по национальной экономике и социальной сфере, а порой и вовсе как катастрофу. Наша страна уже год в ВТО. Как это повлияло на экономику и жизнь общества?

Ряд проблем, существовавших ранее, приобрели особую остроту. Это необходимость обновления парка машин, более быстрого освоения современных технологий, а нередко перепланировки заводских цехов, чтобы в них можно было установить современное оборудование. Серьезным препятствием для развития экономики является и отсутствие перерабатывающих производств [14].

Основной выигрыш от присоединения России к ВТО пока получили соседние державы. Это Финляндия, страны Балтии и СНГ. Особенно ошутим импорт сельхозпродукции. Под ударом оказались в первую очередь производители молока и молочной продукции. В следующем году ввозные пошлины для иностранных поставщиков и дотации для отечественных производителей еще сократятся. Ряд экспертов предрекают гибель российской молочной отрасли [5]. В сходных условиях и отечественное мясное животноводство.

Е. Корчевой, директор Аналитического центра «ВТО-Информ» и ассоциации «Росагромаш», выступая 23 августа 2013 года на пресс-конференции «Год в ВТО: новые горизонты» в пресс-центре РИА «Новости» отметил малую прогностическую силу официальных расчетов (обещавших дивиденды от присоединения) и точность прогнозов, подготовленных экспертами отраслевых союзов и ассоциаций. Итоги первого года в ВТО следующие: рост задолженности по заработной плате на 25 %, рост безработицы на 3,1 % [1]. И это при росте цен на нефть. Снижение пошлин сказалось на бюджете. Гражданам это отзывается сокращением финансирования социальной сферы. Вывод Е. Корчевой: нужно менять экономическую политику в стране. А именно изменить стоимость кредитов в стране, изменить налоговую систему, наладить поддержку экспорта, снизить цены на энергоносители для внутреннего рынка [4].

Можно констатировать, что дискуссия о плюсах и минусах от ВТО для России продолжается. Она на данный момент не поменяла характера и по-прежнему мало похожа на дискуссию. Сторонники присоединения к ВТО ограничились объявлением о вступлении в эту организацию и изложили преимущества такого шага. Само решение, будучи уже принято, не обсуждалось. Их оппоненты представлены, главным образом, экспертным сообществом.

Противники ВТО представляли аналитические доклады и прогнозы, разбирали опыт стран с развивающимися экономиками, дискутировали саму концепцию ВТО, часто признавая ее далекой от совершенства. Дискуссия с их стороны проходила на высоком уровне, но их позиция не встретила широкой поддержки населения. Вспомним, какой размах приобрели выступления противников монетизации льгот в 2005 году и общественности, недовольной рядом нарушений в ходе парламентских выборов 2011 года. Против вступления в ВТО не собирались митинги и народные шествия. Вероят-

но, большинству граждан эта тема представляется далекой от их насущных интересов. Даже ассоциации промышленников и сельхозпроизводителей, которые не питали на свой счет иллюзий, не смогли заявить свою позицию достаточно громко.

Между тем, сегодня растет понимание последствий присоединения к ВТО. Ведь негативные последствия, которые постепенно проявляются в экономике, задевают интересы все большего количества россиян. Не исключено, что основная часть этой дискуссии еще впереди.

Список использованной литературы

1. Авдеева К. Год в ВТО – итоги в цифрах. [Электронный ресурс] – URL: <http://moskprf.ru/index.php/novosti-menyu/95-obzor-smi/3165-god-v-vto-itogi-v-tsifrakh>.
2. Всемирная торговая организация. [Электронный ресурс] – URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Всемирная_торговая_организация.
3. Гильбо Е. Фридрих Лист, который опять современен. [Электронный ресурс] – URL: <http://esdek.narod.ru/22/gilbo3.htm>.
4. Год в ВТО: первые итоги. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.gosrf.ru/news/11212/>.
5. Емельянов В. Первые итоги вступления России в ВТО. [Электронный ресурс] – URL: http://radiovesti.ru/article/show/article_id/75818.
6. Кагарлицкий Б. Будет больно! [Электронный ресурс] – URL: http://scepisis.net/library/id_936.html.
7. Кагарлицкий Б. Проблема ВТО. [Электронный ресурс] – URL: <http://vz.ru/columns/2008/9/8/205252.html>.
8. Меморандум движения. [Электронный ресурс] – URL: <http://stop-vto.ru/memorandum-dvizheniya/>.
9. Преимущества вступления России в ВТО. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.rgwto.com/wto.asp?id=3674>.
10. Преимущества ВТО. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.wto.ru/chto.asp?f=preim>.
11. Преимущества торговой системы ВТО. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.un.org/ru/wto/about.shtml>.
12. Россия вступила в ВТО. [Электронный ресурс] – URL: http://ria.ru/trend/Russia_member_WTO_22082012/.
13. Россия против ВТО. [Электронный ресурс] – URL: <http://stop-vto.ru/>.
14. Савелов Ю. Нефть вместо хлопка. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.rg.ru/2013/08/27/vto.html>.
15. Условия и риски присоединения России к Всемирной Торговой Организации (ВТО) *Аналитический доклад – главные факты и цифры.* – [Электронный ресурс] – URL: <http://eot.su/node/12571>.

Экономический рост стран транзитивного типа: анализ с позиций институционального подхода*

Терещенко Д.С.
Петрозаводский государственный университет
г. Петрозаводск

1. Основные теоретические концепции экономического транзита

Современные экономики являются сложными динамическими системами и находятся в непрерывном развитии, периодически изменяя свои качественные и количественные характеристики. Процессы перехода (транзита) экономических систем из одного состояния в другое занимают важное место в научном поиске и при выработке направлений проводимой государственной политики. При этом в понятие «переходный тип экономической системы» учеными и исследователями вкладываются различные значения.

Например, существует целый пласт научных работ, посвященных изучению так называемого политического перехода [16]. Также зачастую политический транзит называют неременной составляющей экономических метаморфоз страны. Однако одновременность этих процессов может иметь и случайный характер [7], что предполагает необходимость их дифференцированного анализа. Поэтому целесообразно рассматривать экономический транзит сам по себе, независимо от политических преобразований.

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-32-01269.

Термин «экономический переход» в свою очередь также неоднозначно трактуется современными исследователями-экономистами. Все имеющиеся на данный момент трактовки можно условно разделить на две группы: страны, переходные в узком смысле, и страны переходные в широком смысле. Оба указанных понятия в той или иной мере означают расположение страны в промежуточном состоянии между развитыми и развивающимися странами.

Под странами с переходной в узком смысле экономикой понимаются бывшие социалистические страны, к которым относится ряд стран Центральной и Восточной Европы (Албания, Босния и Герцеговина, Болгария, Хорватия, Чехия, Венгрия, Македония, Черногория, Польша, Румыния, Сербия, Словакия, Словения), бывшие советские республики (Армения, Азербайджан, Беларусь, Эстония, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Латвия, Литва, Молдавия, Россия, Таджикистан, Туркменистан, Украина, Узбекистан), а также Монголия*. Объединение этих стран в одну группу связано с тем, что они в современных условиях решают похожие экономические проблемы, вызванные наличием у них общего социалистического наследия.

Странами с переходной в широком смысле экономикой (зачастую их называют странами с формирующимся рынком) считаются страны, находящиеся в процессе проведения реформ по перестройке экономики с тем, чтобы «догнать» развитые страны. При этом критерием, определяющим существование реального процесса перехода, является наличие заметных успехов в экономическом развитии. В состав данной группы различными международными организациями и исследовательскими институтами включаются разные страны, в частности, в соответствии с методикой рейтингового агентства «Standard & Poor's» в данную группу входят такие страны, как Бразилия, Венгрия, Египет, Индия, Индонезия, Китай, Колумбия, Малайзия, Марокко, Мексика, Перу, Польша, Россия, Таиланд, Тайвань, Турция, Филиппины, Чехия, Чили, ЮАР.

2. Экономический рост и институты: подход с точки зрения социального конфликта

Традиционно в качестве основных детерминант экономического роста называются накопление капитала (как физического, так и человеческого) [28] и совокупная производительность факторов производства (формируемая под воздействием научно-технического прогресса и инноваций) [20] [25]. Однако с точки зрения современной институциональной методологии данные компоненты функционирования экономики являются не причинами экономического роста, а его непосредственными составляющими («сам рост») [22].

В указанной методологии долгосрочная динамика экономической системы (в том числе накопление капитала и НТП) обуславливается качеством ее институциональной среды. При этом под институтами принято понимать правила игры в обществе, т. е. «... созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми» [9, С. 17]. Значимость институтов для экономической системы заключается в том, что упорядочивают действия экономических агентов, делают ход многообразных общественных процессов более предсказуемым, «... задают структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия» [9, С. 17].

К базовым экономическим институтам относят защиту прав собственности, информент контрактов, защиту рыночной конкуренции, правовые процедуры, государственное администрирование, простоту и скорость открытия, расширения и ликвидации бизнеса.

С позиций институциональной методологии расхождение между странами в темпах роста экономики в долгосрочной перспективе обусловлены различным качеством институциональной среды. Следовательно, чтобы понять, почему одни страны являются во всех отношениях развитыми, другие – лишь формируют свой экономический потенциал (т. е. находятся в процессе экономического транзита), а третьи – стагнируют, целесообразно разобраться в причинах разрыва в институциональном развитии стран.

Для объяснения указанных причин в экономической науке сформировалась пять основных подходов: подход с точки зрения географии, подход с точки зрения эффективности институтов (политическая теорема Коуза), подход с точки зрения идеологии (модифицированная политическая теорема Коу-

* В дальнейшем исследовании в качестве стран с переходной в узком смысле экономикой будут рассматриваться только бывшие республики СССР, т. к. страны Центральной и Восточной Европы, а также Монголия демонстрируют иные тенденции социально-экономического развития, обладают другим историко-культурным наследием.

за), подход к институтам как непредвиденному результату определенных событий, подход с точки зрения социального конфликта [2] [24] [27]. **Наибольшей теоретической обоснованностью и существенным потенциалом практического применения** при этом обладает последний из названных подходов [2].

В рамках подхода с точки зрения социального конфликта выбор экономических институтов осуществляется не всем обществом, а группами, которые обладают наибольшей политической властью, и не с целью повышения благосостояния общества в целом, а с целью увеличения собственного богатства [2]. Данные обстоятельства обуславливают неэффективность институциональной среды с точки зрения большей части общества. Данный подход получил развитие в работах таких исследователей, как Э. Уильямс [31], Р. Бреннер [15], Р. Хилтон [18], И. Валлерстайн [3], Д. Норт [8] [9] [22], Д. Асемоглу [12], а также Д. Асемоглу, С. Джонсон и Дж. Робинсон [1] [2].

Таким образом, чтобы глубже понять процесс экономического транзита, отыскать потенциальные возможности его ускорения, необходимо обратить внимание на причины, которые лежат в основе институциональной дивергенции стран. С позиции теории социального конфликта это, прежде всего, распределение политической власти в обществе.

В таком случае, к институциональным факторам экономического роста относятся: эффективность бюрократического аппарата, эффективность бизнес-коалиций, эффективность гражданского общества, уровень демократии, качество судебной системы, уровень коррупции.

3. Альтернативные интерпретации модели экономического роста России

Оба подхода к определению экономического транзита с достаточной степенью полноты отражают современные реалии экономики России. Однако для идентификации российской модели экономического роста существуют и иные (альтернативные) концепции. Прежде всего, речь идет о ресурсной зависимости российской экономики и модели институционального отставания.

В первом случае в отношении РФ используются термины «сырьевая модель развития», «голландская болезнь» [5], «ресурсная зависимость» [13] [23], «экономика ресурсного проклятья» [4] [21].

С одной стороны обильно наделенная природными ресурсами страна имеет значительный потенциал социально-экономического развития. Однако на данный момент практически отсутствуют исследования, подтверждающие наличие существенного положительного влияния ресурсной обеспеченности на темпы долгосрочного (устойчивого) экономического роста. Во многих исследованиях, напротив, говорится об отрицательной связи между двумя данными переменными, что может быть обусловлено следующими причинами:

- недостаточная диверсификация развития экономики, приводящая к излишней зависимости от волатильности цен на мировых рынках ресурсов и снижению макроэкономической стабильности [6];
- в странах, наделенных природными ресурсами, вероятность образования качественной институциональной среды крайне невысока [14] [26].

В конечном счете, все страны, богатые природными ресурсами, такими как нефть, газ, алмазы и пр., сталкиваются в своем развитии со схожими проблемами, что позволяет объединять их в одну группу. В данном исследовании в группу ресурсозависимых стран включены такие, для которых доля экспорта топлива в процентах от товарного экспорта (показатель, рассчитываемый Всемирным банком – *fualexports (% ofmerchandiseexports)*) превышает 20 % (аналогичное пороговое значение использовалось в работе В. Полтеровича и соавторов [23]). В этом случае в данную группу войдут такие страны, как: Азербайджан, Алжир, Багамские Острова, Боливия, Венесуэла, Габон, Египет, Индонезия, Ирак, Йемен, Казахстан, Камерун, Колумбия, Республика Конго, Мексика, Нигерия, Норвегия, Россия, Саудовская Аравия, Судан, Тринидад и Тобаго, Тунис, Эквадор.

Вторая альтернативная интерпретация модели экономического роста России – модель институционального отставания (институциональной стагнации) [10] [11]. С этих позиций важностью обладает сопоставление институционального развития и экономического роста страны. В результате выделяются четыре группы стран:

- развитые как институционально, так и экономически;
- развитые институционально, но не экономически;
- развитые экономически, но не институционально (страны в условиях *институциональной стагнации*);

– не развитые ни институционально, ни экономически.

Для того, чтобы определить состав группы стран в условиях институциональной стагнации, целесообразно соотнести показатель экономического роста (в данном случае – ВВП на душу населения в 2012 г.) и индикатор параметров институциональной среды (среднее значение показателя прав собственности индекса экономических свобод Heritage Foundation [29], рассчитанное за период 2002–2012 гг.). В таком случае указанную группу войдут страны, душевой ВВП которых превышает среднемировое значение, а индикатор прав собственности – не превышает. В таком случае в группу войдут: Беларусь, Болгария, Венесуэла, Габон, Казахстан, Ливан, Панама, Россия, Румыния, Хорватия, Экваториальная Гвинея.

Далее необходимо оценить, какая из четырех рассмотренных моделей наиболее адекватно отражает современные тенденции развития российской экономики*.

4. Сопоставление экономической и институциональной динамики групп стран

Для оценки институциональных факторов экономического роста в данном исследовании были отобраны шесть показателей* (Табл.1).

Таблица 1

Выбор показателей для эмпирической оценки институциональных факторов экономического роста

Наименование фактора	Используемый показатель	Анализируемый период
Эффективность бюрократического аппарата	Government Effectiveness (Worldwide Governance Indicators)	2002–2011 гг.
Эффективность бизнес-коалиций	–	–
Эффективность гражданского общества	CivilLiberties (FreedomHouse)	2003–2012 гг.
Уровень демократии	PoliticalRights (FreedomHouse)	2003–2012 гг.
Качество судебной системы	Law and Order (International Country Risk Guide)	2002–2011 гг.
Уровень коррупции	Control of Corruption (Worldwide Governance Indicators)	2002–2011 гг.

Источник: составлено автором с использованием данных Всемирного Банка, FreedomHouse и PRSGroup [30, 17, 19].

Основываясь на указанных статистических показателях, можно соотнести состояние и динамику институциональных факторов экономического роста в России и рассмотренных группах стран*.

Значения эффективности бюрократического аппарата для России (41,909 балл.) и ресурсозависимых стран (41,930 балл.) очень близки друг к другу, незначительно ниже значений показателя для стран в условиях институциональной стагнации (42,733). Россия уступает по этому индикатору бывшим советским республикам (46,606) и значительно проигрывает странам с переходной в широком смысле экономикой (55,805) и среднемировому уровню (52,051).

При этом анализ темпов прироста значений этого фактора показывает близость РФ (–0,294 %) в первую очередь к странам в условиях институциональной стагнации (0,062), во вторую – к среднемировым тенденциям (0,209), в третью – к странам с переходной в широком смысле экономикой (0,369), в четвертую – к ресурсозависимым странам (0,456), и только в пятую очередь – к бывшим советским республикам (0,783).

* Помимо четырех названных моделей в исследовании будет рассмотрена модель «средней» экономики: условная группа, в которую включены все страны мира, по которым имеется достаточно статистической информации. Если окажется, что эта модель ближе всего к российской, то рассмотрение всех выделенных в работе выше моделей следует признать бессмысленным и бесперспективным.

* Все показатели в данном исследовании с целью обеспечения сопоставимости и большей наглядности результатов приведены к единому масштабу так, что для любого из них 0 является наихудшим значением, 100 – наилучшим (с позиций методологии организации, которая рассчитывала тот или иной индикатор).

* С учетом того, что данные об институциональных характеристиках имеются в неполном объеме, в дальнейшем мы вынужденно исключаем из анализа следующие страны: Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан (страны с переходной в узком смысле экономикой); Экваториальная Гвинея (страна в условиях институциональной стагнации).

Эмпирические данные относительно фактора институциональной эффективности гражданского общества доказывают, что по данному показателю Россия (23,409 балл.) значительно уступает как среднемировому уровню (56,944), среднему уровню стран с переходной в широком смысле экономикой (62,297), а также проигрывает уровню стран бывшего СССР (49,571) и странам в условиях институциональной стагнации (49,520). По данному показателю так же, как и по предыдущему, по абсолютным значениям России ближе страны с ресурсозависимой экономикой (43,368), однако и в этом случае отставание России достаточно велико. Учитывая факт крайне низких значений уровня эффективности гражданского общества России, целесообразнее заявить об особом положении страны по сравнению рассматриваемыми группами государств, а не о ее близости к какой-либо из групп. Это подтверждает и анализ темпов прироста институциональной эффективности гражданского общества: для РФ они отрицательны ($-8,353\%$), и значительно ниже аналогичных показателей для стран бывших советских республик ($-2,209\%$), стран в условиях институциональной стагнации ($-0,234\%$), ресурсозависимых стран ($0,891\%$), общемировых тенденций ($1,598\%$) и переходных в широком смысле стран ($1,611\%$).

Значения уровня демократии для РФ находятся на крайне низких позициях (38,167 балл.), к тому же имеют тенденцию к понижению (темпы прироста отрицательны и составляют $-1,801\%$). Примечательно, что темпы прироста значений данного фактора в бывших республиках Советского Союза и странах в условиях институциональной стагнации так же носят нисходящий характер ($-0,291\%$ и $-0,580\%$ соответственно), в отличие от ситуации в ресурсозависимых странах ($8,797\%$), общемировых тенденций ($1,831\%$) и стран с транзитивной экономикой ($0,779\%$). При этом уровень демократии в ресурсозависимых странах ($51,061$), в странах на постсоветском пространстве ($58,685$) и в странах в условиях институциональной стагнации ($58,074$), уступает уровню, наблюдаемому в странах с переходной в широком смысле экономикой ($66,684$), а также среднемировому уровню ($63,439$). Следовательно, результаты сопоставления уровня развития демократии показывают, что в тенденциях институционального развития России присутствует близость с моделью роста ресурсозависимых стран (по абсолютным значениям) и бывших советских республик (по темпам прироста).

Анализ фактора качества судебной системы показывает близость российской институциональной модели экономического роста ($65,694$ балл.) к модели стран постсоветского пространства ($67,577$), среднемировой модели ($62,480$) по сравнению с моделями стран с транзитивной экономикой ($59,269$), стран в условиях институциональной стагнации ($58,966$) и ресурсозависимых стран ($50,028$), если судить по абсолютным значениям показателя. Однако если учитывать темпы прироста значений этого фактора, то российская модель ($1,897\%$) близка к модели стран с транзитивной экономикой ($1,011\%$), общемировым тенденциям ($0,608\%$) и модели стран с ресурсозависимой экономикой ($0,587\%$) по сравнению с моделями бывших советских республик ($-0,360\%$) и стран в условиях институциональной стагнации ($-0,369\%$).

Уровень коррупции, или антикоррупционного контроля, в ресурсозависимых ($39,690$) и институционально отсталых ($39,165$) странах, а также в бывших советских республиках ($41,637$) уступает среднемировому уровню ($50,568$), уровню в странах с переходной в широком смысле экономикой ($49,290$); результат же России ($31,399$) находится еще на более низком уровне, т. е. и по этому показателю модель РФ ближе к модели стран в условиях институциональной стагнации (в абсолютном измерении). С точки зрения темпов прироста российская модель ($-1,151\%$) так же ближе к модели стран в условиях институциональной стагнации ($-0,487\%$): для обеих моделей темпы прироста отрицательны. В то же время для стран бывшего СССР, стран с переходной в широком смысле экономикой, ресурсозависимых стран и общемировых тенденций имеет место положительная динамика ($0,831$, $0,174$, $0,050$ и $0,036\%$ соответственно).

Для того чтобы сделать вывод о том, к какой модели экономического роста Российская Федерация ближе (не по одному показателю, а по всем в совокупности), необходимо проранжировать значения всех моделей по близости к России для каждого фактора. При этом значение «1» будет означать, что модель является самой далекой по отношению к российской, а значение «5» – самой близкой (Таблицы 2 и 3). Та модель, у которой сумма баллов будет максимальной по всем факторам, и является наиболее близкой к институциональной модели Российской Федерации.

Ранжирование моделей экономического роста с точки зрения близости к российской модели по абсолютным значениям институциональных факторов

Модель	Показатель					Сумма баллов
	Эффективность бюрократического аппарата в 2002–2012 гг.	Эффективность гражданского общества в 2003–2012 гг.	Уровень демократии в 2003–2012 гг.	Качество судебной системы в 2002–2012 гг.	Уровень антикоррупционного контроля в 2002–2012 гг.	
Бывшие республики СССР	3	3	3	5	3	17
Страны с переходной в широком смысле экономикой	1	1	1	3	2	8
Ресурсозависимые страны	5	5	5	1	4	20
Страны в условиях институциональной стагнации	4	4	4	2	5	19
Среднемировая модель	2	2	2	4	1	11

Источник: составлено автором с использованием данных Всемирного Банка, FreedomHouse и PRSGroup [30, 17, 19].

Ранжирование моделей экономического роста с точки зрения близости к российской модели по темпам прироста институциональных факторов

Модель	Показатель					Сумма баллов
	Темпы прироста эффективности бюрократического аппарата в 2002–2012 гг.	Темпы прироста эффективности гражданского общества в 2003–2012 гг.	Темпы прироста уровня демократии в 2003–2012 гг.	Темпы прироста качества судебной системы в 2002–2012 гг.	Темпы прироста уровня антикоррупционного контроля в 2002–2012 гг.	
Бывшие республики СССР	1	5	4	2	1	13
Страны с переходной в широком смысле экономикой	3	1	3	5	2	14
Ресурсозависимые страны	2	3	1	3	3	12
Страны в условиях институциональной стагнации	5	4	5	1	5	20
Среднемировая модель	4	2	2	4	4	16

Источник: составлено автором с использованием данных Всемирного Банка, FreedomHouse и PRSGroup [30, 17, 19].

Таким образом, анализ представленных эмпирических данных позволяет делать следующие выводы: институциональная модель роста российской экономики по абсолютным значениям рассмотренных показателей наиболее близка к модели роста стран с ресурсозависимой экономикой. С этой точки зрения в дальнейших исследованиях институциональных факторов целесообразно обратить более пристальное внимание на подход с точки зрения географии в рамках институциональной гипотезы экономического роста. В то же время не были эмпирически оценены модели, выработанные на основе культурных характеристик страны, а также в работе не был подробно рассмотрен подход с точки зрения культуры в рамках институциональной гипотезы. Это является вторым возможным направлением развития дальнейших исследований.

Однако с точки зрения динамики институциональных показателей наиболее близкой к российской модели является модель экономического роста стран в условиях институциональной стагнации (эта модель близка к российской и по абсолютным значениям). Это подтверждает тезис о том, что в современных условиях для Российской Федерации наиболее актуальными являются задачи институциональной модернизации, институциональных реформ, направленных на либерализацию политической, экономической и культурной сфер общественного развития страны.

Тем не менее, при планировании проведения институциональных реформ нельзя замыкаться в одной изолированной модели экономического роста – необходимо учитывать различные аспекты развития страны и комплексно подходить к анализу институциональных показателей, опираться на опыт многих государств, а также учитывать уникальные особенности, присущие экономике Российской Федерации.

Список использованной литературы

1. Асемоглу, Д. Институты как фундаментальная причина долгосрочного экономического роста / Д. Асемоглу, С. Джонсон, Дж. Робинсон; пер. Ю. Валева // ЭКОВЕСТ. 2006. № 5 (1). С. 4–43.
2. Асемоглу, Д. Институты как фундаментальная причина долгосрочного экономического роста (окончание) / Д. Асемоглу, С. Джонсон, Дж. Робинсон; пер. Ю. Валева // ЭКОВЕСТ. 2006. № 5 (2). С. 180–247.
3. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Пер. с англ. П. М. Кудюкина. Под общ. ред. Б. Ю. Кагарлицкого. СПб.: Университетская книга, 2001. 416 с.
4. Гуриев, С. Экономика «ресурсного проклятья» / С. Гуриев, К. Сонин // Вопросы экономики. 2008. № 4. С. 1–14.
5. Гуриев, С. Экономический механизм сырьевой модели развития / С. Гуриев, А. Плеханов, К. Сонин // Вопросы экономики. 2010. № 3. С. 4–23.
6. Доклад о росте: Стратегии устойчивого роста и инклюзивного развития / Международный банк реконструкции и развития, Всемирный банк; пер. Н. В. Заборина, ред. В. Т. Рысина. М.: Весь мир, 2009. 192 с.
7. Корнаи, Я. Что означает «изменение системы»? / Я. Корнаи; пер. с англ. М. Виноградовой // Вопросы экономики. 2008. № 2. С. 99–112.
8. Норт, Д. К. Институты и экономический рост: историческое введение / Д. К. Норт; пер. с англ. Е. И. Николаенко // Thesis. 1993. Вып. 2. С. 69–91.
9. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт; пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
10. Фрейнкман, Л.М. Анализ институциональной динамики в странах с переходной экономикой / Л.М. Фрейнкман, В.В. Дашкеев, М.Р. Муфтяхетдинова. М.: ИЭПП, 2009. 252 с.
11. Фрейнкман, Л. Россия в 2007 году: риски замедления экономического роста на фоне сохраняющейся институциональной стагнации / Л. Фрейнкман, В. Дашкеев // Вопросы экономики. 2008. № 4. С. 75–93.
12. Acemoglu, D. Why not a political Coase theorem? Social conflict, commitment and politics [Electronic resource] / D. Acemoglu // The National Bureau of Economic Research. 2002. N. 9377. URL: <http://www.nber.org/papers/w9377>.
13. Auty, R. M. Resource abundance and economic development: improving the performance of resource-rich countries [Electronic resource] / R. M. Auty // UNU-WIDER. 1998. URL: http://www.wider.unu.edu/publications/workingpapers/previous/en_GB/rfa-44/_files/82530855238574374/default/rfa44.pdf.
14. Beck, T. Institution building and growth in transition economies / T. Beck, L. Laeven // Journal of Economic Growth. 2006. N. 11. 157–186 pp.
15. Brenner R. Agrarian Roots of European Capitalism / R. Brenner // Past and Present. 1982. N. 97. 16–113 pp.
16. Carothers, T. The End of the Transition Paradigm / T. Carothers // Journal of Democracy. 2002. Vol. 13, № 1. 5–21 pp.
17. Freedom House: advancing freedom for 70 years [Electronic resource] / Freedom House, Inc. URL: <http://www.freedomhouse.org/template.cfm?page=1>.
18. Hilton R. Bond Men Made Free: Medieval Peasant Movements and the English Rising of 1381 / R. Hilton. Oxford: Routledge, 2003. 240 pp.
19. International Country Risk Guide (ICRG) [Electronic resource] / The PRS Group, Inc. URL: <http://www.prsgroup.com/ICRG.aspx>.
20. Lucas, R.E., Jr. On the mechanics of economic development / R.E. Lucas, Jr. // Journal of Monetary Economics. 1988. N. 22. 3–42 pp.
21. Mehlum, H. Cursed by resources or institutions? [Electronic resource] / H. Mehlum, K. Moene, R. Torvik // Norwegian University of Science and Technology. 2005. N. 10. URL: <http://www.svt.ntnu.no/iso/WP/2005/10worlddeconomy7.pdf>.
22. North, D. The Rise of Western World: A New Economic History / D. North, R. Thomas. New York: Cambridge University Press, 1973. viii+171 pp.
23. Polterovich, V. Resource abundance, political corruption, and instability of democracy [Electronic resource] / V. Polterovich, V. Popov, A. Tonis // New Economic School. 2007. N WP2007/73. URL: <http://www.nes.ru/dataupload/files/programs/econ/preprints/2007/PolterPopovTonisIns.pdf>.
24. Rodrik, D. Institutions Rule: the Primacy of Institutions over Geography and Integration in Economic Development [Electronic resource] / D. Rodrik, A. Subramanian, F. Trebbi // The The National Bureau of Economic Research. 2002. N. 9305. URL: <http://www.nber.org/papers/w9305>.

25. Romer, P.M. Increasing Returns and Long-Run Growth / P.M. Romer // The Journal of Political Economy. 1986. Vol. 94, N. 5. 1002–1037 pp.
 26. Sachs, J. D. Natural resource abundance and economic growth [Electronic resource] / J. D. Sachs, A. M. Warner // The National Bureau of Economic Research. 1995. N. 5398. URL: <http://www.nber.org/papers/w5398>.
 27. Shirley, M.M. Institutions and development / M.M. Shirley // Handbook of New Institutional Economics / C. Menard, M.M. Shirley. Dordrecht: Springer, 2005. 611–638 pp.
 28. Solow, R.M. A contribution to the theory of economic growth / R.M. Solow // Quarterly Journal of Economics. 1956. Vol. 70. N. 1. 65–94 pp.
 29. The Heritage Foundation: Leadership for America [Electronic resource] / The Heritage Foundation. URL: <http://www.heritage.org/>.
 30. The World Bank [Electronic resource] / The World Bank Group. URL: <http://www.worldbank.org>.
 31. Williams E. E. Capitalism and Slavery / E. E. Williams. Chapel Hill: UNC Press, 1944. 285 pp.
-

Секция 2. «Социально-экономическое развитие и конкурентоспособность приграничных регионов»

Влияние мобильности туристов на трансформацию социально-экономического пространства региона (на примере Республики Карелия)

*Биктимирова Е.Д.
Институт экономики КарНЦ РАН
г.Петрозаводск*

Основой современного изменения экономических отношений является переход от индустриального уклада к постиндустриальному. Данный этап развития мировой экономики характеризуется бурным ростом наукоемких производств, инновационных технологий, наращивание интеллектуального капитала человека, развитие сферы услуг. Все изменения способствуют технологической, структурно-производственной перестройке мировой экономики, модернизации самих экономических интересов, их направленности и характера взаимодействия.

Ареалом происходящих изменений, а также регулятором экономических отношений в процессе материального производства выступает экономическое пространство, которое является также одним из базовых понятий региональной экономики.

Пока отсутствует единство во взглядах на понятие экономического пространства, разными авторами при его определении учитываются различные аспекты: территориальные, ресурсные, информационные и другие.

Классическое понятие дает А.Г. Гранберг [2, 25], который определяет «экономическое пространство как насыщенную территорию, вмещающую множество объектов и связей между ними: населенные пункты, промышленные предприятия, хозяйственно освоенные и рекреационные площади, транспортные и инженерные сети и т. д.

Экономическое пространство изменяется под действием различных факторов на протяжении времени. Эволюционный подход к рассмотрению факторов, влияющих на развитие регионов, позволил выделить ряд основных:

1. Экономико-географическое положение
2. Внутренний совокупный спрос
3. Денежно-кредитная политика
4. Действия властей, оказывающие влияние на среду региона
5. Степень включенности в систему глобальных товарных, информационных и финансовых обменов.
6. Человеческий капитал
7. Мобильность ресурсов (трудовых, материальных и др.)

Мобильность населения, повышение качества «человеческого потенциала» является одним из факторов развития социально-экономического пространства региона. Мобильность в настоящее время означает личную свободу и социальное развитие. Доктор Ф. Валл [1, 40], специальный уполномоченный по экологическим проблемам в Lufthansa Group, подтверждает: «Движение – часть нашего самого существования. Это означает развитие. ... На сегодняшнем мировом рынке, ежедневном наводнении информации и картинах неизвестных миров делают нас любопытными и обращаются к нашему желанию испытать эти миры лично». Рассмотрение понятия «мобильности» со стороны всех передвижений населения соотносит его с понятием «туризм».

Зарубежные исследователи Е. Пейджо (E. Pajo) [4, 100], Ц. Милика Букман (Z. Milica Bookman) [3, 112], М. Уильямс и братья Аллан и Майкл Холл (M. Williams and Allan and Michael C. Hall) [6, 77] изучают туризм как свободно ориентированный компонент континуума мобильности, который простирается от шопинга до временного пребывания за границей, что обычно относят к разряду, как миграция и переселение. Такое представление о туризме явно стремится соединить туризм не только с

другими трактовками мобильности в области социальных наук. В центре внимания находится рассмотрение туризма в рамках широкого контекста мобильности, т. е. объединение обширных туристских потоков с отдельными траекториями жизнедеятельности.

В результате исследования современных теорий, рассматриваемых туризм и мобильность, появилась необходимость введения понятия «туристская мобильность», которое включает различные виды туристских потоков.

В соответствии с рекомендациями ВТО в отношении отдельной страны выделяются следующие типы туризма:

– внутренний туризм – путешествия граждан в пределах государственных границ собственной страны;

– въездной туризм – путешествия нерезидентов в пределах государственных границ какой либо страны;

– выездной туризм – путешествия резидентов одной страны в какую либо иную страну.

– Указанные типы туризма по-разному сочетаются между собой, образуя следующие категории туризма:

– туризм в пределах страны включает внутренний и въездной туризм;

– национальный туризм включает внутренний и выездной туризм;

– международный туризм включает въездной и выездной туризм.

Указанные категории могут использоваться применительно к отдельной стране, к региону в данной стране, либо к региону, включающему несколько стран.

В ходе исследования возникла необходимость введения типологии влияния туристских потоков на трансформацию социально-экономического пространства региона (табл. 1).

Таблица 1

Типологии влияния туристских потоков на трансформацию социально-экономического пространства региона

Вид туристского потока	Влияние на социально-экономические показатели региона
Въездной	Является показателем привлекательности территории. Влияние оказывается на следующие показатели: Инвестиции в инфраструктуру Деятельность пассажирского транспорта междугородного и международного сообщения Деятельность пассажирского транспорта пригородного и городского сообщения Розничная торговля Услуги гостеприимства Общественное питание Охват покрытия мобильной связи Образование Деятельность больничных учреждений Деятельность по организации отдыха и развлечений, культуры и спорта
Выездной	Является показателем платежеспособности населения и качества жизни. Влияние оказывается на следующие показатели: Деятельность пассажирского транспорта междугородного и международного сообщения Деятельность туристских агентств
Внутренний	Является показателем платежеспособности населения и качества жизни населения. Влияние оказывается на следующие показатели: Деятельность пассажирского транспорта пригородного и городского сообщения Развитие туристской инфраструктуры Охват покрытия мобильной связи

Обобщая полученную информацию, можно сделать вывод, что выездной туристский поток является показателем платежеспособности населения, его уровня жизни, привлекательности зарубежных туристских дестинаций. Внутренний поток является показателем платежеспособности населения и привлекательности туристских объектов региона. Въездные туристские потоки являются показателями туристской привлекательности региона и страны в целом.

Вместе с тем, до настоящего времени наиболее полная информация от Росстата поступает только по показателям въездного и выездного туристских потоков, а также данным об объеме платных услуг, оказываемых турфирмами и гостиницами. Внутренний туристский поток не является предметом статистической отчетности Росстата, так же, как и данные по туристским расходам и показателям оценки роли туризма в экономике страны.

В исследовании внимание будет уделено въездным туристским потокам. В настоящее время экономистами подтверждено взаимное влияние объема туристского потока на показатели социально-экономического развития страны или региона.

Вопрос влияния туристских потоков на развитие региона особенно актуален для приграничных регионов. Туристский комплекс приграничного региона трансформируется под воздействием международных интеграционных процессов. Под воздействием данных тенденций развитие региона должно быть ориентировано на международные стандарты, создание новых организационных форм оказания туристских услуг в виде международных сетевых объединений, формирование международных систем информации и коммуникаций.

Приграничные регионы уникальны в культурно-историческом плане. Определённый отпечаток на развитие туристского комплекса в данных регионах наложил невысокий уровень их индустриальной освоенности. Благодаря этому приграничные территории привлекательны в экологическом плане. Здесь сохранились уникальные природные комплексы, живописные ландшафты, разнообразие флоры и фауны.

Очевидно, что для развития туристского комплекса приграничные регионы могут успешно использовать имеющийся у них потенциал – благоприятную экологическую ситуацию, разнообразные туристско-рекреационные ресурсы, само приграничное положение.

Одним из приграничных регионов является Республика Карелия. Активно осуществляет приграничное сотрудничество с Финляндией на региональном, муниципальном и личностном уровне.

В ходе исследования были выделены особые функции границы, влияющие на функционирование туристско-рекреационного комплекса Республики Карелия:

1. Барьерная функция границы трансформируется под воздействием процессов глобализации в контактную. В результате происходит структурная модернизация внешнеэкономической деятельности и стремление к инновационному развитию туристского комплекса.

2. Транзитная функция. Обеспечение движения пассажиропотоков, товарных потоков связано с внешнеэкономической политикой всей страны (визовый режим).

3. Эколого-политическая функция состоит в разработке и реализации эффективного управления трансграничными общественно-природными системами совместно с Финляндией. В настоящее время реализуется проект «Эко-эффективный туризм», который направлен на повышение туристской привлекательности Еврорегиона «Карелия» за счет постепенного выравнивания качества обслуживания туристов по обе стороны границы.

Выделенные функции оказывают влияние на объем туристского потока. Туристская мобильность является одним из факторов трансформации социально-экономического пространства региона. Ввиду усиления (или ослабления) туристского потока происходят значительные изменения во всех сферах экономики региона и в первую очередь в сфере услуг.

Несмотря на широкое освещение отечественными и зарубежными исследователями вопроса влияния туристского потока на социально-экономическое развитие региона, еще недостаточно разработаны теоретические основы оценки влияния отрасли на его уровень, а также проблемы, касающиеся определения инструментов и методов для проведения такой оценки.

Существуют различные методики оценки влияния отрасли на экономику региона. Наиболее распространенными являются:

1. Расчет совокупного дохода от отрасли
2. Оценка мультипликативного эффекта
3. Сателитовые счета

Исследование выявило, что представленные методики не дают возможности сделать достаточно корректную экономическую оценку вклада отрасли в экономику региона. Одним из эконометрических подходов является корреляционный анализ, который позволяет выявить влияние отрасли на экономику региона с учетом воздействующих факторов.

Одним из показателей развития туристско-рекреационного комплекса региона может быть использован показатель «число въехавших в регион туристов». Именно данный показатель характеризует привлекательность региона для туризма и, как следствие, степень реализации туристского потенциала региональной экономики.

В настоящее время общий поток туристов в регионе оценивается экспертными методами. В данном случае речь идет обо всех посетивших республику, в том числе и неорганизованных туристах, приезжающих в гостевых целях. Согласно этой оценке, общее количество посетителей Карелии за последнее десятилетие возросло почти на четверть (рис. 1). В тоже время в кризисный период наблюдался спад (количество посетителей в 2009 г. сократилось на 10 % по сравнению с 2008 г.).

Финское статистическое агентство Раја ведет подсчет туристов Республики Карелия через карело-финскую границу, среди которых есть как экскурсанты, так и транзитные туристы. В настоящее время за 11 лет количество иностранных туристов через карело-финскую границу не превысило 400 000 человек.

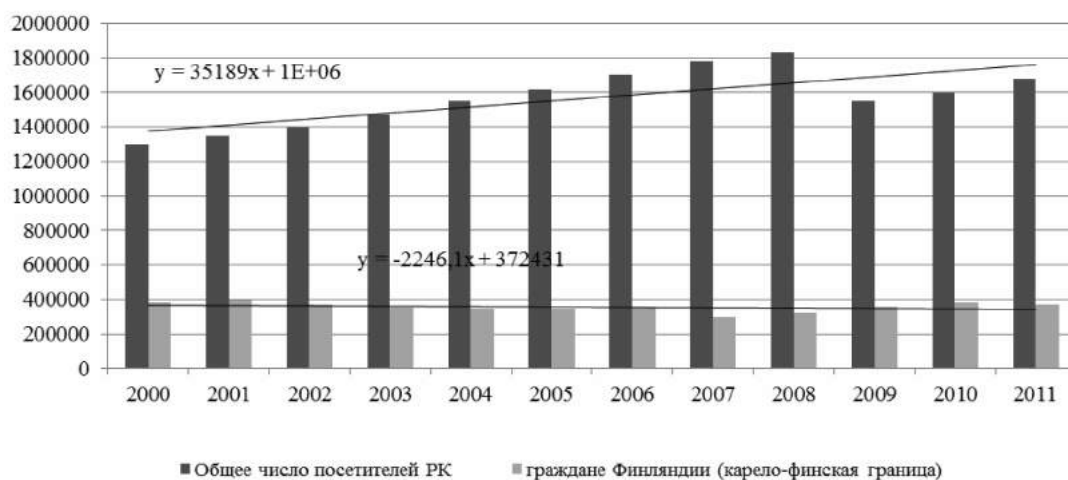

Рис. 1. Общее количество посетителей РК и количество граждан Финляндии, посетивших Республику Карелия через карело-финскую границу

В ходе исследования было выявлено, что на въездной туристский поток оказывают влияние различные показатели: социально-экономические, развитие сферы услуг, туристской инфраструктуры, развития транспорта, экологические, развития туристской отрасли, здравоохранения, охраны и безопасности, развития связи

Данные показатели были сформированы на основании исследования Отчета о конкурентоспособности секторов путешествий и туризма Всемирного экономического форума [5]. Данный документ включает рейтинги стран, выделены группы факторов, делающих привлекательным развитие индустрии путешествий и туризма в отдельной стране. Высокие места Швейцарии, Германии, Франции и Австрии демонстрируют, как важно для стимулирования среды развития сектора путешествий и туризма сочетание хорошего бизнес-климата и регулирования с первоклассной транспортной и туристической инфраструктурой и последовательной политикой укрепления человеческих ресурсов и природных богатств. Из факторов конкурентоспособности, по которым в отчете ВЭФ оцениваются страны, сильными сторонами России являются богатые природные и культурные ресурсы, а также инфраструктура воздушного транспорта, в развитии которой за последние два года отмечены существенные улучшения. Вместе с тем оставляет желать лучшего инфраструктура наземного транспорта, а среду регулирования сектора путешествий и туризма в целом можно охарактеризовать как неблагоприятную. В ходе изучения исследования были выделены следующие факторы привлекательности региона: политическая среда, экологическая среда, охрана и безопасность, здоровье и гигиена (сфера здравоохранения), приоритет туризма и путешествий, инфраструктура воздушного транспорта, инфраструктура наземного транспорта, туристская инфраструктура, информационно-коммуникационная инфраструктура, ценовая конкурентоспособность, человеческие ресурсы, привлекательность сферы туризма, природные ресурсы, культурные ресурсы

Учитывая специфику Республики Карелия и принимая во внимание несовершенство статистической базы, для исследования выбраны следующие группы показателей:

1. Социально-экономические показатели
2. Сфера услуг
3. Туристская инфраструктура
4. Транспорт
5. Экология
6. Туристская отрасль
7. здравоохранение
8. Охрана и безопасность
9. Связь

С помощью программы Statistica в исследовании на основании динамических рядов показателей въездного, общего туристского потока и привлекательности региона проиллюстрированы коэффициенты корреляции.

В ходе исследования получены следующие данные (табл. 2).

Таблица 2

Коэффициенты корреляции

	Въездной турпоток, иностранцы	Общее количество посетителей РК
Социально-экономические показатели		
ВРП, в текущих ценах, млн руб.	-0,35	0,84
Среднедушевые денежные доходы в месяц, руб.	-0,20	0,73
Инвестиции в основной капитал (в фактически действовавших ценах), млн.руб.	-0,36	0,85
Сфера услуг		
Оборот розничной торговли, млн. руб.	-0,23	0,75
Оборот общественного питания, млн. руб.	-0,29	0,80
Платные услуги населению, млн. руб.	-0,27	0,78
Туристская инфраструктура		
Число гостиничных предприятий	0,09	0,43
Номерной фонд гостиничных предприятий, номеров	-0,13	0,60
Среднегодовая численность работников сферы туризма, человек (гостиничное хозяйство, оздоровительные учреждения и учреждения отдыха, туризм)	-0,02	0,37
Транспорт		
Железнодорожные пути общего пользования, км	-0,58	0,82
Автомобильные дороги общего пользования, км	-0,02	0,27
Протяженность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием, км	-0,39	0,71
Пассажирский подвижной состав	-0,54	0,84
Экология		
Число национальных парков	0,01	0,49
Инвестиции в основной капитал, направленные на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов, тыс.руб	-0,13	0,60
Туристская отрасль		
Объем внебюджетных инвестиций в сферу туризма, млн руб.	-0,59	0,96
Совокупный доход от туризма, млн руб	-0,30	0,79
Проживание в гостинице, сутки, руб.	-0,26	0,75
Бензин автомобильный марки АИ-92, АИ-93, литр	-0,39	0,84
Обед в столовой, кафе, закусочной (кроме столовых в организациях), на 1 человека	-0,36	0,84
Здравоохранение		
Обеспеченность населения больничными койками	-0,16	-0,30
Обеспеченность населения врачами на 10 000 населения	-0,58	0,89
Заболеваемость на 1000 населения	-0,23	-0,09
Мощность врачебных амбулаторно-поликлинических учреждений, посещений в смену на 10000 населения	-0,38	0,86
Охрана и безопасность		
Зарегистрировано преступлений – всего	0,35	-0,42

Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств	0,59	-0,89
Число дорожно-транспортных происшествий	-0,06	-0,14
Связь		
Число телефонных станций	0,60	-0,86
Число телефонных аппаратов телефонной сети общего пользования или имеющих на нее выход – всего, тыс.шт.	-0,56	0,90
Кол-во sim-карт на 1000 чел. населения, тыс. ед.	-0,25	0,77
Общая монтированная емкость телефонных станций, тыс. номеров	-0,09	0,59

Между общим туристским потоком и показателями развития региона установлены в большей части высокие коэффициенты корреляции ($>0,7$).

Исследование подтвердило, что объем общего въездного турпотока увеличивается в условиях роста ВРП и совокупного дохода от туризма (рис. 2), но при этих условиях уменьшается въездной турпоток иностранцев. Это означает, что развитие туризма в Карелии происходит за счет внутренних турпотоков и туристов из мегаполисов. Выявленные особенности свидетельствуют о повышении интереса российских граждан к туристско-рекреационному потенциалу Республики Карелия.

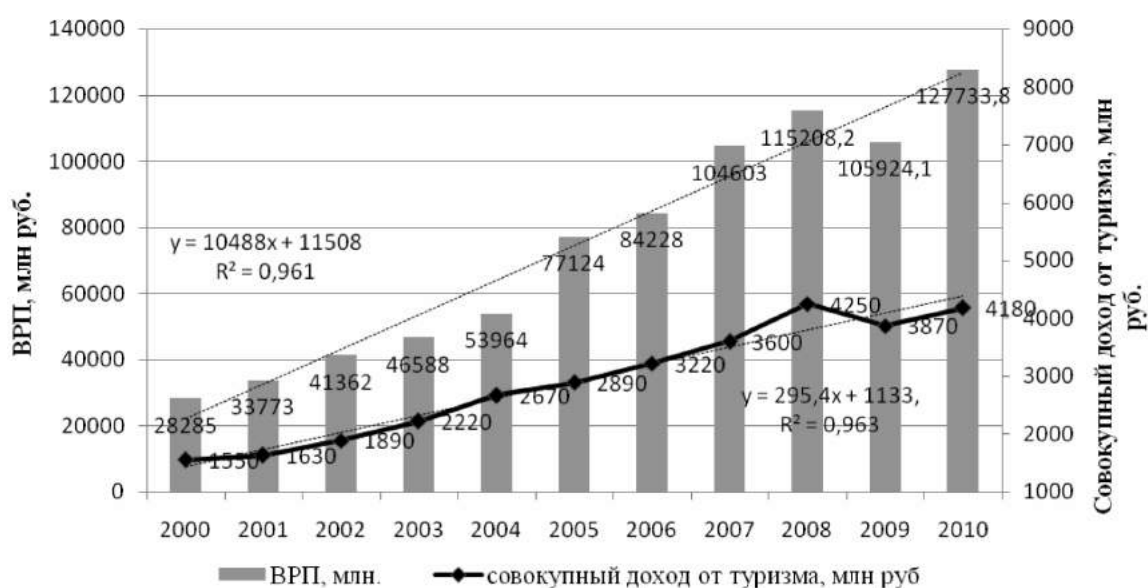

Рис. 2. Динамика уровня ВРП, млн руб. и совокупного дохода от туризма, млн руб.

Установлена положительная взаимосвязь между величиной общего турпотока и показателями сферы услуг, здравоохранения, развития туристской отрасли, связи. Между некоторыми показателями отсутствуют взаимосвязи, но они являются факторами туристской привлекательности региона.

Между туристским потоком, представленным гражданами Финляндии и показателями развития региона выявлены отрицательные коэффициенты корреляции или незначительные положительные. Данный факт обосновывается слабым использованием услуг Республики Карелия туристами из Финляндии.

Уровень цен на большую часть предоставляемых услуг рекреационного туризма Карелии не рассчитан на внутреннего потребителя. Основные клиенты местного рынка – это жители столичных мегаполисов, где средний уровень дохода гораздо выше, чем у местного населения. Это является основным стимулом развития инфраструктуры туристского рынка.

Экономические и политические факторы в большей мере оказывают влияние на другие факторы (социальные, культурные), чем на поведение конкретного человека. Но вместе с тем нельзя игнорировать тот факт, что общее положение с развитием производительных сил и производственных отношений в обществе влияет на поведение потребителя на рынке.

Карелия привлекательный с точки зрения туризма регион, данный факт подтвержден опросами и повышенным вниманием со стороны органов власти. Прежде всего, от этой отрасли экономики ожидают пополнение бюджета.

Сейчас развиваются виды туризма, которые не могут дать серьезный толчок экономике. Основной упор делается на туры выходного дня, экологический туризм, джип-туры, рафтинг, которые не требуют больших капиталовложений, следовательно, не приносят больших доходов. Для того чтобы повышать туристский потенциал и увеличивать привлекательность региона, необходимо реализовывать крупные проекты по привлечению туристов – создание Особой экономической зоны туристско-рекреационного типа, туристского кластера.

Создание ОЭЗ данного типа должно существенно увеличить масштабы туристской деятельности, в последствии также сформируются региональные инновационные кластеры. Поэтому необходимо совершенствовать институциональные основы новых экономических механизмов, в том числе и на региональном уровне: зон опережающего развития, научных и технологических парков, частного государственного партнерства и др.

В Карелии запланировано создать три туристских кластера – «Заонежский», «Ладожский» и «Поморский». Первым, пилотным проектом станет кластер «Заонежский». Целью его создания является становление и развитие системы внутреннего и въездного туризма на базе посещения Музея-заповедника «Кижы» и смежных природных территорий Заонежья Медвежьегорского муниципального района Республики Карелия. Достижение цели планируется с помощью увеличения количества туристов о. Кижы его окрестностей на основе стационарного размещения в комфортабельных туристских комплексах на островах Кижского архипелага.

Реализация намеченных проектов позволит сделать Республику Карелия один из ведущих туристских центров на Северо-западе России, создать и развить новые туристские дестинации, осуществить реновацию и развитие туристской, дорожной, инженерной, коммуникационной и социальной инфраструктур, обеспечить популяризацию богатого историко-культурного наследия, обеспечить развитие культурного и экологического туризма, повышение качества жизни местного населения на основе использования инновационных технологий разработки и реализации инвестиционных проектов по развитию индустрии туризма, стимулирования малого и среднего предпринимательства в сфере туризма, создания новых рабочих мест.

Список использованной литературы

1. Валл Ф. Отчет Lufthansa. Берлин, 1998/99. С. 40.
2. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики: учебник для вузов. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 495 с.
3. Bookman, Z. Milica. Tourists, Migrants & Refugees: Population Movements in Third World Development, Boulder, CO: Lynne Rienner, 2006.
4. Pajo, Erind. International Migration, Social Demotion, and Imagined Advancement – An Ethnography of Socioglobal Mobility, Irvine: Springer, 2008.
5. The Travel & Tourism Competitiveness Report 2011, World Economic Forum Geneva, Switzerland, 2011.
6. Williams, M. Allan and Michael C. Hall «Tourism, Migration, Circulation and Mobility: The Contingencies of Time and Place», in Hall C. Michael and Allan M. Williams (eds.) Tourism and Migration – New Relationships between Production and Consumption, Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2002. P. 1–52.

Влияние реализации международных проектов по развитию туризма на туристско-рекреационную систему приграничного региона (на примере Республики Карелия)

*Васильева А.В.
м.н.с. Института экономики КарНЦ РАН
г.Петрозаводск*

Практика регионального развития демонстрирует позитивные примеры реализации проектов в различных сферах. Основными положительными сторонами такого подхода можно считать адаптивность, гибкость и направленность на решение конкретных задач социально-экономического развития территории. Кроме того данный подход к управлению позволяет учитывать особенности социально-экономического развития конкретных территорий и эффективно дополнять существующие формы государственного управления.

Не секрет, что рыночные механизмы не только сохраняют, но и увеличивают неравномерность социально-экономического развития. Региональная политика как комплекс мер по развитию региона преследует цель сглаживания этих диспропорций, через реализацию потенциала всех территорий региона. Поиск новых путей пространственного развития и управления на современном этапе показал, что проектный подход – эффективная технология регионального планирования и развития. Обязательными составляющими проекта являются не только замысел и идея, но и обоснование, оценка возможности практической реализации. С точки зрения теории тройственной ограниченности наиболее важными параметрами и ограничениями выступают само содержание проекта, время его реализации, ресурсы и качество. Оптимальный баланс вышеприведенных составляющих обеспечивает учет этих ограничений при реализации проекта.

На современном этапе развития регионального планирования, значительное внимание уделяется исследованию теории и практики применения проектного подхода. «Организационной основой реализации региональной политики и территориального развития, управления этими процессами наряду с региональными агентствами экономического развития может стать программно-проектный подход, как отвечающий современным потребностям глобализируемой экономики институт федеративного и территориального развития» [5, 76]. При этом стратегические приоритеты развития прописываются в документах территориального развития, а решение конкретных задач происходит благодаря реализации отдельных проектов. В другом исследовании высказано предположение о том, что преобразование региональной экономической политики требует изменения подходов к управлению. Автор предлагает использовать проектный подход для формирования новой модели управления экономикой региона, как наиболее гибкий и адаптивный по сравнению с отраслевым [4, 7]. По мнению автора, реализация высокоэффективных и связанных между собой межотраслевых проектов позволит получить значительный кумулятивный эффект для экономики региона.

Для экономики таких регионов как Карелия, который может быть отнесен к группе территорий, образующих сырьевую провинцию Северо-Западного федерального округа Российской Федерации характерны следующие тенденции:

- неблагоприятные природно-климатические условия;
- относительная отдаленность;
- очаговый характер расселения;
- высокая стоимость и низкая конкурентоспособность производимой продукции;
- моноотраслевой характер производства;
- отток населения;
- нехватка квалифицированной рабочей силы [3, 25].

Эти особенности и становятся причиной сырьевой специализации региона. В такой ситуации необходимо искать новые пути развития и использования всех потенциалов территории. В связи с высокой долей монопрофильных поселений в Карелии остро стоит вопрос о диверсификации экономики региона. Диверсификация экономики региона в первую очередь связана с идеей расширения спектра экономических видов деятельности и усиления их конкурентных преимуществ. При этом разработка стратегий регионального развития и определение приоритетных направлений развития, актуальны при условии определения механизмов реализации.

Для республики Карелия важным аспектом, влияющим на специфику пространственной организации планирования можно считать приграничное положение региона. Карелия имеет общую границу с государством Финляндия. Приграничное сотрудничество имеет особое значение для стабильного регионального развития и интеграции. А развитие туризма может быть рассмотрено как одно из направлений диверсификации межрегионального сотрудничества.

Концепция развития Республики Карелия определила туризм как приоритетное направления на период 1999–2002–2010 гг. В последующем это направление нашло отражение и в других документах развития туризма на уровне региона. В концепции развития Республики Карелия до 2020 г. в разделе посвященном развитию туристской инфраструктуры высказано положение о том, что для развития туризма в Республике существуют все предпосылки: высокая концентрация объектов, привлекающих посетителей, приграничное положение, создающее возможности для привлечения туристских потоков из стран Европы. Однако в настоящее время туристский потенциал Республики не используется в

полной мере. Планируется создание единой системы как «совокупности сконцентрированных по географическому принципу организаций, представляющих тесно связанные между собой отрасли, имеющие отношение к индустрии гостеприимства. Огромную роль при этом играют сетевые проекты и ИКТ (туризм – самый продаваемый товар в глобальных компьютерных сетях)».

Туристско-рекреационная система региона – структурный элемент региональной экономики; состоящая из взаимосвязанных подсистем (группы отдыхающих, природные и культурные комплексы, технические системы, обслуживающий персонал, органы управления), обладающая функциональной целостностью. Целевой функцией системы является удовлетворение рекреационных потребностей. Управление развитием туристской системой – это сложный процесс гармонизации отношений между человеком и окружающей средой, сопряженный с положительными и негативными эффектами от развития туризма. Пространственное планирование как функция стратегического планирования социально-экономического развития региона дает возможность учитывать пространственную неоднородность региональной среды. Практика доказала, что в Российских условиях конкуренция и частное предпринимательство не могут стихийно обеспечить такое размещение производительных сил и социальной инфраструктуры в регионе, которое будет выгодным со всех точек зрения – с позиций государства, частных компаний и населения [1]. Это характерно и для туристско-рекреационной системы. Диверсификация экономики региона в сторону развития сферы услуг, а в частности туризма, может стать инструментом сглаживания пространственной неравномерности развития внутри региона.

Сам термин «приграничное сотрудничество» достаточно новый. В исследовании принимается термин сформулированный В.А. Шляминым. Приграничное сотрудничество рассматривается как совокупность согласованных действий органов государственной власти всех уровней, находящихся на сопредельных территориях, местного самоуправления, хозяйствующих субъектов, общественных организаций, научных и учебных учреждений, финансовых институтов, направленных на развитие и поощрение прямых взаимовыгодных и долгосрочных связей предприятий, организаций, учреждений и граждан, проживающих на сопредельных территориях, в рамках международных, двухсторонних и многосторонних проектов и программ [8, 154].

В рамках данного исследования целесообразно привести некоторые показатели развития туризма в Карелии. Приведены те показатели, которые по мнению автора, позволяют видеть не только уровень развития туризма, но и некоторые специфические черты. Структура посетителей Карелии, размещенных в гостиничных предприятиях в 2011 г. представлена посетителями, прибывшими в Республику Карелия с различными целями. Две наиболее представительные группы – это посетители, приехавшие с рекреационными целями (47 %) и посетители с профессиональными и деловыми целями (43 %) (рис. 1).

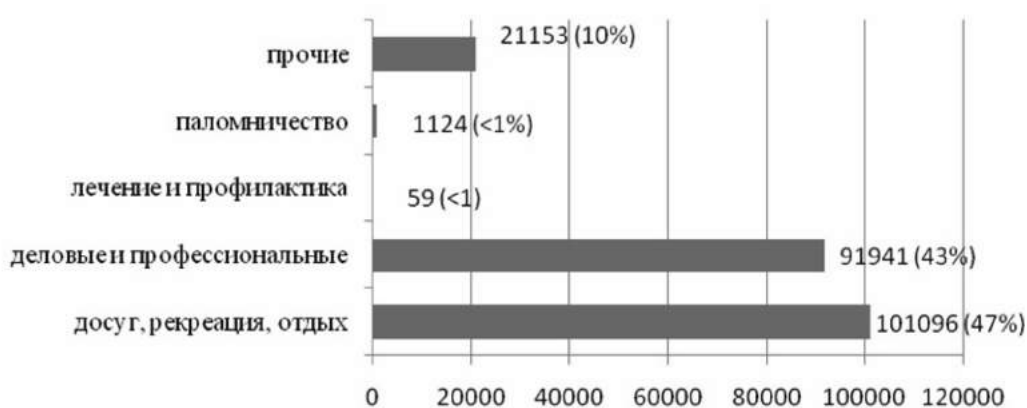

Рис. 1. Структура посетителей Республики Карелия по целям визита, 2011 г. [7]

Несмотря на приграничное положение, большая часть посетителей Республики Карелия – это граждане России (84 %) (жители г. Москва и г. Санкт-Петербург) (рис. 2). Такое положение можно объяснить транспортной доступностью Республики Карелия для жителей вышеупомянутых мегаполисов. Существующие транспортные связи позволяют достичь столицы Республики г. Петрозаводска прямыми рейсами, длительность которых не превышает одной ночи в пути. Другой важ-

ный аспект – существующие экономические связи Карельских туристических компаний, ориентирующихся на рынки г. Москва и г. Санкт-Петербург, обладающих достаточным ресурсом для роста. На российском туристском рынке Карелия занимает устойчивую позицию. На зарубежном туристском рынке Республика Карелия не является достаточно продвинутой в информационном плане туристским объектом. В сочетании с общим негативным имиджем России это обстоятельство можно считать фактором, который снижает туристские потоки в Республику Карелия из зарубежных стран.

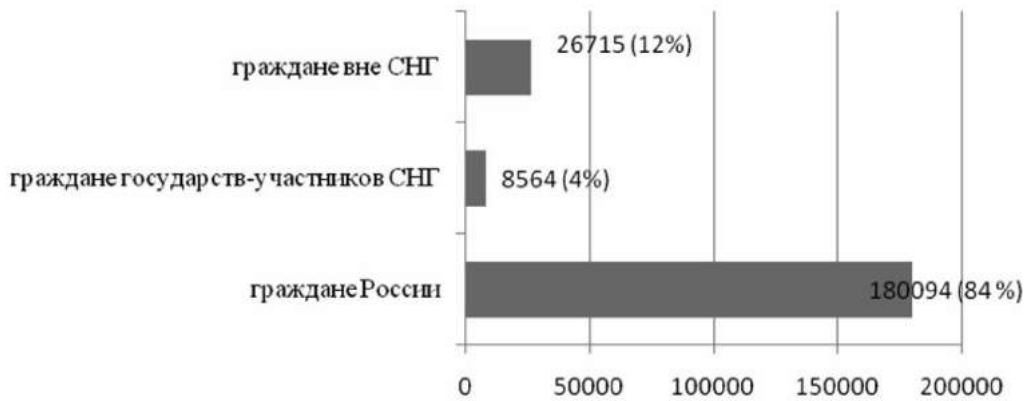

Рис. 2. Структура посетителей Карелии, размещенных в гостиничных предприятиях в 2011 г. [7]

Средняя стоимость проданной путевки в 2011 г – 24280 рублей. Средняя стоимость тура по России, проданного гражданину России – 13800 рублей. Средняя стоимость тура по России, проданного иностранному гражданину – 10900 рублей. Таким образом, можно сделать предположение, что иностранные посетители склонны выбирать программы по более низкой цене. Следует учесть тот факт, что 92 % иностранных граждан, которые были размещены в гостиничных предприятиях, останавливались на 1–3 дня, 82 % граждан России останавливается на 1–3 дня. Такое положение дел, говорит о том, что среднестатистический посетитель Карелии рассматривает территорию как место для непродолжительного отдыха.

Важным показателем развития туристского рынка является его емкость. Емкость рынка, характеризуется (обусловлена) объемом и стоимостью реализуемых услуг (рис. 3).

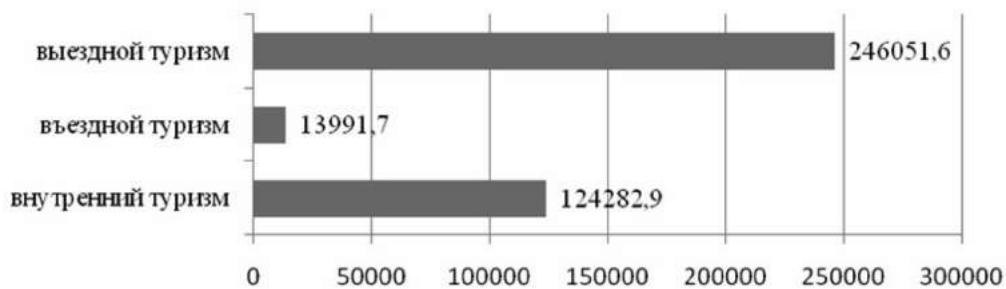

Рис.3. Емкость туристского рынка, 2011г. [7]*

Характеризуя пространственную организацию туристско-рекреационной системы Карелии можно сказать о том, что:

- большая часть средств размещения сконцентрирована в г. Петрозаводске (табл. 1);
- подавляющее большинство туристских компаний концентрируется в г. Петрозаводске (табл. 1);
- трудовые ресурсы сконцентрированы в г. Петрозаводске;
- большая часть инвестиционных потоков направлена на реализуемые в г. Петрозаводске проекты;
- развитие туризма на территории Карелии зависит от развития инфраструктуры.

* Внутренний туризм – туры по России, проданные гражданам России; въездной туризм – туры по России, проданные иностранным гражданам; выездной туризм – туры по зарубежным странам, проданные гражданам России.

Таблица 1

**Распределение численности предприятий гостеприимства
и туристических компаний в Республике Карелия***

	Район Карелии	Предприятия гостеприимства	Туристические компании
1	Костомукшский район	5	2
2	Сортавальский район	14	1
3	Беломорский район	4	1
4	Калевальский район	2	1
5	Кемский район	3	1
6	Кондопожский район	7	2
7	Лахденпохский район	5	0
8	Лоухский район	10	7
9	Медвежьегорский район	4	0
10	Муезерский район	2	0
11	Олонецкий район	8	1
12	Питкярантский район	3	0
13	Прионежский район	9	0
14	Пряжинский район	11	1
15	Пудожский район	3	1
16	Сегежский район	5	0
17	Суоярвский район	3	1
18	Петрозаводск	>50	>55

В Карелии сформировалась центр-периферийная модель организации туристско-рекреационной системы. При этом инфраструктурные и другие ограничения не позволяют эффективно использовать туристский потенциал территории и максимизировать положительные эффекты от развития туризма. Туризм рассматривается не только как вид экономической деятельности, но и как способ повышения качества жизни местного населения за счёт проявления положительных экономических и социальных эффектов. Благодаря высокой трудоемкости к наиболее ожидаемым позитивным экономическим эффектам от туризма относится инициирование создания рабочих мест. Привлечение инвестиций в инфраструктурные объекты позволяет трансформировать социально-экономическую среду для посетителей и для жителей региона. Внутри периферийного региона также наблюдается поляризация пространства. В Республике Карелия концентрация ресурсов наблюдается в г. Петрозаводске. Удаленные районы, в т.ч. и приграничные находятся в наиболее трудных условиях ввиду негативных проявлений периферийности. Одним из путей развития приграничных территорий является эффективное использование туристского потенциала, в том числе через приграничное сотрудничество в сфере реализации проектов по развитию туризма.

Выбор туризма как направление развития приграничного сотрудничества для Карелии был обоснован при апробации методики оценки приграничной специализации межрегиональных взаимодействий приграничных регионов. Методикой предлагается расчет коэффициентов приграничной специализации по сферам взаимодействия: инвестиционное взаимодействие, организаций с участием иностранного капитала, внешняя торговля, международная миграция и туризм. При апробации методики Карелия попала в число пилотных территорий. В результате оценки для регионов, вошедших в обследование, были рассчитаны коэффициенты приграничной специализации внешних межрегиональных взаимодействий по всем направлениям. Наивысший коэффициент из всех направлений для Карелии был присвоен туризму (0,49) [2, 44].

В настоящее время на территории Карелии и Финляндии реализуется ряд проектов в области развития туризма. В исследовании рассматриваются проекты, реализующиеся по программе приграничного сотрудничества в рамках инструмента соседства и партнёрства «Карелия». Основной целью данной программы является формирование благополучия посредством развития приграничного сотрудничества. Благополучие определяется не только через уровень доходов, но и посредством оцен-

* Таблица составлена автором, основываясь на данных представленных на информационном ресурсе «Туристский портал Карелия», режим доступа www.ticrk.rk, дата обращения 01.09.2013.

ки качества жизни. Благодаря такому подходу определены два приоритета: экономическое развитие и качество жизни.

В рамках программы реализуются проекты по нескольким направлениям:

– приграничные решения для устойчивого пространственного, экономического и экологического развития);

– сотрудничество в сфере туризма;

– сотрудничество в лесном секторе и устойчивые энергетические решения;

– сотрудничество в сфере культуры;

– социальное благополучие;

– устойчивое использование природных ресурсов;

– крупномасштабные проекты.

По направлению сотрудничества в сфере туризма одиннадцать проектных заявок получили поддержку*:

– «Карелия – развитие конкурентоспособного туризма на основе сотрудничества» (КА 299);

– «Разработка турпродукта, анализ рынка и интернет-маркетинг сельского и природного туризма в приграничных регионах» (КА 300);

– «Развитие основы для приграничного электронного туризма на территории действия программы» (КА 322);

– «Повышение качества услуг в приграничном экотуризме» (КА 333);

– «Горная дорога» (КА 334);

– «Маткачи» (КА 342);

– «Развитие малобюджетного и молодежного туризма на приграничных территориях» (КА 346);

– «Туристический маршрут «Кантеле Онтрея Малинена» (КА 357);

– «Эко-эффективный туризм» (КА 358);

– «Современный старый город» (КА 366);

– «Белая дорога» (КА 325).

Вышеперечисленные проекты находятся на различной стадии реализации. Однако обобщая заявленные в проектах цели можно сформулировать основные ожидаемые результаты от их реализации:

– повышение туристского потока;

– внедрение новых моделей маркетинга (в т.ч. электронного) для взаимодействия в сфере туризма;

– содействие внедрению эко-эффективных технологий в туризме;

– создание новых туристских маршрутов (в т.ч. трансграничных);

– повышение качества туристских услуг;

– актуализация информации о предоставляемых услугах и туристских ресурсах;

– повышение профессионального уровня работников сферы туризма;

– продвижение туристского бренда приграничных территорий.

Международные проекты в сфере туризма реализуют комплекс мер посредством международного сотрудничества как инструмента развития региональных экономических систем. Несмотря на значительные различия в экономической среде по обе стороны границы в рамках проектов создаются условия для поиска новых путей развития.

Учитывая опыт реализации предыдущих программ (ТАСИС, Интерег II, III, «Добрососедство Еврорегион Карелия»), к проектам настоящей программы предъявлялись требования по формулированию более четких целей и определения графика реализации*. Удалось создать целую сеть поддерживающих и дополняющих друг друга проектов. Благодаря чему приграничные районы могут стать площадкой для разработки и внедрения социальных, гуманитарных и экологических проектов и технологий, демонстрируя совершенно новый аспект социально ориентированного инновационного сценария развития территорий [6, 7].

Идея программы связана с созданием широких рамок для достижения устойчивого развития в условиях приграничного региона, и как результат решения ряда социально-экономических про-

* <http://www.kareliaenpi.eu/fi/teemat/tourism-cooperation/hankkeet>.

* ИЕСП ПГС «Карелия» Программный документ 2007–2013 21.08.2008.

блем, типичных для таких регионов, в том числе через реализацию проектов по приоритетным темам (включая туризм). К реализации проектов привлекаются партнеры (с российской и финской стороны) из различных областей: органы местного самоуправления, общественные и научные организации, представители бизнеса. Создается партнёрская сеть способствующая дальнейшему развитию проектов и внедрению их результатов. За последние 20 лет реализации международных проектов в сфере туризма на территории Карелии накоплен опыт, позволяющий сделать заключение, что социально-экономическое развитие приграничного региона связано и зависит от инициатив в сфере приграничного сотрудничества. Реализация международных проектов в сфере туризма позволяет дополнять существующие государственные инструменты развития и создавать более эффективную туристско-рекреационную систему, посредством реализации инициатив заинтересованных сторон различного уровня.

Список использованной литературы

1. Жирнель Е.В., Управление пространственным развитием региона (на примере Республики Карелия). Региональная экономика и управление: электронный научный журнал, стр, электронный ресурс: <http://region.mcnip.ru/modules.php?name=News&file=print&sid=116>.
2. Межевич Н.М., Жук Н.П. Методика оценки приграничной специализации межрегиональных взаимодействий приграничных регионов и результаты пилотной оценки – «Балтийский регион». 2013. № 1. 38–52 с.
3. Рохчин В.Е., Ротенберг Р.Б. О запуске процессов реальной структурной перестройки и развитии экономики индустриальных регионов – «Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки». 2013. № 6–1 (185). 22–27 с.
4. Савельев Ю.В. Организационно-структурные особенности деятельности регионального экономического ведомства в контексте инновационного развития региона – Вопросы государственного и муниципального управления. 2010. № 4. 5–15 с.
5. Татаркин А.И. Пространственное развитие региональных и территориальных экономических систем с использованием программно-проектных подходов – «Проблемы экономики». 2012. № 3. 71–80 с.
6. Титов А.Ф., Буторин А.А., Громцев А.Н., Иешко Е.П., Крышень А.М., Савельев Ю.В. Зеленый пояс Фенноскандии: состояние и перспективы развития // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. № 2, 2009, 3–11.
7. Туризм в Республике Карелия, Статистический сборник/Карелиястат, Петрозаводск, 2012. 58 с.
8. Шлямин В.А. Россия в «Северном измерении» / ПетрГУ. Петрозаводск, 2002, 192.

Развитие социального потенциала Мурманской области как фактора конкурентоспособности региона в международном пространстве *

*к.э.н. Кондратович Д.Л., Ульченко М.В.
Институт экономических проблем КНЦ РАН
г. Апатиты*

Социальный потенциал Мурманской области как фактор конкурентоспособности региона в международном пространстве обуславливается возможностями поддержания процесса непрерывного, сбалансированного культурного, образовательного, социально-экономического развития, при котором обеспечиваются условия, необходимые для возрастающего воспроизводства человеческого потенциала и расширения возможностей человека.

Весь мировой опыт говорит о том, что успешное развитие современной экономики невозможно без поворота к нуждам и потребностям человека, его культурному и образовательному совершенствованию. Социально-экономические трансформации последних десятилетий в России коренным образом изменили условия жизнедеятельности людей. Адаптация к ним значительной части населения России происходит с большими социальными издержками, усугубляясь многочисленными просчетами в государственном регулировании.

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ 13–32–01266.

Развитие социального потенциала городов Мурманской области во многом определяется социальной активностью жителей муниципальных образований; удовлетворением потребностей в различных сферах общественной жизни, таких как: трудовая деятельность, духовные ценности, возможности реализации своих интересов в социально-политической сфере и т. д. Также социальный потенциал определяется факторами, непосредственно детерминирующими потенциал личности, а именно: здоровье, образование, профессионализм, карьера, материальное благосостояние, иными словами, социальные ресурсы отражают возможности социального потенциала в области удовлетворения общественных потребностей.

Таким образом, уровень развития социального потенциала Мурманской области в международном пространстве характеризуется в основном индикаторами, отражающими качество жизни населения, такими как состояние здоровья, уровень образования, уровень и образ жизни и др. В тоже время социальный потенциал является основой устойчивого социально-экономического развития разных стран.

В скандинавских странах существует множество программ направленных на формирование и развитие социального потенциала. В целом все эти программы более известны как «скандинавская социальная модель». Наиболее значительными были перемены в последние годы в Финляндии, которая сместилась с позиции «достаточно соответствующей» скандинавской социальной модели на позицию «более или менее соответствующей». В таких странах как Швеция, Норвегия и Дания социальная модель претерпевала незначительные изменения и оставалась стабильной. Данная модель скрывает вариации в развитии социального потенциала в разных странах. Например, в Дании уделяется больше внимания в сфере поддержки семей с детьми, но не улучшается ситуация в сфере поддержки безработных и престарелых. Для Швеции характерна ситуация со стабильной социальной помощью престарелым, в тоже время помощь семьям и безработным изменилась в худшую сторону.

В целом программы, затрагивающие развитие социального потенциала территорий в скандинавских странах на протяжении последних 20-ти лет остаются достаточно устойчивыми по своему содержанию. Это, в свою очередь, позволяет данным странам сохранять приверженность «скандинавской социальной модели», несмотря на неблагоприятные экономические показатели в мире.

При оценке социального потенциала Мурманской области мы столкнулись с проблемой формирования фактологической базы на основе статистических данных. В целях конкретизации проблемы, на наш взгляд, можно применить метод социологической оценки потенциала муниципальных образований, с использованием широкого набора оценочных показателей, в основе которых заложены субъективные оценки жителей по ряду наиболее сложных вопросов.

Исследование социального потенциала муниципальных образований Мурманской области на основе анализа мнений жителей региона и изучение социального восприятия процессов, происходящих в различных сферах жизнедеятельности выражается через призму тех проблем, которые занимают ведущие позиции среди наиболее значимых в регионе. (табл. 2).

Развитие социального потенциала муниципальных образований такого региона, как Мурманская область, находится в прямой зависимости от экономической стабильности крупных градообразующих предприятий, так как данный регион является ресурсо-ориентированным и на его территории располагается 7 официально признанных моногородов. Спад производства промышленной продукции, оптимизация численности персонала на крупнейших предприятиях региона или, другими словами, увольнение персонала, ожидаемый в перспективе рост безработицы, не могли не повлиять на мнения жителей Мурманской области: значительно, почти в 2 раза, выросли негативные оценки уровня экономической стабильности в регионе. Набирает остроту проблема некомпетентности властей, на что в 2013 г. указало в 3 раза больше респондентов, чем в 2011 г. Все это указывает на неэффективность принимаемых властями различного уровня решений.

В целом произошло ухудшение оценок экономической политики, как руководства Мурманской области, так и местной власти: около 50 % респондентов оценили экономическую политику руководства в регионе в 2013 году как отрицательную, на уровне муниципальных образований этот показатель чуть больше – около 57 %. Ухудшение оценок наблюдается практически во всех сферах жизнедеятельности. Невозможность повлиять на сложившуюся ситуацию и на принятие управленческих

решений в своем городе сформировало на протяжении последних трех лет тенденцию роста недоверия к власти.

Таблица 1

Оценки наиболее важных, по мнению населения, проблем Мурманской области в 2011–2013 гг., %

	2011	2012	2013
Неудовлетворительное качество инфраструктуры (ЖКХ, дороги, транспорт и т. д.)	31,6	35,9	49,5
Коррупция, взяточничество	12,1	16,1	35,3
Плохая экология, загрязнение окружающей среды	28,2	30,6	32,1
Инфляция (постоянный рост цен)	47,8	36,0	31,9
Экономическая нестабильность	15,6	12,7	27,7
Низкий уровень жизни, бедность	26,7	28,1	26,0
Недоступность здравоохранения, низкое качество медицинских услуг	21,6	24,9	23,0
Социальная незащищенность граждан	22,6	19,9	21,8
Расслоение населения на «бедных» и «богатых»	18,7	18,8	21,8
Рост алкоголизма	27,9	29,4	21,8
Некомпетентность властей	7,3	11,4	21,6
Обеспеченность жильем, низкая доступность жилья	24,0	23,3	18,4
Высокий уровень преступности	19,4	17,4	18,1
Увольнения персонала, безработица	14,9	9,6	17,4
Низкая продолжительность жизни, сокращение численности населения	14,4	16,0	16,9
Бездуховность, разгул безнравственности	13,4	14,7	13,7
Несправедливое налогообложение	7,3	8,8	6,9
Недоступность образовательных услуг, низкое качество образования	7,1	8,0	6,9
Притеснения на национальной почве, межнациональная рознь	3,9	3,4	3,9

В сфере здравоохранения также существует множество проблем, связанных с халатностью и непродуманностью осуществления процессов оптимизации, с отсутствием необходимого медицинского персонала, оборудования, нерешенностью логистических вопросов транспортировки пациентов и рядом других.

Развитие социального потенциала региона включает затраты и на образование и профессиональное обучение, охрану здоровья и поддержку физиологической (трудовой и социальной) активности людей, другие социальные расходы, а также создание развитие социальной инфраструктуры и социально-культурной сферы.

Анализ общей структуры расходов консолидированного бюджета РФ на социально-культурные мероприятия с 2004 г. по 2012 г. показал сокращение расходов на образование с 40,0 % до 19,7 %. Запланированные расходы федерального бюджета на образование составят 0,91 % ВВП в 2013 году, 0,74 % ВВП – в 2014 г. и 0,69 % ВВП – в 2015 году.

Следует отметить, что расходы федерального бюджета на общее образование в абсолютных цифрах сокращаются с 67,4 млрд. руб. в 2013 г. до 19,3 млрд. руб. в 2014 г. и до 19,0 млрд. руб. в 2015 году.

Как известно, общее образование финансируется на муниципальном уровне, при этом из региональных бюджетов в муниципальные поступают субвенции на заработную плату учителей и учебные расходы. А это означает, что предусмотренное сокращение расходов федерального бюджета на общее образование приведет к росту нагрузки на бюджеты субъектов Федерации.

Очевидно, что государственная поддержка образовательного процесса определяет конкурентные преимущества сферы образования, что, несомненно, положительно влияет на эффективность образовательного процесса и на социально-экономическую ситуацию в стране.

Образовательный уровень населения – одна из важнейших характеристик развития социального потенциала в регионе, определяющая его конкурентоспособность и инвестиционную привлекательность. Повышение образовательного уровня населения требует длительного времени и значительных финансовых вложений.

Мурманская область – один из старообжитых регионов Севера РФ, где 62,5 % населения (523,2 тыс. чел.) проживает в зоне Арктики [4]. Это один из наиболее урбанизированных северных регионов

РФ, где 92 % населения проживает в городах. На начало 2012 г. система образования Мурманской области представлена всеми уровнями образования и видами образовательных учреждений. В области работают 304 дошкольных образовательных учреждений, 200 общеобразовательных школ, 11 учреждений начального профессионального образования, 28 учреждений среднего профессионального образования, 29 учреждений высшего профессионального образования.

Финансирование муниципальных образовательных учреждений по типам, видам и категориям (за исключением расходов на содержание зданий и коммунальных расходов) осуществляется из средств областного бюджета путем предоставления субвенций из областного бюджета на основе региональных нормативов финансирования и из местных бюджетов на основе муниципальных нормативов финансирования.

Финансовое обеспечение муниципальных нормативов финансирования муниципальных образовательных учреждений в части, превышающей региональные нормативы финансирования, осуществляется за счет средств местных бюджетов.

Однако развитие региональной системы образования области ограничивается наличием ряда проблем, к основным из которых относятся недостаточная обеспеченность образовательных учреждений материальными и финансовыми ресурсами, невысокая эффективность работы учреждений общего образования по профессиональной ориентации.

В этих условиях реформа системы образования становится неэффективной и, вероятно, таковой останется, пока не будут четко определены приоритеты государственной экономической политики. По нашему убеждению, на 99 % причины проблем, которые испытывает сфера образования, находятся за ее пределами. Эти причины – экономические. Если экономика страны развивается успешно, то система образования получает от нее заказы на подготовку специалистов, что обеспечивает ее развитие и трудоустройство выпускников учреждений профессионального образования в разных сферах деятельности. В инновационной экономике образование начинает играть на опережение, создавая кадровый задел для быстро развивающихся секторов экономики и способствуя созданию новых. А если о высоких технологиях и инновациях ведутся только разговоры, то система образования не получает нормального импульса к развитию.

Качество здравоохранения также оказывает существенное влияние на повышение конкурентоспособности региона. Уже сейчас жители Мурманской области столкнулись проблемой нехватки кадров медицинского персонала, врачей. Во многих муниципальных образованиях отсутствует возможность прохождения медицинского обслуживания по месту жительства, обеспеченные граждане отправляются на лечение за пределы Мурманской области и страны. Такие страны как Финляндия и Норвегия уже предлагают свои услуги в сфере здравоохранения нашим гражданам. Это свидетельствует о серьезных проблемах, с которыми сталкивается в настоящее время Мурманская область.

Опросы показывают, что проблема низкого качества здравоохранения беспокоит жителей Апатитов, ЗАТО, Кандалакши и Оленегорска, что, к сожалению, происходит на фоне проводимой модернизации сфер здравоохранения и образования, ориентированной на позитивные изменения. Низкое качество и труднодоступность медицинской помощи негативным образом сказываются на уровне здоровья жителей Мурманской области. На уровень здоровья оказывает влияние и неблагоприятная ситуация в сфере социально-экономического развития, неблагоприятная экологическая ситуация, а также непосредственно негативные тенденции в развитии системы здравоохранения в последние годы.

Очевидным является и то обстоятельство, что формирование социального потенциала зависит от социальной стабильности в целом. Социальная стабильность определяется как сложная система, поддерживающая качественные условия жизнедеятельности людей, их материальное благополучие, а также уверенность в завтрашнем дне. Сохранение стабильности невозможно без противодействия внешним и внутренним угрозам. К внутренним угрозам можно отнести рост алкоголизма и наркомании, рост коррупции и некоторые другие проблемы [2].

Специфика формирования социального потенциала в Мурманской области определяется также наличием множества монопрофильных поселений, включающих города горнодобывающего комплекса с крупными градообразующими предприятиями и закрытые территориально-административные

образования оборонного назначения (ЗАТО). Они характеризуются узкой специализацией деятельности, что затрудняет процесс формирования естественных условий для развития [1].

Очевидно также, что и демографическая ситуация во многом зависит от доступности и качества медицинского обслуживания, а отсутствие комплексного подхода к решению проблем здравоохранения, существенно влияет демографические показатели.

В результате миграционного оттока в большинстве муниципальных образований складывается неблагоприятное отношение численности населения моложе трудоспособного возраста к численности населения старше трудоспособного возраста, что в последующий период может привести к возникновению проблем в сфере формирования как социального потенциала в целом, так и трудового в частности [3].

Следует также отметить, что формирование и развитие социального потенциала Мурманской области во многом определяется возможностями удовлетворения основных потребностей населения, что неразрывно связано процессом повышения уровня и качества жизни жителей. Это отражается на качестве воспроизведенных социальных, экономических и организационно-управленческих ресурсов городов Севера. Социальный потенциал также является признаком устойчивого социально-экономического развития региона.

В настоящее время достаточно сложно и некорректно сравнивать уровень развития социального потенциала в одном только регионе России – Мурманской области с целыми странами, такими как: Финляндия, Норвегия или Швеция. Тем не менее, возможности для развития социального потенциала у региона имеются.

Мурманской области разработана Концепция Стратегии социально-экономического развития Мурманской области до 2025 года [3], в которой отражены основные центры роста экономики региона. В целом Концепция является сбалансированной, но ряд вопросов в быстроменяющихся условиях требует усиления. В частности, на наш взгляд, необходимо обратить внимание на условия формирования социального потенциала, которые связаны с решением множества проблем развития человека. Это, в свою очередь, вызывает необходимость создания такой системы социально-экономического устройства, которая открывала бы простор для его всестороннего совершенствования каждого жителя, проживающего в сложных климатических условиях. Единого рецепта построения такой системы не существует, и при заметном нарастании общности главных направлений и многих форм экономического и социального развития каждый регион создает и реализует свою модель, отражающую его специфику. Мурманская область не может быть исключением из общего правила и должна выработать собственную доктрину, стратегию и модель социально-экономического развития в целях сбережения и развития социального потенциала. Доктрина социального развития Мурманской области должна содержать ясные, четко сформулированные идеи развития, стратегию и тактику, связанную с формированием и активизацией социального потенциала каждого муниципального образования, учитывающие факторы, условия и средства, ориентированные на устойчивое экономическое развитие региона.

Таким образом, основой социально-экономического развития северного региона должно стать формирование социального потенциала как совокупности социальных, экономических и организационно-управленческих ресурсов обеспечивающих устойчивое развитие муниципальных образований, что позволит вывести регион на конкурентоспособный уровень, в том числе и в международном пространстве.

Список использованной литературы

1. Гущина И.А., Довиденко А.В. Некоторые аспекты социальной жизни в малых городах северного региона// Север и рынок: формирование экономического порядка № 2 (28) 2011. С. 80.
2. Гущина И.А., Положенцева О.А. Влияние кризиса на уровень социальной стабильности в Мурманской области// Север и рынок: формирование экономического порядка № 2 (28) 2011. С. 84.
3. Концепция Стратегии социально-экономического развития Мурманской области до 2025 года [режим доступа] http://economics.gov-murman.ru/ekonomika_oblast.
4. Муниципальные образования Мурманской области Федеральная служба государственной статистики. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области. Мурманск, 2012. 194 с.

Проблемы трансформации институтов советской лесной экономики в условиях диффузии западных образцов модернизации (на примере лесной промышленности Карелии 1990-х гг.)

*к.и.н. Кулагин О.И.
Петрозаводский государственный университет
г. Петрозаводск*

С распадом СССР и крушением прежней советской политической и экономической систем в нашей стране начался период, связанный с попытками реализации очередного проекта модернизации страны на основе рыночных отношений. Данный процесс затронул и лесную отрасль Карелии, являющуюся исторически главным звеном в экономической системе региона на протяжении практически всего периода его существования. Однако, анализ основных источников и механизмов постсоветской модернизации 1990-х гг., в частности, в лесной промышленности России на региональном уровне позволяет говорить о процессах, носящих явно противоречивый характер.

Социально-экономические преобразования начала 1990-х годов позиционировались властью их инициировавшей как прямой путь к более свободному и процветающему обществу, где любая личность могла бы в полной мере реализовать все свои материальные и духовные потребности. В данном случае декларируемые новые права и свободы для российского общества, особенно на фоне нестабильного социально-экономического развития страны, особенно контрастно должны были оттенять несвободу и несправие человека в советском государстве, насквозь пронизанном коммунистической идеологией. При этом образцом истинной свободы должны были стать именно западные образцы институтов демократии и рыночной экономики. Поэтому в контексте социально-экономической модернизации российского общества можно попробовать оценить действие одного из источников и механизмов модернизации – диффузии (распространение культурных черт и образцов от группы к группе, в данном случае от западных социальных институтов к российским).

Переход к новой системе социально-экономических отношений происходил при одновременном изменении базовых социальных институтов российского общества. Разрушение или деформация социальных институтов бывшего советского общества началось с системы прав как части социальных норм и отношений, которая декларируется государством и охраняется его силой. Были провозглашены и стали реализовываться новые права и свободы, в то время как прежние административно-командные нормы и ограничения стали исчезать, или были ослаблены. Это, в свою очередь, изменило систему отношений в российском обществе, в частности в системе производственных, трудовых отношений, а также в повседневных практиках и стратегиях жизни, образе жизни, ценностных ориентирах.

Одним из важнейших формальных институтов, изменивших за десятилетие 1990-х гг. жизнь лесозаготовительных предприятий Карелии, являлся институт собственности на лесные ресурсы, который продолжает формироваться и по настоящее время. Это связано со многими обстоятельствами.

Первым в списке базовых институтов, регулирующих воспроизводство в редиистрибутивных экономиках, к которой ряд исследователей относит советскую экономику, является институт верховной условной собственности, который определяет специфику всех остальных институтов такого типа экономической системы. Институт верховной условной собственности означает, что собственником основных ресурсов и средств производства признается – явно или латентно – общество в целом. От его имени выступает верховный уровень управления. Это предполагает возможность использования производимых и потребляемых благ по устанавливаемым верховным уровнем управления правилам и не подразумевает раз и навсегда установленных границ между экономическими субъектами в правах собственности (как это бывает при господстве института частной собственности). Или, что то же, границы эти условны, и условия определяются верховным уровнем. В каждый исторический период в разных странах неизбежно появляются признанные представители общественного интереса, основные акторы, которые в советское время были представлены, как правило, государственными органами разного уровня и др. Данные акторы (верховный уровень управления) в соответствии с писаными и неписаными правилами, несут ответственность за использование имеющихся национальных ресурсов в интересах сообщества в целом. Даже если собственность распределена между использующими

ее хозяйствующими субъектами и закреплена за ними для выполнения определенных задач – а иначе и быть не может в условиях все возрастающей сложности производства – их действия постоянно соотносятся с интересами общества в целом и между собой в ходе неизбежных, объективно требуемых мирных или насильственных согласований [1; 37–38].

В советский период развития лесной промышленности Карелии принципиальным моментом в административно-ведомственных спорах того времени занимал вопрос об использовании ресурсной базы того или иного предприятия. Данные споры имели место не только в отношениях между центральными министерствами и регионом, но и на внутрорегиональном уровне.

Типичной для данного времени была ситуация, когда, к примеру, из Совета Министров КАССР Министру лесного хозяйства КАССР Прилепо Н. М. на письмо № 1–6/1993 от 25 октября 1966 г. и в Карельский обком поступил ответ, в котором Совет Министров Карельской АССР внимательно изучив письмо Министерства лесного хозяйства КАССР сообщал, что не может согласиться с предложениями о передаче Министерству лесного хозяйства Кондопожского, Олонецкого и Пряжинского лесспромхозов для организации комплексных лесных предприятий с объемами рубки в них в размере расчетной лесосеки. Одна из причин этого несогласия заключалась в том, что по установленному тогда порядку передачи предприятий от одного ведомства к другому, передавалось не только хозяйство предприятия, но и установленный для него план производства и в первую очередь лесозаготовки, которые для испрашиваемых предприятий намного превышали расчетную лесосеку и Минлесхозом республики не могли быть приняты.

Одновременно Совет Министров КАССР напоминал, что в соответствии с Постановлением Верховного Совета Карельской АССР от 29 июня 1966 года Совет Министров республики и Минлесхоз обязаны были приступить к организации комплексных лесных предприятий, осуществлявших лесохозяйственные работы и лесозаготовки на базе прогрессивных способов и рубок, а также перевода лесов во 2 группу. Для этого Минлесхоз республики предварительно должен был перевести леса, просимых к передаче предприятий во 2 группу, составить проекты комплексного лесного предприятия, на основе которых Совет Министров республики должен был войти в Правительство с предложением о передаче того или другого предприятия объединения [8]. Любопытно то, что данное письмо было отправлено за подписью Зам. Председателя Совета Министров КАССР В. Королева, который одновременно являлся начальником объединения «Кареллеспром».

В вопросе верховной условной собственности на уровне отношений Центр и региона переход предприятий из ведения одного министерства или ведомства в другое зачастую вызывал проблемы с продолжением финансирования производственных фондов.

К примеру, при переходе Сортавальского фанерного комбината в ведение Главфанспичпрома Минлесбумдревпрома СССР из ведения Управления Лесдревпрома КАССР предприятию не было выделено средств на реконструкцию и наряды на получение необходимого оборудования. Попытка же комбината получить эти средства и оборудование в Главфанспичпроме в 1966 году не дали положительных результатов. В результате выполнение экспортной программы по пиломатериалам оказалось под угрозой срыва, так как без установки дополнительного оборудования лесопильный цех фанерного комбината его выполнить не имел возможности. Последней возможностью у комбината «выбить» необходимое оборудование у Управления лесной промышленности стало обращение директора предприятия А. Лянгузова в Сортавальский райком партии [7].

«Распыленность» собственности между хозяйствующими субъектами порождало зачастую понимание её «ничейности», которая в свою очередь создавала почву для возможности воспользоваться этой собственностью в своих целях, к сожалению, не всегда законным способом.

Это выразилось в том, что серьезные нарушения были допущены лесспромхозами в учете, хранении и использовании горюче-смазочных материалов, что приводило к большим их потерям и недостачам.

На предприятиях комбината «Пудожлес» в 1965 г. ГСМ списывались на затраты производства по фактическому расходу, без учета норм и планового лимита. В результате материальный ущерб с лиц, допустивших перерасход бензина, не взимался. Только по двум лесопунктам Пудожского ЛПХ, перерасход бензина составил на 1 октября 1965 г. 79 тонн на сумму 5071 руб., не принимались меры и к взысканию с материально-ответственных лиц стоимости недостающего в их подотчете бензина.

В Пудожской сплавной конторе в результате отсутствия учета работы механизмов горюче-смазочные материалы списывались в расход по данным заборных карточек или справок мастеров, и во многих случаях не подтверждались учетными данными. На работу бензопил «Дружба» бензин списывался из расчета 7-ми часовой работы, тогда как пилы работали в смену не более 3-х часов. По неполным данным только в январе и августе 1965 г. было списано в расход более 2500 кг бензина, без документов. «Ничейность» верховной условной собственности приводила к самым разнообразным проявлениям бесхозяйственности.

В результате существование института верховной условной собственности на лесные ресурсы и объекты промышленной, а также социальной инфраструктуры в советский период создавало противоречивую ситуацию с точки зрения её эффективного использования. С одной стороны, лесопромышленные предприятия республики и соответствующие ведомства боролись за необходимые для успешного выполнения производственного плана экономические ресурсы, а с другой – «распыленность» права собственности между несколькими участниками хозяйственного процесса, не позволяла найти ответственного за эффективное использование того или иного объекта этой собственности.

С началом попыток реализации рыночных отношений в лесной промышленности Карелии в период 1990-х гг. лесные ресурсы явились практически единственной сырьевой базой основного сектора экономики. В рассматриваемый период приграничное положение Карелии практически полностью стало определять одностороннюю ориентацию предприятий лесного сектора на иностранного потребителя. В экспорте предприятий региона стала преобладать круглая древесина. Это вносило свою специфику в процессы, связанные с формирующейся системой отношений собственности на лесные ресурсы. На лесной арене наблюдалось столкновение интересов многих сторон. Бизнес стремился получить лесосырьевую базу и «выжать» из нее максимальную прибыль любыми средствами без учета общественных интересов. Региональная власть проводила политику давления на бизнес через «шантаж» не дать лесосырьевую базу. Лесная служба пыталась проводить политику рационального лесопользования через тот же «шантаж» бизнеса штрафными санкциями. И только местное население питало иллюзии по поводу перспектив повышения своего благосостояния от лесного богатства республики [9].

Ключевым вопросом в период 1990-х гг. являлась проблема правового обеспечения формирующегося института собственности на лесные ресурсы, определяющего развитие других рыночных институтов. В данном контексте была актуализирована разработка спецификации прав собственности на лесные ресурсы, так как от ее решения зависела степень успешности рынка в лесных отношениях. Вместе с тем, очевидно, что данный вопрос выходит за рамки чисто законодательного (формального) поля. Большое значение в тот период имел социальный (не формальный) фактор, который особенно усиливал свое влияние в условиях несовершенной институциональной среды.

Одним из механизмов, препятствовавших институционализации нового права собственности на леса среди населения лесных поселений Карелии на уровне ценностных ориентаций – механизм поддержания отчуждения от новых прав. Как показал ряд социологических исследований, проведенных сотрудниками Института экономики КНЦ РАН в 1997, 1998 и 1999 гг., как на региональном, так и общероссийском уровне, большие группы членов российского общества оказались вообще индифферентны к новым правам и свободам. Особенно многочисленны они были в сельской местности. Многие из опрошенных жителей российских сел признавали, что их вполне устраивали прежние права и никакие из новых свобод (социально-экономические, социально-политические, гражданские) для них незначимы. Тех, кого новые права не привлекали в начале 1990-х, чаще всего на протяжении всего рассматриваемого периода оставались верными данной жизненной стратегии. Жизнь не смогла убедить их в обратном. Более того, многие из них наблюдая за неблагоприятным обращением к новым правам своих сограждан, односельчан или знакомых на примере занятия фермерством или разного рода предпринимательством, окончательно определились в правильности своего изначального выбора. По мнению ряда исследователей процесс отчуждения от новых прав на уровне ценностных ориентаций, в том числе в вопросе о праве собственности на лесные ресурсы, усиливается и отрицательной реакцией на то, что сегодня происходит с реализацией этих прав и в их обход.

Другим важнейшим социально-экономическим институтом в рамках редиистрибутивной экономики советского типа является институт пропорциональности.

Совокупность базовых экономических институтов в любом обществе направлена на то, чтобы обеспечивать функционирование экономической сферы и создание необходимого объема ресурсов жизнедеятельности для развития социума. В условиях рынка сохранение экономики как таковой и действующих в ней субъектов невозможно без института прибыли, обеспечивающего их воспроизводство как участников рынка, личное потребление и производство продукта для использования другими членами общества. В условиях же общей собственности экономика может существовать лишь как пропорциональное хозяйство, когда произведенное в одной ее части потребляется в другой. Излишнее складирование производимых ценностей, как и их недопроизводство, являются угрозой нарушения всего производственного цикла в условиях коммунальной материально-технологической среды. Поэтому редистрибутивная экономика неизбежно предполагает действие института пропорциональности.

На требование пропорциональности производства, осуществляемого в условиях господства общественной собственности, постоянно указывалось и в теории социалистического воспроизводства политической экономии социализма. Известно, что в ее рамках постулировался «закон планомерного пропорционального развития, выражающий объективную необходимость согласованного ведения всего народного хозяйства как единого целого на основе поддержания соответствующей общественным потребностям пропорциональности между различными видами производства. Господство социалистической собственности объективно обуславливает возможность и необходимость постоянного поддержания обществом народнохозяйственной пропорциональности» [10]. Пропорциональность представляет собой условие функционирования распределенной собственности, а потому определяет действие соответствующего института [1; 38–39].

Серьезным недостатком в работе лесозаготовительной промышленности Карели в советский период являлось неэкономное расходование выделяемого лесосечного фонда, непропорциональное нормам расчетной лесосеки.

Результаты использования лесосечного фонда в республике в 1960-е гг. характеризовались следующими показателями: в 1962 году расчетная лесосека составляла 14680 тыс. м³, а отпущено лесосечного фонда по главному пользованию было – 20189 тыс. м³ из них вырублено было 17757 тыс. м³ и оставлено недорубов было 3025 тыс. м³. В 1963 расчетная лесосека составила, как и в предыдущем году, 14680 тыс. м³, отпущено лесосечного фонда по главному пользованию было чуть меньше – 21110, из них вырублено было на миллион с лишним кубометров больше – 18988 тыс. м³, оставлено же недорубов было меньше – 2187 тыс. м³. В 1964 году расчетная лесосека составляла все те же 14680 тыс. м³, отпущено лесосечного фонда по главному пользованию было 20474 тыс. м³, из них вырублено было 18205 тыс. м³, а оставлено недорубов – 2268 тыс. м³ [3].

Уже к середине 1960-х гг. совершенно очевидным стал тот факт, что при условии сохранения объема лесозаготовок на территории Карельской республики на уровне достигнутом к рассматриваемому периоду, то через 20 лет можно было прогнозировать, что без сырьевой базы остались бы не только все предприятия, расположенные на территории Карелии, но и большая часть целлюлозно-бумажных предприятий, расположенных на территории Ленинградской области и в районах Прибалтики. По мнению карельских партийных и административно-хозяйственных органов, допустить такое положение ни в коем случае было нельзя. В связи с этим Карельский обком неоднократно входил с ходатайством в Госплан СССР о снижении объемов лесозаготовок на территории Карельской АССР, начиная с 1967 года, до 15 миллионов кубометров, включая прочие рубки, с последующим установлением расчетной лесосеки, исходя из реального состояния лесных запасов на территории республики. По мнению региональных элит и, в частности, начальника управления лесной промышленности и лесного хозяйства по Карельской АССР В. Королева все предприятия-самозаготовители на территории республики должны быть немедленно ликвидированы без передачи объемов производства основным лесозаготовителям [5].

Однако в разрешении вопроса рационального и пропорционального использования региональных лесосырьевых ресурсов советскому руководству Карелии вновь и вновь приходилось обращаться не напрямую в центральные союзные министерства, к соответствующим акторам на уровне РСФСР, которые не всегда могли своевременно отреагировать на проблемы одного из многих ресурсоизбыточных регионов федерации.

Еще одним аспектом непропорциональности развития отрасли в рассматриваемый период было преимущественное использование хвойных пород древесины и «пренебрежение» к лиственным породам в силу того, что деревообрабатывающие предприятия региона были в свое время созданы именно под обработку хвойной древесины.

Действительно, особенно неудовлетворительно использовалась древесина лиственных пород, так как заготовка осины почти ни на одном леспромхозе не производилась. Много оставлялось на лесосеке также березы, а в ряде случаев и мелкотоварной хвойной древесины. В результате недорубы ежегодно составляли 12–15 % от переданного в рубку лесосечного фонда [4]. Это в сочетании с тем, что в республике ежегодно перерубалось сверх расчетной лесосеки около 6 миллионов кубометров, что в последующем может нанести республике серьезный экономический ущерб, нельзя было назвать пропорциональным развитием отрасли.

В результате непропорциональное использование лесного фонда республики особенно в период с 1950-х по 1970-е гг. выдвинули на одно из первых мест еще один аспект непропорциональности развития лесной отрасли Карелии – непропорциональность истощенности лесных ресурсов в сравнении между южными и северными районами Карелии, а также закрытие лесопромышленных предприятий, исчерпавших свою лесосырьевую базу.

Значительная часть числящихся в качестве эксплуатационных запасов была оставлена в виде недорубов с преобладанием лиственной древесины разбросанных на огромной территории, промышленная эксплуатация которых без увязки с лесохозяйственной деятельностью и дорожным строительством была нерентабельна. Все эксплуатационные запасы предприятиями комбината «Южкареллес» по расчетам Министерства лесного хозяйства республики должны были быть вырублены в среднем за 10 лет, но в реальности процесс срочного закрытия леспромхозов на юге начался уже в 1960-х гг. (Деревянский, Ладвинский, Пайский леспромхозы) [6].

Одним из главных показателей эффективного экономического развития лесопромышленного комплекса в условиях реализации элементов западной модернизации в 1990-е гг. являлись попытки реализации принципа рационального лесопользования.

С 1995 г. началось резкое падение объемов лесозаготовок, что привело к недоиспользованию расчетной лесосеки. Общий отпуск древесины, включая главное пользование, рубки ухода и санитарные рубки (промежуточное пользование), прочие рубки, в целом по республике с 10 584,0 тыс. м³ в 1990 г. снизился до 6503,0 тыс. м³ в 1995 г. и в 1998 г. составил 6699,7 тыс. м³ [2; 21].

Характерной особенностью лесозаготовки 1990-х годов являлось неполное использование эксплуатационного фонда. По данным лесоустройства, до 3 % отведенного в рубку лесосечного фонда остается на лесосеках в виде брошенной у пня срубленной древесины и одиноко растущих деревьев. Нередко спелые насаждения с пониженными показателями качества и запаса на 1 га с большим удельным весом в составе лиственных пород обходятся рубкой. Оставленная на лесосеке древесина зачастую теряется, а недорубы пополняют децентрализованный эксплуатационный фонд.

По данным освидетельствования мест рубок на 1 мая 1999 г., лесозаготовительными предприятиями было оставлено на лесосеках 48 тыс. м³ недорубов в виде участков леса и отдельных деревьев (против 47 тыс. м³ на 1 мая 1998 г.), остаток в лесу неокоренной древесины хвойных пород уменьшился с 57 до 46 тыс. м³, остатки невывезенной древесины возросли на 36 тыс. м³.

Важной проблемой рационализации лесопользования для сохранения природной среды региона является определение оптимального объема промышленного использования лесных ресурсов. Заготовка древесины в порядке главного пользования (рубка спелого леса) на протяжении с конца 1960-х по 1990-е годы осуществлялась исходя из необходимости удовлетворения потребностей народного хозяйства в древесине в пределах расчетной лесосеки. По Республике Карелия расчетная лесосека в 1990 г. составляла 10600 тыс. м³, в 1995 г. – 8820 тыс. м³ и в 1998 г. – 9492 тыс. м³. За 1990 – 1998 гг. при уменьшении размера расчетной лесосеки на 11,5 % произошло более значительное ее снижение по хвойному хозяйству (на 14,1 %) и одновременно некоторое увеличение по мягколиственному хозяйству (на 6,9 %). В течение рассматриваемого периода в условиях начала и углубления экономического кризиса расчетная лесосека, как в целом, так и по хвойному и мягколиственному хозяйствам, недоиспользовалась на 12,5–41,3 % [2; 16].

С учетом состояния и динамики лесных ресурсов по отдельным предприятиям (западная и северная Карелия) рассматриваемый период стал временем дальнейшего снижения действующей рас-

четной лесосеки, по другим (южная и средняя Карелия), где рубки велись с начала 1930-х годов, возможно было ожидать увеличение действующей расчетной лесосеки.

Сложившееся в 1990-е гг. положение с использованием лесосырьевых ресурсов можно признать не соответствующим как экономическим интересам региона, так и требованию рационального неистощительного постоянного лесопользования. Так, товаропроизводители Финляндии и Швеции (основные конкуренты предприятий ЛПК РК), располагая примерно в 2–2,5 раза большей лесоресурсной базой, имели в тот период объем лесозаготовок, в 7–8 раз превышающий показатели работы ЛПК РК за 1998 г. (лучший результат за последние четыре года). В Финляндии при меньшем, чем в РК, запаса древесины на 1 га (на 15 %) заготавливали древесины с 1 га в 3,5 раза больше.

Подводя некоторые итоги, которые можно назвать лишь предварительными, необходимо отметить противоречивость процесса трансформации институтов советской лесной экономики Карелии в условиях диффузии западных образцов модернизации, попытки реализации которой наблюдались в период 1990-х гг. Два важнейших социально-экономических института советской лесной экономики – институт верховной условной собственности и пропорциональности в результате реализации западных образцов модернизации должны были постепенно трансформироваться в институты частной собственности на лесные ресурсы и институт прибыли как важнейшего фактора экономической эффективности. Однако приведенный выше анализ позволяет сделать вывод о том, что данная трансформация в период 1990-х гг. так и не реализовалась. Одной из причин этого явилась, на наш взгляд, «размытость» институциональной среды, характерная в целом для российского общества и государства в ситуации транзитивного состояния. Особенностью данной «размытости» является разрушение прежних социально-экономических институтов, при отсутствии предпосылок для создания (перенимания) новых. К таковым предпосылкам можно отнести отсутствие надежного законодательного поля и соответствующих неформальных институтов.

Список использованной литературы

5. Кирдина С. Г. X- и Y-экономики: институциональный анализ. Москва: Наука, 2004.
6. Лесопромышленный комплекс Республики Карелия (1990–1999 гг.). Петрозаводск, 2000.
7. Национальный архив Республики Карелия (далее – НАРК). Ф. П-3. Оп. 16. Д. 139. Л. 3.
8. НАРК. Ф. П-3. Оп. 16. Д. 139. Л. 4.
9. НАРК. Ф. П-3. Оп. 16. Д. 139. Л. 51.
10. НАРК. Ф. П-3. Оп. 17. Д. 122. Л. 35.
11. НАРК. Ф. П-3. Оп. 17. Д. 125. Л. 61.
12. НАРК. Ф. П-3. Оп. 17. Д. 122. Л. 32.
13. Перемены в сельской России: оценки, подходы, методы. Петрозаводск, 2005.
14. Политическая экономия: учебник. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1954.

Инновационный потенциал и трансграничное сотрудничество северного приграничного региона (на примере Республики Карелия)

*к.э.н. Тишков С.В.
Институт экономики КарНЦ РАН
г. Петрозаводск*

Российские регионы значительно различаются по уровню экономического развития и по возможностям инновационного развития. Большинство российских регионов заявили об инновационном развитии, но потенциал большинства регионов невелик и необходимы специальные исследования для оценки возможности перехода к инновационному развитию. Определяющим является наличие промышленного, научного, образовательного и технологического потенциала, обычной и инновационной инфраструктуры, инновационной и инвестиционной активности предприятий [1, 110].

Инновационный потенциал региона – это совокупность различных видов ресурсов, включая материальные, финансовые, интеллектуальные, информационные, научно-технические и иные ре-

сурсы, необходимые для осуществления инновационной деятельности, отвечающей требованиям мирового рынка.

В перечень показателей включаются – персонал занятый НИОКР и его распределение по стадиям инновационного цикла и технологическим уровням, доля науки в численности занятых региона, затраты на НИОКР, согласованность расходов на науку по стадиям инновационного цикла, основные средства НИОКР, использование Интернета, уровень образования, количество студентов, согласованность структуры выпуска со структурой экономики и отраслями пятого и шестого технологических укладов, рейтинг ведущих вузов и их исследовательская активность, уровень экономического развития (ВРП, объем промышленного производства и доля занятых в отраслях пятого и шестого технологических укладов), доля крупных предприятий, наличие инновационной инфраструктуры, консолидированный бюджет региона, прибыль и оборот предприятий, согласованность структуры науки и структуры экономики [2, 11].

Пробные расчеты позволили выделить четыре основных группы. В первой – Москва, Санкт-Петербург, Московская и Свердловская области, которые намного опережают все остальные регионы России. В регионах, являющихся генераторами инноваций, сосредоточена большая часть инновационного потенциала страны. По многим показателям инновационной деятельности суммарная доля Москвы, Санкт-Петербурга и Московской области превышает 50 %, а по количеству предприятий с иностранными инвестициями в сфере науки даже 80 %. Доля этих трех регионов в ВВП страны значительно меньше и составляет примерно 28 %.

Вторая группа регионов обладает высоким инновационным потенциалом, особенно такие как Татарстан, Нижегородская, Самарская, Челябинская, Ростовская и Новосибирская области. В них активно занимаются инновационной деятельностью, их доля в ВРП несколько меньше, чем по показателям инновационности. Уровень инновационной активности примерно в 1,5 раза выше, чем в РФ в среднем. Среди остальных регионов можно выделить еще несколько, имеющих повышенный инновационный потенциал и заметную инновационную активность.

Во вторую группу из приграничных регионов входят Тюменская, Челябинская, Ростовская, Новосибирская, Омская, Волгоградская, Воронежская, Ленинградская и Саратовская области, Краснодарский и Приморский края, обладающие достаточно высоким потенциалом.

Большинство российских регионов относится к пассивным зонам с невысоким и низким инновационным потенциалом. Предпринимательство в пассивных зонах слабо развито, его уровень примерно в 2–3 раза ниже. Количество малых научных и инновационных предприятий незначительно, новые технологии во многих регионах не создаются, но в отдельных активно используются новые технологии, созданные в других регионах и странах. Инновационный потенциал невелик – университеты слабы как научные центры, мало новых идей и молодых ученых, ограничены финансовые возможности региональных властей и крупного бизнеса, отсутствует или существует формально инновационная инфраструктура, структура науки не соответствует структуре экономики, незначительна доля предприятий пятого и шестого технологических укладов. За 15 лет работы ученых без финансирования со стороны бизнеса научный сектор деградировал, во многих регионах количество ученых менее 1000 человек, причем значительная часть их занимается фундаментальными исследованиями. А наиболее успешные научные организации сейчас уже частично встроены в технологические цепочки развитых стран и Китая. Поэтому строящиеся региональные инновационные системы должны различаться в зависимости от экономического и инновационного потенциала регионов.

В третьей группе оказались Оренбургская, Белгородская, Мурманская, Курская и Калининградская области, Хабаровский и Алтайский края и Республика Дагестан. В четвертую группу с низким инновационным потенциалом вошла почти половина приграничных регионов – Смоленская, Брянская, Астраханская, Амурская, Курганская и Псковская области, Забайкальский край, республики Бурятия, Карелия, Чечня, Кабардино-Балкария, Алания, Карачаево-Черкессия, Тыва, Алтай и Ингушетия.

В северные регионы входят такие регионы как Архангельская область, Ненецкий автономный округ, Иркутская область, Камчатский край, Республика Карелия, Республика Коми, Красноярский край, Магаданская область, Мурманская область, Сахалинская область, Республика Тыва, Тюменская область, Хабаровский край, Чукотский автономный округ, Республика Саха (Якутия).

У каждой группы должен быть свой путь инновационного развития, по-разному должны строиться региональные инновационные системы, развиваться инновационная инфраструктура. Группы регионов, создающие условия для реализации своего инновационного потенциала должны увеличивать свою активность.

Инновационная деятельность любого хозяйствующего субъекта имеет высокую степень риска и неопределенности. Именно это определяет тот факт, что лишь 4 % всех инновационных разработок малых предприятий в России выходит на стадию коммерциализации, при этом 0,5 % предприятий внедряют принципиально новые продукты. Успех инноваций зависит не только от точности маркетинговых прогнозов и размера бюджета на их продвижение, но в большей степени – от инновационного потенциала. Однако это касается не только инновационно-активных компаний (крупных, средних, малых), но и стран, регионов, городов, позиционирующих себя в качестве «генераторов инноваций».

Инновационный потенциал можно рассматривать с нескольких точек зрения. Он является сложной динамической системой, который влияет на инновационное развитие макросистемы (региона) и обуславливает эффективность регионального управления. В.В.Киселёва, М.Г.Колосницына отмечают, что инновационный потенциал «характеризует способность страны, как политической и экономической общности людей, производить и коммерциализировать поток технологий в долгосрочной перспективе» [3,135].

Он определяет реальные возможности региональной инновационной системы к созданию новых продуктов, их эффективному продвижению и выведению на рынок, а также способность к восприятию опыта других регионов и стран, своевременной и адекватной реакции на изменяющиеся условия внешней и внутренней среды. Инновационный потенциал является качественной характеристикой инновационной системы [7, 43].

В «Стратегии Российской Федерации в области развития науки и инноваций на период до 2015г.» инновационная система определяется как «совокупность экономических субъектов, взаимосвязей между ними и общественных институтов (таких как ценности, нормы, право), которые производят новые знания и новшества, обеспечивают их хранение, преобразуют их в продукты, услуги и технологии, обеспечивают их распространение и потребление рынком». Данное определение может быть использовано также для характеристики региональной инновационной системы и акцентирует внимание на структуре инновационной системы, включающей институты государственно-политического устройства страны, экономические структуры и органы экономического регулирования, законодательное обеспечение отношений собственности (в том числе интеллектуальной), уровень технологического развития [7, 42].

Для оценки результативности инновационной деятельности, инновационного потенциала регионов используют мониторинг инновационной и научной деятельности. Для этого необходимо выбрать основные показатели и рассчитать на их основе индексы развития относительного, какого-то года.

Индекс представляет собой комплексную оценку потенциала инновационного развития регионов с учетом вероятной успешности и эффективности реализации новых инновационных проектов на основе совокупного анализа потенциала региона.

Индекс позволяет классифицировать регионы для разработки индивидуальной инновационной стратегии развития с учетом множественных факторов. Цель индекса – оценка уровня развития инновационного развития региона для определения потенциала наиболее перспективных направлений инвестирования средств государства и бизнеса и определения эффективности государственной инновационной политики. Внедрение индекса приводит к необходимости повышения качества официальной государственной статистики.

В мировой практике применяются различные системы оценки, как национальной инновационной системы, так и отдельных ее составляющих. Часто инновационные индексы развития оцениваются в составе комплексных индексов конкурентоспособности. В мире известно три основных центра по изучению глобальной конкурентоспособности. Институт стратегии и конкурентоспособности при Гарвардском университете (США) изучением сравнительной эффективности бизнеса в разных странах, Международный институт развития менеджмента (Institute of Management Development – IMD, Лозанна Швейцария) и Всемирный экономический форум (ВЭФ) составляют рейтинги конкурентоспособности стран и регионов на основе своих собственных методик.

Методологической проблемой совершенствования индекса инновационного развития является установление причинно-следственных связей между инновационной активностью и ее результативностью. Необходимо определение прямого, а также косвенного воздействия того или иного решения на инновационный процесс. Другой методологической трудностью является проблема получения точных данных [1,110]. Процесс создания инноваций зачастую не ограничивается одной фирмой: компании взаимодействуют между собой, а так же с университетами и научно-исследовательскими лабораториями, фирмы покупают и продают права интеллектуальной собственности, очень часто организации берут на аутсорсинг какую-то часть инновационной деятельности, нередко взаимодействие в инновационной деятельности происходит на международном уровне.

Многие предприятия, занимающиеся инновационной деятельностью, не заполняют формы, часть предприятий заполняет неправильно и часть заполняет лишь в отдельные годы. Если среди последних оказываются крупные предприятия, то показатели сильно колеблются. В итоге для показательных расчетов были выбраны несколько показателей, которые имеются на протяжении последних десяти лет, хотя они также нестабильны.

С учетом возможностей получения информации для предварительных расчетов было выбрано 10 показателей. Из них 6 в большей степени оценивают научный потенциал для инновационного развития, 3 показателя собственно инновационные процессы и 1 показатель – с помощью которого оценивается результативность инновационной деятельности.

К первой группе отнесены: численность занятых в науке, численность организаций выполняющих исследования и разработки, затраты на технологические инновации к ВРП, внутренние затраты на исследования и разработки к ВРП, затраты на исследования и разработки отнесенные к доходам консолидированного бюджета и число выданных патентов на интеллектуальную собственность. В расчете индекса были взяты равные удельные веса.

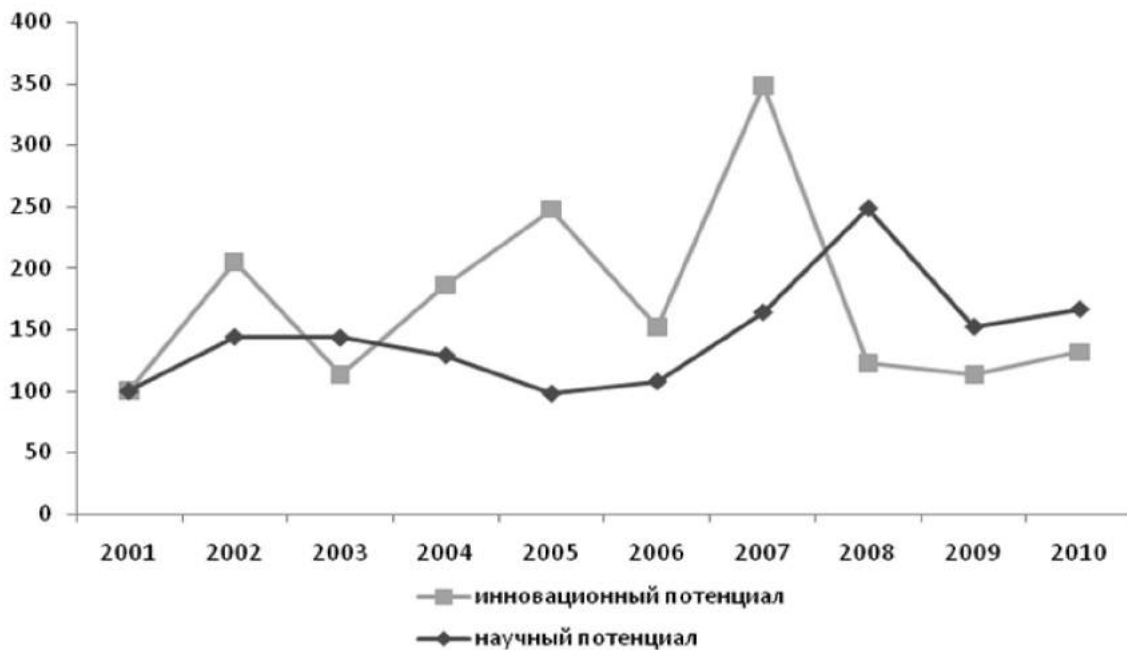

Рис. 1. Индекс развития научного и инновационного потенциала, в % к 2001 году.

Высокие значения в 2007 г. объясняются большими относительно других лет созданными производственными технологиями. При выделении важнейших показателей при соответственно других удельных весах динамика будет несколько отличаться. В целом можно сказать, что если не учитывать 2007 г., то в последние годы есть рост индекса.

Надо отметить неустойчивость первичных показателей, что приводит к отсутствию четкой тенденции для результирующего индекса. Проблемы статистики инновационной деятельности только сейчас начинают изучать, и возможно ВШЭ сможет написать ясные инструкции и организовать их распространение.

Развитые страны имеют значительный опыт в развитии инновационной деятельности и коммерциализации научных разработок, и этот опыт может быть успешно освоен в российских условиях. Центрами восприятия иностранных знаний и опыта являются центральные регионы, но с ослаблением границы как барьера подобный переток активизировался в приграничных и приморских регионах. Восприняв и адаптировав этот опыт, данные регионы могут передавать его соседним, изменяя свою роль в межрегиональном взаимодействии и структуру своей экономики.

Влияние краевых и радиальных зон на соседние регионы пока невелико, их формирование продолжается, и их дальнейшее развитие изменит сложившееся в настоящее время положение. Некоторые из приграничных регионов обладают инновационным потенциалом, наращивание которого создаст возможность быстро развиваться и стать краевыми активными зонами или их частью. В таком случае уровень инновационной активности превышать средний по РФ в 1,5–2 раза. Для многих приграничных регионов уже сейчас характерно активное трансграничное взаимодействие в сфере науки и образования, которое при активной политике региональных и федеральных властей может существенно повысить в них уровень инновационной активности [1, 112].

Трансграничные проекты в сфере образования, науки и инновационной деятельности способствуют развитию имеющегося потенциала. С 1991 г. действует проект «Балтийский университет», в котором вместе с вузами и научно-исследовательскими центрами 14 стран Балтийского региона участвуют вузы Санкт-Петербурга, Карелии, Калининградской и Псковской областей. Функционирует Северо-европейский открытый университет с центром в Петрозаводске, который реализует не только образовательные и обменные проекты, но и исследовательские на территории России, Финляндии и Норвегии. С 2004 г. начался проект «Трансграничный университет», в котором задействованы вузы Санкт-Петербурга, Петрозаводска и Финляндии.

Список использованной литературы

1. Дружинин П.В., Тишков С.В. Инновационный потенциал и инновационная активность. Инновационные процессы в Карелии: анализ, моделирование и управление / Институт экономики КарНЦ РАН. Кол. Монография под общей ред. П.В. Дружинина. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2009. С. 109–120.
2. Дружинин П. В., Тишков С. В. Инновационный потенциал и возможность инновационного развития приграничного региона. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, 19–20 ноября 2009 г. Петрозаводск. С. 6–12.
3. Киселёва В.В., Колосницына М.Г. Государственное регулирование инновационной сферы: учеб. пособие для вузов. М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2008. 402 с.
4. Научный потенциал в Республике Карелия. Стат.сб. / Карелиястат. Петрозаводск, 2011. 69 с.
5. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: Стат.сб. / Росстат. М., 2011. 990 с.
6. Республика Карелия в цифрах за 2010 год: ст.сб. / Карелиястат. Петрозаводск, 2009. 345 с.
7. Тишков С.В. Формирование региональной инновационной системы (на примере Республики Карелия). Региональная экономика: теория и практика. № 36 (129) 2009. С. 40–47.
8. Шишкин А.И. Эволюция роли гуманитарной составляющей в управлении экономическими процессами // Экономика и управление. 2011. № 11. С. 30–35.

**Влияние процессов миграции на развитие республики Карелия
в прошлом и настоящем**

*Кузнецова Е.С.
Петрозаводский государственный университет
г. Петрозаводск*

В настоящее время одной из наиболее обсуждаемых тем является приток мигрантов, в частности их влияние на экономическую и социальную сферу республики. Некоторые аналитики склоняются к выводу, что миграция способствует развитию экономики, другие же считают, что потоки миграции стоит урезать, так как влияние мигрантов не носит положительного характера. В данной статье проводится анализ обеих точек зрения, вследствие чего делается вывод, какую политику стоит проводить правительству при решении миграционного вопроса. Для объективного анализа влияния миграционных процессов в регионе, следует также для сравнения рассмотреть миграцию во времени, а затем выявить положительные и отрицательные стороны изменений, происходящих вследствие миграционных процессов в настоящее время.

В первую очередь необходимо кратко рассмотреть то, как проистекали миграционные процессы в Республике Карелия, а также их влияние на формирование этнического состава.

Условно процесс миграции в Карелии можно разделить на четыре этапа:

1. Первый этап (до 20-х гг. XX века): до этого этапа миграционные процессы были незначительны и не сильно влияли на этнический состав республики, а следовательно, на развитие социально-экономическую сферу;

2. Второй этап (20–30-е гг. XX века): в конце 20-х – начале 30-х гг. была предпринята реорганизация переселенческого дела в Карелии. При Совнаркоме республики создали специальное Переселенческое управление, перед которым поставили задачу организации промышленного переселения постоянных рабочих кадров для возрастающих нужд промышленности, в первую очередь – лесной. Создание новых рабочих мест в регионе привлекло население из соседних областей РСФСР, позднее – из западных и центральных областей страны. Таким образом, в этот период времени приток мигрантов образовался вследствие развития промышленности в Республике Карелия. Затем мигранты, будучи рабочими на заводах, обеспечивали экономическое развитие, а также снижали риск дефицита рабочей силы;

3. Третий этап (30–90-е гг. XX века): с 30-х годов XX века можно говорить о начале третьего этапа в формировании этнического состава республики, когда миграционные процессы начали активно стимулировать рядом специальных мер: льготы для лиц, работающих в отдаленных местностях СССР и вне крупных городских поселений, льготы промышленным переселенцам и др. Приток инонационального населения начиная с середины XX века привел к значительному смещению этнических групп, к росту численности белорусов, украинцев, финнов и русских и к снижению доли карелов и вепсов в местах их традиционного проживания.

4. Четвертый этап (с 90-х XX века до настоящего времени): в Карелии появляется значительное число переселенцев из Азербайджана, Армении, Грузии, Абхазии, Южной Осетии и т.п., вследствие этого Карелия становится еще более полиэтничной. Вначале 90-х гг. заявили о себе новые диаспоры, до этого растворенные в общей массе населения и бывшие незаметными. В этот период в Карелию приехали несколько сотен армян (беженцы из Нагорного Карабаха и Баку) и грузин (беженцы из Южной Осетии, и особенно из Абхазии), в это же время приехало много русских, выехавших из горячих точек. Одновременно Карелию покинули русские, белорусы, украинцы, татары и значительная часть финнов, выехавших на постоянное жительство в Финляндию. С середины 90-х гг. увеличивается численность азербайджанцев, среди которых много выходцев из Грузии и чеченцев, вые-

хавших из зоны боевых действий. В целом миграция 90-х гг., добавив национального колорита, практически не повлияла на сложившийся в середине века этнический состав населения.¹

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что миграция в первую очередь повлияла на этнический состав республики, что отразилось на социальной и экономической сферах жизни общества. Влияние изменения этнического состава населения выражается, прежде всего, в росте числа занятого населения, увеличении производственных мощностей республики, влиянии на общественную жизнь новых традиций и культур. Более того, можно предположить, что в XX веке существовало мало противников притока мигрантов в республику. По крайней мере, существует очень мало примеров выступлений против мигрантов, о которых и вовсе не упоминается в политических документах, газетах и т.п.

В настоящее время население Республики Карелия, как и во многих регионах страны, имеет сложный этнический (национальный) и религиозный состав. В республике, по данным Всероссийской переписи населения 2012 года, при общей численности населения около 640 тысяч человек, зафиксировано около 150 национальностей. Большая часть из них – народы, проживающие на территории России².

В Таблице 1 приведены данные, основанные на переписи населения 2012 года, которые представляют собой количество выбывших и прибывших по национальности, а также динамику миграционных процессов.

Таблица 1

Этнический состав мигрантов в Республике Карелия, чел.

	2012		
	число прибывших	число выбывших	миграционный прирост(+), снижение(-)
Международная миграция	1524	495	1029
в том числе:			
с государствами-участниками СНГ	1128	102	1026
в том числе:			
Азербайджан	128	2	126
Армения	228	10	218
Беларусь	68	36	32
Казахстан	42	6	36
Кыргызстан	56	10	46
Республика Молдова	55	5	50
Таджикистан	186	3	183
Туркменистан	3	–	3
Узбекистан	122	1	121
Украина	240	29	211
с другими странами	396	393	3
в том числе:			
Абхазия	1	–	1
Болгария	2	1	1
Вьетнам	26	–	26
Германия	6	10	–4
Греция	4	2	2
Грузия	142	4	138
Израиль	2	12	–10
Италия	3	1	2
Канада	–	6	–6

¹ Джелав Е. А. Этномиграционные процессы и социокультурный портрет населения республики Карелия [Электрон. ресурс] / КиберЛенинка. – Электрон. Ст. – [М.]. – URL: <http://cyberleninka.ru>, свободный. – Яз. Рус.

² О миграции населения Карелии в XX веке [Электрон. ресурс] / Народы Карелии. – Электрон. Ст. – [Петрозаводск]. – URL: <http://knk.karelia.ru/>, свободный. – Яз. Рус.

Латвия	12	7	5
Литва	5	1	4
Норвегия	1	2	-1
Сербия	1	-	1
США	5	9	-4
Турция	5	-	5
Финляндия	146	317	-171
Франция	1	1	-
Швеция	7	4	3
Эстония	11	3	8
Южная Осетия	-	4	-4
Прочие	13	8	5

Республика Карелия в настоящее время сохраняет статус привлекательного для миграции региона по следующим причинам:

- Относительная стабильность в социально-экономической и общественно-политической сферах;
- Близость к центральным индустриально-высокоразвитым районам России и Западной Европы;
- Благоприятная ситуация в области трудовой миграции, вследствие вступления в силу нового законодательства;
- Наличие возможности получения специального и высшего образования и т. д.

Однако, что касается трудовой миграции, то с практической реализацией привлечения в Карелию мигрантов возникают определенные сложности. Одной из них является серьёзный конкурент в борьбе за рабочую силу – Санкт-Петербург и Ленинградская область. Это достаточно мощный промышленный, научный и освоенный бизнесом район, привлекающий людей для работы, обучения и в конечном итоге для постоянного проживания. Многие люди предпочитают пробовать свои силы там, и даже многие трудовые ресурсы республики ищут применение себе в крупнейшем городе Северо-Западного федерального округа России и области.

В условиях глобализации в первую очередь наибольший импульс развития на Северо-западе России, получил именно город Санкт-Петербург и Ленинградская область, туда стекается большой объем инвестиций, организуются новые рабочие места, открываются новые производства, там начинают свою деятельность ТНК.

Еще одним следствием влияния глобализации на рынок труда Карелии, является эмиграция местных трудовых ресурсов в Финляндию и другие страны Западной Европы.³

Но, несмотря на то, что Санкт-Петербург конкурирует с Карелией, привлекая рабочую силу, нельзя сказать, что наша республика находится в состоянии дефицита трудовых мигрантов. В последнее время привлечение работников из-за рубежа является довольно обсуждаемой, как говорилось выше, темой. Также как было уже указано, существуют два взгляда на данную проблему:

1. Республика нуждается в приезжих рабочих,
2. Сокращение квоты на привлечение рабочей силы – правильное решение властей.

Рассмотрим обе точки зрения. Почему же Карелии необходимо привлекать рабочих? Во-первых, ситуация с рабочими вакансиями в Карелии довольно острая. Катастрофически не хватает строителей, их требуется около двух тысяч, а все профессиональные учебные заведения выпускают порядка четырехсот. Нужны токари, сварщики, водители, деревообрабочники. Вакансии присутствуют, их в центрах занятости почти десять тысяч, а вот претендентов на должности всего чуть более шести тысяч. Но по причине невысокой привлекательности рабочих специальностей безработные не хотят идти на стройки и заводы. Бригады квалифицированных строителей есть, но они трудятся частным образом. Помимо вышеперечисленных рабочих специальностей также наблюдается острая нехватка рабочих для уборки улиц города. Глава администрации Петрозаводска обращался в центры занятости с приглашением желающих на данную вакансию, обещая достойную заработную плату. Но отклика

³ Михель Е. А. Глобализация – средство привлечения трудовых мигрантов. [Электрон.ресурс]. / Электронный учебник: учебники бес-платно – портал научной литературы. – Электрон. Ст. [Петрозаводск]. – URL: <http://bookucheba.com/>,свободный. – Яз. Рус.

среди безработных на такое предложение не нашлось. Кроме этого, в дальних карельских селах не находится желающих трудиться на ферме, вследствие чего совхозы обращаются с просьбой выделить им квоты для иностранцев, которые готовы ухаживать за крупным рогатым скотом.

Членам республиканской межведомственной комиссии по вопросам внешней трудовой миграции, привлечения и использования иностранных работников показалось странным, что на сотню бетонщиков и арматурщиков заявлено столько же уборщиков. При сохранении нынешней тенденции на рынке спроса рабочей силы в Карелии, когда идет вымывание рабочих специальностей, положение дел год от года будет только ухудшаться, а значит, завозить иностранных рабочих придется все больше и больше. Это влечет серьезные последствия.

При таком положении логично, что предприниматели также запрашивают квоты на привлечение рабочей силы. На недавнем заседании республиканской Межведомственной комиссии по вопросам трудовой и внешней трудовой миграции, произошел конфликт при обсуждении вопроса «О целесообразности привлечения иностранных работников на предприятия и в организации республики в тех объемах, которые предусматривают работодатели». Как выяснилось, установленной на нынешний год квоты «на мигрантов» в 4071 человека для предпринимателей оказалось недостаточно. От них поступила заявка ещё на 1230 иностранных граждан. Учитывая эти факты, а также возможность замещения части рабочих мест, на которые предполагалось трудоустроить мигрантов, российскими гражданами, Министерство труда и занятости Республики Карелия предложило значительно сократить квоты на иностранную рабочую силу на текущий и следующий, 2014 год. Более чем на 2200 человек (заявок же поступило на 5865 человек!).⁴

Во-вторых, наверняка ни для кого не секрет, что для предпринимателей выгодно нанимать рабочие места мигрантов, которые согласны на невысокие заработные платы, так как в регионах, из которых прибывает население, работы очень мало, более того, она носит сезонный характер. То есть, в зимний период, например, в южных странах СНГ (откуда идет наибольший поток мигрантов) спрос на услуги, наиболее популярные и предоставляемые летом, резко снижается. Однако, данная причина необходимости привлечения мигрантов имеет также отрицательную сторону, которую мы рассмотрим ниже.

Плюсом может быть и привлечение мигрантов по причине стабилизации не только экономической ситуации, но и демографической: наплыв мигрантов увеличивает количество экономически активного и трудоспособного населения в республике, а также повышает не только механический прирост населения, но и впоследствии естественный.

Исходя из вышеперечисленного, можно сделать следующий вывод, причинами необходимости привлечения мигрантов являются: 1) минимальный спрос жителей Карелии на рабочие специальности; 2) сокращение затрат предпринимателями на содержание рабочей силы; 3) улучшение демографической ситуации за счет мигрантов.

Теперь рассмотрим противоположную точку зрения. Чем же обуславливается такое желание сократить количество рабочих мигрантов?

Первой и наиболее важной причиной являются нелегальные рабочие. Во-первых, данная проблема является обратной стороной использования иностранной рабочей силы, которая указывалась выше: из-за такого согласия мигрантов на невысокие заработные платы, некоторые предприниматели чрезмерно используют труд нелегальных мигрантов. Это явление обусловлено следующей причиной: не приходится платить налоги, что естественно выгоднее для собственника. Но уклонение от налогов не дает положительного роста суммы денежных средств в казне республики. Судить о реальном количестве нелегалов в Карелии не приходится, так как официальных данных нет. Однако известно, что количество иностранцев, которые пересекли карело-финский участок госграницы, заметно выросло.

Во-вторых, рост количества нелегальных мигрантов отрицательно воздействует на стабильность обстановки в Карелии. В 2013 году в Карелии было выявлено более 2,5 тысяч фактов нарушения миграционного законодательства. Так же, не дает покоя Правительству Республики Карелия стабильность в общественной обстановке, ведь в связи с нововведением в миграционном законодательстве за восемь месяцев из Карелии было выдворено только 40 человек, а за месяц с момента вступле-

⁴ Цыганкова С. Пусть работают мигранты: жители Карелии не хотят идти работать на стройки и заводы. [Электрон. ресурс] / Российская газета. – Электрон. Ст. – [М.]. – URL: <http://www.rg.ru/>, свободный. – Яз. Рус.

ния в силу изменений, уже около 30. Также, выявлено более 440 нарушений миграционного законодательства, из которых 152 составили нарушения, связанные с пребыванием иностранных граждан на территории России, 62 – с нарушением ими порядка осуществления трудовой деятельности. Сумма наложенных административных штрафов составила более 600 тысяч рублей⁵.

Второй проблемой, как считают сами жители республики, является то, что мигранты занимают рабочие места. Как указывалось выше, карелы сами не хотят работать, поэтому логично, что вакантные места занимают приезжими рабочими. Но это касается рабочих специальностей, а жители республики выказывают свое недовольство относительно специальностей интеллектуального труда. Однако, если объективно оценивать возмущение местных жителей, обусловленное притоком мигрантов в республику, то смело можно утверждать, что оно не обосновано. При желании коренного населения присутствия минимального количества иностранцев на рынке труда, сами карелы не предпринимают никаких активных действий для того, чтобы с помощью победы в конкуренции самим занять рабочие места.

Таким образом, можно выделить следующие минусы пребывания в нашей республике мигрантов из стран ближнего и дальнего зарубежья: 1) нелегальные мигранты, вызывающие беспорядки и нарушения законодательства; 2) большой сегмент рынка труда занят мигрантами (как указано выше, данное положение основано на субъективном мнении жителей республики).

Так как же целесообразнее поступать: сокращать значительно квоты, опираясь на отрицательные стороны, или же наоборот, расширять количество мигрантов, исходя из всех положительных сторон привлечения иностранцев? Я считаю, что неразумно поступить ни одним, ни другим образом, а следует найти «золотую середину» и провести некоторые расчеты, которые позволят впоследствии определить в каком количестве мигрантов нуждается республика для дальнейшего качественного развития, учесть мнение предпринимателей при выборе квот, но при этом сделать более жестким контроль за прибытием «нелегалов». То есть в данном случае важно не переходить из крайности в крайность, а трезво оценить ситуацию и принимать надлежащие решения относительно миграционной политики.

Список использованной литературы

1. О миграции населения Карелии в XX веке [Электрон.ресурс] / Народы Карелии. – Электрон. Ст. – [Петрозаводск]. – URL: <http://knk.karelia.ru/>, свободный. – Яз. Рус.
2. «Нелегальный мигрант» в Карелии. Итоги [Электрон.ресурс] / Карелия неофициальная. – Электрон. Ст. – [Петрозаводск]. – URL: <http://www.gov.karelia.ru>, свободный. – Яз. Рус.
3. Джеглав Е. А. Этномиграционные процессы и социокультурный портрет населения республики Карелия [Электрон.ресурс] / КиберЛенинка. – Электрон. Ст. – [М.]. – URL: <http://cyberleninka.ru>, свободный. – Яз. Рус.
4. Михель Е. А. Глобализация – средство привлечения трудовых мигрантов. [Электрон.ресурс]. / Электронный учебник: учебники бесплатно – портал научной литературы. – Электрон. Ст. [Петрозаводск]. – URL: <http://bookcheba.com/>, свободный. – Яз. Рус.
5. Цыганкова С. Пусть работают мигранты: жители Карелии не хотят идти работать на стройки и заводы. [Электрон.ресурс] / Российская газета. – Электрон. Ст. – [М.]. – URL: <http://www.rg.ru/>, свободный. – Яз. Рус.

Престиж рабочих профессий и их востребованность на рынке труда

*Мазаева К.А., Сигова С.В.
Центр бюджетного мониторинга
Петрозаводский государственный университет
г. Петрозаводск*

В условиях инновационного развития экономики России ключевым ресурсом являются квалифицированные кадры. При этом важная роль отводится не только инженерно-техническому персоналу, но и рабочим кадрам, то есть специалистам со средним и начальным профессиональным образо-

⁵ «Нелегальный мигрант» в Карелии. Итоги [Электрон.ресурс] / Карелия неофициальная. – Электрон. Ст. – [Петрозаводск]. – URL: <http://www.gov.karelia.ru>, свободный. – Яз. Рус.

ванием. Недооценка роли рабочих кадров в эпоху «массового» высшего профессионального образования привела к потере важнейших квалификационных навыков работников.

О необходимости поднять престиж рабочих профессий регулярно заявляет председатель Правительства Российской Федерации Дмитрий Медведев [1]. Проблема состоит в отсутствии стимула работы в производственной среде, потому что в большинстве своем россияне стыдятся идти в профессию, где надо работать руками. А нехватка кадров возмещается работниками, которые не только не являются профессионалами, но и не проявляют даже малой заинтересованности в успехе своего дела.

В связи с этим особенно актуальны и важны мероприятия, повышающие популярность рабочих профессий на рынке труда.

О международном чемпионате WorldSkillsInternational

Одним из наиболее известных и успешных международных движений, связанных с рабочими профессиями, является WorldSkillsInternational (далее WSI).

WSI – это международная организация, проводящая соревнования профессионального мастерства среди обучающейся молодежи.

Цель движения – силами мирового сообщества продвигать и популяризовать рабочие профессии как двигатель экономического роста и личной самореализации рабочих кадров.

Задачи:

- организация и проведение соревнований и мероприятий, связанных с рабочими профессиями;
- привлечение новых участников, партнеров для достижения цели;
- поощрение и поддержка инициатив в области рабочих профессий;
- создание основы для популяризации рабочих профессий.

За свою 60-летнюю историю, WSI (ранее известный как «SkillOlympics») стал символом вершины совершенства в профессиональной подготовке. Каждые два года сотни молодых квалифицированных рабочих, в сопровождении своих преподавателей и инструкторов, собираются со всего мира, чтобы соревноваться друг с другом и проверить себя по высоким международным стандартам. Они – лучшие из лучших, победители региональных и национальных соревнований, проводимых в настоящее время в 67 странах и регионах.

Участие в этих соревнованиях является ценным опытом как для отдельных лиц, так и для предприятий и организаций. Для некоторых это признание за выдающиеся достижения, в то время как для других это мотивация для совершенствования. Для зрителей – это шанс увидеть высококвалифицированные рабочие кадры в процессе работы. Соревнования являются особенно эффективными в контексте обеспечения позитивных ролевых моделей карьеры для школьников.

Первый раз чемпионат состоялся в 1950 году, в нем приняли участие 24 рабочих из 2 стран – Испании и Португалии. Соревнования проводились по 8 рабочим профессиям*. Последний на данный момент международный чемпионат WSI состоялся в 2013 году в Лейпциге и в нем приняли участие более 1000 человек из более чем 55 стран. В этот раз число конкурсных профессий составило 46 [2]. График изменения этих основных характеристик Чемпионата (число участников, число стран-участниц и количество конкурсных профессий) приведен на рисунке 1.

Сборная команда Российской Федерации впервые принимала участие в Чемпионате WSI в Лейпциге. Сотрудничество России с WSI началось еще в 2012 году, когда Национальным оператором WSI в России стал Фонд «Образование – обществу»[3].

Проект WorldSkills изначально рассматривался в «Агентстве стратегических инициатив по продвижению новых проектов». На заседании наблюдательного совета «АСИ» проект был одобрен. Потом письмо о проекте было направлено на рассмотрение в Министерство образования и науки Российской Федерации, от которого был получен положительный ответ.

Благодаря одобрению проекта на уровне Правительства РФ, при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации было принято решение о реализации проекта. Между Фондом «Образование – обществу» и Министерством образования и науки Российской Федерации был

* Перевод от «skills». В контексте WSI переводится как «профессии» (WorldSkillsInternational – Чемпионат рабочих профессий)

заключен государственный контракт в рамках реализации проекта «Инновация модель профессионального образования». Фонд «Образование – обществу» в рамках проекта является официальным Национальным оператором проекта WorldSkillsRussia (WSR).

Рис.1. Основные характеристики международных чемпионатов WSI за 1950–2013 гг.

Источник: Движение WorldSkills в России

Конкурсные профессии WorldSkillsInternational: формирование перечня

Согласно правилам международного Чемпионата, профессии, по которым ведется соревнование (далее – конкурсные профессии), являются наиболее востребованными в глобальной мировой экономике. Отбор конкурсных профессий для чемпионата – сложная многоступенчатая процедура. Общее количество профессий на Чемпионате определяется согласно Правилам Чемпионата, их перечень составляется в соответствии с целями и задачами Чемпионата. При отборе предпочтение отдается следующим группам профессий:

- современные профессии, востребованные для развития конкурентоспособной и успешной экономики;
- инновационные профессии сферы информационно-коммуникационных технологий, востребованные в «экономике знаний»;
- социальные и коммуникативные профессии, в том числе творческие, связанные с развитием новых инициатив, решением проблем, командообразованием и т. д.;
- профессии, которые поддерживают традиции и культурное наследие.

Каждые два года, в перерывах между Чемпионатами, как минимум четверть конкурсных профессий подвергаются внешнему аудиту и проверяются на значимость и востребованность, на соответствие отраслевым стандартам. Так достигается 100 %-ый анализ всех конкурсных профессий каждые 8 лет (4 Чемпионата).

Особая категория профессий, по которым проводятся соревнования – «презентационные» профессии*. Этот статус присваивается профессии, пока она еще не стала официальной конкурсной. Тем не менее, эти профессии также должны отвечать всем требованиям Чемпионата, быть значимыми и востребованными в масштабах глобальной мировой экономики. Если подтверждается, что профессия востребована в масштабах мировой экономики, а также существует много заявок на участие в соревнованиях по данной профессии, на следующем Чемпионате она попадает в список «официальных» конкурсных профессий.

Кроме того, представители страны, в которой проводится Чемпионат, могут включить в перечень профессий еще до 5 других профессий. Такие профессии при отсутствии других факторов их включения в список конкурсных, называются HostMemberSkills и входят в состав конкурсных только в рамках одного Чемпионата.

* Перевод от «demonstrationskills».

Конкурсные профессии WorldSkillsInternational– 2013

Особого внимания заслуживает перечень конкурсных профессий WSI, представленных на международном Чемпионате в 2013 году, поскольку именно они отражают основные тенденции на мировом рынке труда рабочих профессий.

Профессии на Чемпионате делятся на шесть групп, представленных в Таблице 1.

Таблица 1

Группы конкурсных профессий WorldSkillsInternational

Наименование группы в WorldSkillsInternational	Наименование группы в WorldSkillsRussia (перевод)	Количество «официальных» конкурсных профессий на WSI-2013 в Лейпциге
ConstructionandBuildingTechnology	Строительные технологии/ строительство	12
CreativeArtsandFashion	Творческие профессии и мода	5
InformationandCommunicationTechnology	Информационные и коммуникационные технологии	5
ManufacturingandEngineeringTechnology	Производственные и инженерные технологии	13
SocialandPersonalServices	Социальные и персональные услуги	6
TransportationandLogistics	Транспорт и логистика	4

Согласно данным, представленным в таблице 1, большинство конкурсных профессий относятся к группам Производственные и инженерные технологии и Строительные технологии / строительство. Это связано с тем, что в этих отраслях преобладает доля рабочих профессий, соответственно, они более востребованы на рынке труда рабочих профессий.

Изменения в перечне конкурсных профессий WorldSkillsInternational за период 2001–2013 гг.

Изменения перечня конкурсных профессий WSI рассмотрим с 2001 года. Часть конкурсных профессий исключалась с течением времени, в список входили новые, более востребованные и значимые в контексте развития глобальной экономики и новых технологий.

В 2001 году соревнования среди рабочих проводились по 40 «официальным» конкурсным профессиям, к 2013 году их число достигло 45. Неизменными из перечня профессий 2001 года осталось 28 конкурсных профессий. Некоторые конкурсные профессии вводились, другие исключались. Например, после Чемпионата 2001 года выбыло 3 конкурсных профессии: монтажные работы, электро-монтажные работы, автоматизированное проектирование, тогда как в 2013 году было введено три новых профессии: визуальный мерчендайзинг (оформление торгового места/ места продажи), моделирование, каменная кладка.

Почти все исключенные из конкурса в 2001–2013 гг. профессии относятся к группам «Строительные технологии/строительство» и «Производственные и инженерные технологии».

Для анализа обновления конкурсных профессий в разрезе шести групп обратимся к данным Таблицы 3.

Таблица 3

Коэффициент обновления конкурсных профессий WorldSkillsInternationalв разрезе групп профессий

Год проведения Чемпионата	2003	2005	2007	2009	2011	2013
Коэффициент обновления конкурсных профессий WSI	7,9 %	14,3 %	7,9 %	12,2 %	9,3 %	6,7 %
в т.ч. по группам						
Строительные технологии / строительство	2,6 %	2,9 %	2,6 %		2,3 %	2,2 %
Творческие профессии и мода				2,4 %		2,2 %
Информационные и коммуникационные технологии		2,9 %	5,3 %	4,9 %		
Производственные и инженерные технологии	5,3 %	5,7 %		2,4 %	4,7 %	2,2 %
Социальные и персональные услуги		2,9 %		2,4 %		
Транспорт и логистика					2,3 %	

Коэффициент обновления конкурсных профессий WorldSkillsInternational рассчитывается как отношение новых вводимых в перечень конкурсных профессий в общем числе конкурсных профессий за рассматриваемый год.

Вновь вводимые конкурсные профессии появились за рассматриваемый период во всех группах, но большинство из них входит в следующие группы: «Строительные технологии/строительство», «Производственные и инженерные технологии», «Информационные и коммуникационные технологии». Таким образом, мы можем делать выводы о том, что в этих отраслях изменения в структуре потребности происходят быстрее всего, ведь в число конкурсных попадают те профессии, которые востребованы работодателями на рынке труда. Самые существенные изменения в перечне конкурсных профессий произошли в 2005 и в 2009 годах, когда коэффициент обновления составил более 10 %: 14,3 % в 2005 году и 12,2 % в 2009 году.

Таким образом, согласно принципам формирования перечня конкурсных профессий, в их число входят современные рабочие профессии, наиболее востребованные на мировом рынке труда. В связи с этим анализ перечня профессий является необходимым для установления общемировых тенденций на рынке труда рабочих профессий.

Большинство конкурсных профессий WSI–2013 относятся к группам Производственные и инженерные технологии и Строительные технологии/строительство. Это связано с тем, что в этих отраслях преобладает доля рабочих профессий, соответственно, они более востребованы на общемировом рынке труда рабочих профессий.

Эти же группы больше всего подвержены изменениям в составе конкурсных профессий за период 2001–2013 гг. Кроме того, много новых профессий вводилось в состав конкурсных в группе Информационные и коммуникационные технологии. В этих отраслях изменения в структуре потребности происходят быстрее всего, и в список конкурсных профессий входят новые, более востребованные и значимые в контексте развития глобальной экономики и новых технологий профессии.

Одно из перспективных направлений работы по удовлетворению спроса на рабочие профессии в России – это привлечение молодежи на рабочие профессии, в том числе и путем продвижения Чемпионатов WSI в регионы с учетом общероссийского и мирового опыта. При этом ориентироваться в выборе конкурсных профессий необходимо не только на общемировые тенденции, но и на региональную специфику субъектов Российской Федерации.

Список использованной литературы

1. Дмитрий Медведев: рабочие кадры – не экспортный товар. [Электронный ресурс]. – Торгово-промышленные ведомости: издание Торгово-промышленной палаты РФ. Режим доступа: <http://www.tpp-inform.ru/official/1199.html>. Дата обращения: 09.10.2013.
2. Официальный сайт WorldSkillsInternational. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://worldskills.com/>. Дата обращения: 20.10.2013.
3. Официальный сайт WorldSkillsRussia. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://worldskills.ru/>. Дата обращения: 20.10.2013.
4. Официальный сайт фонда «Образование – обществу». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.eduso.ru/>. Дата обращения: 20.10.2013.

Влияние реализации национальных проектов на демографическое развитие регионов Северо-Западного федерального округа

*к.э.н. Михель Е.А.
Институт экономики КарНЦ РАН
г. Петрозаводск*

Демографическое развитие регионов является одним из главных стратегических направлений деятельности региональных органов власти. Создание благоприятных условий для повышения качества жизни населения: усиление как экономических, социальных, так и морально-нравственных факторов репродуктивного и самосохранительного поведения населения (демографическая политика) – актуальная задача для руководства страны и ее регионов.

Безусловно, демографический профиль каждой административно-территориальной единицы является уникальным в силу наличия своей истории заселения, сложившейся структуры населения и других причин, оказывающих влияние на демографическое развитие [5]. Тем не менее, проведение компаративных региональных исследований репродуктивного, самосохранительного и миграционного поведения представляется необходимым инструментом разработки и реализации эффективной региональной демографической политики [1].

Социально-экономические преобразования 1990-х гг., дополненные трансформацией традиционных семейных ценностей негативно отразились на основных демографических показателях: смертности, рождаемости, миграции. В результате чего в большинстве российских регионов обострилась демографическая ситуация [3]. В середине 2000-х гг. был принят ряд институциональных инноваций под общим названием «Национальные проекты», реализация которых продолжает оказывать влияние на процессы воспроизводства населения в регионах России.

Северо-Западный федеральный округ является одним из слабо населенных среди федеральных округов России и самым слабозаселенным на Европейской части РФ, он занимает 5 место в РФ по плотности населения. Данное обстоятельство обусловлено суровыми природно-климатическими особенностями на территории большинства регионов округа и историей освоения этих территорий. Лишь г. Санкт-Петербург – город федерального значения и Калининградская область существенно выделяются по плотности населения на фоне общего распределения населения по территории округа (см. табл. 1). Статус г. Санкт-Петербурга и его историческая роль в развитии России объективно выделяет его среди остальных регионов по большинству социально-экономических показателей. Остальные регионы Северо-запада России можно охарактеризовать низкой плотностью населения, уменьшающейся с юга на север и северо-восток, что обусловлено в первую очередь, северными природно-климатическими условиями.

Таблица 1

Плотность населения ФО РФ и регионов СЗФО 2010 г. [11]

Российская Федерация, чел/км ²		Северо-Западный ФО, чел/км ²	
Центральный	57,1	Санкт-Петербург	8 081,2
Северо-Кавказский	52	Калининградская область	62,4
Южный	33,3	Ленинградская область	20,1
Приволжский	28,7	Псковская область	12,2
Северо-Западный	8	Новгородская область	11,5
Уральский	7,9	Вологодская область	8,3
Сибирский	4,1	Мурманская область	5,4
Дальневосточный	1,04	Республика Карелия	3,7
		Архангельская область	2,9
		Республика Коми	2,2
		Ненецкий автономный округ	0,2

Ранжирование регионов по показателю изменения общей численности населения приведено в табл. 2. Регион, занимающий первую строчку, обладает наибольшим позитивным значением (рождаемость или миграционный прирост) или наименьшим из негативных (например, смертность или миграционный отток населения).

В табл. 2 представлены данные об изменении численности населения регионов СЗФО.

Среди регионов Северо-западного федерального округа только один регион по итогам 20 лет обладает средним положительным значением изменения численности населения – Калининградская область, максимально приближены к положительному среднему значению за период Ленинградская область и г. Санкт-Петербург.

Максимальная убыль населения зафиксирована в Мурманской области, Республике Коми и Архангельской области.

Остальные регионы также испытывают снижение общей численности населения. Поскольку данный показатель является самым обобщенным, то и степень его информативности о демографическом развитии регионов невысока. Дальнейшее рассмотрение компонентов изменения общей численности населения позволит понять особенности демографического развития регионов.

Таблица 2

Изменение общей численности населения регионов СЗФО, в %. [8, с. 74]

	1990	1995	2000	2005	2009
Северо-Западный ФО	0,003	-0,8	-0,9	-0,7	-0,2
Калининградская область	1,1	0,7	-0,1	-0,5	0,1
Ленинградская область	0,5	0,2	-0,4	-0,5	-0,1
г. Санкт-Петербург	0,1	-0,5	-0,6	-0,4	0,4
Вологодская область	-0,05	-0,6	-0,7	-0,8	-0,4
Ненецкий АО	-0,6	-2,6	-0,6	0,1	0,6
Республика Карелия	-0,03	-1	-0,9	-0,8	-0,5
Новгородская область	-0,2	-0,5	-1,2	-1,3	-0,8
Псковская область	-0,1	-0,4	-1,4	-1,6	-1,1
Архангельская область	-0,4	-1,5	-1,5	-1	-0,6
Республика Коми	-0,7	-2,1	-1,4	-1,1	-0,8
Мурманская область	-0,2	-2,8	-1,9	-0,9	-0,7

Данные об естественном приросте населения и его компонентов в регионах позволяют анализировать насколько (не)благоприятно происходит демографическое развитие без учета влияния миграции населения (табл. 3).

Таблица 3

Коэффициенты естественного прироста (на 1000 человек населения). [8, с. 82]

	1990	1995	2000	2005	2009
Северо-Западный ФО	0,9	-8	-8,7	-8,4	-3,9
Ненецкий АО	10,3	0,7	0,3	2,3	4,8
Республика Коми	6,1	-3,5	-3,5	-4,1	-0,4
Мурманская область	5,4	-3,2	-3	-3,6	-1,2
Архангельская область	3,7	-6,1	-7,5	-6,3	-2,1
Калининградская область	2,8	-5	-7,3	-9,2	-3,1
Республика Карелия	3,1	-7,9	-7,8	-8,2	-4
Вологодская область	1,4	-7,7	-7,2	-8,3	-3,8
г. Санкт-Петербург	-1,4	-8,9	-9,4	-7,4	-2,8
Ленинградская область	-1,5	-10,9	-12,1	-12,5	-7,8
Новгородская область	-1,8	-11,9	-12,6	-13,2	-9,2
Псковская область	-3,2	-13,1	-14,9	-15,7	-10,5

На Северо-западе России есть только один регион с положительными коэффициентами естественного прироста населения на протяжении всего периода – Ненецкий АО. Низкими темпами естественной убыли населения характеризуются Республика Коми и Мурманская область. Эту группу регионов можно обозначить как регионы с относительно неблагоприятным типом естественного движения населения, который обусловлен наличием низкой доли населения старших возрастов, что в свою очередь создает условия для относительно низких показателей смертности населения.

Регионы с более низкими показателями (Архангельская, Калининградская, Вологодская области, Республика Карелия и г. Санкт-Петербург) входят в группу регионов с неблагоприятным типом естественного движения населения.

Самый низкий уровень естественного прироста населения сформировался в Ленинградской, Новгородской и Псковской областях, показатели естественного прироста в которых позволяют отнести их к группе регионов с глубоко неблагоприятным типом естественного движения населения.

Таким образом, все регионы за исключением Ненецкого АО, находятся в отрицательной зоне по показателям естественного прироста населения и характеризуются разными типами неблагоприятия естественного движения населения.

Далее мы рассмотрим динамику показателей рождаемости, как основного компонента естественного движения населения (табл. 4). Роль рождаемости населения является первостепенной, так как именно уровень рождаемости в конечном итоге влияет на темпы естественного прироста населения.

Таблица 4

**Динамика коэффициентов рождаемости населения в регионах СЗФО
(на 1000 человек). [8, с. 76]**

	1990	1995	2000	2005	2009
Северо-Западный ФО	12	7,9	7,7	9,3	11,3
Ненецкий АО	17,7	13,7	13,2	14,5	16,5
Республика Коми	13,6	9,7	9,4	11,1	12,4
Архангельская область	13,5	8,9	8,8	10,7	12,3
Вологодская область	13,4	8,7	8,8	10,5	12,4
Республика Карелия	13,3	8,8	8,7	9,9	11,5
Калининградская область	12,6	8,5	7,9	8,9	11,5
Мурманская область	11,2	8,2	8,6	9,8	10,8
Новгородская область	12,3	8	7,5	9,3	11,2
Псковская область	11,9	7,8	7,4	8,8	10,4
г. Санкт-Петербург	10,9	7	6,8	8,6	11,3
Ленинградская область	11	7,2	6,7	7,8	9,2

Во всех регионах за наблюдаемый период происходило снижение показателей рождаемости с некоторым повышением в последние пять лет, что связано со своевременным материальным стимулированием рождаемости у многочисленного поколения женщин репродуктивного возраста.

Среди всех регионов СЗФО по уровню рождаемости выделяется Ненецкий АО с самыми высокими коэффициентами. Высокий уровень рождаемости в этом регионе обусловлен наличием характерного самосознания местного населения, выражающегося в высоком уровне репродуктивного поведения и наличием низкой доли населения старших возрастных групп.

Относительно благополучная динамика коэффициентов рождаемости (> 10,0) характерна для Республики Коми, Архангельской и Вологодской областей.

Для остальных регионов: Республика Карелия, Калининградская, Мурманская, Новгородская, Псковская, Ленинградская области и для г. Санкт-Петербурга характерны более низкие коэффициенты рождаемости. Большинство этих регионов являются староосвоенными, для них были характерны низкие коэффициенты и на начало исследуемого периода, что предполагало низкий потенциал их роста.

Следующим компонентом естественного движения населения является смертность населения [6]. За последние двадцать лет коэффициенты смертности населения выросли во всех регионах Северо-запада России (табл. 5). Для более полного понимания значения динамики показателей смертности населения в регионах необходимо их рассмотреть с точки зрения изменений за исследуемый период.

Таблица 5

**Динамика коэффициентов смертности населения в регионах СЗФО
(на 1000 человек). [8, с. 78]**

	1990	1995	2000	2005	2009
Северо-Западный ФО	11,1	15,9	16,4	17,7	15,2
Мурманская область	5,8	11,4	11,6	13,4	12
Ненецкий АО	7,4	13	12,9	12,2	11,7
Республика Коми	7,5	13,2	12,9	15,2	12,8
Калининградская область	9,8	13,5	15,2	18,1	14,6
Архангельская область	9,8	15	16,3	17	14,4
г. Санкт-Петербург	12,3	15,9	16,2	16	14,1
Республика Карелия	10,2	16,7	16,5	18,1	15,5
Вологодская область	12	16,4	16	18,8	16,2
Ленинградская область	12,5	18,1	18,8	20,3	17
Новгородская область	14,1	19,9	20,1	22,5	20,4
Псковская область	15,1	20,9	22,3	24,5	20,9

В Мурманской области, Ненецком АО, Республике Коми существуют самые низкие средние коэффициенты смертности по всему округу. Вместе с тем, с точки зрения динамики коэффициентов,

для этих регионов характерен максимальный рост за период. (Мурманская область – 106 %; Ненецкий АО – 58 %; Республика Коми – 70 %). Данное явление вызвано тем, что изначально «молодая» структура населения северных регионов, сформированная трудовыми мигрантами во второй половине XX века «стареет»[2], и коэффициенты смертности постепенно приближаются к средним значениям по округу.

Калининградская, Архангельская области, Санкт-Петербург, Республика Карелия и Вологодская область входят во вторую группу регионов, в которых рост показателей смертности населения за изучаемый период составил 35–50 %.

Ленинградская, Новгородская и Псковская области характеризуются сверхсмертностью населения. Самая сложная ситуация сложилась в Псковской области, «перешагнувшей» психологический уровень среднего коэффициента за период – 20 пунктов. Это превышает показатели рождаемости в регионе более чем в два раза на протяжении всего периода. Достаточно высокая динамика коэффициента за период в Ленинградской области – 38 %, Новгородской – 44 %, Псковской – 38 %, сильно усугубляет изначально тяжелую ситуацию со смертностью населения в этих регионах.

Положительным результатом проводимой федеральной демографической политики по итогам исследуемого периода является снижение к 2009 году максимального уровня смертности, достигнутого в 2005 году, отмеченное во всех регионах Северо-западного федерального округа.

Миграция населения является следующим компонентом изменения общей численности населения (табл. 6). Анализ коэффициентов миграции позволяет выявить регионы, в которых происходит компенсация естественной убыли населения или ее усиление.

Таблица 6

**Динамика коэффициента миграционного движения населения регионов СЗФО
(на 10 000 человек). [8, с. 92]**

	1990	1995	2000	2005	2009
Северо-Западный ФО	-8	3	-0,2	9	21
Ленинградская область	63	126	83	70	64
Калининградская область	78	120	60	38	36
г. Санкт-Петербург	24	37	37	32	68
Новгородская область	-1	67	10	2	9
Вологодская область	-20	21	1	3	1
Псковская область	17	87	4	-9	-7
Республика Карелия	-35	-16	-13	2	-8
Ненецкий АО	-169	-271	-62	-14	17
Архангельская область	-78	-88	-78	-39	-40
Республика Коми	-134	-176	-108	-74	-74
Мурманская область	-77	-250	-165	-58	-57

По итогам статистического анализа коэффициентов миграционного движения населения регионов СЗФО их можно разделить на четыре группы.

К благополучной группе относятся регионы, для которых характерен стабильный приток мигрантов на протяжении всего периода. К ним относятся: Ленинградская, Калининградская области, г. Санкт-Петербург.

Новгородская и Вологодская область относятся к группе относительно благополучных регионов, в которых коэффициент миграционного движения положителен, но динамика уровня коэффициентов за период характеризуется изменчивостью.

Псковская область относится к группе относительно неблагополучных регионов по показателям миграционного прироста, в которой за последние 10 лет произошла смена тенденции и появился отток населения из региона.

Группа неблагополучных регионов по миграционному приросту населения, для которых характерен отток населения на протяжении всего периода, представлена следующими субъектами: Республика Карелия, Ненецкий АО, Архангельская область, Республика Коми и Мурманская область.

В данной группе регионов наименьшими показателями оттока населения характеризуется Республика Карелия, для остальных регионов характерен более сильный отток населения.

Анализируя миграционное движение, можно констатировать, что для экономически развитых регионов (Санкт-Петербург, Ленинградская и Калининградская области) характерен стабильный приток мигрантов, благодаря которому происходит частичное восполнение естественной убыли населения. Для староосвоенных регионов (Новгородская, Вологодская, Псковская области) с менее развитой экономикой характерен незначительный приток мигрантов, не оказывающий серьезного влияния на показатели изменения общей численности населения региона.

Отдельно выделяются северные регионы (Республика Карелия, Ненецкий АО, Архангельская область, Республика Коми и Мурманская область). Для них характерна отрицательная роль миграции в изменении общей численности населения, причем в Ненецком АО положительные показатели естественного движения населения теряют свой эффект в силу наличия миграционной убыли населения.

Проведенный сравнительный анализ демографических и миграционных процессов в регионах СЗФО Российской Федерации позволил получить следующие результаты:

Для всех регионов на Северо-западе России (за исключением Ненецкого АО) характерен процесс депопуляции: уровень смертности превышает уровень рождаемости.

Более высокий уровень рождаемости население как исключительный феномен в отдельных регионах СЗФО обусловлен относительно «молодой» структурой населения, сформировавшийся благодаря миграционному притоку специалистов в рамках реализации политики промышленного освоения северных территорий СССР.

Высокий уровень смертности характерен для большинства староосвоенных и экономически развитых регионов. В северных субъектах СЗФО наблюдается рост показателей смертности, что связано с повышением доли населения старших возрастов.

Миграционное движение населения в регионах СЗФО можно охарактеризовать следующими особенностями:

Большинство населения северных регионов мигрирует в южном направлении и в направлении региональных центров, которые обладают более высоким уровнем социально-экономического и инфраструктурного развития [9].

Население староосвоенных регионов СЗФО принимают миграционные потоки разной интенсивности. Более интенсивный поток мигрантов направлен в экономически более развитые регионы СЗФО (г. Санкт-Петербург и Ленинградская область), а также Калининградскую область, характеризующихся высоким уровнем инвестиций в региональную экономику, что позволяет создавать новые рабочие места и другие условия для привлечения мигрантов [10].

В современных условиях, когда на протяжении двух десятилетий во многих российских регионах не происходит даже простого воспроизводства, характеризуемого замещением одного поколения следующим, необходимо констатировать переход к суженному режиму воспроизводства населения [4]. Суженный режим воспроизводства населения имеет негативные перспективы, связанные с сокращением численности и старением населения, деформацией половозрастной структуры, увеличением демографической нагрузки и изменением количественных и качественных характеристик трудового потенциала [7].

Для преодоления острой фазы демографического кризиса в середине 2000-х гг. были разработаны новые инструменты демографической политики Российской Федерации.

Первый этап демографической политики, нацеленный на преодоление негативных тенденций в сфере воспроизводства населения, сформированных в 1990–2000-е гг., был связан с разработкой Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года. В 2006 г. разработанная концепция была дополнена реализацией национальных проектов, связанных с инфраструктурным обеспечением роста показателей воспроизводства населения: «Здоровье», «Доступное и комфортное жилье», «Образование» и «Развитие АПК». В тот же период был принят социально-ориентированный ФЗ № 256 «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей», предусматривающий выплаты материнского (семейного) капитала за рождение второго или последующего ребенка, а также других мер поддержки материнства и детства.

В 2010 г. реализация демографической политики получила свое развитие в Послании Президента Федеральному Собранию Российской Федерации. Ключевыми направлениями развития демо-

графической политики стали: повышение эффективности здравоохранения в сфере репродуктивного здоровья семей и здоровья детей; расширение возможностей использования семейного капитала при приобретении жилья, принятие региональных законов о семейном капитале; выделение земельных участков при рождении третьего ребенка; увеличение ежемесячных налоговых вычетов при рождении третьего и последующих детей; развитие системы дошкольного образования; принятие программ социальной адаптации выпускников детских домов; защита прав детей.

В качестве следующего этапа реализации федеральной демографической политики, направленной на улучшение демографической ситуации выступил Указ Президента Российской Федерации № 606 «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации» от 07 мая 2012 года, предусматривающий достижение к 2018 году следующих целевых показателей: суммарный коэффициент рождаемости 1,753, ожидаемая продолжительность жизни 74 года. В документе содержится рекомендация региональным органам власти установить денежные выплаты нуждающимся семьям на третьего ребенка в размере прожиточного минимума, рассчитанного для конкретного региона на условиях софинансирования за счет средств федерального бюджета. Следующим пунктом является организация содействия трудовой занятости женщин, воспитывающих детей, в том числе посредством организации профессионального обучения (переобучения). В отношении миграционной политики в документе содержится предложение обеспечить привлечение мигрантов для получения образования, а также для преподавательской и научной деятельности в Российской Федерации.

Реализация данного указа, наряду с другими экономическими социально-ориентированными президентскими указами 2012 года, обладающих важнейшим значением для комплексного развития российских регионов, связана с благоприятной экономической ситуацией в стране, которая во многом зависит от ситуации в мировой экономике. По результатам 2012–2013 гг. многие разработанные программы, нацеленные на реализацию указов, не стали действовать на практике. Основными причинами является низкое качество подготовленных программ, не работающих в реальных условиях и дефицит финансирования из предусмотренных источников, что снижает эффективность социально-экономической и демографической политики.

В настоящее время продолжается работа по повышению эффективности демографической политики и готовятся поправки в закон об использовании средств семейного капитала, расширяющие область его использования и изменение сроков его реализации. Предполагается отмена трехлетней отсрочки права использования семейного капитала и добавления возможностей его использования для оплаты социальной аренды жилья и развития собственного дела. В 2013 г. продолжалась работа над концепцией государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года.

На региональном уровне в Республике Карелия были разработаны и используются следующие документы: в 2008 г. была принята региональная целевая программа «Улучшение демографической ситуации Республики Карелия на период 2008 – 2010 годов и до 2015 года», предусматривающая достижение стабилизации численности населения региона, снижение заболеваемости и смертности, повышение рождаемости, поддержку семей с детьми. В дополнение к региональной программе были приняты следующие законы Республики Карелия: «О бесплатном предоставлении в собственность многодетным семьям земельных участков для индивидуального жилищного, дачного строительства на территории Республики Карелия» от 30.11.2011 № 1560–ЗРК; «О некоторых вопросах социальной поддержки граждан, имеющих детей» от 14 марта 2012 года № 1584–ЗРК, связанный с выплатой регионального семейного капитала в размере 100 000 руб., и ряда законов, направленных на повышение уровня заботы о детях-сиротах, комплексного развития детей, защиты прав детей.

В Республике Карелия утверждена и действует региональная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом.

При анализе последствий введения новых механизмов поддержки рождаемости населения, связанных с материальными выплатами и различными сертификатами для решения жилищных проблем определенных социальных групп населения, стало очевидно, что повышение платежеспособности населения увеличивает спрос на недвижимое имущество, в результате чего растут цены. Таким образом, использование новых инструментов решения жилищной проблемы, одной из наиболее актуальных для молодых семей, по-прежнему остается доступным преимущественно для высокодоходных

групп населения. Бесплатное выделение земельных участков семьям с детьми связано с возможностями бюджетов муниципальных образований, дефицит которых ограничивает право семей с тремя и более детьми на получение участков.

Результаты анализа статистических данных за 1990–2009 гг. позволили выявить наличие позитивного влияния институциональных инноваций в сфере воспроизводства населения: рост рождаемости, снижение смертности и миграционной убыли во всех регионах Северо-западного федерального округа. Положительное значение институциональных инноваций заключается в «сглаживании» и отсрочке процесса окончательного перехода к суженному воспроизводству населения регионов. Проведенный анализ миграционных процессов позволил выявить особое положение северных регионов, характеризующихся интенсивной убылью населения на протяжении двух десятилетий, увеличивающей скорость перехода к суженному режиму воспроизводства населения.

Значение институциональных инноваций в сфере воспроизводства населения для российских регионов оказалось важным – их введение позволило сократить период интенсивной депопуляции практически во всех регионах. Вместе с тем, эффективность инноваций различается в российских регионах в силу высокой дифференциации социально-экономического развития регионов, отдельных районов и городов. Территории с более высоким уровнем социально-экономического развития обладают достаточными возможностями по финансированию региональных программ в рамках демографической политики государства, тогда как дотационные регионы испытывают трудности с реализацией таких программ. В результате формируется неравный доступ населения субъектов Российской Федерации к социальным обязательствам государства, обусловленный качеством региональной институциональной среды.

В результате сформировавшегося суженного режима воспроизводства населения регионов Северо-Западного федерального округа назрела необходимость разработки дополнительных региональных программ демографического развития для северных субъектов Российской Федерации, испытывающих наиболее интенсивную депопуляцию. Варианты региональных программ демографического развития связаны с различными сценариями: комплексное развитие регионов с целью создания условий для перехода к режиму простого воспроизводства населения; сохранение суженной модели воспроизводства населения с одновременной интенсификацией развития качественных характеристик человеческого капитала; переселение населения северных регионов с одновременным переходом к вахтовому методу освоения природно-ресурсного потенциала северных регионов. Перспективы реализации региональных программ в свою очередь связаны с повышением качества институциональной среды и наличием источников финансирования.

Список использованной литературы

1. Архангельский В.Н., Зверева Н.В. Теоретические основы мониторинга региональной социально-демографической политики. М.: МАКС Пресс, 2009. 216 с.
2. Доброхлеб В.Г. Старение населения и проблемы сохранения человеческого потенциала // Народонаселение. М., 2009. № 4. С.53–56.
3. Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики, 2010. 160 с.
4. Избранные демографические труды: в 2 т. / А.Г.Вишневский. М.: Наука, 2005. Т.1: Демографическая теория и демографическая история. 368 с.
5. Клупт М.А. Региональные альтернативы глобального демографического развития // Общественные науки и современность. 2012. № 2. С. 66–77.
6. Корнешов А.А. Факторы смертности трудоспособного населения в период реформ // Народонаселение. М., 2010. № 1. С. 19–28.
7. Озов А.А. Реализация концепции управления трудовым потенциалом в контексте социально-трудовых отношений: региональные аспекты // Региональная экономика: теория и практика. М., 2010. № 2. С. 22–26.
8. Регионы России. Социально-экономические показатели. Стат. сб. М., 2010.
9. Рыбаковский Л.Л. Сравнительная оценка демографического неблагополучия регионов России // Социологические исследования: СОЦИС. М., 2008. № 10. С. 81–87.
10. Смирнова Т.Л. Воспроизводство населения и рынок рабочей силы в России // Проблемы современной экономики. СПб., 2010. № 1. С. 85–89.
11. <http://worldgeo.ru/russia/lists/?id=26> Режим электронного доступа: дата обращения 30.10.2013.

Мониторинг и эконометрический анализ мнений респондентов Волгоградского региона о влиянии миграционных потоков на социально-управленческую ситуацию*

Никитина М.С.

*Волгоградский государственный университет
г. Волгоград*

Одним из важнейших аспектов функционирования экономики региона и рынка труда является движение рабочей силы, в частности миграционное. Масштабы миграции и ее структура способствуют перераспределению рабочей силы и формируют трудовой потенциал определенной территории. Миграция населения – это перемещение людей, работников, связанное преимущественно с изменением места жительства и места работы.

Актуальность выполненного исследования вызвана усилением миграционных процессов в России и активизировавшейся миграционной политикой РФ.

Несмотря на явные улучшения и принимаемые меры в миграционной политике, многие проблемы, например, неясность картины нелегальной миграции, коррупционные составляющие регистрационных процессов мигрантов, недостаточная информированность, как трудовых мигрантов, так и работодателей, проблемы социальной защищенности трудовых мигрантов и т. д., до конца не решены.

Цель исследования – оценка специфики отношения населения Волгоградской области к легальной и нелегальной миграции в Волгоградской области, а также эконометрический анализ и прогнозирование динамики миграционных процессов в Волгоградской области.

Задачи исследования:

- выявление мнения населения Волгоградской области о трудовых мигрантах;
- выявление преобладающих социально-демографических характеристик респондентов – пол, возраст, место проживания, социальное положение, исповедуемая религия;
- анализ пользы/вреда от внешней трудовой миграции из стран СНГ а также из других российских регионов;
- выявление мнений населения о требованиях, которые необходимо предъявлять внешним трудовым мигрантам;
- исследование современного состояния миграционных процессов и выявление тенденции его динамики;
- разработка эконометрических моделей демографических процессов в Волгоградской области в краткосрочном периоде на основе аналитического метода.

Объект исследования:

- население Волгоградской области;
- граждане, приезжающие работать и жить в Волгоградской области;
- миграционные процессы Волгоградской области.

Предмет исследования:

- мнение населения Волгоградской области о мигрантах;
- экономико-математические методы исследования демографических процессов в Волгоградской области.

Мониторинг мнения респондентов Волгоградского региона о влиянии миграционных потоков на социально-управленческую ситуацию проведен независимыми исследователями под руководством доцента кафедры математических методов и информатики в экономике ВолГУ, кандидата экономических наук Лихоманова Олега Владимировича.

Проблема исследования: нелегальная миграция – довольно устойчивое современное российское явление, оказывающее влияние на социально-экономические процессы в обществе. Не является исключением и Волгоградская область, принимающая: трудовых мигрантов, мигрантов, приезжающих на ПМЖ; мигрантов, приезжающих учиться и иногда остающихся работать и жить; иностранных специалистов, необходимых для ряда предприятий региона.

Определенное количество мигрантов из-за рубежа по разным причинам оказывается в теневом секторе экономики (без выплаты налогов государству). Неуправляемость этого процесса может негативно сказываться на рынке труда, приводить к массовым нарушениям прав мигрантов.

По оценке, численность постоянного населения области по состоянию на 1 января 2013 г. составила 2583,0 тыс. человек [4, с. 139]. Однако начиная с 1991 г. наблюдается неблагоприятная ситуация с развитием процессов естественного воспроизводства: естественный прирост сменился естественной убылью. Характерной чертой демографической ситуации на настоящий момент является низкая рождаемость и высокая смертность. Число детей и трудоспособного населения уменьшается наряду с одновременным ростом пенсионеров и особенно инвалидов. В такой ситуации особое значение приобретает миграция населения.

Ежегодно на территории области находится около 25 тыс. мигрантов. Тем не менее, если до 1995 г. миграционный прирост полностью компенсировал потери населения, вызванные естественной убылью, то с 1996 г. заметно сократившийся миграционный прирост больше не выполнял этой роли, численность населения области стала сокращаться. Эта тенденция продолжает усиливаться и в настоящее время [4, с. 140]. В целом демографическая ситуация в Волгоградской области неблагоприятная – наблюдается естественная убыль населения. Отток молодежи в областной центр, а также в другие регионы, с одной стороны, и рост миграционных потоков из республик Кавказа и Средней Азии, с другой стороны, приводят к замещению коренного населения области.

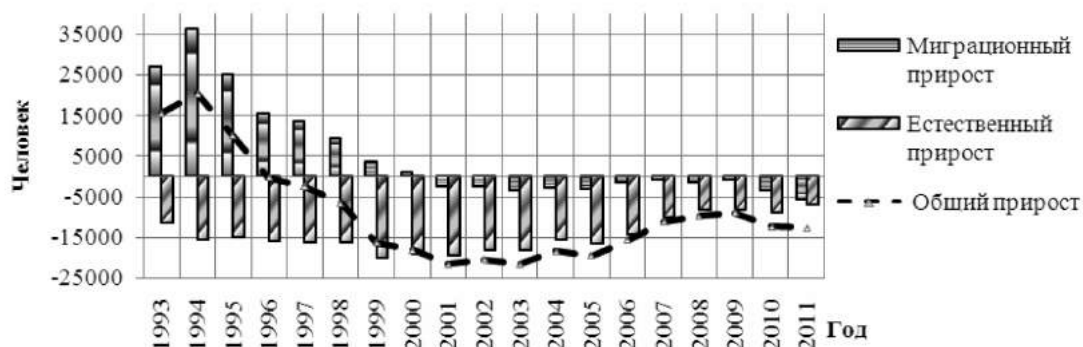

Рис. 1. Динамика прироста (убыли) численности населения в Волгоградской области.
Составлено по: [2].

Волгоградская область была и остается миграционно привлекательным субъектом РФ, особенно для граждан государств-участников СНГ, в силу своего выгодного географического положения, стабильности социально-экономического состояния, наличия земельных ресурсов, схожести климатических условий и культуры земледелия. Если в 90– годах 20 века миграция в Волгоградскую область носила преимущественно вынужденный характер (мы принимали беженцев и вынужденных переселенцев), то в настоящее время, безусловно, преобладает трудовая миграция.

Статистические данные, характеризующие динамику въезда, выезда и пребывания иностранных граждан (далее ИГ) и лиц без гражданства (далее ЛБГ) на территории Волгоградской области в сопоставимых периодах 2011 и 2010 гг., свидетельствуют о стабильном характере миграционных процессов в регионе. Так за 11 месяцев 2011 года в Управлении поставлено на миграционный учет 95 680 ИГ и ЛБГ, из них 20 362 человека прибыли в Волгоградскую область с целью осуществления трудовой деятельности, и в основном это граждане Узбекистана и Таджикистана. [2]

Реформирование миграционного законодательства в части упрощения регистрации (миграционный учет) иностранных граждан, порядка оформления и получения разрешений на работу принесло положительный эффект. Так, к примеру, в 2005 году иностранным гражданам было оформлено 4 081 разрешений на работу, в 2006 году – 4 169, в 2010 – 17 327, а в 2011 году – 18 030. [2]

Кроме того, до 1 июля 2010 года вне правового поля оставались иностранные граждане, которые осуществляли трудовую деятельность у граждан Российской Федерации для их личных нужд (домохозяйки, дачные работники). Таким образом, иностранные граждане не имели возможности для легализации своей трудовой деятельности.

По итогам 2011 года к 18 030 иностранным гражданам, имеющим разрешения на работу добавилось 11 033 иностранных гражданина, которым были оформлены патенты (с 1 июля 2010 года в миграционном законодательстве появилось понятие «патентников») [1, с. 39].

В рамках исследования была разработана основная формализованная анкета для опроса населения Волгоградской области.

Всего в опросе населения приняло участие 820 человек. Данная выборочная совокупность отражает реально существующее распределение населения Волгоградской области по полу – 47 % мужчин и 53 % женщин. По возрастным квотам мы в большей степени ориентировались на молодежь – до 30 лет, поскольку согласно социологическим исследованиям и мнениям экспертов наиболее часто конфликты с иностранцами происходят именно в молодежной среде и нам важно было проследить настроения именно в этой части населения. Именно поэтому молодежь составляет больший процент в нашей выборочной совокупности:

Таблица 1

Выборка для опроса населения в Волгоградской области

Возраст	мужчины	женщины	всего
до 20 лет	95	132	227
21–30	108	76	184
31–40	58	76	134
41–50	71	72	143
51–60	30	42	72
более 60	25	35	60
всего	387	433	820

*Данные исследования, проведенного независимыми исследователями под руководством доц. каф. ММИЭ ВолГУ, канд. эконом. наук Лихоманова О.В.

639 опрошенных респондентов проживает в городах Волгоградского региона и 181 человек – в сельской местности.

По социальному положению 32,9 % – студенты, 14,5 % заняты в сфере услуг (ЖКХ, продавец, водитель), 14,1 % заняты в производственной сфере (на стройке, заводе), 11,8 % заняты в сфере образования, 10,5 % – пенсионеры, 7,1 % заняты в сфере здравоохранения, 6,8 % респондентов не работают и 2,3 % – школьники.

Таблица 2

Социальное положение респондентов

Ваше социальное положение?	Абс. числ.	%
1. Школьник	19	2,3
2. Студент	269	32,9
3. Занят в производственной сфере(на стройке, заводе)	116	14,1
4. Занят в сфере услуг (ЖКХ, продавец, водитель)	119	14,5
5. Занят в сфере образования	97	11,8
6. Занят в сфере здравоохранения	58	7,1
7. Пенсионер	86	10,5
8. Не работаю	56	6,8

*Данные исследования, проведенного независимыми исследователями под руководством доц. каф. ММИЭ ВолГУ, канд. эконом. наук Лихоманова О.В.

По принадлежности к исповедуемой культуре 86,1 % респондентов являются представителями христианской культуры, 9,3 % – исламской, 4,6 % респондентов не дали ответа на данный вопрос.

Таким образом, в целом наша выборочная совокупность отражает основные характеристики населения Волгоградской области, при этом квота по молодежи целенаправленно была нами увеличена.

Выбранные нами для количественного опроса представители населения Волгоградской области, конечно же, не являются экспертами по теме трудовой миграции и миграции вообще. Однако их

мнение знать необходимо, поскольку сформировавшиеся среди населения мнения, установки, отношения, стереотипы, суеверия могут влиять/и влияют на принимаемые политические решения, на стабильность социально-экономической ситуации в регионе.

Согласно полученным данным, 41,1 % опрошенных признает, что пользы и вреда от внешней трудовой миграции из стран СНГ поровну, причем как мужчины, так и женщины единогласны в этом вопросе – они дали практически одинаковый результат. По мнению 28,4 % населения Волгоградской области от внешней трудовой миграции больше вреда, причем как мужчины, так и женщины единогласны в этом вопросе. Только 10 % опрошенных считают, что внешняя трудовая миграция из стран СНГ приносит больше пользы, чем вреда. 20,5 % населения затруднились ответить на этот вопрос.

Таблица 3

Мнение населения о пользе/вреде внешней трудовой миграции из стран СНГ

Что больше от внешней трудовой миграции из стран СНГ, пользы или вреда?	всего	М	Ж	% от общего количества мужчин	% от общего количества женщин
1. пользы	82	44	38	11,4	8,8
2. поровну	337	151	186	39,0	43,0
3. вреда	233	121	112	31,3	25,9
4. затрудняюсь ответить	168	71	97	18,3	22,4

*Данные исследования, проведенного независимыми исследователями под руководством доц. каф. ММИЭ ВолГУ, канд. эконом. наук Лихоманова О.В.

В отношении к внешней трудовой миграции из других российских регионов ответы населения Волгоградской области распределились следующим образом. 47,0 % опрошенных признает, что пользы и вреда от внешней трудовой миграции из стран СНГ поровну, причем как мужчины, так и женщины единогласны в этом вопросе – они дали практически одинаковый результат. По мнению 19,4 % населения Волгоградской области от внешней трудовой миграции больше вреда, причем как мужчины, так и женщины единогласны в этом вопросе. Только 15,0 % опрошенных считают, что внешняя трудовая миграция из стран СНГ приносит больше пользы, чем вреда. 18,7 % населения затруднились ответить на этот вопрос.

Таблица 4

Мнение населения о пользе/вреде внешней трудовой миграции из других российских регионов

Что больше от внешней трудовой миграции из других российских регионов, пользы или вреда?	всего	М	Ж	% от общего количества мужчин	% от общего количества женщин
1. пользы	123	70	53	18,1	12,2
2. поровну	385	179	206	46,3	47,6
3. вреда	159	76	83	19,6	19,2
4. затрудняюсь ответить	153	62	91	16,0	21,0

*Данные исследования, проведенного независимыми исследователями под руководством доц. каф. ММИЭ ВолГУ, канд. эконом. наук Лихоманова О.В.

В целом, в нашем обществе назрела необходимость существенного переосмысления национальной политики на современном уровне для использования культурного многообразия на благо развития общества.

Учитывая демографическую ситуацию в Волгоградской области, можно утверждать, что миграционные процессы являются фактором, формирующим численность и качественный состав населения области.

Исследование временного ряда, образованного численностью прибывшего населения на конец года с 1993 по 2009 год и расчеты параметров трендов разной формы (линейного, полиномиального, экспоненциального, степенного, гиперболического, логистического, тренда Гомперца), осуществляемые в системе Statistica 6.0 дают нижеследующие результаты. Лучшей формой тренда является тренд Гомперца, который описывается уравнением, где y – численность прибывшего населения, t – временной параметр).

Данный вид модели не сводится к линейному виду, и его параметры определяются численными методами. Более точную оценку параметров данного тренда дает Hooke-Jeeves and quasi-Newton method, т.к. имеет небольшое значение функции потерь (Final loss, что соответствует стандартному методу наименьших квадратов) по сравнению с другими методами, $0 < r < 1$. Коэффициент детерминации $R^2 \approx 98\%$, что говорит о высоком качестве модели.

С помощью Excel вычислим среднюю ошибку аппроксимации. Формула:

$$\bar{A} = \frac{1}{n} \cdot \sum_{i=1}^n \frac{|e_i|}{y_i} \cdot 100\%$$

где e – остаток. Считается, что ошибка меньше 8% свидетельствует о хорошем качестве модели. В данном случае. Следовательно, у модели хорошее качество.

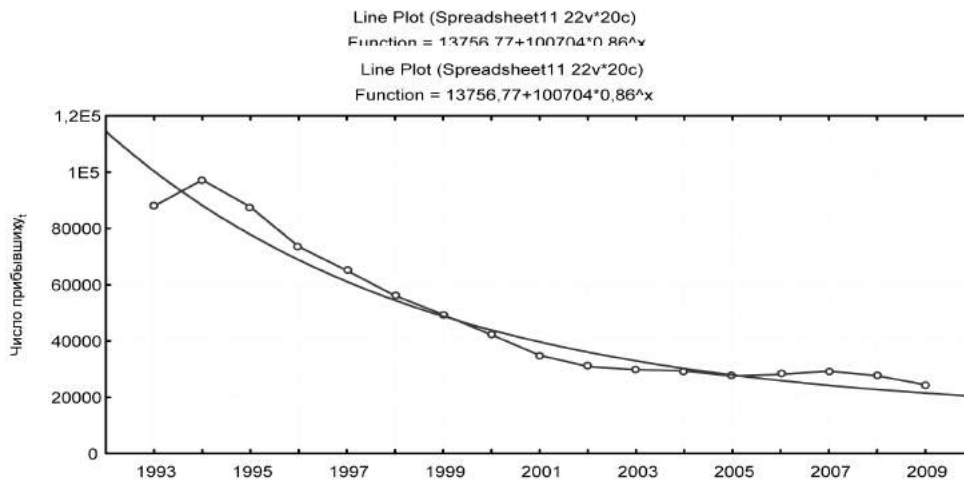

Рис. 2. Динамика числа прибывших в Волгоградскую область и тренд Гомперца, описывающий данный процесс. Составлено по: [4]

Выполнив по данной форме тренда точечный прогноз изменения численности прибывшего населения в Волгоградской области до 2015 года, можно наблюдать следующую картину (таблица 5).

Аналогичные действия, направленные на временной ряд, образованный численностью выбывшего населения на конец года с 1993 по 2009 год и расчеты параметров трендов разной формы дают следующие результаты. Лучшей формой модели также является тренд Гомперца, который описывается уравнением (y – численность прибывшего населения, t – временной параметр).

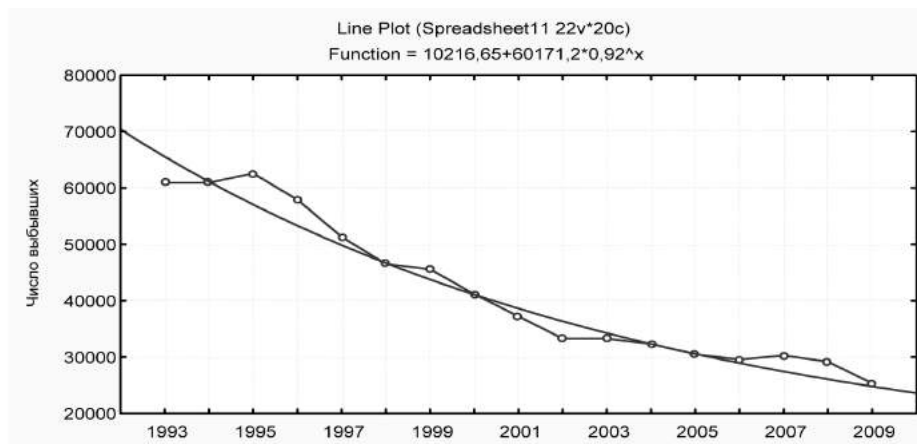

Рис. 3. Динамика числа выбывших из Волгоградской области и тренд Гомперца, описывающий данный процесс. Составлено по: [4]

Выполнив по данной форме тренда точечный прогноз изменения численности выбывшего населения в Волгоградской области до 2014 года, можно наблюдать следующую картину (таблица 5).

Таблица 5

Изменение численности прибывшего и выбывшего населения в Волгоградскую область в 1993–2014 гг

Год	1	2	3	4	Год	1	2	3	4
1993	87 932	60 933	23 699	17 191	2004	29 406	32 320	-2 914	-1 855
1994	97 256	60 929	36 327	23 131	2005	27 545	30 515	-2 970	-1 891
1995	87 632	62 564	25 068	15 962	2006	28 119	29 568	-1 449	-923
1996	73 507	57 935	15 572	9 915	2007	29 276	30 286	-1 010	-643
1997	65 041	51 343	13 698	8 722	2008	27 698	29 168	-1 470	-936
1998	56 123	46 543	9 580	6 100	2009	24 447	25 330	-883	-562
1999	49 390	45 611	3 779	2 406	Прогноз				
2000	42 236	41 197	1 039	662	2010	21 041	23 631	-2 590	-1 649
2001	34 876	37 210	-2 334	-1 486	2011	20 052	22 558	-2 506	-1 595
2002	30 961	33 279	-2 318	-1 476	2012	19 198	21 571	-2 373	-1 511
2003	29 804	33 299	-3 495	-2 225	2013	18 459	20 662	-2 203	-1 403
					2014	17 821	19 827	-2 006	-1 278

Примечание: 1 – Число прибывших человек, 2 – Число выбывших человек, 3 – Миграционный прирост, 4 – Доля трудоспособного населения, приходящаяся на миграционный прирост.

Составлено по: [4]

Отчетливо видно, что в последующие года наблюдается отрицательный миграционный прирост. В среднем доля трудоспособного населения в миграционном приросте 64 %.

Основные результаты, полученные в работе:

- оценка мнения населения Волгоградской области к трудовым мигрантам и мониторинге социального развития региона;

- с помощью эконометрического моделирования и многомерных статистических методов построены экономико-математические модели и прогноз учета миграционных процессов населения для Волгоградской области;

Практическая значимость – результаты работы могут быть использованы Администрацией региона при принятии управленческих решений в целях повышения качества жизни населения Волгоградской области.

Оценка перспектив миграционного движения в Волгоградской области говорит о следующих последствиях для области:

- рост нагрузки на рынок труда и жилья, а также на социально-бытовую сферу области;
- рост стоимости жилья;
- рост преступности;
- разрушение сложившегося уклада местной жизни;
- агрессивное поведение в отношении местного населения;
- рост цен на продукты и товары первой необходимости;
- снижение доступности социальных услуг. [3]

Юг России исторически является самым многонациональным регионом России. Для преодоления этих негативных явлений нужна комплексная политика интеграции и адаптации мигрантов, причем такая работа должна осуществляться уже сегодня.

Миграция – это не проблема, которую нужно решать, это процесс, которым нужно управлять. А для России миграция – это не просто процесс, а ресурс, без умелого использования которого может оказаться под вопросом и демографическое и экономическое развитие страны.

Примечание

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 13–32–01005 «Прогнозирование миграционных процессов и социально-экономических последствий вступления в ВТО для регионов Нижнего Поволжья (Волгоградской и Астраханской областей)».

Список использованной литературы

1. Миграционные процессы на юге России: проблемы адаптации мигрантов: материалы региональной научно-практической видеоконференции, посвященной Международному дню мигранта (17.11.2011 г.) / Ставрополь – Астрахань – Волгоград, 2011. 74 с.
2. Новости и события УФМС по Волгоградской области от 2 июля 2012 г. / Официальный сайт Управления федеральной миграционной службы по Волгоградской области. [Электронный ресурс] – URL: http://www.fms.gov.ru/press/news/news_detail.php?ID=53122. Дата обращения: 01.10.2013.
3. О стратегии социально-экономического развития Волгоградской области до 2025 года: Закон Волгоградской области (Приложение) от 21 ноября 2008 года. № 1778-ОД.
4. Сайт Федеральной службы государственной статистики. [Электронный ресурс] URL: <http://www.gks.ru>. Дата обращения: 01.10.2013.
5. Социально-экономическое положение Волгоградской области в январе 2013 года: доклад / Терр. орган Фед. службы гос. статистики по Волгоград. обл. Волгоград: Волгоградстат, 2013. 176 с.

Транспортные проблемы в современных городах: социальный аспект

Паневчик Г.А.

*Петрозаводский государственный университет
г. Петрозаводск*

Городской транспорт стал неотъемлемой частью современного общества. Он влияет не только на экономическое, но и на архитектурное, экологическое, историко-культурное, рекреационное и социально-бытовое развитие города в целом. В настоящее время данная тема является актуальной для изучения ввиду столкновения многих стран мира с транспортными проблемами, в результате которых наблюдается ухудшение в различных сферах городской жизни. Транспорт выполняет важные функции, напоминающие функции «кровообращения» в живом организме. С работой транспорта прямо связаны темпы экономического развития страны, рост благосостояния и жизненного уровня населения, повышение культуры общества, улучшение его здоровья и укрепление социального оптимизма¹. Несмотря на всю свою важность, транспорт ни в коем случае не должен доминировать над прочими сферами городской жизни. Опыт показывает, что транспортная система может не только стимулировать развитие города, но и разрушать его базовые качества, такие как устойчивость функционирования и удобство для жизни. Этому есть немало подтверждений на примере решений транспортных проблем зарубежных городов, где в свое время уровень автомобилизации достиг критической точки. К примеру, российские города столкнулись с этой проблемой относительно недавно, и находятся в процессе разрешения данной проблемы. Планы развития российских городов были ориентированы на увеличение городского автомобильного парка до 120–180 автомобилей на 1000 жителей². Сейчас же уровень автомобилизации превысил данный показатель более чем в 2 раза. Вукан Вучик, специалист по урбанистике, описывает сложившуюся ситуацию так: «...крупнейшие российские города проходят сегодня рубеж автомобилизации порядка 300–400 автомобилей на 1000 жителей. Этот рубеж американские города прошли в конце 1920-х годов, западноевропейские – в середине 1960-х. Расчеты и международный опыт показывают, что эта отметка – критическая: автомобили уже освоились в городе, и теперь городу необходимо неотложным образом приспособить не только свою планировку и стандарты застройки к автомобилям, но и (одновременно) стандарты использования автомобилей к требованиям комфортной городской среды»³.

Проблемная ситуация заключается в противоречии между потребностью в функциональной и эффективной городской среде и снижением качества городского пространства ввиду неограниченного использования транспорта.

¹ Сафронов Э.А. Транспортные системы городов и регионов: Учебное пособие. Москва: ФСВ, 2005. С. 11.

² Лобанов Е.М. Транспортная планировка городов: Учебник для студентов вузов. Москва: Транспорт, 1990. С. 3.

³ Вучик В. Транспорт в городах, удобных для жизни. - Москва: Территория будущего, 2011. С.7.

Одной из главных проблем городов является несоответствие транспортных систем реальному количеству автомобилей. В буквальном смысле город перенасыщен транспортными средствами. Сегодня из 3,5 миллионов московских автомобилей законные места для резидентной парковки имеют в лучшем случае 800 тысяч, между тем все транспортные средства можно где-то и как-то пристроить «на ночлег» без особых неудобств для владельца.⁴ В результате, любое пространство, удовлетворяющее запросам автовладельца, который не успел вовремя занять парковочное место, превращается в «нелегальную» стоянку. Этими стоянками становятся детские площадки, тротуары, зеленая зона и т. д. Наблюдается явная дисфункция городского пространства. Такая дисфункция может порождаться и другими способами: на месте прежнего малоэтажного здания, с адаптированной под него инфраструктурой, строится новое, к примеру, сорока или пятидесяти этажное здание, а инфраструктура остается неизменной. Так же припаркованные автомобили отнимают городское пространство у своих едущих собратьев и заодно у пешеходов, и наземного общественного транспорта. Лучшую иллюстрацию к этому тезису можно наблюдать на дневной парковке в «Москва-Сити». Автомобили стоят вплотную друг к другу без каких-либо сквозных проездов; за стеклом каждого из них имеется листок с номером телефона; для выезда требуется позвонить тем трем-четырем товарищам по несчастью, которые выпустят тебя на волю⁵. И это уже следующая проблема – проблема парковок. В принципе, решение проблемы парковок, на первый взгляд, довольно таки простое: не хватает мест – значит надо построить еще. В Западной Европе до 70-х годов транспортники и урбанисты полагали, что необходимо увеличить количество парковочных мест: это поможет освобождению улиц от стоящих автомобилей. Муниципалитеты строили паркинги за счет городского бюджета, требовали от бизнеса, чтобы парковочные места закладывались в максимальных количествах в проекты новостроек. В середине 1970-х годов произошел «перелом»: удобные и доступные паркинги – это сигнал для горожанина приезжать в центр на автомобиле. Ситуация вернулась к изначальному положению, только теперь с еще более приученными к поездкам на машине автовладельцами. Возникает следующая проблема: как приучить людей пользоваться общественным транспортом? К тому же, институт общественного транспорта на данный момент находится в состоянии «паралича». Маршрутный автобус, вынужденный двигаться в плотном транспортном потоке и, соответственно, стоять вместе с ним в заторах, во-первых, не может стать экономически эффективным даже при достаточно высоких тарифах, во-вторых, никогда не станет привлекательной альтернативой для автовладельца.⁶ Ввиду интенсивного роста автомобилизации и снижения популярности общественного транспорта, предлагалось даже демонтировать трамвайные пути, чтобы повысить пропускную способность транспортной сети. Низкая пропускная способность, постоянные заторы и пробки – еще одна из главных проблем. Одним из способов решения проблем низкой пропускной способности, постоянных пробок и заторов стало расширение улиц и сооружение фривеев (скоростных автомобильных магистралей), которые обеспечивают быстрое перемещение из одного конца города в другой. В итоге, проблемы все равно не были разрешены, а только усугубились. Фривэи заметно снизили привлекательность городской среды. Многие магазины в городских центрах обанкротились. Деловая, коммерческая и жилая застройки стали перемещаться в отдаленные пригородные районы, спроектированные с установкой на тотальную зависимость от автомобильных поездок. Все эти процессы приводили к еще более частым и тяжелым заторам. Детальные исследования условий движения в городах США показывали, что самые тяжелые заторы наблюдались в Хьюстоне, Детройте и Лос-Анджелесе, то есть как раз там, где были построены наиболее мощные сети фривеев. Кроме того, города с гипертрофированным развитием таких сетей, к примеру Детройт, Феникс и Индианаполис, понесли наибольший ущерб от упомянутого выше столкновения городов и автомобилей. Здесь снизилось качество городской среды в целом, обострился целый ряд экономических, экологических и социальных проблем.⁷

В результате, любые проблемы и неудобства, с которыми население и бизнес сталкиваются в городах, вызывают миграцию людей и компаний в отдаленные от центра районы.⁸ В центре остаются только те слои населения, которые не могут себе позволить переезд в периферийную часть город-

⁴ Вучик В. Транспорт в городах, удобных для жизни. - Москва: Территория будущего, 2011. С. 6.

⁵ Там же. С. 7.

⁶ Там же С. 25.

⁷ Там же. С. 26.

⁸ Там же. С. 60.

ского пространства, и как следствие происходит децентрализация. Центр утрачивает свою привлекательность и становится опухолью на здоровом теле города. Обостряется социальная напряженность, возрастает уровень преступности, наркомании, вандализма. Уровень бедности в центре оказывается ниже официально установленного.

Из всего вышеизложенного, можно сделать вывод, что влияние транспорта на городское пространство все больше носит отрицательный характер, нежели положительный. Изначально городской транспорт повышал мобильность населения, темпы экономического развития и роста городов, влиял на улучшение уровня жизни населения и т. д., сейчас же транспорт утрачивает эти преимущества.

Основываясь на опыте стран, уже столкнувшихся с данной проблемой, необходимо говорить о принятии мер, ограничивающих использование автомобиля в городской среде, и активном развитии общественного транспорта, а не построении паркингов, фрисеев и прочих сооружений, которые дают кратковременный результат. Только так городское пространство сможет сохранить свою функциональность и эффективность.

Список использованной литературы

1. В. Вучик Транспорт в городах, удобных для жизни / В. Вучик; [под ред. М. Блинкин]. Москва: Территория будущего, 2011. 576 с.
2. Лобанов Е. М. Транспортная планировка городов / Е. М. Лобанов. Москва: Транспорт, 1990. 240 с.
3. Сафронов Э. А. Транспортные системы городов и регионов / Э. А. Сафронов. Москва: ФСВ, 2005. 272 с.
4. Трубина Е.Г. Город в теории: опыты осмысления пространства / Елена Трубина. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 520 с.

Жилищная проблема как миграционный фактор

*к.э.н. Тимаков И.В.
Институт экономики КарНЦ РАН
г. Петрозаводск*

Миграция представляет собой пространственное движение населения, изменение его территориального распределения, т. е. географии¹. Перемещение населения из одного населённого пункта в другой непосредственно сопряжено с постоянной или временной сменой жительства. Сегодня статистика перемещения населения на постоянное место жительства или на длительные сроки сопряжена с качеством учёта подобного рода мигрантов и оставляет желать лучшего. Поэтому в нашем исследовании мы большее внимание уделяем проблеме настроений и миграционных стратегий населения.

Советская структура расселения ставила целью обеспечение вновь организуемых производств рабочей силой, что формировало профиль поселения и ведомственную зависимость его финансирования и функционирования. Осуществлялись различные организационные наборы под рабочие места вновь создаваемых предприятий-гигантов, что было сопряжено со строительством рядом расположенных поселений – моногородов.

В результате последствий постсоветской деиндустриализации безработица в таких городах растёт и сокращается финансирование поселенческой инфраструктуры. Усиливаются процессы переселения людей в крупные города и региональные центры, где за счёт развития сферы услуг и концентрации региональных бюджетных потоков формируются новые рабочие места и повышается уровень жизни. Итогом продолжающегося оттока населения становится самоликвидация некоторых поселений. По переписи 2010 г. из 776 сельских населённых пунктов Республики Карелия, 14 % остаются без населения.

Республика Карелия (РК) характеризуется сокращением населения в результате, как естественных причин, так и значительного механического оттока. Таким образом, актуальными являются вопросы, связанные с выездной миграцией. Интенсифицируются центростремительные процессы урбанизации, сосредоточения населения и экономической жизни в крупных и крупнейших городах РФ

¹ Рыбаковский Л.Л. Миграция населения (вопросы теории) М:2003 Режим доступа: <http://rybakovsky.ru/migracia2b.html>

(73,7 % по РФ, 78 % по РК – городское население 2010 г.). При этом не обеспечивается равноценный доступ жителей различных городов к экономической и социальной инфраструктуре и преимуществам благоустройства, что обостряет вопросы социального неравенства.

Усиление территориального неравенства по уровню жизни (зарплаты, жилищной обеспеченности) является объективными предпосылками нарастания миграционных процессов. В условиях европейского соседства изменяются субъективные представления населения о стандартах качества жизни, качества жилой среды, представления о мобильности. Стремление людей к более полному удовлетворению своих потребностей в пределах сформировавшихся представлений и побуждает людей к миграции. В этом контексте возникающая «потребность в миграции – вторичная, производная от первичных потребностей»². Таким образом, миграция – механизм урбанизации, потребность в которой возникает в результате неудовлетворённости первичных потребностей в условиях поселений.

Гипотеза исследования – ключевым фактором смены места жительства является неудовлетворённость жилищных потребностей местного населения.

Исследование проводилось на основе социологического анализа факторов миграционного процесса. В качестве объекта исследования в 2012 году были выбраны муниципальные образования Республики Карелия: Петрозаводск, Сортавала и Медвежьегорск. Выборка составила 508 домохозяйств.*

Характеристика объектов. Петрозаводск – региональный центр, крупный город, где проживает 42 % населения РК. Сортавала – приграничное поселение на Ю-З РК, на территории Северного Приладожья, недалеко от границы с Финляндией и городом Санкт-Петербург, второй после Петрозаводска региональный туристический центр, экономически развит сектор услуг. Медвежьегорск – центральная часть РК, 152 км. севернее Петрозаводска, экономически депрессивная территория с продолжающимся оттоком населения.

Опрос выявлял миграционные настроения населения и их возможные стратегии по разрешению миграционных проблем. *Согласно результатам исследования миграционный потенциал среди домохозяйств РК составляет 25 %, при этом доля определившихся мигрантов не превышает 3–3,5 %* (Таблица 1). Несколько выше миграционные настроения в экономически слабом Медвежьегорском районе, где миграционные настроения демонстрируют 35 % домохозяйств. Наибольший отток населения в ближайшее время возможен в Сортавальском районе, где более 5 % домохозяйств твёрдо определилось в намерении сменить место жительства.

Таблица 1

Миграционные установки населения Республики Карелия (РК)

	РК совокупно	Петрозаводск	Медвежьегорск	Сортавала
	%	%	%	%
не намерен	54,1	65,1	42,9	29,1
думаю изменить, но нет никаких планов	22,6	18,0	32,7	26,6
твёрдо решил переехать	3,3	2,9	3,1	5,1
загрудн. ответить	20,0	14,0	21,4	39,2

Важное значение приобретает социальное положение потенциальных мигрантов. Необходимость средств для реализации миграционной стратегии подтверждается многими исследованиями межрегиональных миграций, в которых отмечается снижение мобильности по причине «ловушки бедности». Граждане не способны нести издержки смены места жительства и связанные с этим расходы. Поэтому «трезво» оценивая возможности переезда, наибольшие миграционные настроения присутствуют в более доходных социальных группах. *Социальное положение потенциальных мигрантов составляет в основной массе среднедоходные социальные группы, имеющие средства для покрытия издержек переезда* (Табл. 2).

² Хомра А.У. Режим доступа: <http://rybakovsky.ru/migracia2v.html>

* РГНФ «Влияние социально-трудовой мобильности населения на воспроизводство трудового потенциала в ресурсоориентированном приграничном регионе» (2011–2013 гг., № 11–32–00342а2, рук. Михель Е.А.)

Распределение доходов миграционно настроенных домохозяйств

Размер совокупного месячного денежного дохода семьи	Намерены ли вы изменить место жительства			
	не намерен	думаю изменить, но нет никаких планов	твёрдо решил переехать	затрудн. ответить
до 4000	0,0 %	1,0 %	0,0 %	0,0 %
4000–8000	0,4 %	0,0 %	6,7 %	1,1 %
8000–12000	1,6 %	2,9 %	0,0 %	2,2 %
12000–16000	3,7 %	4,9 %	0,0 %	3,3 %
16000–20000	9,0 %	8,8 %	6,7 %	11,0 %
20000–25000	10,6 %	11,8 %	20,0 %	11,0 %
25000–30000	11,8 %	18,6 %	26,7 %	22,0 %
30000–50000	38,4 %	33,3 %	20,0 %	36,3 %
более 50000	24,5 %	18,6 %	20,0 %	13,2 %

Среди оценок населения миграционных стратегий преобладают представленные в таблице 3 миграционные факторы. *На первом месте в РК респонденты выделяют улучшения жилищных условий как ключевой фактор смены места жительства, что подтверждает нашу гипотезу.* На втором месте фактор трудовых миграций. Несколько отличная ситуация наблюдается в Медвежьегорске, где на первое место выходит миграционная стратегия целью которой является образование детей.

В рассматриваемых миграционных стратегиях домохозяйств преобладают в основном первичные социально-экономические условия, сложившиеся на рынке жилья и рынке труда в местах проживания. Таким образом, миграционное поведение является результатом существующего социально-экономического неравенства регионов и городов РК и РФ.

Таблица 3

Структура миграционных факторов в оценках населения

	РК суммарно		Петрозаводск		Медвежьегорск		Сортавала	
	%	Rank	%	Rank	%	Rank	%	Rank
поиск лучшей работы	21,7 %	2	25,2 %	2	14,8 %	3	26,2 %	2
улучшение жилищных условий	26,1 %	1	26,2 %	1	17,3 %	2	42,9 %	1
образование детей	9,6 %	4	0,9 %	9	24,7 %	1	2,4 %	5
медицинские показания	1,3 %	9	0,9 %	9	2,5 %	7		
поиск возможностей для самореализации	12,6 %	3	15,0 %	3	14,8 %	3	2,4 %	5
возвращение на родину	2,2 %	7	3,7 %	7	1,2 %	8	0	
воссоединение семьи	1,7 %	8	0,9 %	9	3,7 %	6	0	
удачный миграционный опыт родственников и друзей	5,2 %	6	8,4 %	5	3,7 %	6	0	
поиск спокойного места жительства	5,7 %	5	4,7 %	6	7,4 %	5	4,8 %	4
устроить личную жизнь	12,6 %	3	12,1 %	4	8,6 %	4	21,4 %	3
другое	1,3 %	9	1,9 %	8	1,2 %	8	0	

Жилищные условия определяют существенную часть жизни домохозяйства и зависят от структуры формирования доходов и условий работы членов домохозяйства. Здесь имеют значение и условия транспортной доступности места работы, и условия для воспитания детей и финансовые возможности семьи по расширению жилой площади помещения.

Рассмотрим оценку миграционно настроенными домохозяйствами жилищных условий в городах Республики Карелия. *Среди миграционно настроенных домохозяйств, выделивших улучшение жилищных условий в качестве основного миграционного фактора, наибольшими проблемами являются нехватка площадей и износ жилого фонда.* В Медвежьегорском районе вперёд выходят проблемы коммунального обслуживания.

Сложившиеся условия неудовлетворённых жилищных потребностей миграционно настроенных домохозяйств

	РК суммарно		Петрозаводск		Медвежьегорск		Сортавала	
	%	Rank	%	Rank	%	Rank	%	Rank
не устраивают жилищ. усл. прожив. с сосед, родств. в одн. кв.	24,5 %	3	34,8 %	1	23,1 %	4	11,8 %	4
теснота	37,7 %	1	17,4 %	4	53,8 %	1	52,9 %	1
отсутствие коммунальных удобств	15,1 %	6	4,3 %	6	38,5 %	2	11,8 %	4
маленькая кухня	30,2 %	2	30,4 %	2	38,5 %	2	23,5 %	3
жилье требует капитального ремонта	24,5 %	3	21,7 %	3	30,8 %	3	23,5 %	3
плохое коммун. обслужив.	18,9 %	5	17,4 %	4	38,5 %	2	5,9 %	5
неудобная планировка	22,6 %	4	21,7 %	3	15,4 %	5	29,4 %	2
окружающая среда	5,7 %	8	8,7 %	5	0		5,9 %	5
другое	13,2 %	7	21,7 %	3	7,7 %	6	5,9 %	5

В качестве наиболее перспективных жилищных стратегий для миграционно определившихся домохозяйств выделяются стратегии купли жилья в месте вселения и обмена. При этом среди миграционно настроенных домохозяйств более 40 % не видят возможности решения жилищного вопроса в рамках миграционной стратегии, в то время как около 20 % собираются сделать обмен или провести сделку купли-продажи.

Таким образом, *решение жилищного вопроса в рамках миграционной стратегии это обмен или купля-продажа, что подтверждает необходимость наличия стартового капитала для участия в миграционном процессе и наличия доступного жилья в городах вселения.*

Жилищные стратегии миграционно настроенных домохозяйств

Как вы предполагаете решать жилищный вопрос	Намерены ли вы изменить место жительства			
	не намерен	думаю изменить, но нет никаких планов	твердо решил переехать	затрудн. ответить
собираю получить по очереди	1,8 %	0	0	1,6 %
собирает сделать обмен	17,1 %	18,9 %	23,1 %	9,5 %
рассчитываю получ. в наследство	4,5 %	6,8 %	7,7 %	3,2 %
собирает строить, перестраивать дом	10,8 %	5,4 %	15,4 %	4,8 %
рассчитываю на помощь предпр.	0,9 %	1,4 %	0,0 %	0
собирает купить жилье	27,9 %	20,3 %	38,5 %	23,8 %
собирает переехать в другое место где жилье дешевле	1,8 %	5,4 %	7,7 %	0
пока не видите возможн.	34,2 %	40,5 %	7,7 %	57,1 %
другое	0,9 %	1,4 %	0,0 %	0,0 %

Приобретение жилья на новом месте через обмен или покупку нового жилья предполагает выбор варианта финансирования сделки, среди которых возможны как кредитные схемы, так и использование собственных средств или жилья, предоставляемого работодателем. Последний вариант встречается достаточно редко. Проблема особенно актуальна в условиях миграционного притока в крупные города, где стоимость жилой недвижимости в разы превосходит её стоимость в районах и регионах. В сложившейся ситуации среди миграционно настроенных домохозяйств РК более 44 % рассчитывают на собственные средства (в Сортавальском районе более 60 %), в то же время около 30 % рассчитывают на те, или иные формы кредита. При этом кредитную стратегию реализуют единицы, особенно если необходимо изменение условий или рефинансирование кредита.

Таким образом, *распределение по финансовым стратегиям мигрирующих домохозяйств подтверждает необходимость наличия собственных средств и кредитной поддержки вселяющихся мигрантов на территориях въезда.*

Таблица 6

Стратегии финансирования своего переезда миграционно настроенными домохозяйствами

	РК суммарно		Петрозаводск		Медвежьегорск		Сортавала	
	%	Rank	%	Rank	%	Rank	%	Rank
Ипотечный кредит	28,9 %	2	45,5 %	1	20,0 %	3	7,7 %	5
Социальная (молодёжная) ипотека	15,6 %	5	9,1 %	5	0	0	38,5 %	2
Кредит на покупку жилья	22,2 %	3	22,7 %	3	10,0 %	4	30,8 %	3
Потребительский кредит	20,0 %	4	18,2 %	4	40,0 %	1	7,7 %	5
Взять в долг у частных лиц	11,1 %	6	18,2 %	4	0	0	7,7 %	5
Ссуда от работодателя	6,7 %	7	4,5 %	6	0	0	15,4 %	4
Собственные средства	44,4 %	1	40,9 %	2	30,0 %	2	61,5 %	1
Субсидии государства	11,1 %	6	9,1 %	5	20,0 %	3	7,7 %	5

Таким образом, по результатам нашего исследования миграционный потенциал составляет четверть от домохозяйств РК, которые рассматривают в качестве своего будущего миграционную стратегию. Но, при этом, доля определившихся в этом вопросе мигрантов не превышает 3–3,5 %. Социальное положение потенциальных мигрантов относится к среднедоходным социальным группам, имеющим средства для покрытия издержек переезда, обустройства на новом месте. Что исключает миграцию низкодоходных семей, для которых повышение мобильности способствовало бы решению вопросов трудоустройства, изменения социального статуса и повышения уровня жизни.

На первом месте в РК респонденты выделяют улучшения жилищных условий как ключевой фактор смены места жительства, что подтверждает нашу гипотезу. Миграция, как стратегия улучшения качества жизни, удовлетворяет потребность и в более качественном жилье с сопутствующей ему инфраструктурой. Среди миграционно настроенных домохозяйств, выделивших улучшение жилищных условий в качестве основного миграционного фактора, наибольшими проблемами являются нехватка площадей и износ жилого фонда. Решением жилищного вопроса в рамках миграционной стратегии являются обмен или купля-продажа, что подтверждает необходимость наличия стартового капитала для участия в миграционном процессе и наличия доступного жилья в городах вселения. Это одновременно и мотивирующий фактор в реализации миграционной стратегии и барьер для низкодоходных групп населения, для которых жильё является сопутствующим барьером входа на рынок труда региона и единственным способом решения жилищной проблемы становятся возможности рынка аренды. Таким образом, распределение по финансовым стратегиям мигрирующих домохозяйств подтверждает необходимость наличия собственных средств и кредитной поддержки вселяющихся мигрантов на территориях въезда.

Качество жизни обеспечивается возможностями и преимуществами инфраструктуры урбанизированной территории – доступного жилья, широкого рынка труда. Доступное жильё необходимо там, где есть шансы концентрации трудоспособного населения, что территориально совпадает с крупными и малыми городами РК. Для этого необходимо эффективное зонирование перспективных территорий, ориентированное на формирование зон доступного жилья с учётом потенциала миграционного притока, состоящих из жилых домов разного ценового уровня и сопутствующей коммерческой инфраструктуры.

Список использованной литературы

1. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения (вопросы теории) М:2003 Режим доступа: <http://rybakovsky.ru/migracia2b.html>.
2. Хомра А.У. Режим доступа: <http://rybakovsky.ru/migracia2v.html>.
3. РГНФ «Влияние социально-трудовой мобильности населения на воспроизводство трудового потенциала в ресурсоориентированном приграничном регионе» (2011–2013 гг., № 11-32-00342a2, рук. Михель Е.А.).

Трудоустройство молодых специалистов в контексте интеграционных процессов на рынке труда

*Федорова Е.А., Серова Л.М.
Центр бюджетного мониторинга
Петрозаводского государственного университета
г. Петрозаводск*

Актуальность показателей трудоустройства выпускников учреждений профессионального образования на федеральном уровне

На сегодняшний день многие эксперты в области изучения вопросов рынка труда и рынка образовательных услуг сходятся во мнении, что между отечественной системой образования и рынком труда существует дистанция в силу инертности института образования. Инертность института обусловлена предшествующим институциональным развитием образования¹ и заключается в том, что он не может оперативно реагировать на изменения, происходящие на рынке труда. Структурные изменения на рынке труда в современной России, в свою очередь, заключаются в изменении структуры занятости и требования со стороны работодателей междисциплинарной (более универсальной) подготовки работников. В связи с этим констатируется, что диспропорции в функционировании системы образования и рынка труда наблюдаются как в количественном, так и в качественном измерении.

Проблема высокого уровня безработицы постепенно решается, однако на первый план выходит проблема дефицита квалифицированных кадров с высоким (либо удовлетворяющим работодателя) качеством образования. Другими словами, работодателям сложно найти высококвалифицированного экономиста или юриста, которых система профессионального образования готовит достаточно. Либо отмечается дефицит кадров на рынке труда по рабочим профессиям. Наряду с этим со стороны соискателей работы выдвигаются требования к уровню заработной платы, перспективам карьерного роста и условиям труда.

В Советской России эти вопросы «снимались» за счет работы механизма государственного распределения молодых специалистов на рабочие места. С распадом данного механизма существенно изменяется характер экономической активности населения, и изменяются модели поведения на рынке труда. Требуется изучение различных аспектов работы молодых специалистов, в том числе по полученной специальности, существующих стратегий трудоустройства, факторов, оказывающих влияние на выбор работы и условий труда, а также выработка направлений и механизмов для максимального сближения системы образования и рынка труда, то есть выпускника и работодателя.

В связи с этим, в последние три года вопросам трудоустройства выпускников уделяется много внимания на федеральном уровне и в адрес системы профессионального образования были сформулированы поручения Президента Российской Федерации о необходимости фиксации показателей трудоустройства выпускников учреждений профессионального образования в течение 2–3 лет после выпуска (Перечень поручений Президента РФ Пр-1315 от 11 мая 2011 года, Пр-911 от 8 апреля 2011 года).

Целевые показатели трудоустройства выпускников зафиксированы в Государственной программе «Развития образования» на 2013–2020 годы. Согласно целевым показателям Государственной программы, к 2020 году удельный вес численности выпускников учреждений профессионального образования очной формы обучения, трудоустроившихся в течение одного года после окончания обучения по полученной специальности (профессии) от общей их численности должен составить 60 %².

¹ Вольчик В.В. Реформирование российской системы высшего образования: роль мифов и институтов // Проблемы развития системы образования. 2013. Том 11. № 2. 95 с.

² Государственная программа Российской Федерации «Развития образования» на 2013–2020 годы [Электронный ресурс] / Министерство образования и науки Российской Федерации. Электрон. дан. Министерство образования и науки Российской Федерации, 2011. URL: <http://минобрнауки.рф>. Загл. с экрана. Яз. рус. (Дата обращения: 20.05.2013).

Согласно Дорожной карте «Национальная система компетенций и квалификаций» Агентства стратегических инициатив, данный показатель к 2020 году должен составлять 70 %. Значения данных показателей означает, что почти каждый выпускник системы профессионального образования должен работать по специальности, так как остальная часть выпускников, как правило, распределяется по другим каналам занятости³.

Опрос выпускников учреждений профессионального образования в 2013 году.

В 2013 году в рамках ведомственного мониторинга трудоустройства выпускников Минобрнауки России проведен он-лайн опрос молодых специалистов из числа выпускников на федеральном web-портале «Система интерактивного мониторинга» по адресу: <http://симт.рф>. Научно-методическая и консультационная поддержка этой работы была поручена Петрозаводскому государственному университету.

Целью опроса является изучение трудоустройства и работы выпускников, в том числе по полученной специальности, а также факторов выбора рабочего места и условий труда⁴. Выборочную совокупность составляют молодые специалисты из числа выпускников учреждений высшего, среднего и начального профессионального образования дневной формы обучения 2010, 2011, 2012 годов выпуска. В каждом субъекте Российской Федерации требовалось опросить не менее 3 % выпускников дневной формы обучения 2010, 2011 и 2012 годов выпуска по 28 укрупненным группам специальностей.

В ходе мониторинга 2013 года объем выборки в опросе выпускников составил 85,0 тыс. выпускников.

В структуре выборочной совокупности выпускники 2010, 2011 и 2012 годов выпуска представлены в равной степени (33 %, 33 % и 34 % соответственно). В структуре опрошенных по уровню образования 28 % выпускников с ВПО, 38 % выпускников с СПО и 34 % выпускников с НПО.

Объем и структура выборочной совокупности являются достаточными и репрезентативными для оценки ситуации по Российской Федерации в целом.

Методология опроса выпускников учреждений профессионального образования

В основе методологического обоснования исследования данной проблематики лежат теоретические положения Нобелевских лауреатов по экономике 2010 года Питера Даймонда, Дэйла Мортенсена и Кристофера Писсаридеса «За исследования рынков с моделями поиска». С их точки зрения, на большинстве рынков покупатели и продавцы тех или иных товаров или услуг не сразу находят друг друга, не сразу соглашаются на предлагаемые условия. В данном контексте рынок труда является самым сложным объектом для анализа, по мнению авторов.

На примере рынка труда эта идея иллюстрируется следующим образом: «работники с более высокими навыками подходят для большего числа рабочих мест, однако они оказываются и более разборчивыми и могут не сразу согласиться на предложение фирмы, надеясь найти более высокооплачиваемую работу. Таким образом, причиной безработицы может стать сам процесс поиска новых рабочих мест, обусловленный неоднородностью как «качества» вакансий, так и квалификации работников»⁵.

Авторы к процессу поиска работы соискателем работы применяют термин «трение» по критерию заработной платы. Данное положение применительно и к системе «выпускник – работодатель».

Роль государства в данном процессе заключается в координации процесса поиска агентов на рынке труда. Данная теория обладает большим аналитическим потенциалом для объяснения процессов, происходящих на рынке труда выпускников.

Трудоустройство молодых специалистов, по результатам опроса выпускников

Показатели трудоустройства по специальности выпускников системы профессионального образования являются наиболее актуальными. Необходимо отметить, что данные показатели отсутствуют в формах государственной статотчетности.

³ Дорожная карта «Национальная система компетенций и квалификаций» [Электронный ресурс] / Агентство стратегических инициатив. Электрон. дан. Агентство стратегических инициатив, 2012–2013. URL.: <http://www.asi.ru/initiatives/npi/nskk/>. Загл. с экрана. Яз. рус. (Дата обращения: 22.06.2013).

⁴ Гуртов В.А., Серова Л.М., Федорова Е.А. Трудоустройство по специальности с позиции выпускника // Высшее образование в России. 2012. № 12. 23 с.

⁵ Дементьев А.В. Вклад Даймонда, Мортенсена и Писсаридеса в экономическую науку // Экономический журнал ВШЭ. 2011. Т. 15. С. 50.

На рисунке 1 представлены показатели трудоустройства по специальности выпускников по проведенному опросу 2013 года на основе самооценок опрошенных выпускников.

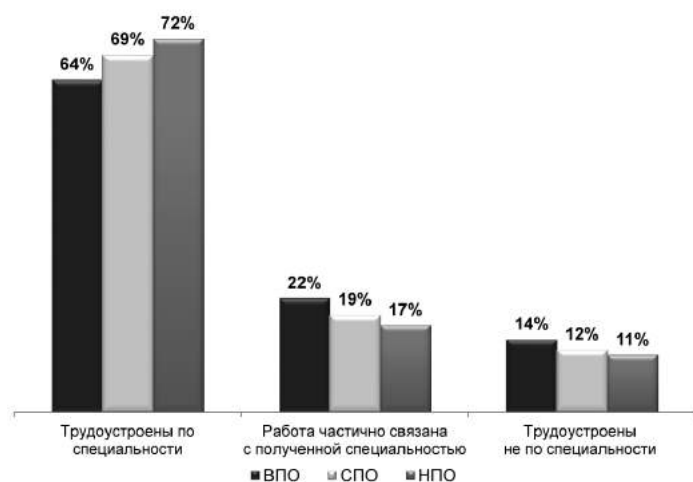

Рис. 1. Удельный вес выпускников учреждений профобразования, работающих по специальности, от числа трудоустроенных в 2013 году (по самооценке выпускников)

Согласно результатам опроса выпускников, порядка половины выпускников начали свою трудовую деятельность в годы учебы в учреждении профессионального образования (табл. 1). При этом среди выпускников с СПО и НПО больше тех, у кого работы во время обучения была связана с получаемой специальностью и почти четверть выпускников с ВПО работали не по специальности. Работа по специальности в годы учебы является одним из основных условий для трудоустройства по специальности в будущем.

Таблица 1

Распределение опрошенных выпускников по признаку работы во время обучения и связи этой работы с полученной специальностью/профессией в разрезе уровней профессионального образования (% к числу опрошенных)

Работали ли Вы во время обучения, и была ли связана Ваша работа с получаемой профессией?	ВПО	СПО	НПО	Всего
Удельный вес выпускников, работавших во время обучения, из них:				
Да	38	47	59	48
Скорее, да	25	25	23	25
Скорее, нет	13	11	7	10
Нет	23	17	11	17

Для достижения высоких показателей «трудоустройства по специальности» также важно на макроэкономическом уровне регулирование спроса и предложения рабочей силы на рынке труда, однако на сегодняшний день неизбежным следствием структурных сдвигов в современной экономике, особенно на рынке труда, ведущую роль приобретают переподготовка и повышение квалификации кадров, а также междисциплинарная подготовка специалистов системой образования и удовлетворительное качество подготовки для работодателя⁷.

⁶ Гуртов В.А. Трудоустройство выпускников // Служба занятости. 2012. № 1. 37 с.

⁷ Гимпельсон В., Капельюшников Р., Карабчук Т., Рыжикова З., Биляк Т. Выбор профессии: чему учились и где пригодилось? Препринт WP3/2009/03. М.: ГУ ВШЭ, 2009. 64 с

Отмечается, что качество подготовки выпускников является для работодателя одним из решающих критериев поиска и подбора специалиста на вакантное рабочее место, наряду с опытом работы и соответствием профиля подготовки характеру работы. В таблице 2 представлено распределение опрошенных выпускников по показателю соответствия полученного профессионального образования требованиям работодателя.

По мнению опрошенных выпускников системы ВПО, у 38 % из них полученное образование полностью соответствует требованиям работодателя. Среди выпускников с СПО и НПО такие показатели составляют 46 % и 49 % соответственно. С учетом ответивших о соответствии образования требованиям работодателя «да, во многом соответствует», порядка 90 % выпускников системы профессионального образования считают, что работодатели удовлетворены уровнем подготовки молодых специалистов. Отмечается, что 13 % опрошенных выпускников с ВПО ответили, что их образование не соответствует требованиям работодателя.

Таблица 2

Распределение опрошенных выпускников по показателю соответствия полученного профессионального образования требованиям работодателя в разрезе уровней профессионального образования по оценке выпускников (% от числа опрошенных)

Соответствует ли образование, которое Вы получали в учреждении профессионального образования, требованиям Вашего работодателя?	ВПО	СПО	НПО	Всего
Да, полностью соответствует	38	46	49	45
Да, во многом соответствует	49	46	46	47
Нет, во многом не соответствует	10	5	4	6
Нет, совершенно не соответствует	3	2	2	2
Всего	100	100	100	100

Таким образом, большинство выпускников оценивают, что образование, полученное в учреждении профессионального образования, во многом соответствует требованиям работодателя. В то же время, по результатам 40 % выпускников с ВПО отметили, что практика, которую они проходили во время учебы, никак не способствовала трудоустройству на предприятии/в организации, 38 % выпускников с ВПО получили во время практики рекомендации, которые помогли в дальнейшем трудоустройстве. При этом 44 % выпускников с НПО и 32 % выпускников с СПО трудоустроились на предприятие, на котором проходили практику.

Опрос показал, что большинство выпускников работают на малых предприятиях/организациях по критерию численности работников, то есть малое предприятие/организация, малый бизнес – это основной работодатель для молодого специалиста (рис. 2).

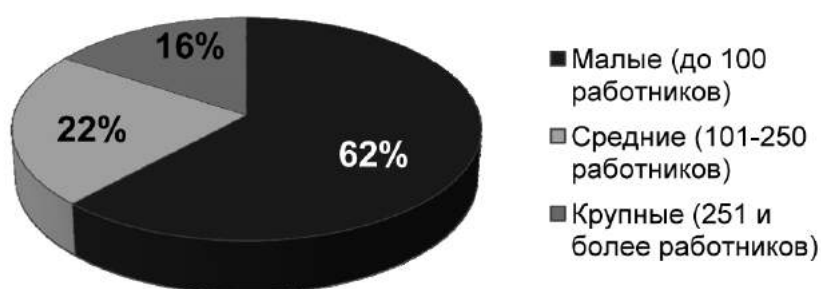

Рис. 2. Структура распределения трудоустроившихся выпускников вузов по численности работающих на предприятии, октябрь 2013 года (%)

При этом трудоустроенных по специальности больше в средних предприятиях/организациях – 73 %, в то время как в малых предприятиях/организациях – 68 %, в крупных – 66 %.

Наиболее важным условием трудоустройства являются те факторы, которыми молодые специалисты осознанно (либо неосознанно) руководствуются при поиске работы. Рейтинг факторов выбора рабочего места представлен на рисунке 3.

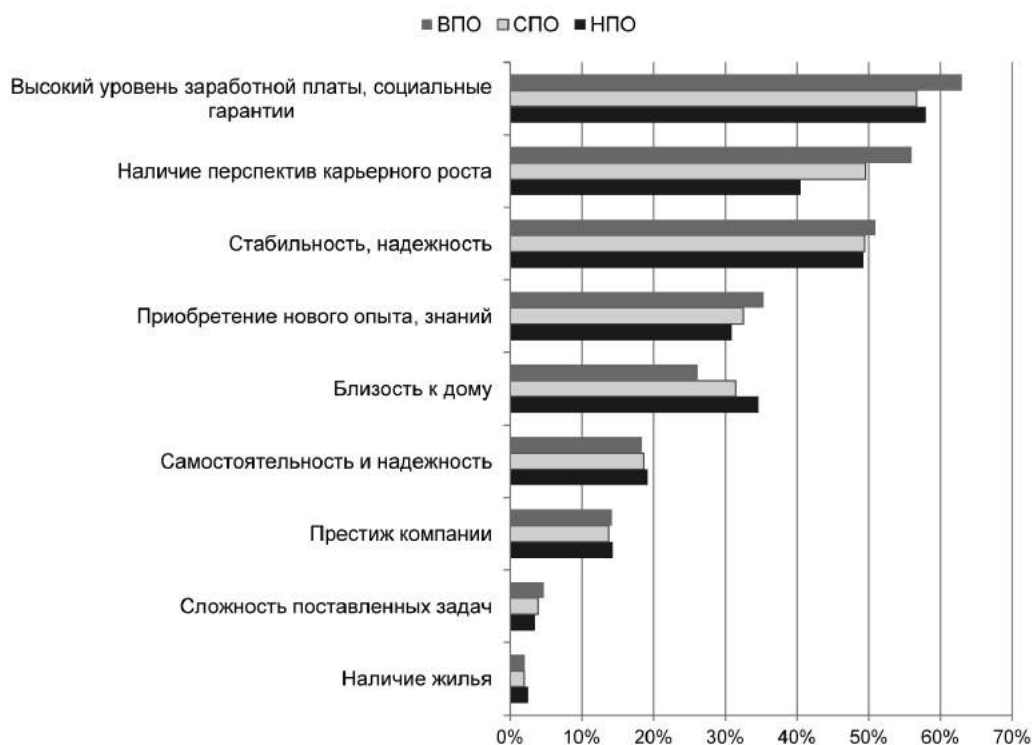

Рис. 3. Распределение опрошенных выпускников учреждений профессионального образования по степени значимости факторов выбора работы в разрезе уровней профессионального образования (относительный % от числа опрошенных; сортировка по ВПО)

Для всех выпускников решающую роль играют уровень заработной платы и стабильность работы. Для выпускников с ВПО также важны перспективы карьерного роста.

Данная информация служит подтверждением теории Нобелевских лауреатов по экономике 2010 года, что поиску работы служит синонимом слово «трение» в системе «выпускник – работодатель» по критерию заработной платы. Анализ данных показал, что 50 % работников малых предприятий получают заработную плату до 15 тыс. руб. (после вычета налогов). У работников крупных и средних предприятий заработная плата выше. При этом «основной работодатель» для молодого специалиста – это малый бизнес. В связи с этим можно предполагать активную мобильность выпускников после получения опыта с ориентацией на более высокую заработную плату.

Отметим, что, по данным опроса, ниже всего удовлетворенность заработной платой и перспективами карьерного роста – а это решающие критерии поиска работы. Данные показатели одинаковы, как для выпускников 2012 года, так и для выпускников 2010 года, которые уже имеют трехлетний опыт работы.

Исходя из предшествующего анализа выстраивается система элементов (целевых аудиторий), принимающих участие в процессе «трения» (или поиска работы/работника) в системе «выпускник-работодатель». Концептуально это отражено на схеме (рис. 4).

Задача интеграции института образования, выпускников и работодателей является исключительно важной на сегодняшний день в решении вопросов трудоустройства выпускников, в том числе по полученной специальности. Требуется определение тех направлений и механизмов, способных сблизить систему образования и рынок труда.

В первую очередь, сближение институтов возможно через повышение качества образования – учет требований работодателей к качеству образования через независимую экспертизу и корректировку образовательных программ. Во-вторых, через усовершенствование и развитие информационных потоков о ситуации на региональных рынках труда путем взаимодействия центров содействия трудоустройству выпускников (а также попечительских советов), различных форм участия работодателей в учебном процессе и выпускников. В связи с этим перспективным и эффективным направле-

нием взаимодействия всех участников учебного процесса является целевая контрактная подготовка «студент-учебное заведение-работодатель».

Рис. 4. Схема взаимодействия системы образования, выпускников и работодателей в содействии трудоустройству выпускников

В целом, признается важным и эффективным привлечение работодателей в учебный процесс. Эти способы взаимодействия формируются в рамках крупного направления – частного-государственного партнерства системы образования и работодателей.

Список использованной литературы

1. Вольчик В.В. Реформирование российской системы высшего образования: роль мифов и институтов // Проблемы развития системы образования. 2013. Том 11. № 2. С. 94–103.
2. Государственная программа Российской Федерации «Развития образования» на 2013 – 2020 годы [Электронный ресурс] / Министерство образования и науки Российской Федерации. Электрон.дан. Министерство образования и науки Российской Федерации, 2011. – URL: <http://минобрнауки.рф/> %D0 %B4 %D0 %BE %D0 %BA %D1 %83 %D0 %BC %D0 %B5 %D0 %BD %D1 %82 %D1 %8B/3409. Загл. с экрана. Яз.рус. (Дата обращения: 20.05.2013).
3. Гимпельсон В., Капелюшников Р., Карабчук Т., Рыжикова З., Биляк Т. Выбор профессии: чему учились и где пригодились? Препринт WP3/2009/03. М.: ГУ ВШЭ, 2009. 64 с.
4. Гуртов В.А., Серова Л.М., Федорова Е.А. Трудоустройство по специальности с позиции выпускника // Высшее образование в России. 2012. № 12. С. 22–28.
5. Гуртов В.А. Трудоустройство выпускников // Служба занятости. 2012. № 1. С. 36–37.
6. Гуртов В.А., Серова Л.М., Федорова Е.А. Трудоустройство выпускников: как обеспечить достоверность данных // Служба занятости. 2013. № 2. С. 72–77.
7. Дементьев А.В. Вклад Даймонда, Мортенсена и Писсаридеса в экономическую науку // Экономический журнал ВШЭ. 2011. Т.15. С. 50.
8. Дорожная карта «Национальная система компетенций и квалификаций» [Электронный ресурс] / Агентство стратегических инициатив. Электрон.дан. Агентство стратегических инициатив, 2012–2013. URL: <http://www.asi.ru/initiatives/npi/nskk/>. Загл. с экрана. Яз.рус. (Дата обращения: 22.06.2013).

**Сотрудничество финно-угорской молодёжи России и Европы.
Опыт Сыктывкарского университета**

*Кузнецова А.Ю.
Сыктывкарский государственный университет
г. Сыктывкар*

Общую численность финно-угорских народов оценивают в 25 миллионов человек. Из них венгров – около 14 миллионов, финнов – 5 миллионов, эстонцев – около 1 миллиона, каждый из остальных народов, проживающих на территории России, имеет численность менее миллиона человек. Являясь коренным населением на своих территориях, финно-угорские народы в большинстве своём не имели национальных государств. Только венгры, финны и эстонцы к настоящему времени создали свои независимые государства. 17 финно-угорских народов проживают в России, самые многочисленные из них образовали свои субъекты РФ [8].

В связи с процессами глобализации и, как следствие, начавшимся процессом размывания национальной культуры представители финно-угорских народов признали необходимость объединения в целях сохранения своего языка и культуры. Среди лидеров национального движения стало появляться понимание, что существующие проблемы самостоятельно не решить, необходимо опираться на опыт и поддержку всего финно-угорского мира.

Началась работа с научных финно-угорских конференций, исследований и политических инициатив в середине-конце 20 века. С 1990-х годов активизировались финно-угорские общественные организации. В целях объединения усилий финно-угорских демократических движений возникает идея организовать Всемирный Конгресс финно-угорских народов. В декабре 1992 г. состоялся первый такой конгресс. Всемирный конгресс финно-угорских народов является форумом этих народов, не зависящим от правительств и политических партий, ставящим задачу достижения статуса неправительственной организации ООН. Всемирный Конгресс поставил целью реализацию международных норм в области права народов на самоопределение, прав коренных народов, национальных меньшинств и прав человека [3]. Сейчас Всемирный Конгресс теряет свою значимость: один из последних Конгрессов, состоявшийся в сентябре 2012 года в Венгрии, достаточно противоречивый. Специалисты признают, что практической значимости он не принёс.

В финно-угорском мире большое количество различных объединений. Работают Ассоциация финно-угорских народов России, Ассоциация финно-угорских университетов, Ассоциация финно-угорских журналистов, Ассоциация финно-угорских литератур. Студенты финно-угроведы имеют свою площадку – ежегодную международную конференцию IFUSCO, которая проводилась не только в финно-угорских регионах, но и там, где сильное финно-угроведение – в Германии, Австрии, Польше и других странах. В молодежном мире инициатива принадлежит Международной молодежной ассоциации финно-угорских народов (МАФУН), которая создается в 1990-е годы. МАФУН имеет основной целью сохранение языков и культур финно-угорских народов, а также сближение и сотрудничество между молодёжью. Это одна из первых общественных объединений финно-угорских народов мира.

Сейчас МАФУН и Всемирный конгресс финно-угорских народов – организации, которые отстаивают интересы финно-угорской молодёжи на международном уровне. Эти организации принимают участие в постоянном форуме по вопросам коренных народов Экономического и Социального Совета ООН.

Представители финно-угорского мира впервые участвовали в заседании ООН в 1993 на Всемирной конференции по правам человека в Вене. В этом же году была подписана Венская декларация и Программа действий. Конференция предприняла новые шаги, в том числе и в отношении под-

держки коренных народов, предложила Генеральной Ассамблее провести международное десятилетие коренных народов мира. Позже Генеральная Ассамблея ООН осуществила эту рекомендацию. В 2000 г был создан Постоянный Форум ООН по Вопросам Коренных Народов. Постоянному форуму были даны полномочия «обсуждать вопросы коренных народов в рамках мандата Совета в том, что касается экономического и социального развития, культуры, окружающей среды, образования, здравоохранения и прав человека» [6]. В 2007 создан Экспертный механизм по правам коренных народов, как специальная процедура при Совете по правам человека, с целью консультирования по вопросам прав коренных народов.

X Конгресс МАФУН принял решение об участии в работе механизмов ООН в 2011 году. Специальное мероприятие «Финно-угорские народы Евразии – вместе спустя тысячи лет» стало первым шагом в этом направлении работы, которое прошло в штаб-квартире ООН в мае 2012 года в рамках XI сессии Постоянного форума ООН по вопросам коренных народов. Ассоциацией были представлены история международного финно-угорского движения, образцы современной культуры коренных финно-угорских народов. Открытая презентация ассоциации вызвала интерес представителей других коренных народов, мероприятие также было поддержано дипломатами. Так, представитель Эстонии при ООН Маргус Колга выразил благодарность МАФУН за проведения мероприятия и добавил, что решение проблем и поддержка коренных народов занимают значимое место в международной эстонской деятельности. Советник Департамента по гуманитарному сотрудничеству МИД РФ Айсая Мукабенова отметила важность презентации МАФУН в ООН [9]. В сентябре 2012 года МАФУН предложила делегатам Всемирного конгресса финно-угорских народов провести Дни финно-угорских народов в ООН, аналогичные дням Коренных народов, которые проводятся во всех финно-угорских регионах. Эта инициатива была поддержана, и сейчас ведётся работа по реализации этого мероприятия. В 2013 году на своей 22 сессии Совет ООН по правам человека назначил Алексея Цыкарева (президент МАФУН в 2009–2011 гг., член Правления организации «Молодая Карелия») и Оливера Лооде (представитель эстонской общественной организации U-Poog) одними из членов Экспертного механизма. Это придаёт финно-угорскому движению новый импульс для дальнейшей активизации деятельности.

Таким образом, выход финно-угорского движения на высокий международный уровень, работа в деятельности структур ООН придаёт финно-угорским организациям новый статус, помогает получать большую поддержку от местных властей и зарубежных коллег, создавать новые механизмы для сохранения своих культур и языков. Участие в ООН позволяет финно-уграм влиять на формирование повестки дня, повышать узнаваемость финно-угорских народов и обращать внимание на их проблемы для дальнейшего их решения. С 2010 г. начался новый этап в деятельности финно-угров, который характеризуется новым подъёмом активности, о чем говорят новые проекты и инициативы в молодежном финно-угорском мире. Этот этап также характеризуется качественной переориентацией деятельности финно-угорских организаций. Если в предыдущие годы проводилось большое количество мероприятий, то сейчас прослеживается желание более полного обсуждения проблем и после этого перехода к их решению, проведению мероприятий, отказ от большого количества мероприятий в пользу более глубокого анализа проблем, существующих в финно-угорском движении, для последующего их решения, и участие в механизмах ООН вносит большой вклад в это направление.

Процессы, происходящие в финно-угорском мире, служат, в первую очередь, для достижения целей сохранения и укрепления культуры, языков и национальной идентичности. Это относится, прежде всего, к финно-угорским народам России. Венгрия, Эстония и Финляндия, имеющие сейчас задачи интеграции в европейское сообщество, также имеют интерес в стабильной российской обстановке. Кроме того, их интерес состоит и в развитии и укреплении своей национальной идеологии. Поддержка родственных народов, является для них примером патернализма и позиционирования положительного имиджа страны.

Кроме того, сотрудничество финно-угорских народов является примером применения государствами «мягкой силы». Согласно Дж. Наю, «мягкая» сила – это способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, а не с помощью принуждения или подачек. Мягкое могущество возникает, когда страна привлекает своей культурой, политическими идеалами и программами. Мягкая сила обретает все большее значение для решения вопросов, требующих многостороннего

сотрудничества [5]. Дж. Най выделил три компонента мягкого влияния: внутренняя политика и национальные ценности, внешняя политика и культура. МАФУН – пример третьего компонента «мягкой силы». Ассоциация способствует сближению государств, налаживанию отношений между Россией, Эстонией, Венгрией и Финляндией посредством культурных обменов.

Примером такой «мягкой силы» является и деятельность Сыктывкарского государственного университета в отношении финно-угорских регионов. Вузом осуществляется работа по сближению финно-угров и по наращиванию взаимодействия между ними. Так, СыктГУ входит в состав Международной ассоциации финно-угорских университетов. Эта неправительственная организация объединяет на добровольных началах университеты стран и регионов проживания финно-угорского населения (согласно Уставу). Цель ассоциации – обмен опытом, координация и организация совместной работы университетов в области совершенствования учебно-методической, научно-исследовательской, культурно-просветительской и общественной деятельности [5]. Кроме шести российских вузов в ассоциацию также входит Университет Восточной Финляндии и Университет Западной Венгрии. Наряду со «взрослой» ассоциацией в апреле 2013 года была создана и молодёжная – Ассоциация студентов и аспирантов финно-угорских университетов. Целями этой организации являются расширение научно-образовательного сотрудничества между финно-угорскими университетами, организация совместной работы студентов и аспирантов, реализации социальной активности студентов и аспирантов в различных формах самоуправления с учётом традиций финно-угорских народов [6]. Однако необходимо отметить, что пока в молодёжную ассоциацию входят только студенты четырёх российских вузов.

Кроме того, Сыктывкарским университетом реализуются различные проекты с участием представителей финно-угорского мира. Можно упомянуть некоторые из них. Например, инновационный арт-проект «Северные территории – поиск финно-угорских черт в локальном искусстве и фотографии», который реализуют совместно кафедра декоративно-прикладного искусства факультета искусств СыктГУ и финские кафедры искусств Лапландского Университета, Университета прикладных наук в Лахти и Академии искусств в Хельсинки в рамках программы First Artsmo. Первая часть арт-проекта была организована в Финляндии, где студенты готовились к экспедиции в Республику Коми. С 4 по 11 апреля совместная работа проходит на базе Сыктывкарского университета. Заключительная часть состоялась в Финляндии, в формате передвижной выставки, организованный университетами – партнерами проекта. Участники семинара искали общие черты финно-угорских культур в современном искусстве, которое создает фон для социальных процессов в обществе [2].

Ещё одним шагом в развитии студенческого сотрудничества стало то, что Сыктывкарский университет выступил одним из организаторов 29-й международной студенческой конференции ИФУ-СКО в мае 2013 года.

2–11 августа 2013 года в Республике Коми во второй раз проходил экспериментальный международный пленэр визуальных искусств «Клюква». Среди участников – художники, фотографы и иллюстраторы: гости из регионов России и Эстонии. Результатом проекта стала выставка, которая прошла с 13 августа по 6 сентября. Учредителями пленэра являлись Сыктывкарский государственный университет и Министерство культуры РК [1]. Также Сыктывкарский университет активно сотрудничает с федеральным финно-угорским центром при реализации проектов в республике Коми. Студенты института гуманитарных наук являются постоянными партнерами Центра в проведении проектов по сохранению и развитию языка Коми, культуры и истории. Ежегодно около 40 студентов проходят языковую и культурную стажировку в финно-угорском центре, участвуют в разработке программ и курсов.

Так, Сыктывкарским университетом признана необходимость сотрудничества с представителями финно-угорского мира, и проводится большая работа в этом направлении. Однако существует значительная проблема: представители не всех финно-угорских регионов и стран вовлечены в эту деятельность.

Внутри финно-угорского мира существует немало трудностей (отсутствие внутренних связей и согласованности деятельности, недостаточно активное участие в делах финно-угорского мира венгров), но все же финно-угорское движение помогает народам сплотиться, использовать опыт друг друга, подпитаться новыми идеями.

Список использованной литературы

1. Най Джозеф С. «Мягкая» сила и американско-европейские отношения / Джозеф С. Най // Свободная мысль-XXI. 2004. № 10. С. 20.

Проблемы сельской школы и интеграция как путь их решения

Мелоева Е.В.

Институт педагогики и психологии ПетрГУ
г. Петрозаводск

К исследованию проблем современной сельской школы меня побудил просмотр телепередачи «Сельская школа: сегодня и завтра», состоявшийся на одном из занятий курса «Своеобразие образовательной деятельности сельских образовательных учреждений» [4]. Участники телепередачи – ученый, руководитель муниципальной системы образования, директор – обсуждали проблемы российских сельских школ, в том числе, Республики Карелия. Они говорили об их особенностях, о перспективах развития и многом другом, что не может быть оставлено без внимания, если думать о будущем российских окраин и о России как сильном государстве.

По данным статистики в Российской Федерации 68,9 % общеобразовательных учреждений расположены в сельской местности, а в республике Карелия на сегодняшний день функционируют 123 школы, расположенные вне города, что составляет практически 80 % от общего количества, т. е. сельских школ большинство. Массовость сельских образовательных учреждений – значимый аргумент актуальности и востребованности их исследования.

Сельская школа является хранителем исторических традиций и, в то же время, ей не чужды инновации, например, информатизация, дистанционное обучение. Школа – детский сад, школа с подвозом, агрошкола, агролицей, школа-социокультурный комплекс – это неполный перечень современных инновационных моделей школ в сельской местности. Каждая школа на селе уникальна: имеет свои традиции, особый опыт и «свои» проблемы. За каждой сельской школой стоят реальные люди: дети, учителя, родители, их будущее и будущее села, деревни, поселка... Не только то, какое образование получит подрастающее поколение, ожидают от школы. В условиях сельской местности на нее возлагаются большие надежды...

Главной характеристикой образовательной ситуации в сельской местности является ее *обусловленность социально-экономическими и социокультурными обстоятельствами территории*. Сельские школы в Республике Карелия, как и в целом в Российской Федерации, очень разные по типам, видам и моделям, по наполняемости, по многим другим признакам, но объединяет их одна важная особенность – *зависимость от социокультурной ситуации поселения*, в котором она расположена. Что находится рядом со школой, какие учреждения функционируют, будь то библиотека, клуб, музей, ферма, агрокомплекс – все это в той или иной степени оказывает влияние на учащихся и на жителей села в целом.

Общеизвестно, что в настоящее время все чаще молодежь уезжает из села, и многие обвиняют ее в этом, хотя это не совсем справедливо. На селе, как правило, люди не могут найти работу, которая отвечала бы их потребностям, либо ее и вовсе нет. Также условия жизни здесь не отличаются повышенным комфортом, как правило, жилье неблагоустроенное, зачастую отсутствуют или свернуты здравоохранение и сфера услуг. К тому же, у сельской молодежи часто попросту нет возможности иметь культурно-просветительский досуг: посещать музеи, театры, выставки, просто дискотеки. В результате молодежь слоняется по улицам в поисках занятия. Отсюда распространенность вредных привычек – табакокурения, употребления алкогольных напитков и т. д.

Поэтому школе необходимо выполнять ряд значимых для села функций, которые определяют ее социокультурной средой. Будучи центром образования, она должна быть центром просвещения и воспитания сельской молодежи и взрослых односельчан. Школе приходится оказывать социально-педагогическую и даже психологическую помощь, консультировать в юридических, экономических, агротехнических и многих других вопросах.

Отсутствие рабочих мест и возможности трудоустройства жителей, приводят к массовому отъезду молодежи и молодых семей в другой район, в город, а школа теряет учеников, и как следствие, получает статус малочисленной или малокомплектной. Последнее не самое худшее, что может быть, ведь в результате «утраты учеников» школа попросту может быть ликвидирована. В настоящее время количество сельских школ повсеместно сокращается путем реструктуризации – присоединения к базовым школам районного центра или более крупного поселения, «филиализации» результатом которой обычно становится исчезновение школы. Такими примерами являются истории Верхнеолонецкой и Куйтежской школ Олонецкого района РК. За десятилетие модернизации лишились юридической самостоятельности, то есть фактически были ликвидированы, 67 сельских образовательных учреждений (35 % или более трети) нашей республики [1].

Одна проблема порождает другую. В результате массовой реструктуризации и ликвидации школ возникает необходимость подвоза сельских детей к месту обучения – в базовую («центральную» или «магнитную») школу. По данным 2010 года в Республике Карелия был организован подвоз обучающихся из 175 населённых пунктов в 95 общеобразовательных учреждений специально выделенным транспортом, предназначенным для перевозки детей. Для этого было приобретено 118 школьных автобусов. В 13 пришкольных интернатах проживает 181 человек. (Информация к заседанию Совета по местному самоуправлению при Председателе Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации 17.06.2011).

Удивляет вот что: школу закрывают в виду ее малочисленности и невозможности выделения средств на ее содержание, а тот же самый подвоз детей, необходимый в данной ситуации, обходится примерно в такую же сумму за месяц, если месяц содержать школу! Какой смысл тогда закрывать школу и отправлять детей по плохим дорогам, где постоянно ломаются автобусы, когда дети переутомляются, в результате чего снижается их успеваемость, ухудшается здоровье... Не каждый взрослый выдержит такие нагрузки...

Возможно, для отдельных случаев подвоз и является решением, но здесь всегда нужно проводить тщательный анализ, взвешивать все «за» и все «против». Куйтежская школа еще недавно процветала, несмотря на малочисленность, она славилась своими талантливыми детьми и их успехами, своими школьными балами, в которых участвовали как школьники, так и учителя, где все село собиралось на праздник. Сейчас школу закрыли, дети ездят в соседнее село, педагоги потеряли рабочие места. А что остается делать жителям этого поселка?

Проблемы малочисленных сельских школ усугубило подушевое финансирование, приведшее к сокращению ставок педагогов дополнительного образования, социальных педагогов, практических психологов; к недостаточной оснащенности учебно-методическими пособиями и материалами, оборудованием.

В малочисленных сельских школах обостряются вопросы совместного обучения детей с разными особенностями и потребностями, как здоровых, так и с различными задержками в развитии; организации учебных занятий и внеурочной работы в разновозрастных группах, где необходима организационная, содержательная и технологическая интеграция. Так как в условиях сельской школы, особенно в малокомплектной школе, где одновременно одним педагогом обучаются не одна, а две, иногда и три возрастные группы учащихся, необходимо совершенно иначе организовывать процесс обучения. Учитель такой школы «многопредметник» – преподает различные учебные дисциплины. Это и смежные предметы, и иные, по которым он часто не имеет профессиональной подготовки (изо, музыка, технология и др.) и которые в городской школе преподаются специалистами. Сельский педагог «полифункционал» – выполняет множество функций, несвойственных коллегам-горожанам. В одиночестве маленькой школе трудно выполнить все предъявляемые к ней требования, это возможно только в совместной работе, с общими усилиями, с заинтересованными в качественном образовании всех организациями и жителями села [1,2,3,4,5].

Как выжить сельской школе в условиях реформирования образования, как не утратить свою исключительность, как сохранить и развивать свой потенциал – вот те вопросы, которые должны быть рассмотрены в рамках исследований в проблематике сельской школы.

Обеспечение качественного и эффективного образования сельских школьников, повышение их конкурентоспособности, формирование общей жизнеспособности является задачей общероссийско-

го масштаба, которая требует разработки новых подходов к образованию на селе с учетом особенностей и специфики сельской образовательной среды. Особо актуальной становится *интеграция* школы с другими социальными учреждениями, организациями и социальными институтами села. Обеспечение *условий интеграции* является сегодня одним из главных подходов к сохранению и развитию школ вне города.

Понятие «интеграция» латинского происхождения, в дословном переводе обозначает «восстановление», «восполнение», относится к общенаучным и заимствовано педагогической наукой из философии. Интеграция трактуется как объединение в целое каких-либо частей, элементов, или как состояние связанности отдельных дифференцированных частей в целое, а также как процесс, ведущий к такому состоянию [6].

Вопросам интеграции в области образования все больше внимания уделяет педагогическая наука. В.Н. Куровский выделяет внешнюю и внутреннюю интеграцию системы образования. *Внешняя интеграция* имеет четыре направления. Первое связано с преодолением исторически необходимых форм разделения общественного труда, сфер материального и духовного производства, функций производственного труда и обучения, учебной и научно-поисковой деятельности, воспитания, здравоохранения. Второе состоит в том, что производственные и все другие отрасли и социальные институты вынуждены во все большей мере выполнять образовательные функции – заниматься подготовкой, повышением квалификации и переподготовкой кадров, непосредственно участвовать в той, или иной форме деятельности образовательных и профессиональных учебных заведений. Третье направление связано с тем, что образовательные учреждения становятся центрами консолидации всех других социальных институтов и учреждений (культурно-просветительских, физкультурно-спортивных, социально-реабилитационных, служб занятости, медицинской и психологической помощи), которые так или иначе своей основной функциональной задачей имеют обучение, воспитание, физическое, психическое, духовное здоровье человека. И четвертое направление выражается в тенденции превращения образования из некоего «подготовительного» к труду и жизни этапа, в пожизненный процесс и неотъемлемую сторону бытия каждого человека [3].

В рамках изучения и решения проблем сельской школы, на наш взгляд, третье направление, предполагающее объединение усилий сельской школы с ресурсами социальных институтов села во имя общей цели и лидерство школы в этой консолидации, является самым перспективным.

Внутренняя интеграция, по В.Н. Куровскому, происходит по следующим направлениям:

первое – интеграция ступеней образования; второе – идет по линии преодоления жесткого разделения общего и профессионального образования; третье – выражается в интеграции содержания образования; четвертое – основано на использовании педагогического потенциала учащихся путем организации коллективных форм взаимообучения и взаимовоспитания; пятое – связано с интеграцией педагогических коллективов; шестое – с созданием непрерывного образовательного пространства на местном, региональном, федеральном уровнях за счет кооперации сил педагогов, учащихся, родителей, государственных органов, политических партий и широкой общественности в целях обеспечения эффективного воспитания подрастающего поколения и непрерывного образования всего взрослого населения в соответствии с высшими общенациональными ценностями и интересами; седьмое – представляет собой процесс интеграции российской системы образования в общеевропейскую и мировую [3].

Практически все направления внутренней интеграции могут стать реальностью образования в сельской местности, когда сельские образовательные учреждения функционируют как центры консолидации ресурсов других социальных институтов села, формируют единое образовательное пространство, а в основе этих процессов – сотрудничество школы с сельским сообществом.

Примерами таких школ являются Пряжинская, Шуйская, школа в гарнизоне Бесовец, и многие другие сельские школы Республики Карелия.

Пряжинская школа активно взаимодействует с администрацией городского поселения. Проект «Памятники Пряжинского городского поселения»: школьниками собирались сведения о культурных и исторических памятниках Пряжинского района. Запрос на данную работу исходил от администрации поселения. В результате была организована конференция на которой учащиеся представили ре-

зультаты проектов, которые нужны для развития туристического бизнеса в поселке – был осуществлен уход за памятниками.

Шуйская школа также активно взаимодействует с социально-культурным окружением, это и библиотека, и администрация сельского поселения, и дом творчества и т. д. Совместными усилиями на базе школы проводятся различные психологические тренинги и семинары, организован кружок «Юный кроликовод», «Юный рыболов» и многое другое.

В средней школе гарнизона Бесовец приоритетным направлением воспитания молодежи является военно-патриотическое. Школа организует встречи с ветеранами, организован клуб «Юный друг Российской Армии» (ЮДРА), благодаря сотрудничеству с военными гарнизона учащиеся изучают историю Российской Армии и военного искусства, строевую, стрелковую и медицинскую подготовку, правила дорожного движения, ориентирование на местности. Кроме этого, ребята ухаживают за могилами павших воинов, встречаются с ветеранами Великой Отечественной войны и ветеранами Российских Вооруженных Сил в политклубе «Гражданин». Ребята осваивают технологию социального проектирования, приобретая навыки социальной практики. Кружок «Авиационное моделирование», Школьный театр «Мечтатели», организован тренажерный зал в школе и многое другое.

Внешняя интеграция школы с учреждениями социальной сферы села, с различными учреждениями, организациями, расположенными в ее близком окружении: библиотеки, клубы, производства, совхозы, музеи и др., создание таких интеграционных моделей образовательных учреждений, как школа-сельский клуб-детский сад, школа-ФАП, школа-хозяйство и другие в настоящее время является необходимой и для школы, и для поселения. Такие модели учреждений позволяют школе выполнять функции, крайне важные для всех: получение детьми образования и воспитания, сельскохозяйственная подготовка детей и молодежи, оказание всесторонней помощи и просвещение жителей села.

Студентами 4-го курса бакалавриата по профилю «Начальное образование» был проведен сравнительный анализ образовательных сайтов городских и сельских школ. Полученные данные были использованы нами для контент-анализа, цель которого – выявить отражение интеграции в деятельности сельских образовательных учреждений. Всего была проанализирована информация 21 сельских школ Республики Карелия, среди которых Рыпушкальская, Сосновская, Летнереченская, Эссойльская, Повенецкая, Надвоицкая и другие общеобразовательные школы из 11 муниципальных районов нашего региона.

Анализ информации сайтов проводился по ряду показателей, из которых нами были отобраны следующие: традиции школы, социокультурная ситуация, «сильные направления» деятельности школы. Из общего количества школ только в десяти были обнаружены факты, позволяющие говорить об интеграционных процессах. Эти факты в виде данных о совместных делах, схем сотрудничества, специальных элементов инфраструктуры школы и др., показывают взаимодействие школы с другими социальными учреждениями – с учреждениями социальной защиты, с библиотеками, с советами ветеранов, с депутатским корпусом, с церковью, с вузами и иными социальными институтами в ее ближнем и дальнем окружении. Предполагаем, что отсутствие информации о взаимодействии, сотрудничестве, партнерстве сельской школы на ее сайте, не есть свидетельство изоляции образовательного учреждения, но факт того, что не все сельские школы уделяют должное внимание интеграции, и косвенное свидетельство, что не все они понимают всю важность взаимодействия с окружением.

Сельской школе жизненно важно взаимодействовать с другими организациями и социальными институтами, ведь только вместе, сообща можно вырастить достойного гражданина страны и переломить сложнейшую социокультурную ситуацию в наших сельских поселениях. Наука и практика, результаты данного исследования показывают: современной сельской школе необходима интеграция!

Список использованной литературы

1. Ефлова З.Б. Сельская малочисленная малокомплектная школа Карелии: пора самоопределения. Время объединения. [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «Лицей». Режим доступа: <http://www.gazeta-licey.ru/educ/school/item/4282-roka-ne-projdena-tochka-nevozvvrata>
2. Коршунова О.В. Обучение в сельской школе на основе интегративно-дифференцированного подхода: монография. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2008. 507 с.

3. Куровский В.Н. Проблема интеграции общего и профессионального образования в сельской местности // Вестник ТГПУ, 2005. Выпуск 2(46). Серия: Педагогика.
4. Сельская школа: сегодня и завтра [Электронный ресурс] // Телеканал «Просвещение». Режим доступа: http://oddom.ru/video/454369_ShKOLA_Selskaya_shkola_segodnya_i_zavtra_.html
5. Трубайчук Л.В. Интеграция как средство организации образовательного процесса // Начальная школа плюс до и после. 2011, № 10.
6. Философский энциклопедический словарь /под ред. Л.Ф. Ильичева, П.Н. Фадеева, С.М. Ковалева. М.: Сов. энцикл., 1983. 315 с.

Участие ВУЗов России в формировании общеевропейского пространства высшего образования

*Токсубаева А.С.
Петрозаводский государственный университет
г. Петрозаводск*

В современном мире глобальность выступает одним из важнейших параметров существования человеческого общества. Отражая процессы взаимообусловленности и взаимозависимости различных компонентов мирового сообщества, глобальность выражает идеи целостности всего человечества как социобиологического и культурного образования.

В 1988 году в североитальянском городе Болонья праздновалось 900–летие местного университета – старейшего в Европе. Собравшиеся со всей этой части света ректоры университетов приняли Великую хартию университетов, в которой впервые отмечалась необходимость единства принципов преподавания и научных исследований в Европе.

В 1998 году министры образования Великобритании, Германии, Италии и Франции подписали Сорбоннскую декларацию о гармонизации европейской системы высшего образования, в которой основополагающими механизмами построения единого пространства высшего образования в Европе определялись двухуровневая система и использование основных кредитов.

В июне 1999 года министры образования 29 стран Европы подписали в Болонье «Декларацию о европейском пространстве для высшего образования».

Интеграция российской высшей школы в Болонский процесс началась в 2003 году, когда Российская Федерация первой из стран СНГ присоединилась к Болонской конвенции по высшему образованию, став сороковым участником Болонского клуба.

Долгосрочная цель Болонского процесса, согласно декларации, – «создание общеевропейского пространства высшего образования с целью повышения мобильности граждан на рынке труда и усиления конкурентоспособности европейского высшего образования». Основные направления [2]:

- введение системы, обеспечивающей сопоставимость дипломов;
- введение двухуровневой системы подготовки во всех странах (бакалавр – не менее трёх лет, далее магистр и докторская степень);
- создание единой системы учёта трудоёмкости учебных курсов;
- повышение мобильности студентов, преподавателей и научных работников;
- развитие сотрудничества в сфере обеспечения качества образования с целью создания сопоставимых критериев и методологий;
- усиление «европейского измерения» в высшем образовании.

Болонское соглашение предполагает не так уж много позиций. Суть первой заключается в создании в простых и понятных уровнях квалификации для выпускников всех вузов: бакалавр (четыре года обучения), магистр (два года), доктор философии (три года).

Вторая принципиальная позиция – введение кредитно-модульной системы, которая заменит систему учебных часов. Образовательные кредиты – это единицы, в которых измеряется сумма знаний и навыков, приобретённых студентом в процессе учёбы. Они учитывают не только лекции и практические занятия, но и экзамены, консультации, творческие работы студента и даже его самостоятельные занятия в библиотеке.

Третья принципиальная позиция – единые для всех вузов стандарты, которые и должны обеспечить совместимость высшего образования, по крайней мере в рамках Европы. Оценки студентам выставляются по Европейской системе переводных кредитов (ECTS), что облегчает как межвузовскую мобильность студентов, так и их последующее трудоустройство [1].

Этот инструмент, обеспечивающий прозрачность, сравнимость объема изученного материала и, соответственно, возможность академического признания квалификаций и компетенций.

Специалист, выпускаемый традиционной советской/постсоветской высшей школой, учится пять лет, на бакалавра же учатся четыре года. Это – значительное снижение получаемого объема знаний. Сторонники болонской системы считают совершенно естественным «отделить образование для практической деятельности и образование для научно-исследовательской работы» – для первого достаточно и четырех лет, а для второго предусмотрена магистратура.

Есть опасения, что российские работодатели будут относиться к бакалаврам как к непрофессионалам. Специалисты говорят о том, что сама промышленность не готова принять бакалавров.

Некоторые эксперты, ссылаясь на зарубежный европейский опыт, считают, что не исключена ситуация, когда за обучение в магистратуре придется платить – поскольку бакалавр уже считается специалистом с полным высшим образованием, на дальнейшее обучение требование бесплатности распространяться не обязано.

Поскольку соответствие бакалавриата тому, что в России считается полноценным высшим образованием, далеко не бесспорно, возникают сомнения в соблюдении конституции РФ, гарантирующей право каждого гражданина на конкурсной основе бесплатно получить высшее образование в государственном или муниципальном образовательном учреждении [4].

Финансировать обучение можно также с помощью грантов. Наиболее известная программа поддержки студентов, планирующих обучение в Европе, – Erasmus Mundus.

Эксперты отмечают, что замена устных зачетов и экзаменов на кредитно-модульную систему не является чисто технической реформой, она устраняет один из ключевых недостатков существующей системы высшей школы – ситуацию, когда совпадают тот, кто предоставляет образовательные услуги, и тот, кто оценивает качество этих услуг.

Специалисты отмечают, что кредитно-модульная система обеспечивает непрерывный, а значит и более объективный контроль качества обучения, чем традиционная, сессионная.

В ближайшие 10-летие модель организации ВУЗов будет вынуждена существенно измениться под давлением внешних обстоятельств. Изменения определяются прежде всего сдвигом технологической парадигмы и освоением новых возможностей глобальными лидерами образовательного рынка. Переходной зоной является период 2017–2025 гг., когда эффекты изменения глобальных правил игры станут очевидны и России, таким образом, регуляторы образования в России, не учитывая вызовы этой трансформации, по факту готовятся к прошедшей войне.

Большие тренды, влияющие на изменение ситуации ВУЗов [5]:

2013–2030 гг.:

1. Глобализация образования и науки: рост мобильности, развитие международных партнерств, увеличение импорта и экспорта образования и научных исследований.

2. Ориентация ВУЗов на запросы экономики общества: практичность получаемых знаний и навыков, соответствие знаний и навыков актуальным задачам работодателя, соответствие содержания исследований рыночным потребностям.

2015–2030 гг.:

3. Цифрование образовательного процесса.

4. «Лишние люди»: заметный рост групп, не нашедших места в изменяющемся обществе, в том числе новой вузовской системе.

Вне сомнения образование является важнейшей сферой, которая создает не только интеллектуальную, но и экономическую базу процветания общества.

В представленной работе была дана краткая характеристика основного круга вопросов, связанных с высшим образованием. Тема достаточно объемна, интересна по своей сути и, несомненно, актуальна на сегодняшний день, особенно для будущих студентов, а также студентов, планирующих и дальше заниматься научной деятельностью.

Общее ВУЗовское пространство: сдвиг парадигмы

2012–2021 гг.	2021–2030 гг.
«Игра в догонялки»: Выведение 5–ти ВУЗов вТОР-100 (и 20–30 ВУЗов под «прицелом») как путь модернизации учебного и научного процесса.	Новое образование и наука: Массовое образование через ИТ-решения (в первую очередь – от глобальных провайдеров), исчезновение «преподавателей-граммофонов».
Поддержка глобально конкурентных исследователей (до 10 тыс. человек) как путь сохранения науки.	«Живое» образование в сообществах, нацеленное на обучение команд, способных решать проблемы (ключевая компетенция преподавателя – организация творческой командной работы под реальные задачи).
Санкция системы.	Наука как практико-ориентированная деятельность (конец фундаментальной науки, смена эпистемологии, wiki-science).
Постепенное приближение содержания программ ВУЗов к запросам работодателей.	Ключевая роль сообществ: сообщества как пространство целеполагания, формирования стандартов деятельности, образования, создания нового знания и развития среды.

Выпускники-магистры смогут реализовать себя в науке, занимать должности, требующие аналитических и проектных навыков и умений, вести самостоятельную производственную или социально-экономическую деятельность, что достаточно важно в условиях современного мира.

Достоинства Болонского процесса: расширение доступа к высшему образованию, дальнейшее повышение качества и привлекательности европейского высшего образования, расширение мобильности студентов и преподавателей, а также обеспечение успешного трудоустройства выпускников вузов за счёт того, что все академические степени и другие квалификации должны быть ориентированы на рынок труда. Присоединение России к Болонскому процессу даёт новый импульс модернизации высшего профессионального образования, открывает дополнительные возможности для участия российских вузов в проектах, финансируемых Европейской комиссией, а студентам и преподавателям высших учебных заведений – в академических обменах с университетами европейских стран.

По оценкам российских экспертов в области образования, присоединение России к Болонскому процессу может привести к временной путанице с учебными программами. Одна из серьёзных проблем интеграции российской системы образования в Болонский процесс – недостаточно полная информированность должностных лиц как о текущем положении дел в российском и европейском образовании, так и о целях Болонского процесса.

Список использованной литературы

1. Комментарий к конституции Российской Федерации. М.: Юрист. 2007. 56 с.
2. Козлов С. Д. Роль образования в современном обществе / С. Д. Козлов // Педагогическая мастерская. 2004. № 2. 9 с.
3. Интеграция российской высшей школы в Болонский процесс. [Электронный ресурс] URL: http://www.memoid.ru/node/Integraciya_rossijskoj_vysshej_shkoly_v_Bolonskij_process. Дата обращения: (10.10.2013).
4. Кодексы и наиболее востребованные законы [Электронный ресурс]. Электон. Ст. [М.]. URL: <http://www.consultant.ru/popular/>, свободный. Яз. Рус. (Дата обращения: 9.10. 2013).
5. Форсайт образования 2030: как собрать новое университетское образование? [Электронный ресурс] URL: <http://www.slideshare.net/PavelLuksha/future-of-higher-education-2030-russia>. Дата обращения: (11.10.2013).

Секция 5. «Интеграция в целях устойчивого развития и перехода к «зеленой экономике»

Выращивание шампиньонов в сельском хозяйстве Республике Карелия при переходе к «зеленой экономике»

*к.б.н. Заводовский П.Г.
Петрозаводский государственный университет
г. Петрозаводск*

«Зелёная экономика» – направление в экономической науке, сформировавшееся в последние два десятилетия, в рамках которого считается, что экономика является зависимым компонентом природной среды, в пределах которой она существует и является ее частью [1].

Концепция зелёной экономики включает в себя идеи многих других направлений в экономической науке и философии, таких как феминистская экономика, постмодернизм, ресурсоориентированная экономика, экологическая экономика, экономика окружающей среды, антиглобализм, зелёный анархизм, зелёная политика, теория международных отношений и др.

Теория зелёной экономики базируется на 3 аксиомах:

- невозможно бесконечно расширять сферу влияния в ограниченном пространстве;
- невозможно требовать удовлетворения бесконечно растущих потребностей в условиях ограниченности ресурсов;
- все на поверхности Земли является взаимосвязанным.

«Зелёными» экономистами предлагается установление налога Тобина в размере 1 % от всех международных торговых сделок, с тем, чтобы направлять собранные средства бедным странам с целью торможения усиливающейся дифференциации между развитыми и не очень странами. Кроме этого, предлагается использовать категорию «природный капитал» (Natural capital) вместо категории «природные ресурсы», которая как бы свидетельствует о пассивной роли природы в экономике [2].

Среди сторонников «зелёной» экономики выделяются: М. Букчин, Дж. Джекобс, Р. Карсон, Э. Ф. Шумахер, Р. Костанца, Л. Маргулис, Д. Кортен, Б. Фаллер, Х. Дэли, Д. Медоуз, П. Хоукен, А. Тверски и др.[3].

В настоящее время важным направлением в «зеленой экономике» является вопрос обеспечения широких слоев населения экологически чистыми и дешевыми продуктами. Одними из таких продуктов являются грибы, которые при низкой себестоимости и высокой калорийности продукта позволяют решить эту проблему. Среди культивируемых грибов наибольшим спросом пользуется шампиньон двуспоровый и вешенка.

Шампиньон двуспоровый – бесспорный лидер среди искусственно культивируемых грибов: общий объем выращиваемых шампиньонов составляет 75–80 % от мирового производства грибов.

В настоящее время этот гриб культивируется более чем в 70 странах мира: Европа, Азия, Северную и Южную Америка, Африка, Австралия, словом, все населенные континенты земного шара. Главный производитель шампиньона – США, которые выращивают около 25 % мирового производства этого гриба. За Штатами следует Франция, где шампиньоны разводят вот уже несколько веков, затем Великобритания, Южная Корея и Тайвань.

Шампиньон содержит в себе 88–92 % воды, ценные белки, углеводы, органические кислоты, минеральные вещества и витамины: РР (никотиновая кислота), Е, D, витамины группы В, железо, фосфор, калий и цинк, полезный для иммунной системы организма. По содержанию фосфора шампиньоны могут поспорить с рыбопродуктами. Калорийность этого гриба 27,4 ккал на 100 г, что позволяет использовать шампиньон в разнообразных диетах и не лишать себя необходимых белков, микроэлементов и витаминов [4; 5].

Промышленное грибоводство России является составной частью высокоинтенсивной и технически оснащенной отрасли овощеводства защищенного грунта, производящей широкий ассортимент внесезонной овощной продукции, в котором доля съедобных грибов постоянно растет.

В связи со сложившейся экологической ситуацией в Европейских странах, в том числе в РФ, дикорастущие съедобные грибы стали малопригодны для их употребления в пищу. Выращенные же в специализированных сооружениях съедобные грибы можно отнести к экологически чистым продуктам питания. Становлению и ускоренному развитию отрасли грибоводства во всем мире способствует решение проблемы утилизации отходов растениеводства и птицеводства в производственном процессе приготовления субстрата для культивирования съедобных грибов [6].

В Российской Федерации промышленное грибоводство представлено рядом шампиньонных комплексов-гектарников, расположенных в основном около крупных городов в Европейской части России (в Московской области, в Ленинградской области, в г. Воронеж) и в Поволжье (в Чувашии и в Татарстане).

Общий объем производства шампиньона в России в настоящее время составляет около 9 тысяч тонн грибов в год, что крайне недостаточно для обеспечения потребностей населения в этом виде продукции.

В настоящее время в Республике Карелия отсутствует современное промышленное производство шампиньонов. Отсутствие потенциальных конкурентов и наличие широких рынков сбыта делают промышленное грибоводство перспективной отраслью экономики Карелии, что позволяет привлечь потенциальных инвесторов и представителей малого и среднего бизнеса.

На сегодняшний день отсутствует стратегия и видение развития грибоводства в Карелии. Для их разработки необходима совместная работа органов власти Республики Карелия, представителей бизнеса, и карельских ученых – представителей Петрозаводского университета и КарНЦ РАН. Такое комплексное видение грибоводства позволит полноценно и эффективно использовать его как инструмент решения проблем, связанных с продовольственным обеспечением населения и будет способствовать развитию региона на пути к «зеленой экономике».

Список использованной литературы

1. Булетова Н.Е. Эколого-экономическая безопасность как главный фактор конкурентноспособности территории // Российское предпринимательство. 2012. № 22 (220). С. 23–31.
2. Голубева Е.В. Роль налогов в экономическом развитии России // Российское предпринимательство. 2012. № 21 (219). С. 184–190.
3. Зеленая экономика / <http://ru.wikipedia.org/wiki>
4. Горленко М.В., Бондарева М.А., Гарибова Л.В., Сидорова И.И. Грибы СССР. Москва, изд. Мысль, 1980
5. Алексеева К. Грибоводство по грачёву // Моделист-конструктор: журнал. 2001. № 3.
6. Школа грибоводства. № 4 (82). 2013.

Особенности современного развития возобновляемой энергетики в ЕС

*Соколова А.К.
Высшая школа экономики
г. Москва*

В условиях глобализации и возрастающей взаимозависимости национальных экономик очень важно выделить глобальные тенденции и риски и с их учетом определить пути развития с минимальными негативными последствиями. Одной из важных групп рисков для мировой экономики являются риски, связанные с ограниченностью ресурсов. Водные, лесные и, что не менее важно, энергетические ресурсы истощаются, а спрос на них непрерывно растет. Так, к 2035 году ожидается, что мировой спрос на энергию вырастет более чем на треть [15, с. 1], к 2030 спрос на воду – на 40 % [6]. Ограниченность важнейших групп ресурсов может служить источником социальных, экономических и политических проблем.

Энергетическая отрасль является ключевой в обеспечения жизнедеятельности человека и обеспечения функционирования производств. Её развитие, размер и структуру спроса на энергию определяют *экономические* характеристики, в том числе демографические изменения. По прогнозам, на-

селение мира вырастет с 6,8 млрд человек в 2010 г. до 8,6 млрд человек в 2035 г. – таким образом, количество потребителей энергии вырастет на 1,8 млрд [15, с.1].

Еще один фактор, определяющий развитие мировой энергетики – *природные* характеристики. Здесь можно выделить негативные последствия использования углеводородов, например, выбросы углекислого газа, закисей азота, серы и их накопление в атмосфере. К тому же, углеводороды, как и многие другие ресурсы, распределены неравномерно, часто вдали от мест потребления, что создает проблемы при транспортировке. Отягощает положение отсутствие широкомасштабных мер по экономии энергии и квотированию выбросов.

Важную роль также играют *организационные* характеристики. Так, например, использование механизмов финансовых рынков в торговле нефтью и СПГ приводит к образованию спекулятивных пузырей и по большей части является причиной роста цен на углеводороды.

Помимо мировых трендов, безусловно имеющих влияние на ЕС, есть некоторые черты, характерные для энергетики именно этого региона. База ископаемого топлива ЕС очень ограничена. Доказанные запасы нефти ЕС на конец 2011 г. составили 6,7 млрд барр. (0,4 % мировых запасов), запасы природного газа составили 1,8 трлн м³ (0,9 % мировых запасов), доказанные запасы угля в ЕС оценивались в 56148 млн т или 6,5 % мировых запасов [4]. Следовательно, ЕС сильно зависит от импорта энергоресурсов, в 2010 зависимость оценивалась почти в 53 %. При этом промышленность в регионе очень развита, а плотность населения высока – 116,6 чел./км² в 2010 г [10]. К тому же, плотность населения постоянно растет, в 2000 г. она составляла 112,3 чел./км². Следствием высокой энергозависимости ЕС является то, что именно в странах этого региона можно наблюдать большие потери ВВП от повышения цен на нефть [1, с. 10]. В 2013–2014 гг. каждое увеличение цен на нефть на 10 \$ за баррель сократит рост ВВП на 0,25 % и увеличит инфляцию чуть менее чем на 0,25 % [11].

Учитывая описанные выше тенденции и проблемы энергетического сектора, можно сделать вывод о том, что стремление к использованию возобновляемых источников энергии (ВИЭ) в мире, в том числе в ЕС, весьма логично. Ведь ВИЭ могут обеспечить улучшение условий доступа к энергии, внести вклад в социальное и экологическое развитие и энергобезопасность. Далее будет рассмотрена структура ВИЭ, используемых в Европейском союзе, где они являются одним из ключевых элементов энергетической политики.

В каждой стране ЕС существует своя национальная энергетическая политика и, соответственно, в разной степени используются ВИЭ. Однако можно выделить общие тенденции их использования в ЕС для того, чтобы оценить развитие отрасли в регионе.

Согласно статистическим данным, доля ВИЭ в валовом внутреннем потреблении растет практически во всех странах Европейского союза, а её средний уровень в 2010 г. составил 12,5 %. Для сравнения, вклад возобновляемой энергии в потребление ЕС в 2009 г. составил 11,7 %, в 2008 г. – 10,5 %. В 2010 г. Самые высокие доли ВИЭ в потреблении были достигнуты в Швеции (47,9 %), Латвии (32,6 %), Финляндии (32,2 %), Австрии (30,1 %) и Португалии (24,6 %), самые низкие – на Мальте (0,4 %), в Люксембурге (2,8 %) [10].

Рассмотрим структуру потребления энергии из ВИЭ в ЕС. Почти 70 % энергии из ВИЭ в ЕС получают из биомассы, к которой относятся не только древесина, но и другие виды клетчатки древесного происхождения, растительная органика и её производные, сельхозкультуры, выращиваемые именно с целью получения энергии, и некоторые виды отходов [1, с. 92] (см. рис. 1). По прогнозам, спрос на биомассу в ЕС увеличится с 130 мтнэ в 2010 г. до 230 мтнэ в 2035 г. и будет самым высоким в мире, тогда как в Японии, Южной Корее и Северной Америке он останется на прежнем уровне [15, с. 291].

Около 18 % энергии, вырабатываемой из ВИЭ, обеспечивает гидроэнергетика. Однако, за 1990–2010 гг. рост её годового вклада в потребление составил лишь 28 %, тогда как тот же показатель для биомассы вырос на 176 %. Ветроэнергетика обеспечивает 8 % потребления энергии из ВИЭ, и её ежегодный вклад за 1990–2010 гг. вырос на 12,7 мтнэ (при начальном значении 0,1 мтнэ).

У солнечной энергетики менее впечатляющие результаты – 2 % в общей возобновляемой энергии и рост на 3,6 мтнэ с 1990 г. Вклад геотермальной энергии – 3 %, а энергия Океана вносит незначительный вклад в энергобаланс [9].

Несмотря на быстрое развитие низкоуглеродной энергетики, ископаемые виды топлива были и остаются главными источниками энергии в энергобалансе ЕС. И всё же, ВИЭ развиваются высокими

темпами, в некоторых странах ЕС их доля в потреблении достигает почти 50 %. Большую долю роста ВИЭ обеспечивает биомасса и ветроэнергетика.

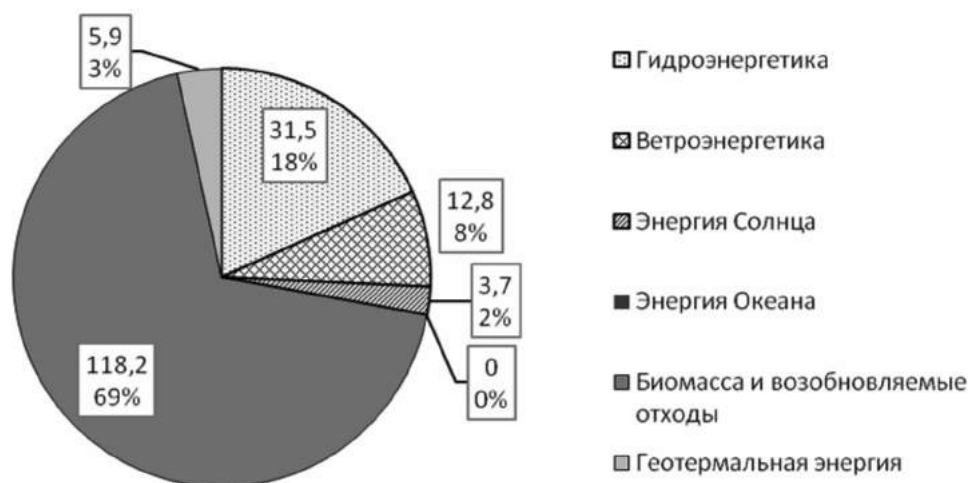

Рис. 1. Вклад ВИЭ в валовом внутреннем потреблении ЕС в 2010 г., мтнэ, % от суммарного вклада ВИЭ в валовое внутреннее потребление ЕС [10]

Итак, ВИЭ успешно используются во многих странах ЕС. Важную роль в росте доли ВИЭ играют как правительства отдельных стран, так и наднациональные институты ЕС. На уровне ЕС внедрение ВИЭ регулируется, прежде всего, Директивами ЕС, в соответствии с которыми страны-участники разрабатывают национальные планы. В 2001 г. была принята Директива 2001/77/ЕС, и члены ЕС разработали основные меры стимулирования ВИЭ на национальном уровне [3, с. 26]: **льготные и премиальные тарифы**, квотирование и нормативы, тендерные системы, финансовые и другие вспомогательные льготы*. В рамках тарифного регулирования ВИЭ законодательно устанавливается цена за кВт/час, которую потребитель должен заплатить за потребляемую энергию, произведенную из возобновляемых источников. Тариф для каждой технологии определяется на период до 20 лет для гарантии прибыльности проекта. Существуют также ступенчатые тарифы, направленные на поддержку производителей энергии ветра (их размер зависит от средней скорости ветра на участке проекта) [3, с. 26]. Успешное внедрение тарифного регулирования стало возможным благодаря приоритету возобновляемой энергии над энергией из традиционных источников в сети. Закон обеспечивает гарантированный доступ к сети производителей возобновляемой энергии.

В секторе производства электроэнергии 21 страна в ЕС используют «feed-in» тарифы («зеленые тарифы»), 7 – субсидии, 6 – квоты [14]. Меры стимулирования отдельных технологий развиваются и появляются такие инструменты, как «feed-in» субсидии (премии), применение которых возможно на рынках с меньшим инвестиционным риском. Производитель получает выручку от продажи возобновляемой энергии на «спот-рынке» (рыночную цену за энергию), а также дополнительный платеж от государства (премию) за каждую единицу произведенной энергии.

Кроме того, страны ЕС ежегодно изменяют размеры квот, тарифов и субсидий, а также длительность периода поддержки, что увеличивает эффективность использования этих инструментов [14]. Общий объем субсидий на ВИЭ растет вместе с объемом производства энергии из ВИЭ. Однако их размер на единицу произведенной энергии снижается, поскольку падают издержки в отрасли и растут цены на электричество (в основном за счет более высоких цен на ископаемые виды топлива и введения квот на выбросы CO₂ [15, с. 234]).

Еще одна из форм поддержки ВИЭ – государственно-частное партнерство (ГЧП). Это система консолидации государства и частного бизнеса в сфере ВИЭ, целью которой является создание качественно новых благоприятных условий для инновационного развития путем интеграции ВИЭ в традиционную энергетику, а в долгосрочной перспективе – переход к низкоуглеродной энергетике [2].

* Инвестиционные дотации, меры в области налогообложения, кредиты с низкой процентной ставкой.

Существует также система «зеленых государственных закупок», которая, однако постоянно критикуется промышленниками и считается неэффективной. Руководство «Бизнес Юроп», к примеру, считает, что стандарты ЕС на продукцию по госзакупкам (например, «зеленые автобусы») слишком высоки и неизбежно приводят к росту цен и снижению конкурентоспособности [1, с. 196]. Спорным считается и применение субсидий, эффект от которых часто пропадает из-за налогов и сборов, и которые в конечном итоге могут иметь негативный эффект на экономический рост.

Цели «20–20–20», принятые на саммите ЕС в Брюсселе в 2008 г., подразумевают 20 %-ое повышение энергоэффективности, использования альтернативных источников энергии и снижение выбросов углекислого газа к 2020 г., а также создание национальных планов с определенными целями для каждой из стран ЕС [7]. Последняя Директива ЕС в области ВИЭ – 2009/28/ЕС вновь подтвердила эти цели. При определении целей для стран-членов принимались во внимание начальные значения доли ВИЭ, потенциал их использования и экономическое развитие [8]. Следующий график позволяет сделать вывод, что достижение 20 %-ой доли ВИЭ в энергобалансе ЕС весьма реалистично, если темпы ее роста по крайней мере не упадут, а останутся прежними (как в период с 2004 по 2010 г., [10]) (см. рис. 2).

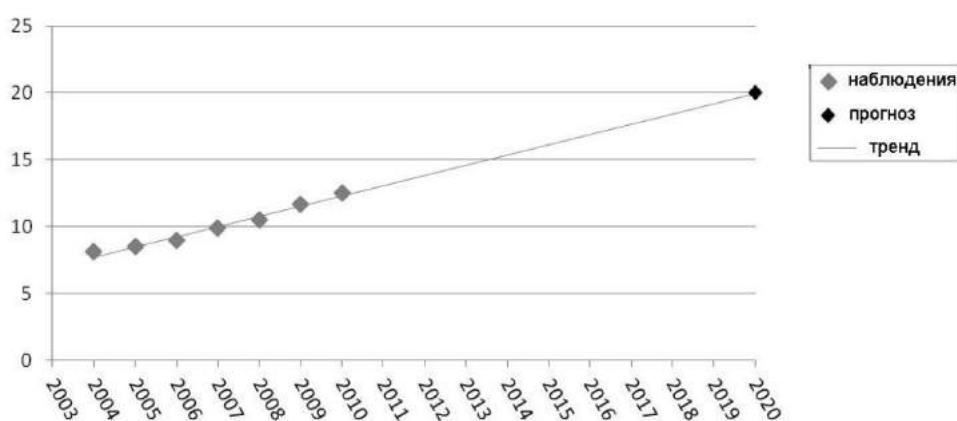

Рис. 2. Доля возобновляемой энергии в валовом конечном потреблении, %

В наднациональном регулировании ВИЭ важную роль играет Пакет Европейской инфраструктуры, предложенный Комиссией 19 октября 2011 г. Согласно данному документу, выделяются проекты «общего интереса», которые важны для достижения климатических и энергетических целей, и финансируются из бюджета ЕС. Финансирование может осуществляться в виде грантов, проектных облигаций или гарантий. В период 2014 – 2020 гг. на развитие энергетической инфраструктуры планируется потратить 9,1 трлн евро [12]. Проект «общих интересов» должен соответствовать многим критериям, например, экономической, социальной и экологической эффективности. Также проект должны осуществлять как минимум две страны. Примером подобного проекта, который мог бы получить финансирование ЕС, может быть развитие сетей для транспортировки энергии, произведенной в оффшорных парках ветряков, в большие города. ЕС финансирует до 50 %, а в исключительных случаях – до 80 % издержек на исследования [12].

Поскольку ВИЭ позволяют сократить выбросы парниковых газов, можно сказать, что их использование стимулирует и Европейская система торговли квотами на выбросы (ЕСТКВ), действующая с 2005 г [5]. В первой и второй фазах в рамках этой системы предприятия получали некоторое количество разрешений на выбросы (квот) в соответствии с национальными планами распределения прав на выбросы. Планы разрабатываются правительством страны и утверждаются Европейской комиссией. Предприятия стран-участников ЕСТКВ могут продать излишек квот на рынке или же купить недостающие квоты, если выбросы превышают установленное ограничение. Третья фаза ЕСТКВ (2013–2020 гг.), характеризуется несколькими изменениями: установление единого ограничения объема выбросов для всех стран ЕС (вместо 27 разных); аукцион в качестве основного метода распределения разрешений на выбросы (вместо свободного распределения); количество разрешений, которые все еще свободно распространяются, будет ежегодно сокращаться (на 30 % до 2020 г.); включение в систему новых секторов и типов газов [13]. Наднациональные органы, в частности, Евроко-

миссия, играют все большую роль не только в определении целей и средств энергетической политики, но и в финансировании конкретных проектов.

Список использованной литературы

1. Каныгин П.С. Экономика освоения альтернативных источников энергии (на примере ЕС). М.: Русь-Олимп, 2009. 254 с.
2. Кузык Б. Государственно – частное партнерство в сфере возобновляемых источников энергии: проблемы и перспективы // II Международный форум «Водородные технологии – для развивающегося мира», Москва, 23 апреля 2008 г. [Электронный ресурс] – URL:<http://h2forum2008.ru/docs/pdf/23/s2/p1/2.pdf>
3. Хмельницкий Л.Ю. Использование возобновляемых источников энергии как механизм для преодоления диспропорций макроэкономического развития // ProblemeleEnergeticiiRegionale, 2010, № 3. С.26–36.
4. BP Statistical Review of World Energy, June 2012// BP [Электронныйресурс] URL: http://www.bp.com/liveassets/bp_internet/china/bpchina_english/STAGING/local_assets/downloads_pdfs/statistical_review_of_world_energy_full_report_2012.pdf
5. Brown L. M., Hanafi A., Petsonk A. The EU Emissions Trading System. Results and Lessons Learned. Environmental Defense Fund, 2012. 64 p.// Environmental Defense Fund [Электронныйресурс] URL: http://www.edf.org/sites/default/files/EU_ETS_Lessons_Learned_Report_EDF.pdf
6. Charting Our Water Future. Economic frameworks to inform decision-making. // The 2030 Water Resources Group [Электронныйресурс] URL: http://www.2030waterresourcesgroup.com/water_full/Charting_Our_Water_Future_Final.pdf
7. Communication from the Commission of 13 November 2008 – Energy efficiency: delivering the 20 % target COM(2008) 772// Official website of the European Union [Электронныйресурс] URL: http://europa.eu/legislation_summaries/energy/energy_efficiency/en0002_en.htm
8. Directive 2009/28/EC of the European Parliament and of the Council of 23 April 2009 on the promotion of the use of energy from renewable sources and amending and subsequently repealing Directives 2001/77/EC and 2003/30/EC// Access to European Union law – [Электронныйресурс] – URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:32009L0028:EN:NOT>
9. Energy. Country Factsheets // European Commission [Электронныйресурс] URL:<http://ec.europa.eu/energy/observatory/countries/doc/2012-country-factsheets.pdf>
10. Eurostat Statistics Database [Электронныйресурс] URL: <http://epp.eurostat.ec.europa.eu>
11. OECD Economic Outlook Volume 2012/2 // OECD [Электронныйресурс] URL: <http://www.oecd.org/eco/economicoutlookanalysisandforecasts/General%20Ass%202092.pdf>
12. The Commission's energy infrastructure package. MEMO/11/710 Brussels, 19 October 2011 // Official website of the European Union [Электронныйресурс] URL: http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-11-710_en.htm
13. The EU emissions trading system (EU ETS)// European Commission [Электронныйресурс] URL: http://ec.europa.eu/clima/policies/ets/index_en.htm
14. Renewable Energy: Progressing towards the 2020 target. Brussels, 31.1.2011 COM(2011) 31 [Электронныйресурс] URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2011:0031:FIN:EN:PDF>
15. International Energy Agency. World Energy Outlook 2012. Paris: IEA, 2013

Перспективы развития в России «зеленой» экономики на примере мониторинга выполнения федеральной целевой программы по сохранению и восстановлению плодородия почв и агроландшафтов

Степанчук К.В.

*Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева
г. Москва*

Много новых изобретений и нововведений представляют угрозу для жизни человека, поскольку они созданы искусственно. Этот искусственный и бессистемный путь обеспечения наилучших условий для жизни создает компоненты, необходимые для человеческой жизни. Какую бы вещь мы не взяли, будь то вещи первой необходимости, они сейчас производятся синтетическим путем. Однако достаточно одного пристального взгляда на экологию чтобы понять, что увеличение нужд современного уклада жизни в конечном итоге нарушает баланс в экологии.

Антропогенное влияние бесконтрольного использования ресурсов приводит к увеличению содержания в атмосфере различных вредных веществ.

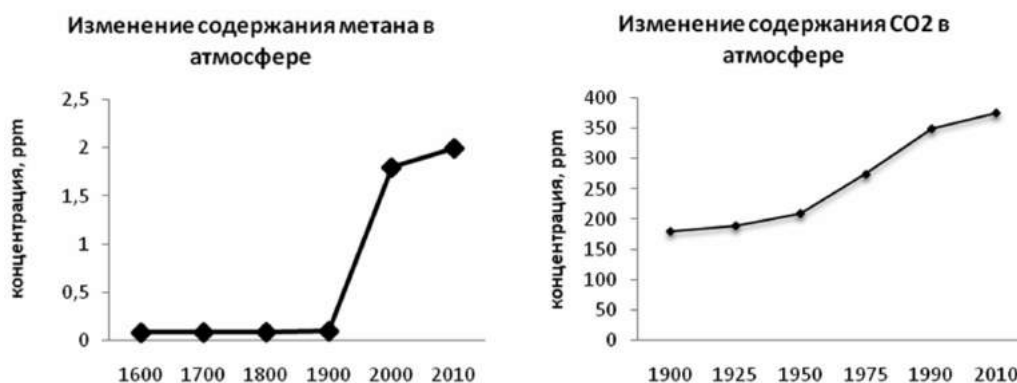

Рис. 1. Изменение содержания газов в атмосфере.

Анализ графиков показывает, что вплоть до XIX века концентрация парниковых газов в атмосфере Земли была постоянна и невелика. Затем концентрация метана и углекислого газа стала повышаться, и одновременно с этим начался интенсивный рост населения Земли. Можно полагать, что прирост газов обусловлен деятельностью человечества. Это приводит к увеличению температуры земли, изменению климата. По оценке экспертов Всемирного Банка, до 2050 г. всемирное потепление увеличит уровень моря на 50 см, что вызовет затопление берегов, засоление грунтовых вод и потерю площади земли.

Сегодня, многие угрозы, еще недавно казавшиеся далекими, могут стать вполне реальными и помешать дальнейшему прогрессу, а может даже и выживанию всего человечества.

Было признано, что путь, которым пришли к своему благополучию капиталистические страны Запада, является неустойчивым и может привести к экологической катастрофе. Высший форум Земли призывает людей перейти к новой эре экономического роста, так называемой «зеленой экономике» безопасной для человека и природы.

ЮНЕП (программа ООН по окружающей среде) определяет «зеленую экономику» как такую экономику, которая повышает благосостояние людей и обеспечивает социальную справедливость, и при этом существенно снижает риски для окружающей среды и риск ее обеднения.

В самом простом понимании «зеленая» экономика – это экономика с низкими выбросами углеродных соединений, эффективно использующая ресурсы и отвечающая интересам всего общества. В «зеленой» экономике рост доходов и занятости обеспечивается: государственными и частными инвестициями, уменьшающими выбросы углерода, повышающими эффективность использования энергии и ресурсов и предотвращающими утрату биоразнообразия и экосистемных услуг. Такой путь развития должен сохранять, увеличивать и восстанавливать природный капитал как важнейший экономический актив и источник общественных благ, особенно это актуально для бедных слоев населения, источники дохода и защищенность которых зависят от природных ресурсов.

Устойчивая экономика сегодня должна удовлетворять следующим критериям: экоэффективность и нравственность.

Устойчивая экономика – это экономика, ориентированная на оптимальную модель потребления, и базирующаяся на высокой нравственности людей, осознающих все те последствия, к которым может привести бесконтрольное вмешательство человека в природу.

Многие страны уже сделали существенные шаги навстречу «зеленой экономике». Так, в Республике Корея с 2003 г. проводится политика расширенной ответственности производителя в отношении упаковки (бумажной, стеклянной, железной, алюминиевой и пластмассовой) и определенной продукции (аккумуляторов, шин, смазочного масла и люминесцентных ламп). Эта инициатива обеспечила в период с 2003 г. по 2007 г. утилизацию миллионов метрических тонн отходов, увеличение степени утилизации на 14 % и создание экономических преимуществ, оцениваемых в 1,6 млрд долларов.

В 2003 г. Южная Африка ввела налог на полиэтиленовые пакеты для уменьшения нежелательного мусора. В 2009 г. министр финансов в своем докладе о бюджете заявил об увеличении налога на полиэтиленовые пакеты и введении налога на лампы накаливания для производителей и импортеров. Налог на полиэтиленовые пакеты принес в бюджет 2,2 млн долларов, а налог на лампы накаливания – дополнительно 3 млн долларов. Политика Южной Африки подвигла другие страны, такие, как Ботсвана, принять аналогичные регулирующие меры.

Таким образом, государства, как политические институты, играют ключевую роль в переходе на «зеленые рельсы». Да, переход должен осуществляться на международном уровне, и каждая страна должна осуществлять конкретные политические изменения, направленные для создания надежных нормативно-правовых основ перехода к «зеленой экономике». Это относится и к Российской Федерации.

Все субъекты, будь то локальный или мировой уровень, должны осуществлять общие программы, общие идеи, принимать внутренние меры для улучшения ситуации в регионе.

В нашей стране также предпринимаются шаги для перехода на более эффективное, экологически чистое производство. Разрабатываются различные законопроекты, осуществляются федеральные программы.

Наше внимание привлекла Государственная программа развития и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы.

Приоритетами Государственной программы являются:

- повышение благосостояния, уровня жизни и занятости граждан,
- устойчивое развитие сельских территорий,
- сохранение территориальной целостности,
- обеспечение национальной безопасности Российской Федерации.

В соответствии с целями Государственной программы по развитию сельского хозяйства, сначала нужно создать общие условия его функционирования.

Плодородные почвы – один из ключевых факторов развития сельского хозяйства. Именно благодаря этому мы можем наращивать объемы сельскохозяйственной продукции без дополнительных усилий, таких как распашка новых территорий.

Земельный потенциал России огромен. Сельскохозяйственные угодья занимают 220 млн га и на их долю приходится 13 % общей площади страны, но практически во всех регионах Российской Федерации сохраняется тенденция к ухудшению состояния земель. Интенсивно развиваются эрозия, дефляция, заболачивание, засоление, опустынивание, подтопление, зарастание сельскохозяйственных угодий кустарником и мелколесьем и другие процессы, ведущие к потере плодородия сельскохозяйственных угодий и выводу их из хозяйственного оборота.

Наблюдается снижение естественного плодородия наиболее продуктивных земель сельхозназначения в результате устойчивой тенденции дегумификации почв пашни.

Содержание гумуса в почвах достигло предельно минимального уровня:

- 1,3 % – в Нечерноземной зоне;
- 5 % и менее – в Центрально-Черноземных областях, где полностью утрачены тучные черноземы и исчезли почти все многогумусные почвы.

Сейчас тенденции дегумификации продолжают развиваться.

Меры по поддержанию почвенного плодородия осуществлялись и в соответствии с Государственной программой в 2008–2012 гг. в рамках федеральной целевой программы «Сохранение и восстановление плодородия почв земель сельскохозяйственного назначения и агроландшафтов как национального достояния России на 2006–2010 годы и на период до 2013 года», далее – программа Плодородие.

Основными задачами программы являются:

- предотвращение выбытия из сельскохозяйственного оборота 5,55 млн га сельскохозяйственных угодий;
- вовлечение в сельскохозяйственный оборот 66,4 тыс. га земель, пострадавших в результате аварии на Чернобыльской АЭС;
- внесение 18,8 млн т минеральных удобрений в почву;

– защита и сохранение 715 тыс. га сельскохозяйственных угодий от ветровой эрозии, затопления и подтопления.

В рамках этой программы проводился комплекс агрохимических мероприятий, направленных на повышение эффективности использования удобрений и мелиорантов в сельском хозяйстве, выполнения гидромелиоративных, культуртехнических, агролесомелиоративных, противоэрозионных и фитомелиоративных мероприятий, работ по реабилитации нарушенных земель.

В целях выполнения предусмотренного комплекса работ Минсельхоз России ежегодно заключал соглашения с высшим и исполнительными органами государственной власти 77 субъектов Российской Федерации по финансированию мероприятий программы «Плодородие».

По результатам мониторинга выполнения финансовых обязательств субъектов Российской Федерации, предусмотренных соглашениями, наилучших показателей достигли регионы, которые обеспечили выделение финансовых средств по всей структуре мероприятий программы, в том числе за счет привлечения дополнительных средств на агрохимические мероприятия.

Основной причиной невыполнения финансовых обязательств, предусмотренных соглашениями – низкая бюджетная обеспеченность регионов.

Таблица 1

Выполнение целевых индикаторов Государственной программы по поддержанию почвенного плодородия за 2008–2012 гг.

Целевые индикаторы	Предусмотрено	Фактически	Выполнено, %
Предотвращение выбытия из сельскохозяйственного оборота сельскохозяйственных угодий, млн га	4,5	4,77	106,0
Защита земель от водной эрозии, затопления и подтопления, тыс га	127,7	435,3	340,9
Защита и сохранение сельскохозяйственных угодий от ветровой эрозии и опустынивания, тыс га	510	864,4	169,5
Вовлечение в интенсивный сельскохозяйственный оборот земель, пострадавших в результате аварии на Чернобыльской АЭС, тыс га	35	202,4	578,3
Внесение минеральных удобрений, млн т	12,4	11,87	95,7

По результатам программы в полном объеме выполнены работы по предотвращению выбытия из сельскохозяйственных угодий, вовлечению в него земель, пострадавших в результате на Чернобыльской АЭС, защите от водной и ветровой эрозии. Объемы работ по защите от водной и ветровой эрозии почв значительно перевыполнены за счет средств субъектов РФ.

В пересчете на 1 га посевной площади в 2012 году было внесено 33 кг минеральных удобрений, что не обеспечило компенсацию выноса элементов питания урожаем сельскохозяйственных культур.

Учитывая, что прирост урожая от 1 кг, внесенных азотно-фосфорно-калийных удобрений, среднем по Российской Федерации равен 4 кг зерна, выполнение индикаторного показателя по внесению удобрений в 2012 г. составляет 85 %, недополученный факт от реализации мероприятий по внесению минеральных удобрений можно оценить в 1,8 млн т зерна.

В результате становится очевидным, что, несмотря на то, что в России – стране с самыми богатыми природными ресурсами и значительным человеческим потенциалом, очень выгоден и перспективен переход к «зеленой» экономике, ещё не в полной мере осознаны все её преимущества. В России принимаются программы по данному направлению, однако должного экономического и социального эффекта они не приносят. Идеи зеленой экономики и обеспечение ее активного участия в различных сферах хозяйствования должны быть адаптированы с учетом специфики каждой страны. На национальном уровне необходима оценка успехов и проблем на пути обеспечения устойчивого развития. Применительно к России большое значение имеет обобщение богатого регионального опыта.

Экономика сегодня – это экология. Именно экологические требования, которые озвучены как принципы «зеленой экономики» определяют направления развития и модернизации производства в т. ч. и сельскохозяйственного.

Природоресурсная политика нужна сейчас, поскольку именно природные ресурсы и наше отношение к ним определяют развитие страны сегодня и в ближайшей перспективе.

Безусловно, Программа развития действует, но пока принятых мер явно недостаточно. По-прежнему, остается множество нерешенных проблем. Развитие нашей страны не только в области сельского хозяйства, но и агропромышленного комплекса в целом, при грамотном, долгосрочном планировании требует еще много усилий и финансовых затрат.

Так, объем бюджетных ассигнований на реализацию Государственной программы по восстановлению плодородия земель за счет средств федерального бюджета составляет 7,1 млрд руб на период до 2013 г. Выделенные огромные для нашей страны деньги не были использованы так эффективно, как бы этого хотелось.

Приоритеты «зеленой экономики», экологические требования должны быть включены в общие планы развития,

В противном случае будет продолжена современная практика несоблюдения экологического законодательства и безуспешности формирования экологической культуры.

Список использованной литературы

1. ЮНЕП, 2011 г., Навстречу «зеленой» экономике: пути к устойчивому развитию и искоренению бедности – обобщающий доклад для представителей властных структур, www.unep.org/greenconomy.
2. Институт устойчивого развития Общественной палаты Российской Федерации, Центр экологической политики «НАВСТРЕЧУ «ЗЕЛеноЙ» ЭКОНОМИКЕ» (ОБЗОР), 2012 г.
3. Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции сырья и продовольствия на 2013–2020 годы. М. 2012 г.
4. Национальный доклад «О ходе и результатах реализации в 2012 году государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 годы» М. 2013 г.

Система стимулирования труда работников рыбоводных предприятий

*Артамонов В.О.
Институт Экономики КарНЦ РАН
г. Петрозаводск*

Экономика современного общества представляет собой сложную систему, в которой одним из важных элементов является трудовой потенциал. Степень воздействия на трудовой потенциал работников и его направленность во многом определяет вектор экономического развития, как отдельного предприятия или отрасли, так и страны в целом. Современные экономические условия характеризуются усилением конкурентной борьбы на рынке товаров и услуг, что определяет необходимость в повышении предприятиями своей конкурентоспособности.

Работники представляют конкурентный потенциал предприятия, который надо развивать вместе с другими ресурсами для достижения стратегических целей. На сегодняшний день одним из факторов определяющих конкурентоспособность предприятия, наряду с технологиями и методами организации производства, являются обеспеченность квалифицированной рабочей силой, степень мотивации персонала и организационные структуры и формы работы. Таким образом, только при наличии трех элементов – конкурентоспособные технологии, конкурентоспособные методы организации производства и труда, конкурентоспособный персонал – возможно достижение конкурентоспособности предприятия в целом, что, является залогом его эффективной работы.

Однако выбор способов управления персоналом предприятия является одним из самых сложных моментов в теории и практике менеджмента. Это, в первую очередь, связано со сложностью человеческой психики, а также сложностью моделирования ответных реакций на действия менеджеров, как отдельными работниками, так и коллективом в целом. Кроме того, не следует забывать, что различные методы управления могут по-разному воздействовать на производство и на работника.

С самого начала научного изучения вопросов управления персоналом, систем мотивации и методов стимулирования труда, было разработано большое количество теорий, акцентирующих внимание на содержательных, ситуационных и процессных моментах. Однако, исчерпывающей концепции, дающей руководству компании конкретный набор способов создания трудовой мотивации и формирования лояльности персонала предприятия до сих пор нет.

Как уже было отмечено выше, усиление конкуренции на всех рынках, как на местных, так и на глобальных, а также усложнение условий ведения бизнеса, вывело аспекты управления трудовыми ресурсами в ряд основных вопросов, решение которых необходимо для обеспечения эффективности и конкурентоспособности бизнеса.

Вопросы стимулирования труда в нашей стране имеют свои определенные особенности, которые связаны как с историческими аспектами формирования рыночной экономики, так и со специфическими чертами российского менталитета. Стимулирование труда создает условия для возникновения у работника потребности трудиться более производительно, другими словами, появления у работника мотивации к более эффективному труду и реализации этой мотивации в процессе труда.

Основная функция стимулирования труда заключается в создании побудительных мотивов к более эффективному труду, что непосредственно сказывается на трудовом коллективе [1].

Рассмотрим некий условный пример воздействия стимула на производительность труда работников. Первый вариант – мотивирующий стимул. В этом случае стимулирование дает вполне ожидаемый эффект, т. е. в результате воздействия стимула повышается мотивация работника, что становится причиной роста производительности труда, которая будет сохраняться в течение определенного времени (рис. 1).

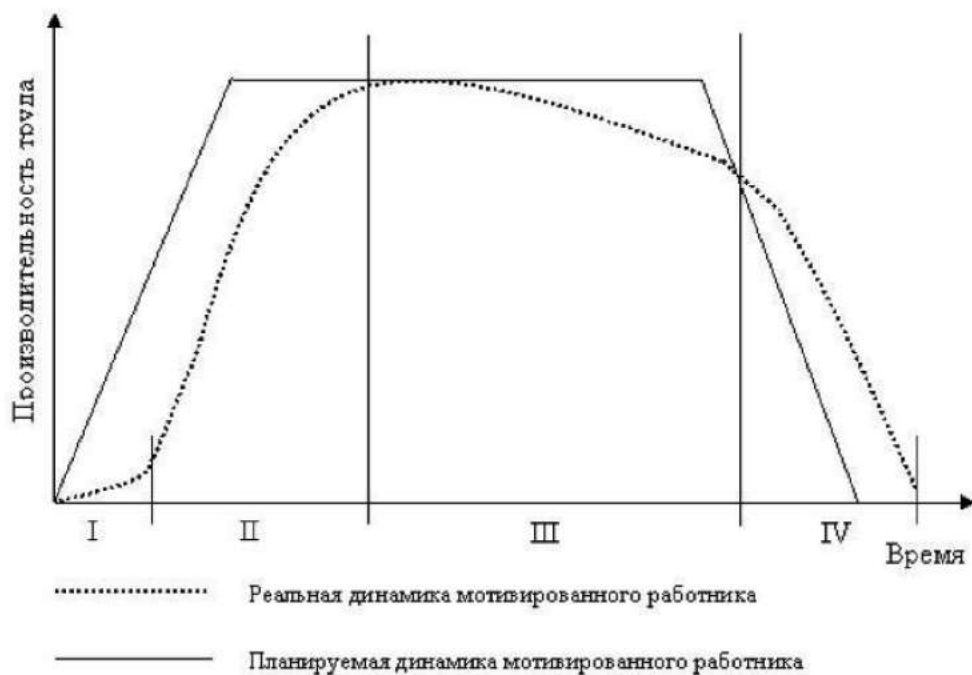

Рис. 1. Производительность мотивированного работника

Следует заметить, что это идеальная модель. В реальности же поведение работника будет отличаться от ожидаемого. Это можно объяснить тем, что работнику необходимо оценить стимул [3]. Только в случае соответствия стимула и мотивации работника можно ожидать увеличение производительности труда. Мотивационный стимул ориентирует работника на достижение целей, в которых он сам заинтересован, тем самым побуждает его производительную активность. В данном варианте четко прослеживаются четыре поведенческие фазы стимулированного работника:

- I фаза – оценка стимула работником;
- II фаза – рост производительности труда работника вследствие принятия стимула;
- III фаза – инерция, когда стимул, вследствие привыкания, начинает терять актуальность;
- IV фаза – депрессия, снижение производительности, так как стимул утрачивает свое действие.

Второй вариант – немотивирующий стимул. Стимул имеет либо краткосрочное влияние, либо вообще не дает эффекта (рис. 2).

Рис. 2. Производительность немотивированного работника

Фаза оценки чаще всего не занимает много времени. Фаза роста также незначительна и не приносит ожидаемого эффекта. Фазы инерции и депрессии фактически объединяются в одно целое – активность быстро падает. Это можно наблюдать в тех случаях, когда:

- во-первых, стимул не мотивирует персонал, т. е. работник не может оценить стимул;
- во-вторых, стимул может быть незначительным (например, низкое вознаграждение).

Третий вариант – демотивирующий стимул. В данном случае он обеспечивает кратковременный положительный эффект, а в дальнейшем действия работника становятся протестными. Общая схема действия демотивирующего стимула изображена ниже (рис. 3).

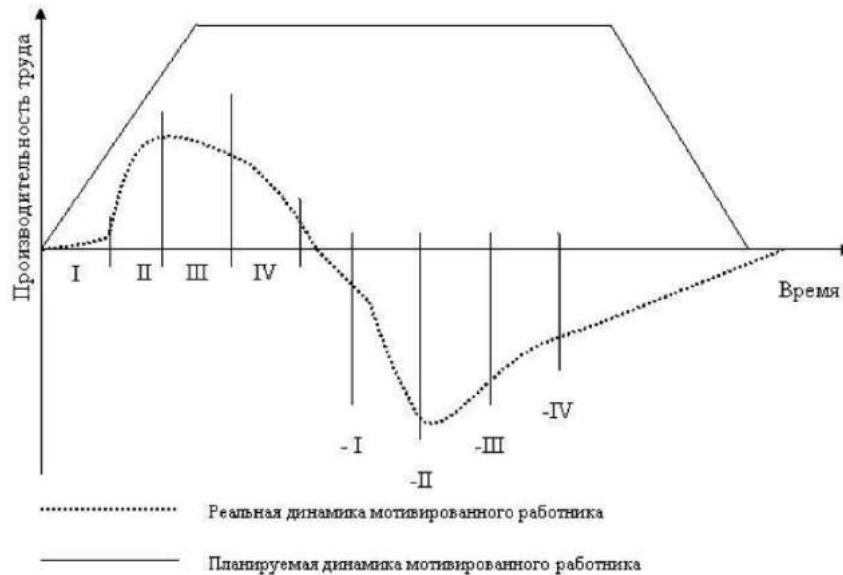

Рис. 3. Производительность демотивированного работника

Основные фазы демотивированного поведения [3]:

- I фаза – оценка стимула;
- II фаза – рост активности;
- III и IV фазы – инерция и депрессия;
- «-I» фаза – переоценка воздействия стимула;
- «-II» фаза – рост деструктивной активности;
- «-III» и «-IV» фаза – инерция и депрессия деструктивной активности.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что для создания рабочей системы стимулирования необходимо понимать мотивы работников предприятия.

В связи с этим вопросом следует кратко рассмотреть основные теории мотивации. В научной экономической литературе их принято разделять на две группы:

1. Содержательные теории;
2. Процессуальные теории.

В рамках содержательных теорий мотивации стараются выявить потребности людей, которые побуждают их к действию, в частности при определении объемов и содержания работ. В рамках данного направления представлены такие концепции мотивации как теория потребностей А. Маслоу, двухфакторная теория Ф. Герцберга, модель мотивации Д. МакКлелланда и теория мотивации К. Алдерфера [1].

В отличие от содержательных теорий мотивации, которые основаны на потребностях людей и связанных с ними факторов, процессуальные теории принимают во внимание мотивацию в ином плане. В рамках этих теорий анализируется распределение усилий работника для достижения различных целей, а также анализируется то, как работник выбирает конкретный вид поведения.

В настоящий момент выделяют три основные процессуальные теории мотивации. К ним относятся: теория ожиданий, теория справедливости и комплексная теория мотивации – модель Портера-Лоулера [1].

Характеристика теорий мотивации

Содержательные теории мотивации	
Теория потребностей Маслоу	Все человеческие потребности он разделял на пять групп и называл их базовыми потребностями: 1. физиологические потребности, которые являются необходимыми для жизни и существования; 2. потребность в безопасности (в нашем случае включает в себя и потребность уверенности в будущем); 3. потребность в принадлежности и любви (в случае описания мотивации трудовой деятельности их называют социальными потребностями); 4. потребность в признании (уважении) включает в себя потребности в самоуважении, личных достижениях, компетентности, уважении со стороны окружающих; 5. потребность в самоактуализации (самовыражении) – это потребность в реализации своих потенциальных возможностей и росте как личности. По теории Маслоу все эти потребности можно расположить в виде строгой иерархической структуры. В каждый конкретный момент времени человек будет стремиться к удовлетворению той потребности, которая для него является более сильной или важной.
Двухфакторная модель Герцберга	Двухфакторная теория Ф. Герцберга (мотивационно-гигиеническая) была предложена во второй половине 50-х годов XX века. Она основана также на потребностях людей. Теория мотивации Герцберга имеет много общего с теорией Маслоу. Гигиенические факторы соответствуют физиологическим потребностям и потребностям в безопасности и уверенности в будущем, описанным выше. Факторы мотивации Герцберга сравнимы с потребностями высших уровней Маслоу, т. е. потребностями в признании и самовыражении. Для эффективного использования теории Герцберга, необходимо составить перечень гигиенических факторов и факторов мотивации и предоставить возможность сотрудникам организации самим определить и указать то, что они предпочитают.
Модель мотивации МакКлелланда	Эта модель опирается на потребности высших уровней. Ее автор считал, что людям присущи три потребности: потребность во власти, в успехе и в причастности. Потребность во власти проявляется, как стремление контролировать ход событий и воздействовать на других людей. Потребность в причастности проявляется в стремлении человека к любви, привязанности, дружеским отношениям с окружающими. Мотивация на основании этой потребности схожа с мотивацией в социальной потребности теории А. Маслоу.
Теория мотивации Алдерфера	К. Алдерфер объединил потребности человека в три группы: – потребности существования – физиологические и потребности в безопасности; – потребности взаимосвязей – включают в себя стремление получить поддержку, признание, одобрение других людей; – потребность роста – побуждают человека к реализации своих способностей к самоутверждению, самовыражению и т.п. Эти группы потребностей сопоставимы с группами, выделенными Маслоу, но отличаются тем, что движение от потребности к потребности возможно не только снизу вверх, но и в обратном направлении.
Процессуальные теории мотивации	
Теория ожиданий	Теория ожиданий базируется на положении о том, что наличие активной потребности не является единственным и необходимым условием мотивации человека на достижение определенной цели. Человек должен также надеяться на то, что выбранный им тип поведения действительно приведет к удовлетворению или приобретению желаемого им блага. Теория ожиданий представляет различные возможности для руководителей и менеджеров, которые стремятся повысить мотивацию трудовой деятельности у своих работников.
Теория справедливости	Теория справедливости С. Адамса также дает объяснение того, как люди распределяют и направляют свои усилия для достижения поставленных целей. В качестве постулата теория справедливости принимает тот факт, что люди субъективно определяют отношение полученного вознаграждения к затраченным усилиям и затем соотносят его с вознаграждением других людей, выполняющих аналогичную работу.
Комплексная теория мотивации – модель Портера-Лоулера	Л. Портер и Э. Лоулер разработали комплексную процессуальную теорию стимулирования, включающую элементы теории ожидания и теории справедливости. В их модели присутствуют пять переменных: затраченные усилия, восприятие, полученные результаты, вознаграждение, степень удовлетворения. В соответствии с созданной моделью можно определить следующую зависимость: достигнутые результаты труда зависят от приложенных сотрудником усилий, его способностей и характерных особенностей, а также от осознания им своей роли. Уровень приложенных усилий будет определяться ценностью вознаграждения и степенью уверенности в том, что данный уровень усилий действительно повлечет за собой вполне определенный уровень вознаграждения. Кроме этого, в теории Портера-Лоулера устанавливается соотношение между вознаграждением и результатами, т. е. сотрудник удовлетворяет свои потребности посредством вознаграждения, полученного за достигнутые результаты.

Можно сказать, что теории систем мотивации персонала уже давно приобрели канонические формы в литературе по менеджменту. Однако, существующие теории мотивации, как показывает практика, не помогают в решении реальных проблем мотивации, возникающих у руководителей и, тем более, в разработке гармоничной системы мотивации [1].

Однако, повышение эффективности труда, высокая мотивация работников является одной из главных задач любой компании.

«Умение управлять людьми – это товар, который можно купить точно так же, как мы покупаем сахар или кофе. И я заплачу за такое умение больше, чем за что-либо другое на свете,» – говорил один из величайших менеджеров прошлого Джон Рокфеллер.

В мире еще не придумано лучшего механизма управления персоналом, чем методы материального стимулирования. И сколько бы ни велось разговоров про главенство нематериального стимулирования над выплатой «живых» денег, 80 – 90 % стимулов к высокопроизводительному труду в условиях развивающейся рыночной экономики составляет заработная плата [3].

Следует заметить, что расходы на заработную плату рассматриваются в основном как затратная статья, а не как экономическое явление, характеризующее состояние вознаграждения труда работников, соединяющее их интересы с интересами производства и базирующееся на принципе материальной заинтересованности работников в результатах своего труда и успеха организации. Очевидно, что существует необходимость в научной методике анализа вознаграждений персонала, способной увязать экономические интересы работодателя с социальными интересами работников. Создание эффективной функционирующей системы из всех элементов оплаты труда будет способствовать достижению максимальных результатов для работника, работодателя и общества в целом.

Переходя к предмету исследования, необходимо отметить, что в структуре затрат рыбоводного предприятия заработная плата занимает от 5 до 10 % (рис. 4).

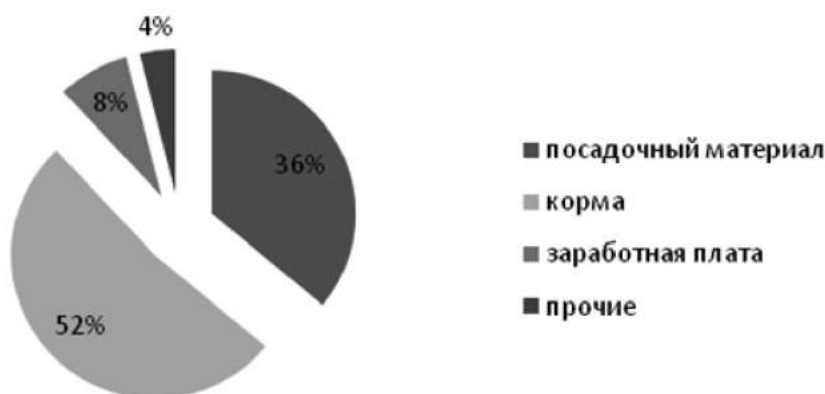

Рис. 4. Структура затрат рыбоводного предприятия

Несмотря на относительно низкую долю заработной платы в структуре затрат предприятия именно труд работников определяет экономический смысл всех остальных, понесенных в процессе деятельности предприятия, затрат.

Система стимулирования труда работников рыбоводных предприятий в своей основе содержит концепцию материального стимулирования, нацеленную на результат [8]. Основу системы составляет идея разделения общей суммы выплат работнику рыбоводного предприятия на две части: базовой части и вознаграждения. Базовую часть предлагается считать как уровень оплаты труда, который является значением не меньшим, чем среднеотраслевой размер заработной платы рыбоводов, т. е. в настоящее время – не менее 15 тыс. рублей. Вознаграждение же считается на основе модели, которая будет описана ниже.

В основу модели расчета размера вознаграждения заложен такой показатель как кормовой коэффициент, который является достаточно удобным для оценки качества работы рыбоводов и результатов выращивания рыбы. Вообще, кормовой коэффициент – это показатель затрат кормовых единиц на прирост единицы биомассы объектов выращивания. Этот показатель по итогам сезона интегрирует в себе большинство факторов, связанных с выращиванием рыбы: показатель смертности, качество

кормов, правильность программы кормления и ее соблюдение и др. В связи с этим, этот коэффициент был положен в основу модели расчета вознаграждения.

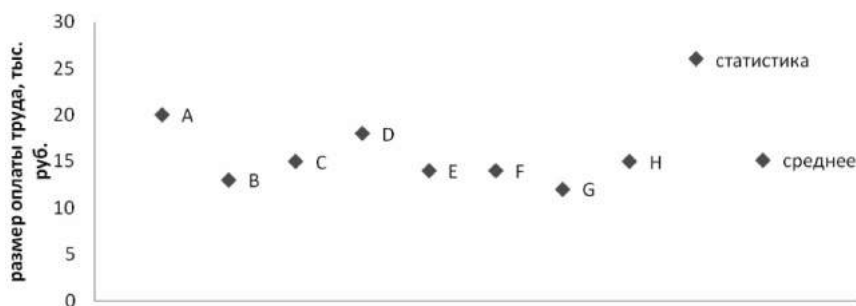

Рис. 5. Размер оплаты труда рыбоводов РК (по выборке предприятий)

Также в этой модели учитываются плановые и фактические объемы выращивания, на которые установлены ограничения. Так, при фактических объемах выращивания ниже 80 % от плановых вознаграждение выплачивать является экономически нецелесообразным, поскольку доходы уже не покрывают затраты на ведения бизнеса. С другой стороны, верхним пределом является 100 %-ное выполнение плана, при котором вознаграждение максимальное. Превышение плана – маловероятная ситуация, поскольку плановый показатель рассчитывается как идеальный вариант, исходя из погодных условия, температурного режима и содержания кислорода на основе уже существующих методик расчета биомассы рыбы.

Исходя данных теоретической модели, высчитывается поправочный коэффициент, размер которого соответствует определенному уровню выполнения плана (рис. 3).

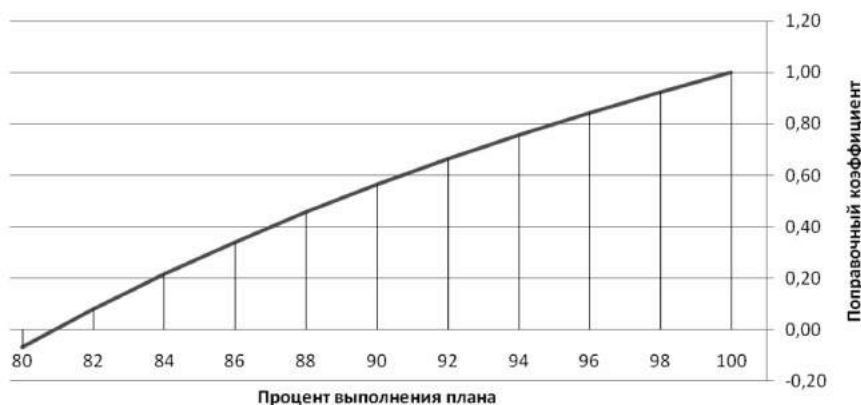

Рис. 6. Размер поправочного коэффициента в зависимости от степени выполнения плана

Далее все данные заполняются в форму, разработанную в программном продукте MSExcel (левый столбец табл. 2), в результате чего рассчитывается размер вознаграждения. Впоследствии руководство предприятия распределяет данную сумму согласно графику работ работников, в соответствии с отработанным временем.

Таблица 2

Модель расчета вознаграждения в MSExcel (пример)

Изменяемые данные	
Предполагаемая сумма выплат, руб.	30 000
Базовая заработная плата, руб.	15 000
Фактические данные	
Мощность хозяйства, кг	100 000
Производительность, т/ч	20
Количество рыбоводов	5
Выполнение плана по выращиванию, %	95
Рассчитываемые показатели	
Вознаграждение, руб./кг	6,8
Размер вознаграждения на каждого работника, руб.	136 068

Значение вознаграждения в вышеприведенной таблице рассчитывается как разница между предполагаемым размером выплат (максимальный размер выплат, который готов предоставить руководитель предприятия при 100 % выполнении плана) и базовой заработной платой, после чего эта разница корректируется на поправочный коэффициент.

Вышеизложенную модель необходимо скорректировать в соответствии с фактическими данными по выращиванию на каждом предприятии, с целью приближения результатов к реальным условиям.

Необходимо отметить, что применение данной модели имеет определенные ограничения:

- систематические перебои в поставках кормов;
- предприятие находится на стадии открытия и вплоть до выхода на проектную мощность;
- ошибочные управленческие решения, признаваемые руководством.

В качестве вывода следует отметить, что представленная выше система стимулирования труда позволит решить некоторые проблемы управления персоналом на рыболовных предприятиях благодаря тому, что при использовании данной модели удастся согласовать интересы руководства предприятия в повышении эффективности и интересы работников в дополнительном поощрении, при этом учитывая сезонный характер производства.

Список использованной литературы

1. Верхоглазенко В. Системы мотивации персонала // Консультант директора № 4, 2002. С. 23–34
2. Выращивание форели в садках. Методические рекомендации / под. ред. д.б.н., проф. Рыжкова Л.П. Петрозавоск. 2000. 57 с.
3. Ендовицкий Д.А. Системный подход к экономическому анализу вознаграждения персонала // Аудит и финансовый анализ № 1, 2006. С. 48–57.
4. Мухин В.И. Исследование систем управления: Учебник для вузов / В.И. Мухин. М.: «Экзамен», 2003. 384 с.
5. Одегов Ю.Г., Карташова Л.В. Управление персоналом, оценка эффективности. М.: Издательство «Экзамен», 2005.
6. Ратнер Г. Современные системы оплаты труда // [http://www.cfin.ru/management/people/motivation/payment_system.shtml].
7. Состояние мирового рыболовства и аквакультуры. Доклад ФАО, 2012
8. Чингос, Питер Т. Оплата по результату. Из опыта оплаты труда персонала в США.: пер. с англ. М.: Издательский дом «Вильямс», 2004. 415 с.
9. Шекшня С.В. Управление персоналом современной организации: учебно-практическое пособие. М.: ЗАО «Бизнес-школа «Интел-Синтез», 2004.
10. Global aquaculture outlook in the next decades: an analysis of national aquaculture production forecasts to 2030, FAO Fisheries Circular No. 1001. FIPP/C1001 (En). Rome. 2004. 47 p.

Проблемы и направления развития инновационного предпринимательства в Республике Карелия

*Загидуллин Р.В.
Петрозаводский государственный университет
г. Петрозаводск*

Современная мировая хозяйственная система характеризуется необходимостью постоянного роста производительности и продуктивности в условиях ограниченности первичных ресурсов. Поэтому в существующей системе постоянно осуществляется перестройка составляющих ее компонентов и взаимосвязей между ними с целью повышения эффективности использования ресурсов. Это достигается за счет непрекращающейся инновационной деятельности в различных отраслях, секторах и различных структурных уровнях экономики стран, регионов и всего мирового хозяйства в целом. Неудивительно, что за последнее десятилетие большое количество научных исследований посвящается теме инноваций и их роли в дальнейшем развитии мирового хозяйства.

Инновационное предпринимательство, как самостоятельный и достаточно узкоспециализированный вид предпринимательской деятельности, выступающий в виде коммерциализированного ре-

зультата научно-технических разработок, безусловно, базируется на основополагающих теоретических понятиях, использование которых позволяет структурировать применение теоретических знаний в практической (предпринимательской) среде.

Неразрывная логическая связь между практическим внедрением инноваций и их научным обоснованием является важнейшей составляющей всего процесса инновационного предпринимательства. Именно поэтому, обращая внимание на вопросы проблематики и развития инновационного предпринимательства на территории Республики Карелия нельзя не оставить без внимания сам понятийный аппарат инноваций, ведь отталкиваясь от того или иного определения, используя смысловые и логические цепочки (выкладки), можно прийти к различным умозаключениям, а следовательно, и выводам касательно проблематики.

Сегодня, благодаря «Руководству Осло» [2] и иной нормативно-правовой базе в экономике сформировалось понимание того, что «инновация» – это конечный результат деятельности, в виде нового и/или усовершенствованного продукта, внедренного на рынке, нового и/или усовершенствованного технологического процесса, используемого в практической деятельности (работе), или в новом подходе к социальным услугам. Таким образом, понятие инновации абсолютно точно применимо не только к материальной сфере, но так же и к области услуг.

При этом необходимо отметить, что официальной статистикой выделяются несколько типов инноваций: технологические (продуктовые, процессные); организационные; экологические; маркетинговые; стратегические; управленческие; эстетические*.

В конце 2011 г. Правительство Российской Федерации утвердило Стратегию инновационного развития Российской Федерации (далее, Стратегия) на период до 2020 г. [1]. В стратегии отмечается, что она была разработана на основе положений Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 г. и в соответствии с Федеральным законом «О науке и государственной научно-технической политике». В данном документе представлен анализ современного состояния и проблем инновационного развития Российской Федерации, также описаны стратегии в системе стратегического планирования. На основе этого поставлены цель, задачи и этапы инновационного развития, которые подразумевают формирование компетенций инновационной деятельности, повышения инновационной активности бизнеса и науки, создания в целом инновационного государства с соответствующе развитой инфраструктурой, что в свою очередь позволит достойно участвовать в мировой инновационной системе.

В общих чертах данная Стратегия предполагает, что через восемь лет страна сможет существенно повысить долю предприятий промышленного производства, осуществляющих технологические инновации, повысить экспорт российских высокотехнологичных товаров, что позволит претендовать на 10 % мирового рынка высокотехнологичных услуг, а доля инновационного сектора в ВВП вырастет до 20 %.

В данном документе отмечается, что «Россия ставит перед собой амбициозные, но достижимые цели долгосрочного развития, заключающиеся в обеспечении высокого уровня благосостояния населения и закреплении геополитической роли страны как одного из лидеров в мировой экономике. Единственным возможным способом достижения этих целей является переход экономики на инновационную социально ориентированную модель развития...» [1].

Однако этот путь значительно осложнен явлениями внешней среды и можно согласиться с наиболее ключевыми угрозами для достижения поставленной цели [4]:

1. Ускорение технологического развития мировой экономики.

Многие развивающиеся страны, например, государства – участники СНГ, сегодня становятся реальными конкурентами России наряду со странами – лидерами в сфере инноваций. Так, например, Правительством Казахстана разработан Межотраслевой план научно-технологического развития страны до 2020 г., в рамках которого определены приоритеты для исследований по 5 ведущим отраслям. Финансирование науки в Казахстане в 2012 г. по сравнению с 2011 г. возросло в 2,8 раза, здесь создан Единый банк данных инновационных проектов, которые финансируются государством, принят Закон Республики Казахстан от 03.07.2002 № 333–2 «Об инновационной деятельности». В 2011 г. в Казахстане построено 350 новых предприятий инновационного типа, внедрено 13 инструментов поддержки инноваций, создано 9 офисов коммерциализации, расширено международное сотрудни-

* Рекомендации ОЭСР/Евростата по сбору и анализу данных по инновациям.

чество в области развития новых технологий с развитыми странами. Создано 2 международных центра трансферта технологий с Францией и Кореей. В России такого уровня инновационной активности не наблюдается. Это признается и в Стратегии, что повышает неопределенность в развитии России и может привести к снижению спроса и цен на ключевые товары отечественного сырьевого экспорта, сокращению поступления в экономику России финансовых ресурсов, необходимых для модернизации и в итоге к снижению значимости РФ в мировой политике.

2. Существенные вливания развитых стран в технологическое развитие.

Сегодня развитые страны в рамках антикризисных мероприятий направляют десятки млрд. долларов дополнительных инвестиций на развитие ключевых направлений экономики (биотехнологии, медицина, атомная отрасль, IT и др.).

У России нет таких возможностей. Большая страна требует больших социальных и управленческих расходов, а так же значительных средств на поддержание своей обороны и безопасности граждан.

Таким образом, Россия уступает развитым странам не только по объемам финансирования инновационной деятельности, которые у нас уже сейчас ниже в несколько раз, и имеют дальнейшую тенденцию к снижению, но и по определению приоритетов государственного финансирования.

3. Усиление конкурентной борьбы.

Данная угроза рассматривается в мировом масштабе и, в первую очередь усиливается борьба за квалифицированную рабочую силу и инвестиции, привлекающие в проекты новые технологии, знания и компетенции, то есть за факторы, определяющие конкурентоспособность инновационных систем.

Создание национальной инновационной системы будет отнесено к числу наивысших приоритетов государственной политики РФ.

Под национальной инновационной системой подразумевается совокупность хозяйствующих и управляющих субъектов, взаимодействующих в процессе реализации инновационной продукции (услуг), или её создания, осуществляющих свою деятельность на основе необходимой и достаточной нормативно-правовой базы в рамках проводимой государством политики.

В правительстве создаются комиссии и корпорации, способствующие экономической модернизации, подготавливаются законы об инновационной системе, рассматриваются предложения по запуску прорывных инновационных проектов (инноград, агентство передовых разработок, технопарки и т. д.). Однако очевидно, что в ближайшей перспективе кардинально повысить инновационную активность, а так же эффективность работы компаний, создать конкурентную среду, стимулирующую использование инноваций, не удастся.

В целом ситуация с национальной инновационной системой такова – её как не было, так и нет. Вероятно, в качестве основной причины этого факта выступает недостаточная ориентированность инновационной политики России, на ключевой её элемент – человека, человеческий капитал.

С этой точки зрения под национальной инновационной системой необходимо понимать не только сумму взаимосвязанных экономических агентов (предприятий, научных организаций, вузов, фондов, инвесторов и др.), но также следует не забывать и о таких связующих элементах, как общественные ценности, социальные гарантии, достойная заработная плата, институт развития личности человека и т.п. Иначе, отток из страны конкурентоспособных кадров, технологий, идей и капитала будет продолжаться.

4. Отсутствие инновационной предпринимательской культуры.

Эта причина, препятствующая становлению российской инновационной экономики, заслуживает наибольшего внимания.

Во-первых, потому, что это единственный фактор, инновационной активности, на который обычный человек может реально воздействовать. В то время, как например, изменить структуру государственных расходов в пользу инновационной сферы, либо повлиять на структуру экспорта в сторону товаров с высокой добавочной стоимостью и т. д., под силу только высшему эшелону власти. По этому поводу нам доступны только рассуждения, обобщения, формирование частных выводов, которые затем кочуют из издания в издание и по сути практической ценности не имеют.

Во-вторых, именно от предпринимателя, в конечном счете, зависит то, станет ли новшество инновацией или нет. Сегодня, например, частный сектор экономики не проявляет достаточной заинтересованности во внедрении инноваций.

Региональная специфика инновационного предпринимательства Республики Карелия имеет свои специфические черты.

Основная коллизия, «проблема проблем» становления и развития инновационного предпринимательства, характерная не только для Карелии, но и для России в целом, связана с тем, что современная российская экономика представлена главным образом массовым стандартизированным производством, господствующим прежде всего в гипертрофированном сырьевом секторе. Соответствующая хозяйственная среда, отрицающая факторы индивидуализации, конкурентности, мобильности, априори определяет бесперспективность и неэффективность функционирования малых инновационных предприятий, обесмысливает и любые формы и масштабы их поддержки. Наличие достаточно большого числа моногородов, а так же крупных производств технологически ограничивает развитие инноваций. Стратегический выход состоит в переводе экономики с сырьевой модели на альтернативную – инновационную, предполагающую, в частности, гибкую производственную специализацию.

Инновационное предпринимательство в качестве объекта госрегулирования находится «на пересечении» двух составляющих (разделов, блоков) экономики: предпринимательства и инновационной сферы. Это провоцирует неучет специфики инновационного предпринимательства в государственных программах, разрабатываемых различными ведомствами, предопределяет ресурсную недостаточность и фрагментарность, а, следовательно, и низкую эффективность, осуществляемых мер господдержки. Только лишь на основе выстраивания единой и цельной системы такой поддержки, сопрягаемого с серьезными и глубокими изменениями во всем хозяйственном механизме можно решить эти проблемы. Появлением механизмов государственной стимуляции инновационной деятельности в Республике Карелия, выраженных в формах предоставления грантовой поддержки субъектам малого и среднего бизнеса (500 тыс. руб.), а так же развития действующих инновационных компаний (5 млн руб.), оказывает положительное влияние на изменение ситуации, но в то же время является недостаточным для осуществления интенсивного роста и прорывного инновационного скачка.

В настоящее время существуют определенные проблемы с целостной специализированной инфраструктурой консалтинговых и сервисных услуг для инновационного предпринимательства, а также информационным обеспечением его комплексного развития. Степень информированности субъектов малого инновационного предпринимательства о наличии сервисных организаций и характере их услуг – неудовлетворительна, предложение одних видов услуг превышает спрос на них, а других – далеко не удовлетворяет существующую потребность (например, дефицитность консалтинга по проблемам оформления проектов, их экспертизы, организации финансирования реализации, вопросы оформления и защиты интеллектуальной собственности). Выходом является развертывание сети региональных центров поддержки инноваций в малом предпринимательстве, призванных выполнять функции координаторов и посредников между разработчиками проектов, финансирующими структурами и государственными органами.

Необходимо отметить, что в Республике Карелия сформирован реестр объектов инновационной инфраструктуры Карелии, которые предоставляют поддержку инновационным компаниям [3]:

1. Гарантийный фонд Республики Карелия;
2. Бизнес-инкубатор Республики Карелия;
3. Карельский центр научно-технической информации;
4. ООО «Карельская инвестиционная компания «РБК»;
5. Карельский центр трансфера технологий и инноваций;
6. ООО «Инновационный Центр наукоёмких технологий «Укко»;
7. Информационно-аналитический центр мониторинга и прогнозирования потребности в квалифицированных кадрах для инновационных отраслей экономики ПетрГУ, ИАЦМП;
8. Технологический парк «IT-парк Петрозаводского государственного университета» (IT-парк ПетрГУ);
9. Территориально распределенный промышленно-технологический парк «ТехноградПетрГУ»;
10. Региональный центр трансфера технологий Петрозаводского государственного университета, РЦТТ;
11. Центр коллективного пользования научным оборудованием Петрозаводского государственного университета, ЦКП ПетрГУ;

12. Центр консалтинга и экспертизы инновационных проектов Петрозаводского государственного университета, ЦКЭИП;

13. Студенческий бизнес-инкубатор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Петрозаводский государственный университет» (СБИ ПетрГУ);

14. Центр коллективного пользования приборами Института геологии Карельского научного центра РАН;

15. Центр коллективного пользования приборами Института леса Карельского научного центра РАН;

16. Инновационно-технологический центр садкового рыбоводства (ИТЦ СР) ПетрГУ;

17. Инновационно-технологический центр ГИС и моделирования транспортных процессов лесного и минеральносырьевого комплексов (ИТЦ ГИС) ПетрГУ;

18. Инновационно-технологический центр в области элементной базы, электронных устройств и сетевых технологий (ИТЦ электроники) ПетрГУ.

Весьма острой является кадровая проблема: развитие инновационного предпринимательства достаточно серьезно сдерживается дефицитом квалифицированных специалистов в области инновационного предпринимательства и менеджмента. Поэтому традиционную подготовку таких кадров в вузах, как представляется, следует дополнить организацией соответствующего учебного процесса на базе вышеупомянутых региональных центров.

Согласно сведениям о статистике инновация в России (по данным за 2012 г.), удельный вес организаций (%) в экономике региона, осуществлявших технологические инновации в Республике Карелия составляет 8,1 % [6]. При этом, Министерством экономического развития Республики Карелия сформирован перечень инновационно-активных организаций Республики Карелия [3] (согласно Форме 4–инновация статотчетности), в который входят: ОАО «Кондопога»; ОАО «Карелия ДСП»; ОАО «Сегежский ЦБК»; ФЛ «Карелияэлектросвязь»; ОАО «Хлебозавод «Сампо»; ОАО «Петрозаводский хлебокомбинат»; ФГУП Петрозаводское ПРОП РОСЗДРАВА; ОАО «СЛАВМО»; ООО «Петронет»; УФС РК филиал ФГУП ПОЧТА РОССИИ; ООО ПЗМ_ТНП; ЗАО «ХОЛОД СЛАВМО»; ЗАО «Петрозаводскмаш»; ООО «ОТЗ»; ЗАО «ВМЗ»; ОАО «Карельский окатыш».

Так же сформирован реестр малых и средних инновационных предприятий Карелии, удельный вес которых в экономике региона, по данным статистики, составляет 5,4 % (Табл. 1) [3,6].

Таблица 1

Реестр малых и средних инновационных предприятий Республики Карелия

№ п/п	Наименование компании	Производят инновационный продукт или услугу	Обладают инновационной технологией	Внедряют инновационный продукт или технологию на других предприятиях
1	ИТ парк ПетрГУ	+		+
2	ООО «Прорыв»	+		+
3	ЗАО «ЭФЭР»	+	+	
4	Неосистемы	+		+
5	Телекомстрой	+	+	+
6	ООО «Нелан– оксид»		+	
7	ООО «Лаб 127»	+	+	
8	ПлазмаЛаб	+	+	
9	ТД Ярмарка	+	+	
10	Сведвуд Карелия		+	
11	ООО «Технологии прорыва»		+	+
12	ООО «Чистая вода»	+	+	+
13	ООО «Энергоресурс»	+		+
14	ООО «Шунгитон»		+	
15	ООО «Карбон-шунгит»		+	+
16	МВ BARBELL	+	+	

17	ООО «Энергоресурсоэффективная экономика»	+	+	+
18	ЗАО «СИБИРИТ-3»	+	+	+
19	ОАО «Стройтехника»	+	+	+
20	ООО «Инвестбизнесконсалтинг»	+		+

Необходимо обратить внимание, что приведенные данные отражают сведения государственного статистического наблюдения.

Однако, как показывает практика проведения образовательных программ и семинаров для предпринимателей в регионах Карелии [4], в своем большинстве предпринимательские структуры не понимают ни что такое инновации, ни что такое инновационный подход, ни что такое инновационная деятельность и т.п., и, каким образом все это может быть связано с их конкретным бизнесом.

Из группы средней численностью 20 человек, как правило, находятся только 1–2 человека, которые считают, что инновации, возможно, применимы в их сфере деятельности. Остальные участники убеждены, что инновации – это не для них! В инновационной экономике малый бизнес выступает в качестве институциональной структуры, обеспечивающей динамизм экономической системы, который способствует быстрой коммерциализации результатов исследований и разработок, а также обеспечивает адаптацию к изменению условий во всех сферах деятельности. Поэтому основные задачи поддержки и развития инновационного предпринимательства в Республике Карелия в целом можно отнести к следующим моментам:

- создание условий для функционирования конкурентного механизма инновационного предпринимательства;
- обеспечение всеобъемлющей поддержки базисных и улучшающих инноваций, составляющих основу технологического уклада;
- содействие повышению инновационной активности, благодаря обновлению производства и внедрению научно-технических достижений, росту конкурентоспособности производимой продукции;
- обеспечения трансфера технологий – инноваций, защите интересов инновационных компаний;
- создание механизма сотрудничества субъектов инновационной системы региона (крупный, средний, малый бизнес, научные организации, госучреждения);
- формирование комплекса мероприятий, направленных на развитие экспортного потенциала инновационных компаний и развитие кооперационных связей в научно-технической, инновационной сферах;
- формирование инфраструктуры эффективного и устойчивого функционирования субъектов инновационного предпринимательства.

Планомерная и комплексная реализация указанных выше тезисов позволит, по мнению автора, оказать существенное влияние на скорейшее и плодотворное развитие инновационного предпринимательства в Республике Карелия.

Список использованной литературы

1. Распоряжение Правительства РФ от 08.12.2011 № 2227-р «Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года». [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Руководство Осло // Совместная публикация ОЭСР и Евростата. Третье издание. М.: 2010. 107 с.
3. Республика Карелия. Официальный портал органов государственной власти Республики Карелия [Электронный ресурс] / URL: <http://www.gov.karelia.ru/gov/index.html> (дата обращения: 01.10.2013).
4. Тужикова О. Г. Инновационная культура в предпринимательстве // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер.: Общественные и гуманитарные науки. 2013. № 3 (132). С. 111–111.
5. Федеральный закон от 24.07.2007 г. № 209–ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (в ред. от 23.07.2013).[Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Федеральная служба государственной статистики. Официальный портал органа государственной власти РФ [Электронный ресурс] / URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science/ (дата обращения: 25.09.2013).

Проблемы и перспективы развития инфраструктуры малого и среднего предпринимательства в муниципальном образовании

Ноговицына О.С., Токарева П.В., Лункашу В.И.
Вятский государственный университет,
г. Киров

В соответствии со статьей 15 Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» под инфраструктурой поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства понимается «система коммерческих и некоммерческих организаций, которые создаются, осуществляют свою деятельность или привлекаются в качестве поставщиков (исполнителей, подрядчиков) в целях размещения заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных или муниципальных нужд при реализации федеральных программ развития субъектов малого и среднего предпринимательства, региональных программ развития субъектов малого и среднего предпринимательства, муниципальных программ развития субъектов малого и среднего предпринимательства, обеспечивающих условия для создания субъектов малого и среднего предпринимательства, и оказания им поддержки» [1].

На сегодняшний день процесс создания и развития объектов инфраструктуры реализуется тремя уровнями власти, что приводит к тому, что на территории муниципального образования функционирует множество инфраструктурных объектов, решающих одни и те же задачи и не координирующие свои действия (рис. 1).

В то же время бюджетное финансирование деятельности объектов инфраструктуры приводит к тому, что руководство данных объектов не изучает спрос на предоставляемые услуги, не занимается поиском современных технологий работы с предпринимателями.

Рис. 1. Организационно-экономический механизм формирования и развития инфраструктуры малого и среднего предпринимательства в муниципальном образовании

Анализ деятельности объектов инфраструктуры малого и среднего предпринимательства в муниципальном образовании «Город Киров» позволил выявить основные направления поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства:

1. Информационно-консультационная поддержка – 70 % объектов инфраструктуры специализируются на предоставлении консультационных услуг по юридическим вопросам, бухгалтерскому учету и бизнес-планированию;

2. Организационная поддержка – 50 % объектов инфраструктуры специализируются на организации встреч субъектов малого и среднего предпринимательства с представителями Администрации муниципального образования «Город Киров», объединении предпринимателей, организации встреч субъектов малого и среднего предпринимательства для выработки общих стратегий развития различных видов деятельности на территории города, организации бесплатных семинаров, тренингов, мастер-классов, круглых столов, конференций по вопросам развития предпринимательства;

3. Финансовая поддержка предоставляется в виде субсидирования затрат субъектов малого и среднего предпринимательства (МБУ «Центр инноваций»), льготного и гарантийного кредитования (Кировский областной фонд поддержки малого и среднего предпринимательства), льготного кредитования (Кировский муниципальный фонд поддержки предпринимательства);

4. Имущественная поддержка является наименее развитой на сегодняшний день, осуществляется МБУ «Центр инноваций» и заключается в проведении конкурсного отбора предпринимательских проектов в целях предоставления льготной аренды офисных помещений.

Вместе с тем, как показал опрос субъектов малого и среднего предпринимательства в муниципальном образовании «Город Киров», наиболее востребованными видами поддержки являются:

- финансовая поддержка (64 % опрошенных предпринимателей);
- имущественная поддержка (30 % опрошенных предпринимателей);
- информационная поддержка (30 % опрошенных предпринимателей);
- консультационная поддержка (21 % опрошенных предпринимателей);
- поддержка в области подготовки, переподготовки и повышении квалификации кадров (20 % опрошенных предпринимателей);
- поддержка в области инноваций и промышленного производства (17 % опрошенных предпринимателей);
- поддержка внешнеэкономической деятельности (14 % опрошенных предпринимателей).

Таким образом, наблюдается дисбаланс между интересами предпринимателей и объектами инфраструктуры. Кроме того, для объектов инфраструктуры характерны следующие проблемы:

- недостаток финансовых ресурсов;
- недостаточная информированность субъектов малого и среднего предпринимательства о деятельности объектов инфраструктуры;
- недостаточно развита материально-техническая база объектов инфраструктуры;
- низкий уровень понимания субъектов малого и среднего предпринимательства, какого рода поддержка им нужна;
- низкая квалификация персонала субъектов малого и среднего предпринимательства, которые обращаются за помощью;
- отсутствие поддержки (финансовой) со стороны Администрации г. Кирова объектам инфраструктуры.

Для решения существующих проблем в первую очередь необходимо пересмотреть коммуникационные и финансовые потоки между объектами инфраструктуры, федеральным, региональным и муниципальным уровнем власти, а также рассмотреть возможность включения частного инвестора (рис. 2).

В качестве общих рекомендаций по развитию инфраструктуры малого и среднего предпринимательства и совершенствованию механизма взаимодействия администрации муниципального образования, объектов инфраструктуры, общественных организаций и субъектов малого и среднего предпринимательства можно выделить следующие:

- обеспечение стабильной правовой среды функционирования инфраструктуры малого и среднего предпринимательства;
- формирование единой программы развития инфраструктуры малого и среднего предпринимательства муниципального образования и финансирование данной программы за счет средств бюджетов всех уровней (рис. 2);
- развитие механизмов государственного (муниципального) – частного партнерства для реализации мероприятий программы развития инфраструктуры малого и среднего предпринимательства (рис. 2);

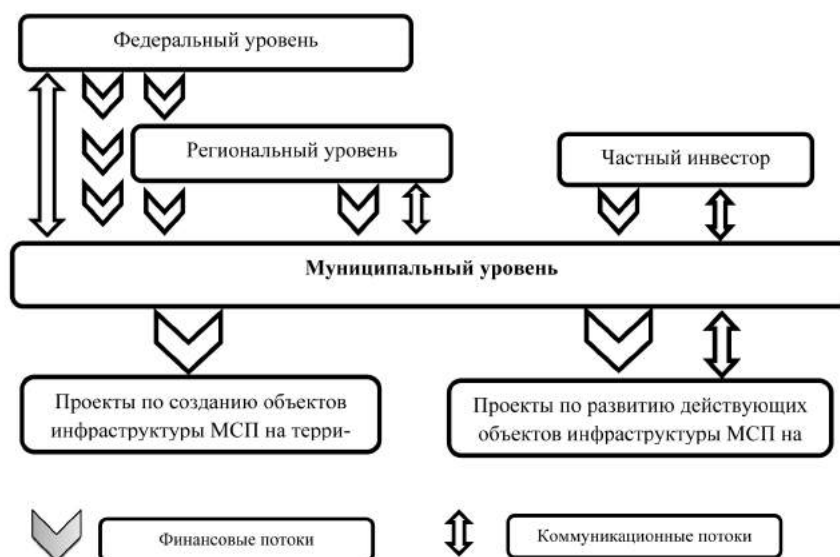

Рис. 2. Рекомендуемый организационно-экономический механизм формирования и развития инфраструктуры малого и среднего предпринимательства в муниципальном образовании

- заключение соглашений о сотрудничестве с администрацией муниципального образования и работа в рамках этих соглашений;
- финансирование мероприятий, проводимых объектами инфраструктуры, на конкурсной основе;
- увеличение объемов финансирования в части субсидирования затрат субъектов малого и среднего предпринимательства и системы предоставления льготных займов;
- поддержку необходимо отрабатывать, т. е. обязательно условием должно являться сопровождение проектов, получивших финансовую поддержку;
- увеличение количества узкоспециализированных деловых мероприятий для субъектов малого и среднего предпринимательства;
- увеличение объемов предоставления субъектам малого и среднего предпринимательства муниципальных площадей по льготной арендной плате (как производственных, так и офисных).

Список использованной литературы

1. Федеральный закон от 24.07.2007 N 209–ФЗ (ред. от 02.07.2013) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.09.2013).

Проблема выхода судостроительного предприятия на рынок северной Европы (на примере верфи деревянного судостроения «Варяг»)

*Ошутинский М.П., Кирьянен А.П.
Петрозаводский государственный университет
г. Петрозаводск*

В условиях глобализации международные рынки представляют интерес для российских компаний, поскольку позволяют найти новых клиентов и открыть возможности для сбыта продукции.

В октябре 2013 года 5 ВУЗов Баренц-региона приняли участие в конкурсе бизнес-идей Practice Future 2013 (an Open Innovation Local Business and Students Network in the Barents Region): Арктиче-

ский университет Норвегии, Университет Кеми-Торнио (Финляндия), Мурманский государственный технический университет, Международный институт бизнес-образования и Петрозаводский государственный университет. **Practice Future – международный проект, финансирование которого осуществляется по программе приграничного сотрудничества в еврорегионе «Коларктик».** Проект Practice Future 2013 направлен на социально-экономическое развитие еврорегиона, при этом ВУЗы, как центры научных знаний, проводят экспертизу работы малых и средних предприятий в Баренц-регионе и разрабатывают для предприятий, стремящихся к выходу на зарубежные рынки, научно обоснованные бизнес-модели. Возможности такой работы с ВУЗом заинтересовали петрозаводское предприятие – верфь деревянного судостроения «Варяг». В рамках проекта нами были рассмотрены пути выхода этого судостроительного предприятия на международный рынок, в частности рынок Северной Европы.

Необходимо отметить, что компании, строящие деревянные суда, стремятся к выходу на международный рынок по нескольким причинам:

- расширение рынка сбыта. Потенциальными заказчиками могут быть туристические компании, музеи, индивидуальные заказчики, клубы любителей деревянных кораблей, кинематографисты, путешественники. Эксперт и аналитик данной области, представитель компании YachtWorld, считает, что традиционное деревянное кораблестроение востребовано в Северной Европе. Таким образом, можно сделать вывод, что в этом регионе есть понимание ценности традиционных кораблей и средства, для того, чтобы их покупать и содержать;

- создание хорошего имиджа.

Выделим следующие преимущества российских компаний, занимающихся деревянным судостроением, перед иностранными:

- высокое качество производимых деревянных судов;
- уникальные традиционные технологии деревянного судостроения;
- использование высококачественных натуральных материалов;
- широкий ассортиментный ряд;
- конкурентные цены, по сравнению с иностранными производителями.

Принимая во внимание изложенные факты, следует сузить рассмотрение рынка судостроения до сегмента деревянного судостроения. Российские производители судов, так же, как и производители восточной Европы, имеют конкурентное преимущество в виде низкой цены, но только верфь «Варяг», работающая в сегменте деревянного судостроения, имеет уникальные преимущества на рынке Северной Европы, потому что никто в Европе не использует традиционные технологии в производстве крупных кораблей. Деревянные судостроительные компании, которые могут делать подобные вещи, существуют лишь в Турции, но и у них лишь свой узкий сегмент в виде гулетов. Это значит, что, во-первых, в этом сегменте у российских компаний, занимающихся деревянным судостроением, высокие конкурентные преимущества, которые идут от поморских традиций, а, во-вторых, рассматриваемый кейс не единичный, а уникальный, что делает его по-настоящему ценным.

К сожалению, существует и ряд недостатков, отпугивающих покупателей из других государств:

- технология традиционного деревянного кораблестроения подразумевает достаточно долгий производственный цикл (в среднем 1–1,5 лет на одно судно);

- высокая цена конечного продукта;

- низкий уровень доверия российским компаниям.

Закрытое акционерное общество «Варяг» – уникальное предприятие, специализирующееся на проектировании и строительстве деревянных судов различных размеров и назначения. Примером их продукции являются: круизные парусно-моторные суда, промысловые боты, гребные лодки, традиционные народные лодки «сойма», «кижанка» и др. ЗАО «Варяг», существующее более 20 лет – одно из немногих предприятий, где бережно сохраняют и развивают традиции отечественного деревянного судостроения. Судостроительная компания «Варяг» имеет возможности и стремится выйти на международный рынок.

Стоит отметить, что выход судостроительного предприятия, обслуживающего только отечественный рынок и ранее не имевшего постоянных внешнеторговых связей, на зарубежный рынок влечёт за собой ряд проблем, одной из которых являются авансовые платежи.

Конструирование кораблей для российского клиента финансируется самим клиентом с помощью авансового платежа. Однако, иностранные покупатели находят финансовый риск авансового платежа в процессе кораблестроения достаточно высоким, по причинам, которые ранее были освещены.

В результате обычная схема финансирования кораблестроительства становится неприемлемой для нового иностранного клиента, несмотря на проявленный интерес к продукту и приемлемое соотношение «цена-качество».

Таким образом, перед нами встаёт проблема поиска способов повышения доверия к российскому судостроительному предприятию в условиях ограниченных финансовых ресурсов. С экономической точки зрения задача сводится к следующему: обеспечить развитие бизнеса без масштабных вливаний собственного капитала и потерей контроля над управлением компанией.

Проанализировав данную проблему, мы пришли к выводу о том, что обеспечить развитие бизнеса без масштабных вливаний собственного капитала можно с помощью посредников, знающих рынок и имеющих хорошую репутацию на данном рынке. В данном случае речь идет о таких посредниках, как дилеры.

Наглядной иллюстрацией процесса развития бизнеса может служить график зависимости выручки компании от временного периода (рис. 1).

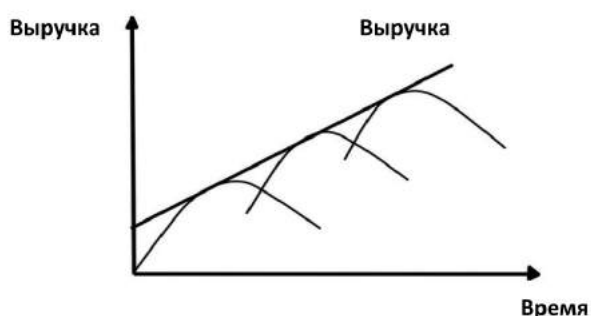

Рис. 1. График зависимости выручки компании от временного¹

График зависимости выручки от времени показывает, что в зависимости от временного периода выручка изменяется по-разному. Об этом свидетельствует ее волнообразный вид. Отметим, что в долгосрочном временном интервале обеспечить постоянный рост выручки можно только за счет дополнительных, как правило масштабных, вливаний капитала.

Поскольку для нас основной целью является обеспечение развития бизнеса без масштабного вложения собственных средств, мы считаем возможным компании «Варяг» воспользоваться помощью посредника, что позволит обеспечить

равномерный рост выручки в долгосрочном периоде. В качестве посредника могут выступать лизинговые компании, дилеры и брокеры.

Дилер – сильный игрок как на внутреннем (российском), так и на внешнем (международном) рынке. Его основная задача заключается в том, чтобы свести продавца и покупателя, удовлетворив при этом желания обоих. Установление дилерских отношений позволяет компании быть обеспеченной заказами.

Следует выделить следующие преимущества работы с дилерами:

- охват большого количества потенциальных заказчиков благодаря наличию дилерских компаний по всему миру;
 - возможность заказчика в любой момент ознакомиться с продукцией компании на торговых площадках (Для этого верфь должна построить несколько небольших типовых лодок и разместить в дилерском центре);
 - найм и содержание экипажа, маршрут транспортировки судов осуществляются дилером, что устраняет необходимость совершать данные мероприятия самостоятельно. Это приводит к непрерывному процессу производства;
 - дилеры активно сотрудничают с лизинговыми компаниями, банками, страховыми компаниями;
 - заказчик может застраховать судно непосредственно в офисе дилера;
 - дилер может продать судно лизинговой компании, которая передаст его заказчику в лизинг.
- Таким образом, верфь получит оплату судна полностью, а заказчик сможет расплачиваться за него с лизинговой компанией постепенно.

¹ График зависимости выручки компании от временного периода рассчитан авторами.

– заказчик, не имеющий всей суммы для приобретения судна, может заключить кредитный договор с банком в офисе дилера. После этого банк выплатит всю стоимость судна, а заказчик сможет рассчитываться с банком постепенно;

– сокращение издержек по взаимодействию с многочисленными заказчиками. Дилер является постоянным покупателем продукции верфи, которую он затем перепродает заказчикам. Таким образом, компании нет необходимости тратить время на работу с клиентами;

– положительная репутация верфи на данный момент напрямую зависит от репутации дилера, потому что становление компании на международном рынке только начинается.

На первоначальном этапе основной продукцией, реализуемой при помощи дилеров, должны стать маломерные суда, поскольку это будет способствовать узнаваемости продукции компании на международном рынке и продвижению её бренда. Отметим, что ЗАО «Варяг» является верфью деревянного судостроения. Поэтому нам важно сохранить его уникальность и индивидуальный подход к каждому клиенту. Узнаваемость компании на международном рынке позволит привлечь иностранных клиентов для выполнения крупных индивидуальных заказов.

Рассмотрим механизм взаимодействия компании с дилером, для этого сравним взаимодействие компании с покупателями через дилера и без его участия:

Вариант первый: покупатель – компания. Покупатель непосредственно осуществляет поиск компании и заключает с ней договор.

Второй вариант: покупатель – дилер – компания. Покупатели находят дилера, благодаря его широкой известности на международном рынке. В свою очередь, дилер предоставляет компании заказы.

Таким образом, взаимодействие через дилера позволяет привлечь большее число покупателей, при этом реализуется более эффективная система отношений.

Отметим, что дилер предоставляет большой спектр услуг. Проанализировав их, мы можем заключить, что для компании «Варяг» актуальны следующие услуги:

- поиск заказчиков на международном рынке;
- агентский надзор для заказчиков, которым необходимы дополнительные гарантии;
- разработка финансовых условий сделок с заказчиками;
- транспортировка и перегон судов.

Рассмотрев роль дилеров на международном рынке, механизм построения взаимоотношений с ними, а также перечень необходимых для компании услуг, мы составили список наиболее продвинутых на международном рынке дилеров: DBC Marine (Дания), Helmarine (Финляндия), Marina Marbella (Средиземное море, есть отделение в Швеции), Буревестник групп, Настоящие корабли, Яхт-клуб «Зеленый остров» (Россия).

В частности, нам удалось связаться с представителями данных компаний и получить предложения сотрудничества от одного из них, а именно генерального директора калининградской верфи «Настоящие корабли». Данное предприятие имеет большой опыт и связи с европейскими партнерами. Оно производит суда для голландских и немецких дилеров, входящих в ассоциацию UrsusMarine, осуществляет брокераж, а также является официальным представителем поставщиков оборудования (Vetus, BonitoBoat) и чартерных компаний. Верфь может осуществлять ремонт и обслуживание судов на своей территории. Генеральный директор верфи «Настоящие корабли» Дмитрий Гадасюк предложил подготовить проект по выходу на зарубежный рынок компании «Варяг» и полностью сопровождать его.

Помимо указанного выше варианта, можно воспользоваться инновационной услугой «Электронный дилер», а именно YachtWorld.

YachtWorld – самая крупная поисковая система для тех, кто производит и продает, и тех, кто покупает суда и лодки, включая дилеров (от крупнейших до небольших). Для того, чтобы воспользоваться всеми преимуществами услуги «Электронный дилер», необходимо заключить договор и сделать членский взнос.

Что может дать членство в YachtWorld?:

– сегодня любой поиск осуществляется в интернете: либо в общих поисковых системах (таких как Google), либо в специализированных (какой является YachtWorld);

– членство в YachtWorld (215 евро/мес.) позволяет легко создать сайт верфи по лучшим образцам, принятым в сфере судостроения, на английском языке, с интерактивным мультимедийным содержанием, включая ролики;

– этот сайт будет расположен в системе, в которой находятся все игроки мирового рынка, и все серьезные заказчики (в месяц 2,6 млн посетителей);

– с помощью индивидуальных настроек можно добиться того, чтобы на этот сайт попадали те, кто интересуется деревянным судостроением в России, Северной Европе и т. д.;

– кроме того, за отдельную плату (1000–1500 евро) можно добиться:

– чтобы баннеры с рекламой верфи появлялись на сайтах дилеров (в конкретном сегменте рынка), поскольку существует интерес к новым верфям, особенно в России и Восточной Европе (в связи с менее высокой стоимостью судов);

– чтобы в общих поисковых системах (Google, Yahoo, Bing), а также в Facebook и Twitter на определенные запросы появлялась контекстная реклама верфи. Стоит это 10 евро за 1000 появлений. Оптимальным, по опыту, является 250000 появлений в месяц во всем мире (кроме Северной Америки, так как там другая система). То есть, для мирового рынка это стоит 2500 евро/мес., но при сужении до отдельного географического сегмента (например, до Северной Европы), происходит удешевление.

По мнению представителей сайта yachtworld.com компании «Варяг» больше всего подойдет членство «Premium», что будет стоить 249 евро в месяц.

Кроме того, представители сайта yachtworld.com считают, что для работы с YachtWorld не требуется спешка. Сначала рекомендуется подписаться на несколько месяцев, создать сайт и посмотреть его индексацию (кто смотрит на «Варяг» в системе), чтобы определить целевую аудиторию. Затем разработать методику охвата баннерной и контекстной рекламой этой целевой аудиторией, и запустить ее в действие перед крупной выставкой (лучше всего, в Дюссельдорфе), т.к. перед выставками идет увеличение запросов у целевой аудитории. Затем можно ознакомиться со статистикой, чтобы принять более взвешенное решение по участию в выставке, т. е. можно заранее понять интерес к продукции на этой выставке.

По экспертному мнению представителя сайта yachtworld.com, компании «Варяг» стоит выходить на зарубежный рынок с деревянными кораблями, изготовленными по индивидуальному заказу, поскольку компания «Варяг» является уникальной в мировом масштабе и конкуренцию ему могут составлять только турецкие производители деревянных галеонов.

Уникальной возможностью познакомиться с дилерами и заявить о себе является участие в выставке 45th International Boat Show «Boot Dusseldorf 2014». Для компании «Варяг» мы рассчитали расходы по участию в данной выставке, и они составили 50000 на две персоны (Таблица 1). В расходы не включены услуги переводчика. Мы предлагаем воспользоваться помощью студентов.

Таблица 1

Расходы по участию в выставке 45th International Boat Show «Boot Dusseldorf 2014»

Позиция	Цена (руб.)
Авиабилет Хельсинки-Дюссельдорф-Хельсинки	6 800 (на 1 чел.)
Гостиница	5 400 (на 1 чел.)
Шенгенская виза	2 500 (на 1 чел.)
Петрозаводск-Хельсинки-Петрозаводск	4 000 (на 1 чел.)
Итого на две персоны	50 000 (37 400 + 12 600 – суточные)

По нашему мнению, наиболее оптимальными путями выхода верфи деревянного судостроения «Варяг» на рынок Северной Европы являются сотрудничество с дилером, а именно, как нам кажется, с представителем верфи «Настоящие корабли» и сайтом yachtworld.com, а также персональное участие в выставке 45th International Boat Show «Boot Dusseldorf 2014».

Разработанный способ предназначен непосредственно для компании «Варяг», однако мы надеемся, что он окажется действенным для подобных российских компаний.

Список использованной литературы

1. Вайс Е.С. Планирование на предприятии (организации): учебное пособие / Е.С. Вайс, В.М. Васильцова. М.: КНОРУС, 2012. 336 с.
2. Лукичева Л.И. Управленческие решения: учебник / Л.И. Лукичева, Д.Н. Егорычев. М.: Омега-Л, 2009. 383 с.
3. Панкратов Ф.Г. Коммерческая деятельность / Ф.Г. Панкратов, Н.Ф. Солдатова. М.: «Дашков и К», 2012. 500 с.
4. Сальников О.В. Процессный подход к развитию дилерских сетей [Электронный ресурс] / О.В. Сальников. Электрон. ст. Россия, 2013. URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=1586>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (Дата обращения: 20.09.2013).

Возможности формирования трансграничных кластеров в России

*Прокопьев Е.А., д.э.н. Дружинин П.В.
Институт экономики КарНЦ РАН
г. Петрозаводск*

Усиление процессов глобализации и конкуренции, формирование новых экономических укладов в мировой экономике стимулирует применение новых форм организации производительных сил. В результате, во многих странах набрала популярность концепция создания и развития кластеров, которые стали одной из действенных форм, привлекающей капитал и рабочую силу и стимулирующей внедрение инноваций. Россия не является исключением. В концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. одним из заявленных направлений стратегий является переход к новой модели пространственного развития экономики, которая предполагает создание сети территориально-производственных кластеров, реализующих конкурентный потенциал территорий [4]. Данная концепция вошла в основу всех долгосрочных стратегий социально-экономического развития, разработанных по каждому субъекту Российской Федерации, что во многом и вызвало массу публикаций по проблеме формирования кластеров в российской научной литературе. В большинстве этих статей авторы исследуют только внутренние возможности региона для создания и развития кластеров, не изучая возможности сотрудничества и конкуренции со стороны соседних российских и зарубежных регионов.

В этой связи нами была поставлена задача: изучить возможности существования трансграничных кластеров, реализующий конкурентный потенциал приграничных территорий, исследовать существующую в Европе и мире практику, и возможности России по формированию подобных структур.

Под кластером мы понимаем географическую концентрацию множества взаимосвязанных и взаимодополняющих фирм и организаций, представляющих одну или несколько смежных отраслей народного хозяйства и формирующих среду, которая стимулирует межфирменное сотрудничество и конкуренцию, рост квалификации работников, привлечение инвестиций и диффузию инноваций. Следовательно, для трансграничного кластера обязательным условием будет принадлежность его членов к соседним приграничным территориям.

Значительная часть успешных транснациональных кластерных инициатив в Европе связана с высокими технологиями и диффузией инноваций между странами, университетами соседних стран и бизнесом. «Интернационализация кластеров помогает им сохранить динамику развития, не допустить так называемого «эффекта замыкания» как одной из причин неблагоприятного исхода развития кластера» [11].

Трансграничный биотехнологический кластер формируется с 1996 г., объединяя более 300 фирм северо-запада Швейцарии (регион вокруг Базеля), Южного Бадена (Германия) и Эльзаса (Франция), а также более 40 научных организаций и четыре университета. Аналогичная инициатива северных стран охватывает более 600 фирм и 17 университетов стран Балтийского региона и Исландии. Высокотехнологичные кластеры действуют в сопредельных регионах Бельгии и Нидерландов, Германии и Нидерландов. Существуют инициативы создания трансграничных кластеров и за пределами Европы, например кластер медицинского обслуживания Аризона-Сонора на границе США и Мексики.

Североевропейские страны характеризуются высокой инновационной активностью, и большинство их успешных кластерных инициатив имеют двухсторонний характер и связаны с информационными технологиями, нанотехнологиями, фармацевтикой, биомедициной и экотехнологиями. Различная специализация университетов, исследовательских центров и научных парков позволяет дополнять друг друга и реализовывать проекты в смежных секторах. Например, в трансграничном кластере «Медиконовая долина», шведские фирмы занимаются разработками в области медицинских и биотехнологий, а датские фирмы – в области фармацевтики и медицинского оборудования. Шведско-финский кластер «Ботническая дуга» имеет основную специализацию в сфере информационных технологий, а также включает кластеры в здравоохранении и в традиционных отраслях, связанных со средними технологиями: лесном секторе, металлургии и рекреации. И в целом по Европейскому союзу часть трансграничных кластеров основана на средних технологиях, например, австро-чешские кластеры связаны с производством стекла и текстиля, испано-португальский – с выпуском автомобилей.

Таким образом, мировой опыт показывает, что формирование трансграничных кластеров является достаточно распространенной практикой. Причем не существует ограничений по видам экономической деятельности. И главное, интернационализация кластеров способствует более успешной адаптации к изменениям во внешней среде.

Страны бывшего СССР пока не имеют исследовательских центров, способных предлагать принципиально новые проекты в сфере высоких технологий, и их кластерные инициативы связаны в основном со средними технологиями. Например, литовско-латвийская кластерная инициатива регионов Алитус и Латгалия связана с деревообработкой и мебельной промышленностью. Польша и Белоруссия имеют общую историю, близкий природно-рекреационный потенциал и культуру и появившаяся кластерная инициатива связана с туризмом.

Достаточно часто образование трансграничных кластеров является одним из ключевых проектов развития еврорегионов, в частности на Украине, имеющей схожий с Россией уровень развития технологий и экономики. Еще в 2009 г. был разработан проект Концепции Национальной стратегии формирования и развития трансграничных кластеров. В еврорегионе «Карпаты» создается трансграничный логистический кластер. Проекты различных трансграничных кластеров обсуждаются и в других западных еврорегионах Украины (Нижний Дунай, Верхний Прут, Буг). Следует отметить, что в восточноевропейских странах трансграничные кластеры находятся на стадии проектов или только на начальной стадии реализации кластерной инициативы.

Проекты формирования трансграничных кластеров появились во многих приграничных регионах России. Стремление России и Норвегии сотрудничать в области рыболовства создало предпосылки для формирования трансграничного кластера. Механизм создания трансграничного российско-норвежского рыбопромышленного кластера включает совместное участие и финансирование правительств и деловых кругов двух стран данного кластера, а также создание комитета содействия кластеру и некоммерческой организации, представляющей интересы кластера в государственных структурах и координирующих действия участников. В результате проект данного кластера объединяет специализированные научно-исследовательские и образовательные учреждения, рыбопромысловые флоты и портовую инфраструктуру обеих стран [3].

В перспективе возможно создание трансграничного инновационного кластера, основанного на исследовательском и образовательном потенциале Санкт-Петербурга, Хельсинки и Таллинна, но пока кластерные инициативы замкнуты внутри регионов и интеграционные процессы еще не начались.

Российско-эстонские кластерные инициативы связаны с развитием традиционных отраслей с невысокой инновационной активностью – туризма, химической промышленности, металлообработки и деревообработки. Толчок их реализации дал совместный проект «Развитие кластеров и интернационализация предприятий приграничных регионов России и Эстонии» («EstRuClusters Development»), но пока активной деятельности и роста инвестиций в выделенные сектора нет.

Создание еврорегиона «Псков – Ливония» также пока не привело к оформлению кластерных инициатив, пока лишь обсуждается возможность создания трансграничного туристского кластера, в частности в сфере экологического туризма.

Имеющая особое эксклавное положение Калининградская область активно сотрудничает с сопредельными регионами Польши и Литвы, входит в состав еврорегионов «Балтика», «Сауле» и «Неман». К сожалению, невысокий инновационный потенциал и разбросанность исследований пока не позволяют начать формирование инновационного кластера, включающего Клайпеду и Гданьск, о котором говорят эксперты, но при концентрации средств на перспективном для трех регионов направлении в будущем это возможно. С 2007 г. ведется работа по созданию совместной инновационной инфраструктуры в рамках программ трансграничного сотрудничества. При имеющемся невысоком уровне инновационного потенциала обсуждается возможность создания двух кластеров – туристско-го трансграничного кластера через интеграцию формирующихся в сопредельных регионах кластеров и янтарного трансграничного кластера [7, 8].

Низкий инновационный потенциал сопредельных регионов России и Белоруссии позволяет говорить о сотрудничестве в сфере средних технологий, которое в перспективе может привести к формированию трансграничных кластеров в лесном секторе, обработке драгоценных камней, производстве строительных материалов, машиностроении и агропромышленном комплексе. В рамках еврорегиона «Днепр», включающего регионы РФ, Украины и Белоруссии, была выдвинута инициатива создания трансграничного кластера сельского («зеленого») туризма.

На Украине формирование трансграничных кластеров было объявлено Кабинетом министров еще в 2008 г. одним из приоритетов развития. Учеными была обоснована возможность создания трансграничных кластеров в сфере высоких технологий на основе сконцентрированных в приграничных украинско-российских областях производственных фирм, исследовательских и образовательных учреждений, имеющих большой опыт сотрудничества. Приграничные украинские регионы имеют высокий инновационный потенциал и при участии сопредельных российских регионов могут сформировать трансграничные высокотехнологичные кластеры в сфере биотехнологий, информационных технологии, нанотехнологий и в других сферах производства. Определенные шаги для реализации этих идей уже предприняты, в рамках еврорегиона «Слобожанщина» (Харьковская и Белгородская области) действует технопарк, основными направлениями которого являются биотехнологии, энергосбережение, нанотехнологии и приборостроение [5, 10, 12].

В основу развития еврорегиона «Слобожанщина» была положена кластерная стратегия, основанная на создании добровольных кластерных объединений как формы сотрудничества предприятий, учреждений и организаций сопредельных областей. Были подписаны соглашения и в настоящее время реализуются проекты создания строительного, фармацевтического и туристического кластеров в пределах еврорегиона. Также были предложены проекты молочного и финансового кластеров.

В состав еврорегиона «Донбасс» также входят Луганская, Донецкая и Ростовская области, имеющие высокий научный и производственный потенциал, что делает возможным создание трех трансграничных кластеров в сфере транспортного машиностроения, медицинского и аграрного. Часть машиностроительных предприятий входит в единый холдинг, остальные имеют давние устойчивые связи, они сотрудничают с техническими университетами. Медицинские учреждения сопредельных регионов сотрудничают в решении общих проблем, взаимодействуют с медицинскими университетами, имеют необходимый опыт и оборудование для исследований. Основой для создания аграрного трансграничного кластера являются сложившиеся тесные связи в сфере аграрной науки научно-опытных институтов и опытно-селекционных станций, наличие аграрных учебных заведений и крупных аграрных фирм. Также обсуждается возможность создания экологического трансграничного кластера.

Особый интерес представляет взаимодействие Финляндии и Республики Карелия. Финляндия является страной успешно реализовавшей кластерный подход в государственной промышленной политике и одновременно долгие годы сотрудничающей с российскими регионами. Для Карелии она является основным торговым партнером, до трети карельского экспорта приходится на Финляндию. В 2000 г. был создан первый на границах России Еврорегион «Карелия», включающий три приграничные провинции Финляндии (Кайнуу, Северная Карелия и Северная Остроботния) и Республику Карелия.

Основной сферой взаимодействия экономик Восточной Финляндии и Карелии является лесной сектор, в начале 2000-х гг. до 50 % экспорта в Финляндию приходилось на необработанную древесину, в Восточную Финляндию вывозилось до 80 % заготовливаемой в республике древесины [2]. В непосредственной близости от российской границы действуют три крупных целлюлозно-бумажных

комбината, а также несколько небольших целлюлозно-бумажных и деревообрабатывающих заводов (рис. 1), которые были ориентированы на поставки российского сырья, которое даже с учётом транспортных издержек было дешевле финского.

Финские фирмы способствовали быстрому техническому перевооружению лесозаготовительной промышленности Карелии. По сути, внутренние стандарты по заготовке древесины финского лесного кластера распространились на территорию Республики Карелия. Российские приграничные лесоперерабатывающие предприятия, в том числе и из-за технического отставания, оказались не готовы к конкурентной борьбе и были вынуждены переключаться на сырьё из других российских регионов. Можно сказать, что к концу 90-х годов сформировался трансграничный финско-карельский лесной кластер, в котором западной части Карелии отводилась роль сырьевого придатка финских лесоперерабатывающих предприятий.

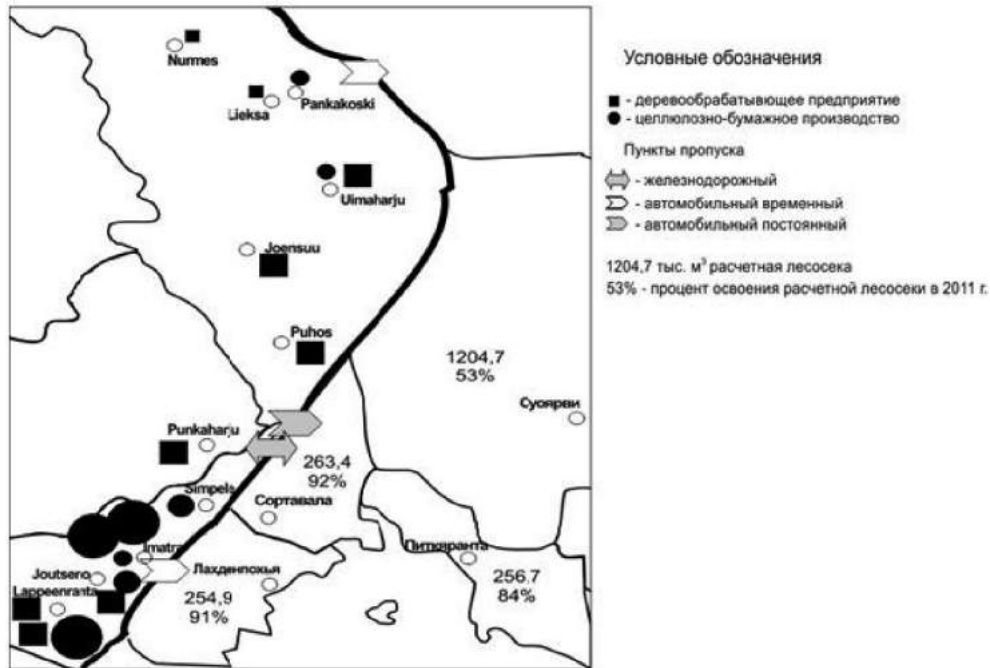

Рис. 1. Расположение финских деревообрабатывающих предприятий вблизи границы юго-запада Республики Карелия

Сложившееся положение вещей не могло устраивать ни региональные, ни российские власти. Власти Карелии одним из условий получения доступа к лесным ресурсам республики для иностранных участников выдвинули условие строительства лесоперерабатывающих предприятий. Но финские фирмы обошли этот запрет, объем инвестиций был незначителен, лишь компания «Stora Enso» построила в 2003 г. лесопильный завод.

Более радикальный шаг для привлечения инвестиций и увеличения переработки древесины сделали российские власти, повысив пошлины на экспорт круглого леса до заградительных величин. Но вступление РФ во ВТО привело к значительному сокращению экспортных пошлин в рамках экспортных квот, и один из инструментов создания трансграничного лесного кластера на взаимовыгодных условиях оказался сильно ограничен. В то же время возможна активизация научно-технического сотрудничества в лесном секторе, включая проекты в биоэнергетике и по созданию и выпуску новых видов продукции переработки древесины с использованием био- и нанотехнологий.

Похожая ситуация возникла при взаимодействии российских и китайских приграничных регионов. Программа модернизации старой промышленной базы, действующая в северо-восточных провинциях Китая, привела к созданию высокотехнологических производств и сервисов. Благодаря развивающейся транспортной и коммуникационной инфраструктуре эти предприятия сформировали «индустриальную дугу», которая осуществляет функции «перехвата» российского ресурсного экспорта, в первую очередь нефти и леса [6]. Быстрое развитие приграничных регионов Китая и не-

внятная политика российских властей привели к тому, что роль России в настоящее время – поставка сырья и продукции низкой степени обработки на север Китая. Подписанная несколько лет назад Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и северо-востока Китая на 2009–2018 годы закрепляет сложившиеся взаимоотношения.

Развитие торговли с Китаем привело к инвестиционному сотрудничеству, направленному на реализацию природно-сырьевых преимуществ России. Формой организации такого сотрудничества должны стать трансграничные производственные кластеры. Ведутся переговоры по горно-металлургическому кластеру в Приамурье и лесному в Забайкалье. Наиболее подготовленным к кластеризации является лесной комплекс. Ряд инвестиционных проектов в ЛПК получили статус приоритетных проектов федерального и регионального уровня. Так, в Забайкальском крае таковыми являются Амазарский ЦК, Даурский ЛПК и Будюмканский ЛПК, компактно расположенные в пограничье с КНР, развитие которых даст возможность развивать равноправное партнерство. В случае реализации подписанной программы все остальные проекты ведут российские регионы к роли поставщика сырья на китайский рынок.

Что касается других российских приграничных регионов, находящихся за пределами Европы, их связи с сопредельными регионами регулируются двухсторонними соглашениями, хотя возможно в будущем возникнут и «азиорегионы».

Дагестан имеет устойчивые связи с Азербайджаном, в регионе ведется подготовка к созданию нескольких кластеров, в т.ч. туристского и вино-коньячного, их успех может привести к формированию в будущем трансграничных кластеров.

Экономика приграничных регионов Казахстана и России сильно связана, имеется несколько секторов, в которых возможно создание трансграничных кластеров – ТЭК, электроэнергетика, металлургия, угольная, аграрный и машиностроение. Влияние Казахстана на развитие российских приграничных регионов невелико и не растет, российское влияние на казахские регионы заметно больше и в приграничных областях Казахстана больше половины предприятий с иностранными инвестициями создано российским бизнесом. Конкретные планы есть лишь по формированию «Кремниевого кластера» (создание цепочки кремниевых производств по выпуску сырья для солнечной энергетики, микроэлектроники и сверхточной оптики), связывающий предприятия Омской области и Казахстана и кластеров в Алтайском крае и Восточно-Казахстанской области со специализацией в машиностроении и биофармацевтике [1].

Развитие трансграничного сотрудничества Республики Тыва и Монголии может привести к формированию трансграничного аграрного кластера, для которого имеется потенциал, но требуется активное участие в его создании и развитии органов государственной власти соседних стран, для чего должны совпадать интересы сопредельных регионов [9].

Таким образом, трансграничное сотрудничество становится важным фактором развития экономики приграничных российских регионов. Приграничные регионы имеют потенциал для более успешного развития, изменения их роли в формирующихся трансграничных кластерах, где они пока во многих случаях являются поставщиками сырья. Большинство приграничных регионов имеют возможность за счет активизации трансграничного сотрудничества и региональной политики более успешно развиваться, формировать зоны с повышенной предпринимательской и инновационной активностью, но без адекватной федеральной политики в них консервируется устаревшая структура экономики. Требуется более активная и направленная федеральная политика по отношению к приграничным регионам, государственная поддержка трансграничных кластерных инициатив, в результате может ускориться развитие не только приграничных, но и соседних глубинных регионов. Нужно способствовать развитию и сотрудничеству университетов и исследовательских центров в приграничных регионах, снижению барьерной роли границ, прежде всего для реализации совместных научных, образовательных и инновационных проектов приграничных регионов, и создаст потенциал для появления новых территорий роста в периферийных российских регионах.

Список использованной литературы

1. Ан Е.А. Кластерный подход к инновационному развитию трансграничных территорий Казахстана и России // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2012. № 3. С. 31–34.

2. Дружинин П.В., Кухарева Т.В. Развитие приграничных регионов: теория и карельская практика // Региональная экономика: теория и практика. 2012. № 8. С. 2–9.
3. Емельянов В.Е. Механизм и инструменты формирования транснациональных промышленных кластеров: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 – Экономика и упр. нар. хоз-вом / В.Е. Емельянов; Мурман. гос. техн. ун-т. Мурманск, 2005. 168 с.
4. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. (ред. от 8 августа 2009 г. № 1121–р): Распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662–р // Собрание законодательства РФ. 2008. № 47. Ст. 5489; 2008. № 47. Ст. 5489.
5. Ляшенко В.И., Бережная Т.Ф. Перспективы «нанотехнологических прорывов» в трансграничных инновационных системах // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2007. № 4. С. 118–129.
6. Минакир П.А. О концепции долгосрочного развития экономики макрорегиона: Дальний Восток // Пространственная экономика. 2012. № 1. С. 7–28.
7. Михайлов А.С. Формирование международных кластеров в Балтийском регионе // Балтийский регион. 2013. № 1. С. 53–66.
8. Одинг Н.Ю., Федоров Г.М. Активизация российского участия в трансграничном сотрудничестве на Балтике // Вестник Российского государственного университета им. И.Канта. 2009. № 3. С. 63–69.
9. Оценка трансграничных факторов территориальной организации хозяйства в приграничных районах Республики Тыва / Т.М. Ойдуп и [др.] // Научный журнал КубГАУ. 2011. № 74(10). С. 1–16.
10. Погорецкая В.Я., Журан Е.А. Трансграничные кластеры – инструмент формирования корпоративной стратегии // Прометей. 2011. № 2. С. 195–199.
11. Рекорд С.И. Развитие промышленно-инновационных кластеров в Европе: эволюция и современная дискуссия. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2010. 109 с.
12. Яшева Г.А. Формирование международных кластеров как фактор повышения конкурентоспособности экономик России, Беларуси и Украины [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический ресурс «Россия – Украина: тенденции развития и перспективы сотрудничества». Электрон. ст. URL: ukros.ru/wpcontent/uploads/2012/11/яшева.doc, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 10.12.2012).

Оценка конкурентоспособности предприятий розничной торговли на рынке г. Петрозаводска

*к.э.н. Кондратюк Е.А., Реброва И.Н.
Петрозаводский государственный университет
г. Петрозаводск*

На потребительском рынке Петрозаводска функционируют множество предприятий торговли. Все они осуществляют торговое обслуживание покупателей, но качество предоставляемых услуг значительно варьируется. Целью исследования является комплексная оценка конкурентоспособности предприятий розничной торговли на рынке города Петрозаводска. Для исследования были выбраны пять магазинов, представляющие наиболее известные торговые предприятия города (табл. 1).

Для проведения оценки конкурентоспособности использован квалиметрический подход и дифференцированный метод, который заключается в сравнении нескольких единичных показателей конкурентоспособности различных предприятий. Проводилась балльная оценка с использованием метода «Тайный покупатель», метод экспертных комиссий с привлечением экспертов, аналитическая обработка результатов, сравнительный анализ, графическое изображение полученных данных, элементы мерчандайзинга [1, с.101–122]. В качестве экспертов выступили 15 студентов старшего курса специальности товароведение и экспертиза товаров.

Таблица 1

Исследуемые предприятия торговли г. Петрозаводска

Название	Организационно-правовая форма	Год создания	Категория	Адрес
«Лотос»	ООО	1989	Гипермаркет	Лесной проспект 47
«Лента»	ООО	1993	Гипермаркет	ул. Ленинградская 13

«Магнит»	ОАО	1994	Супермаркет	ул. Ровно 3
«Дикси»	ОАО	1993	Супермаркет	ул. Кемская 4
«Народная 7Я семья»	ООО	2003	Супермаркет	ул. Зеленая 9

В результате проведенной в рабочей группе дискуссии с использованием метода экспертных комиссий были выбраны следующие показатели конкурентоспособности предприятий торговли и определены их веса (табл. 2).

Таблица 2

Показатели конкурентоспособности предприятий торговли

Показатели	Весомость показателей
Первое внешнее впечатление о магазине (оформление магазина)	0,08
Организационно-правовая форма, год создания	0,09
Миссия, девиз, эмблема	0,07
Численность персонала	0,06
Объем продаж, доля рынка	0,09
Ценовая политика	0,07
Наличие постоянной клиентуры	0,07
Конкурентные преимущества (местоположение, маркетинговая политика, логистика, качество товаров)	0,07
Наличие инвестиционных проектов	0,07
Маркетинговые коммуникации	0,09
Качество обслуживания	0,09
Наличие охраны	0,04
Наличие складских помещений, торговая площадь	0,06
Реконструкции, модернизация	0,05

Наиболее значимым показателем, характеризующим рыночную конкурентоспособность, является период хозяйственной деятельности, отражающий рыночный опыт, способность адекватно реагировать на меняющиеся условия микро- и макросреды. Объем продаж и доля рынка характеризуют масштабы торговой деятельности.

Далее было опрошено 50 покупателей, которым было предложено выставить по указанным выше параметрам оценки от 1 до 5. Оценки экспертов, мнения посетителей магазина представлены ниже (табл. 3).

Таблица 3

Показатели, определяющие конкурентоспособность

Показатели	«Сигма»	«Лента»	«Магнит»	«Дикси»	«Народная 7Я семья»
Первое внешнее впечатление о магазине (оформление магазина)	5	4	3	3	2
Организационно-правовая форма, год создания	5	5	4	4	4
Миссия, девиз, эмблема	5	5	5	4	4
Численность персонала	5	5	5	4	4
Объем продаж, доля рынка	5	5	5	3	4
Ценовая политика	4	5	5	4	4
Наличие постоянной клиентуры	5	5	5	4	4
Конкурентные преимущества (местоположение, логистика, маркетинговая политика, качество товаров)	5	4	4	3	4
Наличие инвестиционных проектов	5	5	4	4	4
Маркетинговые коммуникации	5	4	4	4	3
Качество обслуживания	5	3	4	2	2

Наличие охраны	5	4	4	3	3
Наличие складских помещений, торговая площадь	4	4	3	3	3
Реконструкции, модернизация	5	4	5	4	4

По предварительным данным можно отметить, что гипермаркет «Сигма», гипермаркет «Лента», сеть магазинов «Магнит» получили высокие оценки (рис. 1). Далее был произведен расчет комплексного показателя конкурентоспособности путем суммирования произведений относительных показателей конкурентоспособности и коэффициента весомости [1, с. 112].

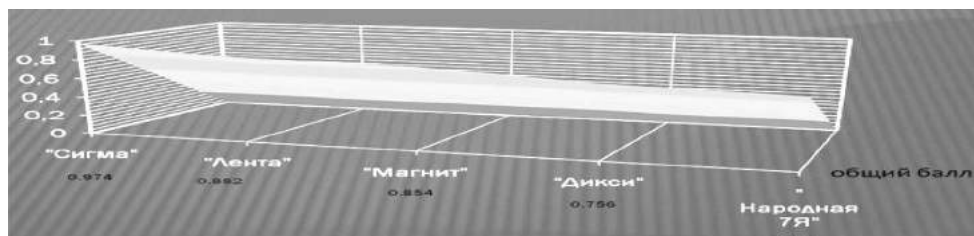

Рис. 1. Результаты расчета показателей конкурентоспособности

В результате проведенного исследования можно отметить следующее:

1. На основе комплексной оценки конкурентоспособности предприятий торговли на рынке города Петрозаводска выявлено, что наиболее конкурентоспособным из оцениваемых является гипермаркет «Лотос», поскольку по всем учитываемым параметрам, данное предприятие получило максимальную оценку, что и определило его как наиболее конкурентоспособное;

2. Даная работа позволила оценить значимость показателей, характеризующих деятельность торговых организаций, увидеть наиболее важные для покупателей критерии выбора предприятия торговли;

3. Анализ данных выявил необходимость в более детальном раскрытия показателя конкурентных преимуществ, чем мы и планируем заняться в дальнейшем;

4. Данные, полученные при проведении исследования, планируется использовать на предприятиях, для повышения конкурентоспособности, увеличения товарооборота, привлечения новых покупателей и инвесторов;

5. Данная работа позволила сделать вывод о качестве обслуживания в сфере торговли по городу в целом: предприятия используют актуальную маркетинговую, логистическую, рекламную политику; качество оказываемых услуг и продаваемых товаров повышается; данная сфера развивается, ниша заполняется региональными торговыми сетями.

Список использованной литературы

1. Еремеева Н.В., Калачев С.Л. Конкурентоспособность товаров и услуг. М.: КолосС, 2008. С. 101–122.
2. Азгальдов Г.Г., Азгальдова Л.А. Количественная оценка качества (Квалиметрия). М.: Изд-во стандартов, 1971. 176 с.

Институты инновационного предпринимательства: исследовательский подход к изучению кластеризации

*Терещенко Д.С., Мордвинцев М.А., Реут О.Ч.
Петрозаводский государственный университет
г. Петрозаводск*

1. Понятие и экономическая сущность инноваций

Важнейшей составляющей развития страны и региона является инновационный потенциал, накопленный и реализуемый экономической системой. В современных научных исследованиях и пред-

принимательских практиках в понятие «инновации» вкладываются различные смысловые нагрузки. Как правило, этому термину придается значение, связанное с появлением или получением чего-либо принципиально нового, причем данное «новое» может относиться к различным сторонам развития бизнеса: производству, управлению, реализации продукции (работ, услуг), что приводит к образованию и изучению таких категорий, как «инновации в менеджменте», «инновации в маркетинге», «экологические инновации», «правовые инновации». При этом для описания модернизационных явлений и процессов в научной литературе используются в качестве синонимов, а иногда и в разных значениях такие понятия, как «новшество», «нововведение», «новация», «инновация». Так же до настоящего времени не достигнуто зафиксированного консенсуса в отношении того, является ли инновация процессом по внедрению нововведений или результатом этого процесса (конкретным решением, промышленной технологией, готовым продуктом).

В рамках предлагаемого исследования интерес в первую очередь представляют так называемые технологические инновации, которые связаны с модернизацией парка оборудования, использованием в производстве принципиально новых идей, методов, машин, т. е. ассоциируются с различными сторонами и проявлениями научно-технического прогресса (НТП).

Значимость взаимоопределения НТП и инноваций подчеркивается во многих теоретико-прикладных научных исследованиях, увидевших свет в XX веке, среди которых можно назвать работы Р. Солоу [13], С. Кузнеца [9], Д. Лэндса [10], Н. Розенберга [12]. Воздействуя на совокупную производительность факторов производства, НТП является важнейшей составляющей интенсивного экономического роста.

Под инновацией обычно понимается новшество, которое улучшает свойства продукции. Концептуальные основы современной теории инноваций заложены в трудах Й. Шумпетера, который считал ключевым источником экономического развития как технические, так и организационные нововведения. Й. Шумпетер выделил следующие типы инноваций: а) производство нового блага или предание новых свойств существующим благам; б) внедрение новых методов производства; в) освоение новых рынков сбыта; г) освоение новых источников сырья или полуфабрикатов; д) реорганизация производства [7, С. 159]. Однако о каком бы типе инноваций ни шла речь, он в первую очередь должен приносить выгоду и конкурентные преимущества предпринимателю, внедряющему рассматриваемые новшества.

Таким образом, нововведения имеют три различных эффекта: 1) удовлетворение потребностей человека, пользующегося продуктом инноваций; 2) увеличение прибыли предпринимателей-инноваторов; 3) улучшение общественного благосостояния как следствие экономического роста страны (и региона), что позволяет более эффективно решать проблемы здравоохранения и образования, бороться с неравенством и нищетой и т. д. В результате следования предпринимателями собственным корыстным интересам от нововведений выигрывают потребители и общество в целом, что подчеркивает важность и приоритетность инноваций с точки зрения проведения государственной экономической политики и принятия властью иных решений, которые формируют стимулы к осуществлению новаторской деятельности бизнесом.

2. Особенности инновационного предпринимательства

Основными субъектами внедрения новшеств в процессы производства и обращения становятся представители малого и среднего бизнеса, для которых инновации – это один из ключевых способов укрепления рыночных позиций в борьбе с конкурентами. Особенностью функционирования таких предприятий и стартапов является ограниченность финансирования. По этой причине многие из них закрываются в первые годы своего существования. Инновационная деятельность, как правило, подвержена большим рискам по сравнению с традиционными формами бизнеса. Специфика инновационного предпринимательства проявляется в двух аспектах, касающихся в первую очередь нововведений в области информационно-коммуникационных технологий (ИКТ):

- низкий порог входа на рынок: как правило, для начала такого бизнеса не нужно крупных капиталовложений, обширных производственных и офисных помещений, большого штата персонала и т. п.;
- изначально глобальный масштаб конкуренции: в современных условиях в связи с бурным развитием ИКТ физическое расстояние и границы между странами перестали играть важную роль,

поэтому предприниматель-инноватор может, а порой и должен изначально конкурировать за рынки с иностранным бизнесом.

Указанные особенности приводят к повышенному уровню соперничества на рынках инновационной продукции, а также за право привлечения внешних источников финансирования проектов. Поражение в конкурентной борьбе с другими представителями инновационного бизнеса – не всегда вина предпринимателя. Совсем не обязательно, что он выполнял свои функции недостаточно хорошо, просто конкуренты сделали это принципиально по-иному.

Поэтому важным условием успешного осуществления инновационной предпринимательской деятельности является отсутствие страха провала, поражения, банкротства, т. е. готовность осознанно принимать на себя риск неудачи.

Процесс успешного развития инновационного предпринимательства предполагает прохождение нескольких последовательных этапов. На первом из них происходит формирование необходимой инфраструктуры (сети техно-парков, бизнес-инкубаторов, коммуникационных центров), без которой дальнейшее развитие в данном направлении затруднительно. На втором этапе формируются институты, сопутствующие развитию инновационного предпринимательства, снимаются или снижаются институциональные ограничения на внедрение новшеств в производство. Третий этап предполагает осмысление предпринимателями инноваций как конкурентного преимущества, осознание возможности повышения конкурентоспособности прежде всего за счет инноваций. Новшества, используемые в производстве и обращении товаров или реализации услуг, должны восприниматься бизнесом как более важный фактор конкуренции по сравнению с поиском административной или природной ренты, оппортунистическим поведением, преднамеренным нарушением законодательства. И наконец, на четвертом этапе развития происходит регионально ориентированная кластеризация инновационного предпринимательства, интеграция по инновационному направлению среди представителей различных звеньев производственной цепочки создания нововведений, которая берет свое начало в академической среде (ученые-инноваторы, рационализаторы и изобретатели) и заканчивается этапом так называемой «коробочной» реализации готового инновационного продукта потребителям.

3. Кластеризация инновационного бизнеса: понятие и значение

Основоположник западной теории кластеров, М. Портер, понимал под ними группу «географически соседствующих взаимосвязанных компаний и связанных с ними организаций, действующих в определенной сфере, характеризующихся общностью деятельности и взаимодополняющих друг друга» [4, С. 258]. В такие группы на региональном уровне, как правило, помимо производителей продукции и поставщиков услуг входят университеты, научно-исследовательские центры, лаборатории, а также региональные и местные органы власти.

На сегодняшний день именно кластеры, а не отдельные предприятия обеспечивают конкурентоспособность региональных и национальных экономик, создавая им преимущества в конкретных направлениях развития бизнеса, формируют оптимальную структуру народного хозяйства на всех уровнях. Также процесс кластеризации повышает конкурентоспособность продукции и ее производителей, поскольку важным фактором увеличения эффективности функционирования кластеров является эффект агломерации. Нахождение участников кластера в пределах единого пространства создает условия для взаимовыгодного обмена опытом, совместных разработок новых продуктов и внедрения их в производство.

Особенностью кластерной организации выступает виртуальность таких объединений, необязательность заключения формальных соглашений. Компании не идут на полное слияние или поглощение, а, оставаясь самостоятельными экономическими единицами, вырабатывают механизмы координирования действий и сотрудничества. При этом кластер представляет собой структуру, которая сочетает в себе характерные черты рыночных отношений (совершение сделок и заключение договоров поставки на всей цепочке создания продукта и доведения его до потребителей), конкуренции (в кластер могут входить фирмы, соперничающие в борьбе за потребительские рынки, каналы сбыта и т. д.), кооперации (само по себе образование кластера означает, что фирмам-конкурентам выгодно нахождение в нем в связи с действием эффекта агломерации и проч.).

В зависимости от вида экономической деятельности и отраслевой принадлежности кластеры делятся на множество видов: аграрный, лесной, автопромышленный, фармацевтический, строительный, энергетический. Особое место в этой классификации занимает так называемый инновационный кластер, под которым в исследовании понимается группа компаний, объединяющих усилия в области ИКТ с целью повышения конкурентоспособности своей продукции. Специфика функционирования таких кластеров обуславливается характерными чертами инноваций и инновационного предпринимательства, а также тенденциями развития современной инновационно-ориентированной экономики. Глобализация хозяйственных процессов, повсеместное внедрение ИКТ снижают значение географических факторов для интеграционных процессов в общем и кластеризации инновационного предпринимательства в частности. В силу этих обстоятельств кластеризацию можно считать межгосударственным (трансграничным) процессом, который в ничтожно малой степени зависит от государственных границ, географического расстояния и т. п. Однако процесс кластеризации, как правило, более интенсивно идет в развитых странах, чем в развивающихся, что может быть связано с различным качеством институтов в этих группах стран. Как предполагается, именно незрелость и неразвитость институтов препятствуют кластеризации инновационного предпринимательства в развивающихся странах, а также трансграничной кластеризации между компаниями – резидентами развитых и развивающихся стран.

4. Взаимосвязь институционального и экономического развития

Широкое распространение в исследовательской литературе по проблемам экономического развития получила так называемая институциональная гипотеза. В соответствии с ней фундаментальным значением для экономического роста обладает качество институтов. Так, по точному замечанию Д. Норта и Р. Томаса, традиционные факторы роста, такие как инновации, эффект масштаба, образование и накопление капитала, «не являются причинами экономического роста, они и есть сам рост» [Норт и Томас, с. 2]. Другой представитель новой институциональной экономической теории, О. Уильямсон, ставит институты на более глубокие уровни иерархии по сравнению с обычными хозяйственными процессами, или непосредственными факторами роста [5].

Институтами Д. Норт называет правила игры в обществе, т. е. «созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми» [3, С. 41]. А. Грейф пишет о том, что институт представляет собой систему «правил, убеждений, норм и организаций, которые совместно порождают регулярность (социального) поведения» [1, С. 36].

В последнее время все больше исследований посвящается экономическим институтам, определяющим качество защиты прав собственности, эффективность инфорсментов контрактов, полноту передачи информации и т. д. Традиция в экономической науке, связанная с подчеркиванием ключевой роли институтов в народном хозяйстве, берет свое начало в трудах таких ученых, как Дж. Локк, А. Смит, Дж. С. Милль, А. Льюис. В их работах уделялось внимание «хорошим» экономическим институтам в качестве основной причины процветания страны. Базовые положения, которые легли в основу институциональной гипотезы, изложены в работах Р. Коуза, Д. Норта, О. Уильямсона и др.

Значение институтов проявляется в том, что они «формируют связи между людьми и делают поведение экономических субъектов целесообразным и предсказуемым в том или ином историческом и социальном контексте» [2, С. 96]. Основным утверждением в рамках институциональной гипотезы является то, что страны и регионы, наделенные схожими объемами факторов производства, могут демонстрировать различные экономические результаты вследствие разницы в институциональных характеристиках, которые воздействуют на стимулы к накоплению физического и человеческого капитала, инновациям и изобретениям, а также эффективной организации производства [6]. Поэтому институты относят к более фундаментальным причинам экономического роста по сравнению с традиционно рассматриваемыми факторами.

Теоретические и практические аспекты проблемы взаимосвязей институционального и экономического развития достаточно полно раскрыты современными учеными-экономистами. Однако в большей части исследований внимание уделяется обобщенным показателям экономического развития, таким как экономический рост, в то время как более конкретные параметры, например характеристики инновационно-предпринимательской деятельности, зачастую остаются вне институцио-

нального анализа. Тем не менее, очевидно, что правильно сформированные институты, которые обеспечивают совершенствование администрирования, защиту прав собственности (в т. ч. интеллектуальной), безопасность инновационных процессов от противодействия со стороны частных лиц и правительства, стимулируют накопление знаний и их применение в развитии новых технологий, приводя к увеличению частной нормы прибыли от инвестиций в НИОКР [6]. В то же время неэффективные институты могут вызывать распространение рентоориентированного поведения, воровства и иных моделей конкуренции в предпринимательской среде, не связанных с нововведениями [8].

Сегодня значимость изучения перспектив инновационного предпринимательства и факторов, воздействующих на него, становится все более очевидной. Отсутствие конкретных исследований данной проблемы обуславливает необходимость активизации научного поиска в этом направлении.

5. Логика и стадии формирования инновационного продукта

Как правило, справедливость и адекватность институциональной гипотезы экономическим реалиям не оспаривается современными учеными-экономистами: воздействие институтов на экономические процессы можно считать общепризнанным. Тем не менее, инновационное предпринимательство – это специфическая составляющая экономики, обладающая собственной логикой развития. Институты, воздействующие на него, так же обладают некоторыми особенностями.

Инновация обычно зарождается в научно-исследовательской (академической) среде и проявляется первоначально на уровне концепта. Качество и количество вырабатываемых инновационных идей зависят от накопленного знания, уровня образования, научно-технического потенциала страны (и региона). Однако только знаний для развития инновационного предпринимательства недостаточно, поэтому на следующем этапе возникают инновационные технологии (промышленные образцы, прототипы и др.). Для того чтобы это произошло, необходимы проявления новаторской активности, которая заключается в деятельном преобразовании знаний в технологии. Этот процесс зависит от стимулов и мотивов, которыми руководствуются в своих решениях ученые и исследователи, от того, насколько они заинтересованы в реализации своего потенциала. Затем для того, чтобы процесс внедрения новшества был логически завершен, разработанная инновационная технология должна привести к созданию и серийному производству инновационного продукта. Данная стадия инновационного процесса находится уже в зоне ответственности предпринимателей, а также касается взаимодействия представителей академической среды и бизнеса. Появление инновационного продукта возможно только при условии заинтересованности предпринимателей во внедрении новшеств в производственный процесс, а также при наличии соответствующих инфраструктурных и институциональных условий для нововведений.

Таким образом, процесс создания инноваций предполагает прохождение двух последовательных стадий: 1) переход (трансфер) знаний в инновационные технологии; 2) переход (трансфер) инновационных технологий в инновационный продукт. В соответствии с данной логикой выделяются две группы институтов: а) институты трансфера знаний в технологии; б) институты трансфера технологии в инновационный продукт.

6. Институты развития инновационного предпринимательства

К институтам трансфера знаний в технологии относятся: институт инновационного образования, институт защиты прав интеллектуальной собственности, институт инновационной заточенности человеческого капитала, институт запроса бизнеса в академической продукции, институт администрирования, связанного с работой образовательных учреждений.

Институт инновационного образования означает воспроизводимую на устойчивой основе систему стимулов в образовательном процессе, которая влияет на накопление знаний и формирование инновационного потенциала (мощности) страны, региона. Для этого в образовательных учреждениях на учебных занятиях должны присутствовать элементы, стимулирующие нестандартное изобретательское мышление; так же для повышения эффективности данного института могут быть введены дополнительные курсы, программы по развитию новаторских навыков.

Институт защиты прав интеллектуальной собственности связан с тем, насколько долго и эффективно инновации могут выступать источником повышения прибыли и увеличения конкурен-

тоспособности. В случае если права собственности на результаты интеллектуальной деятельности недостаточно качественно определены и закреплены, отсутствуют стимулы к инновациям, ведь преимуществами плохо защищенных новшеств могут воспользоваться и непосредственные конкуренты инноватора. В то же время для общества в целом выгодно широкое распространение новых технологий и повсеместное внедрение инноваций, что противоречит интересам конкретных предпринимателей.

Институт инновационной заточенности человеческого капитала характеризует систему стимулов, влияющих на предложение инноваций. Он показывает, насколько население страны (или только представители академического сообщества) хочет реализовывать свой накопленный инновационный потенциал, насколько вероятен выбор новаторства, рационализаторства и изобретательства по сравнению с иными видами деятельности, доступными сотрудникам университетов, научно-исследовательских центров, лабораторий.

Институт запроса бизнеса в академической продукции характеризует компоненты бизнес-среды, которые воздействуют на желания предпринимателей использовать в своей деятельности инновации для увеличения прибыли и повышения конкурентоспособности продукции и компании, а также на уровень доверия предпринимателей к ученым и исследователям.

Институт администрирования, связанного с работой образовательных учреждений, включает в себя различные бюрократические препятствия, которые возникают на пути трансфера знаний в технологии.

К институтам трансфера технологий в инновационный продукт относятся: институт стартапинга, институт запроса населения на инновационные товары, институт защиты конкуренции, институт защиты прав частной собственности, институт финансового доверия к стартапам, институт администрирования, связанного с работой малого и среднего бизнеса.

Институт стартапинга предполагает наличие действенной системы стимулов для воспроизведения активности инновационного предпринимательства в долгосрочной перспективе. Как известно, многие предприятия-новаторы прогорают в первые годы работы. При эффективном действии института стартапинга поражения на первых этапах открытия бизнеса не помешают предпринимателям снова попытаться начать свой бизнес.

Институт запроса населения на инновационные товары связан с рассмотрением мотивацией потребителей и их спросом на новшества. Данный институт показывает, насколько общество готово принять готовый инновационный продукт.

Институт защиты конкуренции означает систему норм, законов и деловых обычаев страны (региона), которые препятствуют недобросовестному соперничеству между предпринимателями, ограничивают вмешательство органов власти в процесс конкурентной борьбы на рынке.

Институт защиты прав частной собственности связан с тем, насколько предприниматели уверены в том, что смогут беспрепятственно пользоваться результатами своей деятельности и иным имуществом, находящимся в их собственности.

Институт финансового доверия к стартапам характеризует те компоненты бизнес-среды, которые обеспечивают предпринимателям, внедряющим инновации, привлечение инвестиций из внешних источников (венчурные фонды, государственная поддержка, стандартные схемы кредитования).

Институт администрирования, связанного с работой малого и среднего бизнеса, включает в себя преодоление различных бюрократических препятствий, которые возникают на пути трансфера технологий в инновационный продукт.

Список использованной литературы

1. Грейф, А. Институты и путь к современной экономике: уроки средневековой торговли / А. Грейф // Экономическая социология. 2012. т. 13, № 2. С. 35–58.
2. Левкин, Н. В. Базовые положения эволюционно-синергетического подхода в теории социально-экономической организации / Н. В. Левкин // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия «Общественные и гуманитарные науки». 2012. № 7. С. 94–97.
3. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт; пер. с англ. А. Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б. З. Мильнера. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.

4. Портер, М. Э. Конкуренция / пер. с англ. О. Л. Пелявского и др., под ред. Я. В. Заблоцкого и др. М.: Издательский дом «Вильямс», 2005. 608 с.
 5. Уильямсон, О. И. Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контракция / О. Уильямсон; научн. ред. и вступительная статья В. С. Катъкало; пер. с англ. Ю. Е. Благова, В. С. Катъкало, Д. С. Славнова, Ю. В. Федотова, Н. Н. Цытович. СПб.: Лениздат; CEV Press, 1996. 702 с.
 6. Хелпман, Э. Загадка экономического роста / Э. Хелпман; пер. с англ. А. Калинина под ред. М. Ханаевой, Е. Синельниковой. М.: Изд. Института Гайдара, 2011. 240 с.
 7. Шумпетер, Й. А. Теория экономического развития / пер. В. С. Автономова и т. д. М.: Директмедиа Паблишинг, 2008. 401 с.
 8. Hall, R. E. Why Do Some Countries Produce So Much More Output per Worker than Others? [Electronic resource] / R. E. Hall, Ch. I. Jones // Stanford University. 1998. URL: <http://www.stanford.edu/~chadj/pon400.pdf>.
 9. Kuznets, S. Modern Economic Growth, Rate, Structure and Spread / S. Kuznets. New Haven: Yale University Press, 1966. 529 p.
 10. Landes, D. S. The Unbound Prometheus / D. S. Landes. Cambridge: Cambridge University Press, 1969. 576 p.
 11. North, D. The Rise of Western World: A New Economic History / D. North, R. Thomas. New York: Cambridge University Press, 1973. viii+171 p.
 12. Rosenberg, N. Inside the Black Box / N. Rosenberg. – Cambridge: Cambridge University Press, 1982. 304 p.
 13. Solow, R. M. Technical Change and the Aggregate Production Function / R. M. Solow // The Review of Economics and Statistics. 1957. Vol. 39, N. 3. P. 312–320.
-

Роль межрегиональной интеграции в социально-экономическом развитии регионов России

Викторова О.М.

*Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева
г. Чебоксары*

В процессе реформирования экономической системы России одной из значимых тенденций в изменении экономической ситуации является процесс регионализации экономики; данная тенденция проявляется и в государственном регулировании экономического развития. На современном этапе развития российской экономики процесс формирования социально-экономической политики не столь централизован и роль регионов в этом процессе с каждым годом возрастает [6, с. 85]. Экономическая и политическая дезинтеграция народно-хозяйственного комплекса и социальной общности вызывает противоречия и проблемы в экономических реформах, в воспроизводственных процессах, в том числе такие, как потеря неоспоримых выгод территориальной специализации и концентрации производства; политическая, национальная и экономическая автономизация; региональный изоляционизм, появление регионов с льготами и особыми режимами хозяйствования; изменение региональных приоритетов и региональных моделей поведения местных органов управления; новая миграционная ситуация.

Общность интересов регионов в экономической и социальной сферах в немалой степени способствует их интеграции.

Самая простая трактовка интеграции – это взаимоотношения участников, в основе которых лежат интересы, позволяющие осуществить переход взаимоотношений в новое качество. Интересы могут быть самыми разнообразными – от выработки и проведения общей региональной политики, до согласованных действий в конкретной сфере. Именно интересы составляют основу для выработки интеграционных целей (стратегических, долгосрочных, краткосрочных).

Современная цель интеграции в российском обществе – преодоление неравномерности системы, согласованность субъективных интересов и в результате – достижение некоего «постиндустриального» общемирового уровня с тем, чтобы Россия в условиях жесткой конкуренции могла на равных с развитыми державами влиться в интегрируемое мировое сообщество.

Межрегиональные экономические взаимодействия наиболее эффективны между участниками, приближенными к единому уровню социально-экономического развития и обладающими схожими условиями для экономической деятельности. К формам межрегиональных связей можно отнести межрегиональные кооперационные взаимодействия, связанные с перемещением регионами факторов производства, товаров и услуг, финансовых ресурсов, информации, а также миграцией населения, сотрудничеством в сфере культуры и науки, межрегиональной деятельностью общественных организаций, взаимодействием региональных властей и т. д. При этом чем выше и однороднее уровень экономического развития участников, тем интенсивнее идет процесс развития межрегионального сотрудничества, тем разнообразнее его формы. Одним из признаков высокой степени экономической интеграции экономических потенциалов регионов является производство совместных продуктов для продвижения на внешний по отношению к экономическому пространству двух или нескольких регионов [6, с. 89]. Так, например, в связи с высокой плотностью населения в Чувашской Республике подписано соглашение между Чувашской Республикой и Санкт-Петербургом по трудоустройству трудоспособного населения. Соглашение действует в двустороннем плане, т. е. сотрудники предприятий смогут обмениваться накопившимся опытом. С обеих сторон создадут контрольные органы. Компания «Хевел» (совместное предприятие Группы компаний «Ренова» 51 % и ОАО «РОСНАНО» 49 %) заключила соглашение о взаимодействии и сотрудничестве, направленное на стимулирование развития

в регионе высокотехнологичных отраслей экономики. В Чувашской Республике имеются все возможности для успешного совместного сотрудничества предприятий региона и иностранных партнеров. Наиболее привлекательными для инвесторов секторами экономики являются: жилищное хозяйство, машиностроение и металлообработка, пищевая и химическая промышленность, транспорт.

Российские регионы все активнее выходят на мировые рынки. Причем интересно, что внешнеэкономические связи развиваются быстрее межрегиональных. Разумное внешнеэкономическое регулирование способно предотвращать перекосы в структуре национальной экономики при ее ускоренной интеграции в мировую. При этом у отдельных регионов могут возникать более сложные ситуации, связанные с защитой конкурентоспособности ключевых производств и рынков. Особенности Российской Федерации, ее масштабы, региональное многообразие, переходное состояние экономики и другие факторы требуют активной деятельности государства по устранению диспропорций в национальном экономическом пространстве, решению сложных региональных проблем, созданию условий для устойчивого развития всех регионов и страны в целом.

Все направления и формы государственного регулирования, деятельность практически всех государственных институтов в какой-то степени оказывают воздействие на конкретные регионы, даже когда напрямую такие задачи не ставятся. Но эти отдельные воздействия для хотя бы некоторых регионов могут оказываться несовместимыми или неэффективными. Поэтому в России необходима синтетическая подсистема государственного регулирования – региональная политика, ориентированная на достижение определенных целей регионального и территориального развития.

Проводимая экономическая политика должна способствовать интеграции российской экономики, укреплению ее целостности. Необходимо сочетать разнообразие конкретных подходов к решению проблем в отдельных регионах и единство общих принципов функционирования рынка на всем экономическом пространстве, общие правила экономического центра, регионов, всех хозяйствующих субъектов [8, с. 234–235].

По мнению Афанасьевой [1], в процессе осуществления межрегиональной интеграции необходимо также решить двуединую задачу – усилить тенденцию к выравниванию социально-экономического развития субъектов РФ и преодолеть слабость регионов в общероссийском балансе экономических сил.

Для достижения поставленных целей и задач необходима выработка организационного механизма экономической интеграции, которая представляет собой совокупность процедур, методов и способов, обеспечивающих экономическую интеграцию регионов в условиях рынка [1, с. 34–35].

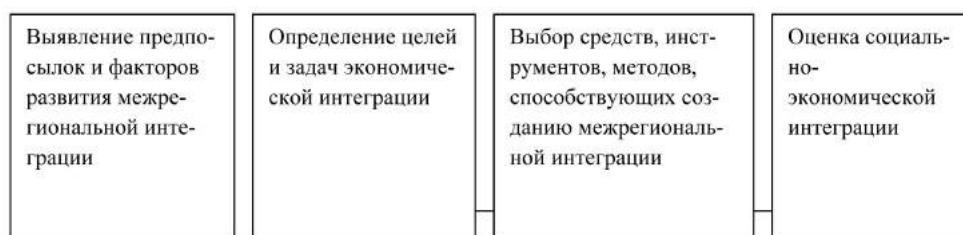

Рис. 1. Организационный механизм экономической интеграции

Все факторы, определяющие предпосылки экономической интеграции регионов можно подразделить на экономические и социальные.

Основными предпосылками, определяющими участие региона в общественном разделении труда и, следовательно, в интеграционных процессах, являются:

1. Степень развитости внутреннего рынка региона. У крупных регионов с развитым рынком больше возможностей найти на нем необходимые факторы производства и потребительские товары и, следовательно, меньшая потребность участвовать в отраслевой специализации и товарообмене.

2. Уровень экономического развития региона. Необходимость участия региона в интеграции тем больше, чем меньше его экономический потенциал, в то же время существуют все предпосылки для его роста: обеспечены гарантированный взаимный доступ к сырьевым источникам, защита от недобросовестной конкуренции, совместный прорыв на мировой рынок с некоторыми видами высокотехнологичной продукции и т. д.

3. Удельный вес в структуре экономики региона базовых отраслей промышленности (энергетика, добывающие отрасли, металлургия и т. д.). Чем выше удельный вес базовых отраслей, тем, как правило, меньше его включение в систему общественного разделения труда.

4. Наличие правового и организационно-экономического стимулирования отечественных предприятий в налаживании хозяйственно-кооперационных связей между ними на приоритетных направлениях, скоординированное противодействие скупке отечественных предприятий иностранными компаниями, экспансии фирм стран дальнего зарубежья, недобросовестной конкуренции с отечественными предприятиями и т. д.

5. Обеспеченность субъектов интеграционного процесса необходимой текущей информацией о характере взаимодействия участников всех сегментов региональных рынков и объектов их инфраструктурных комплексов; об условиях функционирования финансового, инвестиционного, товарного и иных рынков; о действующих формах, методах, способах, последовательности осуществления нормативно-правовых и других регулирующих воздействий со стороны государства.

Таблица 1

Факторы, определяющие предпосылки экономической интеграции регионов Российской Федерации

Экономические	Социальные
Взаимозависимость отраслей народно-хозяйственного комплекса регионов РФ как результат сложившегося разделения труда и региональной специализации. Территориальная близость. Технологическая общность производства в различных регионах. Единство применяемых технических стандартов. Взаимодополняемость структуры экономики. Единство сетей коммуникаций, транспортной инфраструктуры, энергосистемы и др. Общие трудности выхода на мировой рынок.	Миграция трудоспособного населения, занятого в экономике. Общность или близость в социально-культурной сфере, образе жизни, религии, шкале ценностей. Неформальные связи между участниками интеграционного процесса. Возникновение новых социальных общностей на основе плюрализации форм собственности, консолидации занятых в отдельных отраслях экономики и секторах профессиональной структуры, системы властных отношений, уровне доходов, источников их поступления, характеристики качества жизни.

Прогнозируемые преимущества экономической интеграции регионов могут заключаться в следующем:

- экономия на масштабах имеет самую тесную связь с интеграцией. Чем шире рынок, тем быстрее снижаются издержки производства. А это означает повышение эффективности производства;
- экономическая интеграция на региональном уровне может быть связана с объединением остальных нерентабельных территориальных комплексов, хозяйствующих субъектов с удовлетворяющими рыночный спрос на товары и услуги, что обеспечивает снижение безработицы, инфляции, социальной напряженности. Такая интеграция дает и другие эффекты: наращивание качества товаров и услуг, внебюджетных доходов, более полное удовлетворение спроса потребителей, повышение эффективности использования кадрового и материального потенциала интегрируемых территориальных комплексов и хозяйствующих субъектов, их расширенное производство за счет реинвестирования внебюджетных доходов в основные фонды, оплату расходов на повышение квалификации и переквалификации кадров;
- по мере расширения предпринимательской деятельности, основанной на экономии на масштабах производства, ускоряются темпы технического развития, а это в свою очередь ведет к повышению производительности и усилению конкуренции;
- чем масштабнее интеграционный регион, тем лучше его стратегические позиции на мировом рынке. Кроме того, улучшается его переговорная позиция при заключении торговых соглашений с внешними партнерами. Вместе с тем меньше ощущается влияние внешних факторов, то есть снижается зависимость от внешней экономической среды.

Наряду с экономическими выгодами, межрегиональная интеграция несет и положительный социальный эффект – повышение уровня занятости и, как следствие, уровня жизни населения.

При эффективном обеспечении экономической интеграции регионов и за счет постепенных, эволюционных структурных изменений можно ожидать тенденции к экономическому росту.

Одним из важнейших направлений экономических реформ в России является перенесение центра тяжести социально-экономического развития на регионы. Реальное усиление федерализма и укрепление российской государственности невозможны без повышения уровня и качества жизни населения в регионах, выравнивания условий их социально-экономического развития. Этому в значительной мере способствует межрегиональная интеграция, процессы которой базируются на следующих принципах:

- прямые договоры между отдельными регионами для решения экономических проблем;
- устранение всех барьеров во взаимных торговых связях, создание действенной платежно-расчетной системы;
- взаимовыгодность, взаимопомощь и кооперация в экономике, включая создание совместных финансово-промышленных групп;
- объединение региональных ресурсов для реализации совместных экономических и научно-технических программ, непосильных для отдельных регионов;
- беспрепятственное движение товаров, рабочей силы и капитала;
- опора на собственный потенциал.

При недостаточно продуманном проведении государственной социально-экономической политики возникают и даже нарастают противоречия между развитыми (богатыми) и отстающими (бедными) регионами. Когда федеральный центр увеличивает поддержку отстающих регионов путем перераспределения бюджетных средств, это ущемляет интересы населения и бизнеса регионов-доноров. Отстающие же регионы, неудовлетворенные своим положением, предъявляют все больше претензий не только к государству, но и к более успешным регионам. Для России эта ситуация усугубляется тем, что число отстающих регионов в 3–4 раза превышает число благополучных (21 регион РФ из общего числа признаны отстающими) [7]. Экономические и политические дисбалансы между регионами становятся источниками растущей напряженности в обществе.

Чувашская Республика выделяется среди других регионов России специфическими условиями развития экономической интеграции с другими субъектами РФ: благоприятным экономико-географическим положением для развития отдельных отраслей материального производства; наличием большого количества трудовых ресурсов; благоприятными условиями для развития отдельных отраслей сельского хозяйства; стабильной экологической обстановкой. В то же время малоземелье в Чувашии тормозит развитие фермерских хозяйств; отсутствует разнообразие полезных ископаемых в промышленных масштабах.

Находясь в центре Поволжья, Чувашия является небольшим по территории, но динамично развивающимся и обладающим несомненной привлекательностью для инвесторов регионом. Хорошей базой для долгосрочного инвестирования и успешного бизнеса являются авторитет власти, межнациональное согласие, благоприятные природно-климатические условия, развитость инженерной, телекоммуникационной и транспортной инфраструктуры, правовые и экономические гарантии инвестиций, достаточный ресурс рабочей силы. Чувашская Республика имеет благоприятное географическое положение, позволяющее развиваться отраслям экономики, ориентированным на привозное сырье и топливо, а также на вывоз производимой продукции. Республика является крупным транспортным узлом, в котором пересекаются железнодорожные, водные, основные российские автомобильные магистрали. Отличительной особенностью является то, что Чувашская Республика не имеет запасов стратегического сырья. С учетом этого основным приоритетом стал инновационный путь развития экономики, так как источники экстенсивного экономического роста практически исчерпаны.

Одним из основных мотивов объединения предприятий на межрегиональном уровне является нехватка инвестиционных ресурсов. Чувашская Республика в данном случае не является исключением. Основными проблемами, отражающими специфику социально-экономического развития региона являются:

1. высокая дотационность консолидированного бюджета Чувашской Республики, низкий уровень бюджетной обеспеченности;
2. отставание уровня жизни населения от среднероссийских показателей;
3. проблема ликвидации имеющихся негативных последствий от строительства Чебоксарской ГЭС (продолжается подтопление прибрежных территорий, ухудшается качество питьевой воды);

4. структура производственного потенциала не является оптимальной, велико количество предприятий с устаревшим технологическим укладом и низкой конкурентоспособностью выпускаемой продукции. Основными проблемами остаются изношенность основных фондов предприятий, наличие неиспользуемых производственных мощностей, недостаточные темпы обновления основных фондов и низкая инновационная восприимчивость предприятий, отсутствие высококвалифицированных управленческих кадров, неразвитая научная и инновационная база;

5. в Чувашии традиционно невелики объемы промышленного производства. По темпам изменения инвестиционной активности, безработицы, жилищного строительства, инфляции, сельскохозяйственного производства республика находится в числе отстающих регионов Российской Федерации, но не в самом конце списка. Но действительно впечатляет рост реальных доходов в бюджетной сфере – то есть скорректированных на инфляцию – Чувашия входит в десятку лучших регионов России.

Таблица 2

Консолидированный бюджет Чувашской Республики в 2010–2012 гг. (млн. рублей)

	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Доходы: из них	33193,4	37264,9	40116,0
Безвозмездные поступления	12943,0 (38,9 %)	14583,5 (39,1 %)	14540,4 (36,2 %)
Расходы	35126,4	37065,1	42221,8
Дефицит (профицит)	-1933,1	199,8	- 2105,9

Следуя таблице 2, можно определить уровень дотационности региона. Например, в 2012 этот показатель равен 36,2 % от общего числа доходов бюджета республики [7].

Согласно последним изменениям, перераспределительная политика федеральных властей в 2013 г. изменилась и по объему, и по структуре. Безвозмездные поступления (трансферты) сократились на 15 %, в т.ч. из федерального бюджета – на 13 %. Это чувствительный удар для бюджетов субъектов РФ, но следует учитывать и эффект «высокой базы» 2012 г.: перед президентскими выборами трансферты из федерального бюджета выделялись в более значительных объемах, особенно в первом квартале. В 2013 г. сокращение трансфертов произошло в 80 % регионов, причем в 60 % регионов – более чем на 10 %. Наиболее сильно сократились трансферты регионам Центра, Северо-Запада, Урала и Поволжья.

Если все трансферты регионам сократились на 15 %, то субсидии – на треть, в том числе инвестиционные субсидии на капитальное строительство – на 42 %. Следовательно, Чувашской Республике в последующих годах потребуются привлечь дополнительные средства пополнения бюджета, расширению налоговой базы, для чего нужно и развивать интеграционные связи с другими регионами страны. На данный момент Чувашская Республика строит свои взаимоотношения с субъектами Российской Федерации в рамках договоров, соглашений о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве.

Экономический фактор интеграции территорий является наиболее фундаментальным и позволяет прогнозировать вероятностное поведение регионов в будущем. В Чувашской Республике на протяжении последних лет наблюдаются устойчивые темпы экономического роста. Несмотря на это в республике существует множество проблем в инвестиционной сфере. К ним можно отнести недостаток собственных инвестиционных ресурсов и низкую инвестиционную активность организаций реального сектора экономики, недостаточный объем привлекаемых частных инвестиций, не отвечающий потребностям роста экономики; слабое развитие необходимой инвестопроводящей инфраструктуры (лизинговых компаний, венчурных фондов, негосударственных пенсионных фондов); недостаточный уровень инвестиционной активности коммерческих банков. Решению этих проблем в немалой степени способствует развитие инвестиционного сотрудничества с отечественными и иностранными партнерами.

Крупнейшие организации республики: ЗАО «Промтрактор-Вагон», ООО «Промтрактор-Промлит», ОАО «Промтрактор», ОАО «Чебоксарский агрегатный завод», Научно-производственный комплекс «Элара» им. Г.А.Ильенко, ОАО «Химпром», филиал ЗАО Фирма «Август» «Вурнарский завод смесовых препаратов», ОАО «Акконд», ЗАО «Чебоксарский электроаппаратный завод», ООО НПП «Экра», ОАО «ВНИИР», ОАО «Завод «Чувашкабель», ОАО «Шумерлинский завод специализи-

рованных автомобилей», ОАО «ЧПО им. В. Чапаева», ОАО «Чебоксарское предприятие «Сеспель», ОАО «Перкарбонат», ОАО «Чебоксарская пивоваренная фирма «Букет Чувашии» и другие готовы сотрудничать с другими производственными силами регионов, с целью получения опыта, знаний, обучения, заключения взаимовыгодных договоров о поставках, реализации и продаже продукции.

Следует отметить, что, хотя отдельные регионы и выступают конкурентами за привлечение внешних ресурсов, тем не менее гораздо большего эффекта удастся достичь через объединение конкурентных преимуществ соседних регионов посредством развития межрегионального сотрудничества и стимулирования процессов межрегиональной интеграции. Тесное взаимодействие осуществляется и с другими стратегическими партнерами – ОАО «Российские железные дороги», автомобильными холдингами (Группа «ГАЗ», «КамАЗ», «АвтоВАЗ»), компанией «Ренова Оргсинтез». Успешно реализуется соглашение о сотрудничестве с ОАО «Сбербанк России», ОАО «Россельхозбанк», ГК «Росатом», ОАО «РусГидро».

Межрегиональная интеграция является своеобразным индикатором социально-экономической ситуации в регионах России в целом, в то же время выступая в качестве механизма улучшения этой ситуации. Однако в случае недостатка экономической активности, даже при участии и поддержке региональных властей, межрегиональные взаимодействия развиваются нестабильно и имеют преимущественно эпизодический характер.

Опираясь на зарубежный опыт, именно формирование и поддержка комплексных кластеров могут создать основу формирования устойчивой, активно развивающейся региональной политики. В настоящий момент ключевые векторы развития России в значительной мере зависят от межрегиональной интеграции, от уровня развития экономических взаимосвязей между хозяйственными субъектами регионов, от степени кооперации компаний, предприятий, различных научных организаций, работающих в самых разных отраслях экономики.

Список использованной литературы

1. Афанасьева В.Г. Формирование и развитие межрегиональной экономической интеграции в Российской Федерации – Чебоксары: ЧИЭМ СПбГПУ, 2003. 72 с.
2. Ваш партнер – Чувашия, на русском и английском языках. Заказ № К-7866. Тираж 2000 экз. ГУП «ЧПК «Чувашия».
3. Интеграция региональных интересов в систему международных экономических связей: материалы Всерос. науч.- практ. конф. Чебоксары: Изд-во Чуваш. Ун-та, 2009. 166 с.
4. Интеграция экономики в систему мирохозяйственных связей // Тезисы VII международной научно-практической конференции. СПб. Изд-во Нестор, 2002. 376 с.
5. Независимый институт социальной политики, Социальный атлас российских регионов, Мониторинг кризиса и посткризисного развития регионов России, Н.В. Зубаревич [Электронный ресурс] // URL: <http://www.socpol.ru>. Дата обращения: 28.10.2013
6. Развитие российских регионов: новые теоретические и методологические подходы / Институт проблем региональной экономики РАН; отв. ред. Е.Б. Костяновская. СПб.: Наука, 2006. 618 с.
7. Статистический ежегодник Чувашской Республики. 2013: Стат. сб / Чувашстат – Чебоксары, 2013. 442 с.
8. Торгово-промышленные ведомости, [Электронный ресурс] // URL: <http://www.tpp-inform.ru>. Дата обращения: 24.10.2013
9. Чувашская Республика, Приглашение к Сотрудничеству (12–й выпуск, 2012 г.)
10. Экономика: учебник / по ред. Д.С. Львова, В.И. Видяпина: В 2 кн. Кн. 2. М.: ГОУ ВПО «РЭА им. Г.В. Плеханова», 2008. 464 с.

Региональные диспаритеты в Армении с момента обретения независимости

Мурадян А.М.

Институт региональных наук при КИТ

г. Карлсруэ, Германия

После распада Советского Союза Армения стала самым небольшим из новых государств. Исходная ситуация в Армении была осложнена множеством конфликтов, которые проявлялись и проявляются до сих пор в виде войн, бойкотов и закрытых границ. В данной работе рассматривается вопрос о

том, каким образом в этих условиях развиваются региональные диспаритеты, отношения периферия-центр, а также о том, какие социальные проблемы возникают в результате данных процессов.

Нужно отметить, что анализ региональных социально-экономических диспаритетов в Армении усложняется тем, что одновременно с распадом Советского Союза пришла в упадок и официальная государственная статистика. Поэтому, в первую очередь, необходимо найти подходящие индикаторы для анализа ситуации, а затем выбрать стратегию для решения проблемы по заполнению пробелов данных временных рядов. Независимо от названных выше в большей части пока нерешенных проблем, анализ ситуации показывает, что процесс трансформации, как и в других постсоветских государствах, сопровождался усиленной миграцией населения из сельской местности в города, что в свою очередь только увеличило разрыв между центром и периферией. Следствием этого явились социальные проблемы и риски, на которые необходимо реагировать при помощи инструментов пространственного планирования в ходе регионального развития.

Для начала необходимо дать короткое определение понятию «региональных диспаритетов». Региональные диспаритеты – это неуравновешенность структур в пределах одного региона или между различными регионами. Это могут быть, например, различия в условиях жизни, а также в неравных экономических возможностях развития (Leser et al (2001) in Haiden et al (2007)).

Целью этой работы является исследование возможных причин региональных диспаритетов в Армении с момента трансформации (в 1991 году Армения отделилась от Советского Союза, произошел переход «от плановой к рыночной экономике»).

Экономический уровень развития, а соответственно и социально-экономические диспаритеты, обусловлены различными факторами. Такими факторами являются наличие квалифицированных трудовых ресурсов, географическое положение, а также исторические, политические, демографические, экологические, социальные и экономические факторы (Haiden et al (2007), 23–28).

Проблемами, которые возникают в результате региональных диспаритетов, являются недостаток рабочих мест, последующая безработица, бедность, различия в уровне благосостояния, миграция из сельской местности (Mirko (2012)), следствием чего может стать закрытие различных учреждений, неравные шансы доступа к образованию, перегрузка транспорта, загрязнение окружающей среды, рост уровня преступности и т. д. (Herdzina (1993)).

В данной работе используется методика, включающая: дескриптивный подход, анализ данных официальной статистики (которым нельзя доверять со 100-процентной уверенностью, т.к. они могут быть отражением определенных интересов), расчет Gini-коэффициентов для населения, предприятий и инфраструктурных учреждений, анализ экономической структуры, анализа уровня преступности в регионах.

В Армении диспаритеты имеют место как в экономической, так и в социальной сферах. Они обусловлены различными факторами: историческими, политическими, географическими, социальными и экономическими.

Исторические и политические факторы: Армянский геноцид в Османской империи в 1915 г., землетрясение в Спитаке 7 декабря 1988 и война в Нагорном Карабахе (в 1988–1991 гг.).

Более 1,5 млн. армянских граждан погибли в 1915 году в Османской империи. Остаток населения был вынужден покинуть Родину. Часть беженцев нашли убежище на территории сегодняшней Армении. В отличие от остальных жителей у них не было никакой собственности. Общая граница Армении с Турцией длиной 268 км заблокирована с 1993 (Hofmann (2002)).

Условием для дипломатических отношений и отмены блокады Турция требует отход «армянских вооруженных сил» из «оккупированных областей» Азербайджана.

С 22 декабря 1922 г. вплоть до провозглашения декларации о независимости от 30 августа 1991 г. Армения была одной из республик Советского Союза. В 1921 г. Сталин подарил более 20 тыс. км² территории армянских областей Советской Республике Азербайджан, что противоречило воле армянского населения (Hofmann (2002)).

В результате массовых убийств армянского населения 20 февраля 1988 образовалось движение солидарности, которое стало началом Нагорно-карабахской войны между Арменией и Азербайджаном. 9 мая 1991 война закончилась победой Армении и Нагорно-Карабахской области. С тех пор установлено «перемирие». Тем не менее, до сих пор существует опасность у границ в форме стрельбы с

обеих сторон. Нагорно-Карабахская область объявила о своей независимости, но это не признано до сегодняшнего дня на государственном уровне. (Hofmann (2002)) Теперь общая граница с Азербайджаном длиной 566 км охраняется армянской армией.

В 1996 году 13 % населения Армении имело почти в два раза меньше финансовых ресурсов, чем это предусмотрено ООН в качестве минимального стандарта. К этой группе принадлежали более чем 350.000 беженцев из Азербайджана, примерно 40.000 военных беженцев из Карабаха и раненые из смежных районов, 25 тыс. инвалидов, бездомных после землетрясения в Спитаке (Hofmann (2002)).

Географическое положение: Более 80 % территории страны – горная местность. Страна лежит в среднем на высоте выше 1800 м над уровнем моря. (<http://de.wikipedia.org/wiki/Armenien#Geographie>, дата обращения: 28.12.2013) Наряду с естественными границами существует блокада со стороны соседних стран – Азербайджана и Турции. Исторические условия привели к тому, что Турция и Азербайджан экономически блокировали Армению.

Социальные и экономические факторы (численность населения; инфраструктурная обеспеченность). Более 34 % населения Армении проживает в столице Ереване (Statistikamt Armenien (2012)), поэтому экономическая активность всей страны сконцентрирована в Ереване, что ведет к укреплению региональных диспаритетов в Армении.

В данной работе были рассчитаны Gini-коэффициенты для различных индикаторов (для государственных и частных университетов, для театров, для малых и средних предприятий, для населения, для детских садов, и представлены кривые Лоренца для населения, для малых и средних предприятий).

Таблица 1

Gini-коэффициенты для различных индикаторов

для государственных и частных университетов	0,83
для театров	0,74
для малых и средних предприятий	0,73
для населения	0,53
для детских садов	0,47

Коэффициент Gini – это мера для относительной концентрации и описывает степень концентрации. Коэффициент – это число между [0; 1]. Чем ближе лежит коэффициент Gini к единице, тем больше концентрация и, соответственно, диспаритет.

Таблица 2

Удельные веса и уровень различных индикаторов

Регионы Армении	Удельный вес территории каждого региона в общей территории страны	Удельный вес населения каждого региона в общем населении страны	Удельный вес малых и средних предприятий каждого региона в общем числе малых и средних предприятий страны	Удельный вес государственных и частных университетов каждого региона в общем числе государственных и частных университетов страны	Удельный вес детских садов каждого региона в общем числе детских садов страны	Удельный вес театров каждого региона в общем числе театров страны	Уровень преступности на 1000 человек
Ереван	1 %	34 %	58 %	69 %	31 %	60 %	7,8
Арагацотн	9 %	4 %	2 %	0 %	3 %	0 %	3,6
Арарат	7 %	9 %	7 %	0 %	11 %	3 %	4
Армавир	4 %	9 %	3 %	3 %	8 %	0 %	3,1
Гегаркуник	18 %	7 %	3 %	3 %	6 %	3 %	3,2
Лори	13 %	9 %	6 %	5 %	9 %	10 %	4,2
Котайк	7 %	9 %	8 %	3 %	7 %	3 %	4
Ширак	9 %	9 %	5 %	9 %	7 %	7 %	3,3
Сюник	15 %	5 %	2 %	4 %	8 %	7 %	3,5
Вайоц Дзор	8 %	2 %	1 %	3 %	3 %	0 %	3,5
Тавуш	9 %	4 %	5 %	3 %	7 %	7 %	3,2
Сумма (вся Армения)	100 %	100 %	100 %	100 %	100 %	100 %	

Представленный анализ данных официальной статистики (Таблица 2) показал, что имеются значительные различия в следующих областях:

– в экономической сфере диспаритеты существуют, прежде всего, между столицей Армении и регионами, а также в пределах регионов;

– относительно преступности армянские регионы кажутся надежнее, чем столица.

– население, предприятия и инфраструктура сконцентрированы в столице.

Недостаток источников информации об особенностях развития регионов Армении, а также статистической информации вызывает необходимость проведения комплексных эмпирических социально-экономических исследований.

Список использованной литературы

1. Glavanics, P., Haiden, M., Hofer, Ch. (2007). Seminar aus Humangeographie «Räumliche Disparitäten anhand ausgewählter Beispiele».
2. «Geographie» <http://de.wikipedia.org/wiki/Armenien#Geographie>, Дата обращения: 28.12.2013
3. Herdzina, K. (1993). «Regionale Disparitäten, ländliche Räume und Ansatzpunkte einer integrierten Regionalpolitik: Überlegungen zu einer wissenschaftlichen Forschungskonzeption», Universität Hohenheim.
4. Hofmann, T. (2002). «Armenien – Analysen und Hintergründe»; Schweizerische Flüchtlingshilfe SFH, Bern
5. Leser, H. (2001). «Diercke – Wörterbuch der Allgemeinen Geographie», Deutscher Taschenbuch Verlag, München.
6. Mirko, E. (2012). «Infoblatt Räumliche Disparitäten: Entstehung und Abbau räumlicher Ungleichheiten», Verlag Klett, Leipzig.
7. Statistiksamt Armenien «Հայաստանի Հանրապետության մարզերը և Երևան քաղաքը թվերով, 2012» – <http://www.armstat.am/am/?nid=82&id=1392>, Дата обращения: 28.12.2013

Экономические драйверы формирования региональных систем здравоохранения в Российской Федерации

Терехин П.А.

Институт экономики Кар НЦ РАН

г. Петрозаводск

Переходный период становления постсоветской российской экономики связан с изменениями в системе экономических отношений каждой отрасли народного хозяйства. В системе здравоохранения данные коррективы были связаны с появлением дополнительных источников финансового обеспечения и формированием новых элементов распределительного механизма. С 1991 года бюджетное финансирование системы здравоохранения было преобразовано в смешанную бюджетно-страховую и частную модели. Отдельно стоит отметить возросший объем неофициальных платежей, который потенцировался низкой заработной платой медицинских работников и недостаточным уровнем доступности медицинской помощи. Централизация в системе управления здравоохранением сменилась полной или частичной свободой в принятии управленческих решений, как на уровне поставщиков, так и на уровне потребителей медицинских услуг. Под влиянием данных процессов система здравоохранения претерпела значительные изменения и трансформировалась в совокупность качественно неоднородных моделей регионального здравоохранения. Сформировавшаяся в итоге ресурсная асимметрия стала порождать ряд барьеров при обеспечении граждан качественной и доступной медицинской помощью.

Неоднородность при формировании систем регионального здравоохранения в части их эффективности и ресурсоемкости определялась:

– экономическими факторами (степенью экономического развития региона, наличием разветвленной сети медицинских учреждений, кадровой укомплектованностью и т. д.);

– историческим фактором (ментальностью врачебного сообщества, наличием или отсутствием школы по подготовке медицинских кадров, в том числе в области управления);

– медико-демографическими факторами (плотностью населения, половозрастным составом, уровнем смертности и заболеваемости).

Рассмотрим экономическую составляющую, являющуюся, на мой взгляд, первичной определяющей эффективностью процесса предоставления доступной и качественной медицинской услуги. К основным экономическим драйверам, усиливающим сложившуюся дифференциацию региональных систем здравоохранения можно отнести:

- степень сбалансированности финансового обеспечения систем здравоохранения и их ресурсоемкости;

- специфические формы распределительного и перераспределительного финансового механизма внутри региональных систем здравоохранения;

- степень развития института конкуренции как внутри региональных систем здравоохранения, так и на межсистемном уровне.

Степень сбалансированности финансового обеспечения и организационная структура системы здравоохранения региона определена в нормативных актах программно-целевого планирования, которые носят название «Программа государственных гарантий оказания российским гражданам бесплатной медицинской помощи» (далее – ППГ) и «Территориальная программа государственных гарантий бесплатного оказания гражданам Российской Федерации медицинской помощи» (далее – ТППГ). Существующие различия в финансовом обеспечении территориальных программ обязательного медицинского страхования, а следовательно и дифференциация в качестве и доступности медицинской помощи определяются неоднородностью экономического потенциала регионов и институциональными допущениями.

Нормативно закреплена возможность увеличения финансового обеспечения территориальной программы. Так, согласно ППГ «норматив финансового обеспечения территориальной программы обязательного медицинского страхования может превышать установленный базовой программой обязательного медицинского страхования норматив финансового обеспечения базовой программы обязательного медицинского страхования в случае установления дополнительного объема страхового обеспечения по страховым случаям, установленным базовой программой обязательного медицинского страхования, а также в случае установления перечня страховых случаев, видов и условий оказания медицинской помощи в дополнение к установленным базовой программой обязательного медицинского страхования». Таким образом, при наличии у субъекта дополнительных ресурсов, он может увеличить объем ассигнований сверх утвержденного базовой программой норматива и расширить объем предоставляемой медицинской помощи.

Важным для определения степени сбалансированности территориальной программы государственных гарантий бесплатного оказания медицинской помощи, является полнота ее финансового обеспечения за счет источников бюджета территории и субвенции Федерального фонда обязательного медицинского страхования. Особенно актуальным влияние данного фактора становится при передаче расходных обязательств по финансированию отдельных видов медицинской помощи из территориального бюджета в систему обязательного медицинского страхования.

Для определения степени однородности систем здравоохранения по признаку их финансового обеспечения за основу был взят уровень дифференциации нормативных показателей ТППГ. При анализе утвержденных показателей подушевого финансирования ТППГ в субъектах северо-западного федерального округа Российской Федерации в 2013 году был выявлен размах вариации в 7 238 руб. (min – 9 032 руб. max – 16 270 руб.) и непропорциональное распределения объемов финансового обеспечения по источникам (Таб. 1).

На асимметрию в финансовом обеспечении ТППГ субъектов Российской Федерации также может оказывать влияние методология расчета и обоснования объемных показателей медицинской помощи и ее финансового обеспечения. Данный расчет происходит на основании рекомендуемых нормативов на одного застрахованного человека. Получающиеся в итоге несоответствия расчетной стоимости территориальной программ на одного человека к фактической ее потребности могут быть связаны с:

- несоответствием количества застрахованных граждан и граждан фактически проживающих (в Республике Карелия по данным ежемесячной сверки количество застрахованных граждан, отраженных в региональном сегменте территориального фонда обязательного страхования, превышает количество проживающих по данным ЗАГС на 9 %);

– несоответствием нормативов объема медицинской помощи на 1 застрахованного фактически существующей потребности.

Таблица 1

Сравнительная характеристика подушевого финансирования ТТПГ в субъектах СЗФО на 2013 год (руб.)

Субъект	Республика Карелия	Республика Коми	Архангельская область	Вологодская область	Мурманская область	Ленинградская область	Новгородская область	Псковская область	Калининградская область	Город федерального значения Санкт-Петербург
Подушевое финансирование по ТТПГ	12 392	16 270	13 354	8 235	16 163	10 768	9 124	9396	9 032	13 770
В том числе за счет ОМС	9 813	11 398	10 872	5 727	12 644	5 942	5 942	7211	5 942	8 602
За счет бюджета субъекта	21 %	30 %	19 %	30 %	22 %	45 %	35 %	23 %	34 %	38 %
За счет средств ОМС	79 %	70 %	81 %	70 %	78 %	55 %	65 %	77 %	66 %	62 %

Второй составляющей экономического фактора формирования региональных систем здравоохранения является распределительный и перераспределительный механизм, который включает систему платежей, осуществляемых страховыми медицинскими организациями согласно договору на оказание и оплату медицинской помощи в системе обязательного медицинского страхования, и межучрежденческие расчеты, проводимые медицинскими организациями при покупке медицинской услуги друг у друга.

Механизм платежей в системе обязательного медицинского страхования базируется на методологии расчета стоимости финансового обеспечения единицы оплаты медицинской помощи. Данная стоимость возмещается в рамках фиксированного тарифа, который может изменяться посредством системы поправочных коэффициентов, рассчитанных в зависимости от ресурсоемкости медицинской помощи. На возмещение фактических затрат при оказании медицинской помощи влияет контроль качества оказания медицинской помощи страховых медицинских организаций. Применяемые ими штрафные санкции также влияют на процесс распределения и перераспределения финансовых ресурсов в системе здравоохранения.

Использование тех или иных способов оплаты в зависимости от условий и видов медицинской помощи регламентировано законодательно. На территории могут применяться способы оплаты за прикрепленное население, за законченный случай (посещение, обращение, вызов, клинико-статистическую группу) и за медицинскую услугу.

Для оценки сформированных систем оплаты были проанализированы существующие комбинации способов и единиц оплаты медицинской помощи в субъектах СЗФО на основании анализа тарифных соглашений, утвержденных согласительными комиссиями субъектов на 2013 год. Было выявлено несоответствие в комбинациях способов оплат в различных субъектах СЗФО как при анализе оплаты видов медицинской помощи, так и по способам комбинации единиц оплачиваемой помощи.

На основании проведенного анализа выделены следующие единицы оплаты медицинской помощи в зависимости от условий ее оказания:

1. Амбулаторная помощь:
 - По подушевому нормативу за прикрепленное население;
 - За посещение, обращение;
 - За медицинскую услугу;
 - За УЕТ (условная единица трудоемкости).
2. Помощь, оказанная в стационарах круглосуточного и дневного пребывания:
 - За законченный случай лечения в зависимости от длительности пребывания на профиле;
 - По медико-экономическому стандарту;
 - По клинико-статистической группе;

– За законченный случай лечения в зависимости от нозологии.

3. Скорая медицинская помощь:

– По подушевому нормативу за прикрепленное население;

– За вызов скорой помощи без дифференциации.

Третьей составляющей экономического фактора дифференциации региональных систем здравоохранения является степень развития конкурентных отношений между бюджетно-страховой, частной и ведомственными системами здравоохранения. Рост тарифов в системе ОМС, связанный с переходом на одноканальное финансирование, перевод части высокотехнологичной медицинской помощи и упрощенный вход в систему ОМС стимулировал рост заинтересованности в выполнении государственных заданий в рамках ТТПГ частными и ведомственными медицинскими организациями. Данное изменение структуры сети медицинских организаций, ведет к смещению финансового обеспечения из государственного здравоохранения в частный сектор.

В рамках существующих распределительных моделей финансов важную роль играют договорные отношения между медицинскими организациями, необходимость которых определяется неполной кадровой или ресурсной укомплектованностью медицинских организаций в соответствии со стандартами и порядками медицинской помощи. Степень их развития определяется детализацией и точностью планирования видов медицинской помощи. При недостаточно развитой системе планирования и учета обеспечение граждан определенными услугами «отдается на откуп» договорным взаимоотношениям между медицинскими организациями.

Таким образом, анализ финансового обеспечения, распределительного и перераспределительного финансового механизма в части используемых способов и комбинаций единиц оплаты медицинской помощи свидетельствует о том, что на данном этапе не существует единого эталонного способа оплаты медицинской помощи. Данное положение выводится из того, что любая система оплаты связана с распределением финансовых ресурсов во времени, по территории, видам и условиям медицинской помощи. Неоднородность территорий, существование различных комбинаций видов и условий медицинской помощи, сезонности заболеваемости, исторически сложившаяся сеть медицинских организаций, конкурентная среда – все это определяет формирование условий для развития в каждом субъекте неповторимой системы регионального здравоохранения.

На основании проведенного анализа, можно сделать вывод, что дифференциация региональных систем здравоохранения в разрезе экономических драйверов определяется:

– Степенью сбалансированности ТТПГ;

– Способами оплаты видов и условий оказания медицинской помощи;

– Степенью детализации применения единицы оплаты (масштабом планирования) и их комбинациями;

– Степенью контроля расходования статей тарифа на медицинскую помощь аппаратом управления;

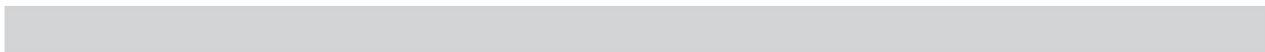
– Контролем качества страховыми медицинскими организациями;

– Степенью перераспределением ресурсов между государственным, частным и ведомственным секторами системы здравоохранения.

Список использованной литературы

1. Федеральный закон Российской Федерации от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».
2. Федеральный закон Российской Федерации от 29 ноября 2010 года № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации».
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 22 октября 2012 года о «Программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2013 год и на плановый период 2014 и 2015 годов».
4. Закон Санкт-Петербурга от 28.12.2012 № 739–125 «О Территориальной программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи в Санкт-Петербурге на 2013 год и на плановый период 2014 и 2015 годов».
5. Постановление Правительства Республики Карелия от 14 января 2013 года № 8–П «О Территориальной программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам Российской Федерации медицинской помощи в Республике Карелия на 2013 год и на плановый период 2014 и 2015 годов».

6. Постановление Правительства Республики Коми от 29 декабря 2012 года № 624 «Об утверждении территориальной программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам Российской Федерации медицинской помощи в Республике Коми на 2013 год и на плановый период 2014 и 2015 годов».
7. Постановление Администрации Псковской области от 29 декабря 2012 г. № 683 «Об утверждении территориальной программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам Российской Федерации медицинской помощи в Псковской области на 2013 год и на плановый период 2014 и 2015 годов»
8. Постановление Администрации Новгородской области от 15 марта 2013 года № 123 «Об утверждении территориальной программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2013 год и на плановый период 2014 и 2015 годов».
9. Постановление Администрации Мурманской области от 26 октября 2012 года № 531-ПП/14 «О территориальной программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на территории Мурманской области 2013–2015 годы».
10. Постановление Правительства Ленинградской области от 29 декабря 2012 г. № 461 « О территориальной программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи в Ленинградской области на 2013 и на плановый период 2014 и 2015 годов».
11. Постановление Правительства Калининградской области от 27 декабря 2012 г. № 1078 «О Программе государственных гарантий бесплатного оказания населению Калининградской области медицинской помощи на 2013 год и на плановый период 2014 и 2015 годов».
12. Постановление Законодательного собрания Вологодской области от 28 ноября 2012 года № 713 «Об утверждении территориальной программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на территории Вологодской области на 2013 год и на плановый период 2014 и 2015 годов».
13. Постановление Правительства Архангельской области от 12 октября 2012 года № 467-пп «Об утверждении территориальной программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи в Архангельской области на 2013 год и на плановый период 2014 и 2015 годов».

Научное издание

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

*Материалы Пятого Молодежного
экономического форума
14–15 ноября 2013 г.*

Статьи изданы в авторской редакции

Подписано в печать 29.09.2014. Формат 60x84 ¼
Бумага офсетная. Гарнитура «Times». Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 24,4. Усл. печ. л. 23,72. Тираж 300 экз.
Заказ № 234

Карельский научный центр РАН
Редакционно-издательский отдел
185003, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, 50